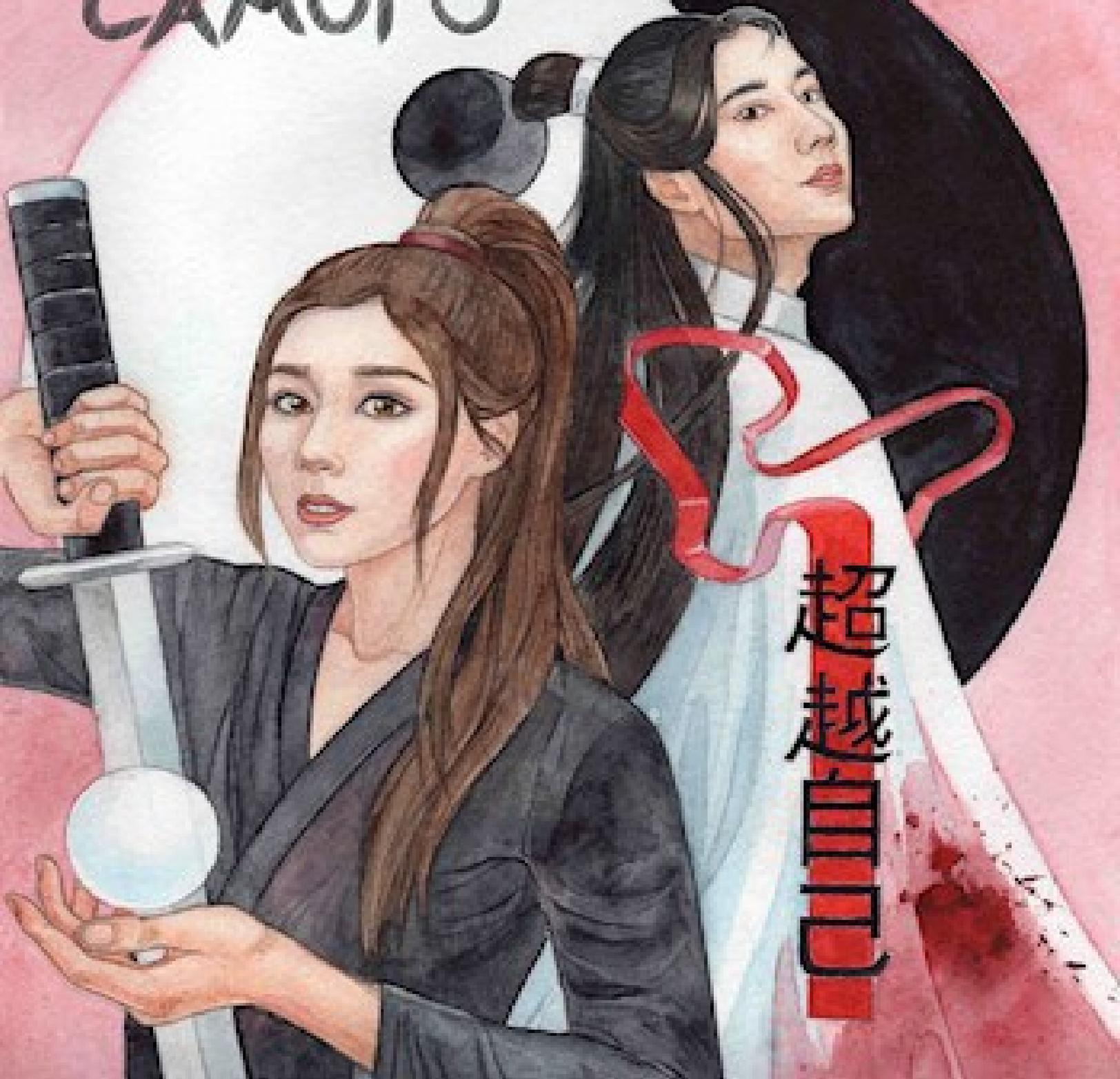

ЭЛЬЗА ФА

ПРЕВЗОЙТИ
СЕБЯ
САМОГО

超越自己

Annotation

Лу Цайхуа хочет освоить боевые искусства, чтобы защитить мир от демонов. Однако сделать это сложнее, чем кажется: вступив в ряды просветлённых, она быстро наживает врагов. И если бы не Чэньсин, странный юноша, к которому Лу Цайхуа испытывает неоднозначные чувства, она давно была бы мертва. Одна за другой всплывают страшные тайны, а забытое прошлое преследует её по пятам. В кипящем водовороте событий девушка выживет, если исправит чужие ошибки, примет чувства Чэньсина и сможет себя превзойти.

Жгучей болью сдавливало душу, от безысходности всё обрывалось внутри

Горячая кровь сочилась из раны, неторопливо расплываясь по ткани неровным пятном. Гонимые ветром снежные хлопья кружились в трагическом танце и, плавно оседая на теле мужчины, оборачивались мелкими каплями. Лёгкий румянец ещё не оставил лица, застывшего навечно с едва заметной улыбкой: печальной ли, восторженной — об этом теперь никто не узнает. Монашеское одеяние сливалось со снегом, и только алая кровь да тёмные пряди волос составляли яркий контраст с окружающим миром.

— Наставник!

Голос, дрожащий от слёз, был исполнен отчаяния. Упав на колени рядом с телом мужчины, мальчик кричал до тех пор, пока не зашёлся удушающим кашлем.

Жгучей болью сдавливало душу, от безысходности всё обрывалось внутри.

Верить в то, что его больше нет, ребёнок отказывался. Вот только обращённый рукоятью к небу меч по-прежнему пронзал грудь мужчины, знаменуя собой неизбежность.

Жизнь без наставника потеряет все краски, тепло его безмятежной улыбки уже никогда не согреет.

— Почему? — с надрывом прошептал ученик. — Почему?! — голос вновь сорвался на крик.

Тело ребёнка содрогнулось от беззвучных рыданий. Он кричал его имя снова и снова, пока не закончились слёзы. Казалось, вместе со смертью наставника из души безвозвратно ушло всё живое, весь свет, что он от него получил. Внутри осталась одна пустота. Холодная и равнодушная, она лишила желания жить.

Мальчик не замечал человека, всё это время стоявшего под ветвями заиндевевшего дерева. Даже когда тот вплотную подошёл к нему со спины, он не обратил на него никакого внимания.

Окутанный тёмной ци незнакомец по-родительски мягко коснулся макушки ребёнка, точно пытаясь утешить его, а затем вытащил меч из мёртвого тела.

Проведя пальцами по потускневшему лезвию, он растерянно замер.

Прошло не так много времени, прежде чем замешательство, вспыхнувшее в чёрных, как сама бездна, глазах сменилось нездоровым восторгом. Не приложив и капли усилий, он нашёл то, что могло изменить целый мир.

— Занятно, — губы сами собой растянулись в улыбке.

Забрав оружие с собой, человек скрылся под сенью зимнего леса. Следы, что остались после него на снегу, излучали ауру древнего зла.

Хотя мальчик знал, что это был демон, занявший человеческое тело, он не смог подняться в атаку. Теперь, когда нет смысла жить дальше, всё остальное не имеет значения.

Лао Тяньшу был убит его же мечом. Так пусть этот меч вовеки к нему не вернётся. Рядом с наставником ему больше не место.

Примечание автора:

Ци — энергия, которая наполняет Вселенную, и может быть светлой/духовной, нейтральной и тёмной/демонической (в контексте истории). Просветлённые, которые в

китайских новеллах обычно зовутся заклинателями (лучше всего, на самом деле, подходит английский перевод: Cultivator), преобразовывают ци в духовную, накапливают её, используют и, таким образом совершенствуются. Демоны же существуют за счёт тёмной ци.

天数 (Тяньшу) — предопределение.

Почему монашеские одеяния сливались со снегом? Ответ: потому что даосские монахи (китайские) носят белые одежды.

Дорогие читатели, для вашего удобства я сделала карту со справочной информацией по миру книги. Вы можете ознакомиться с ней в разделе «Доп. материалы» на главной странице книги. В карте указаны горы, названия школ, имена наставников и т. д. Надеюсь, с данным путеводителем вы сможете легко ориентироваться в именах и названиях, встречающихся в тексте.

Глава 1. Мягким светом озарилось лезвие изящного клинка, алым пламенем всколыхнулись одежды

Ночь подходила к концу, и на горные склоны вскоре опустилась предрассветная дымка. Безоблачное полотно небес, подсвеченное изнутри, напоминало пропитанный тушью бумажный фонарь: иссиня-чёрный, но едва заметно сияющий. Замедляя ход времени, меж высоких деревьев разливалось безмолвие, и ни одна живая душа не решалась нарушить этот хрупкий покой. Всё замерло в ожидании утра.

Вдруг раздался звон колокола. Оповестив о начале нового дня, он низким гулом отразился от горных вершин. Стая птиц взмыла в небо с пронзительным криком, но остальной мир не спешил пробуждаться.

Лу Цайхуа потянулась и, поудобней устроившись на ветви сосны, принялась наблюдать. Взору открывалась живописная долина. Среди хвойных деревьев редкой россыпью располагались жилые постройки. Прикреплённые к крышам фонарики, алые, как капли крови, окутывали их тёплым сиянием. Широкая лента реки с островком, омываемым её бурными водами, окаймляла тренировочное поле. В отдалении дышали величием горные пики. И это была малая часть территории школы Ли, где просветлённые изучали боевые искусства.

Это место было бесконечно дорого Лу Цайхуа. Около семи лет назад, впервые оказавшись в деревне у подножия горы Лунхушань, она даже не думала на неё подниматься. Однако, стоило узнать от наставника о расположенной на ней школе Ли, как ноги сами понесли её к выходу. Удержать Цайхуа от полуночных скитаний по горным склонам смогло обещание:

— Мы ходим туда утром все вместе.

Кивком головы наставник Чжуаньцзэ указал на Юньчи — названную сестру Цайхуа. Примостившись в углу нового дома, девчонка заснула, очевидно устав после их путешествия. Последнего, как надеялись Цайхуа и Юньчи: Лао Чжуаньцзэ уже слишком стар, чтобы продолжать своё странствие.

— Тогда расскажите мне об этой школе побольше. Пожалуйста.

Для убедительности девочка подёргала мужчину за полу халата и дала понять одним взглядом: пока он не утолит её любопытство, спать она не уйдёт.

Старый наставник вздохнул. Однажды он будет с этим ребёнком построже. Но не сейчас, когда Цайхуа в нём видит отца.

— Это одно из пяти самых лучших учреждений для просветлённых. В нём изучают боевые искусства и совершенствуются. А тех, кто достиг земного бессмертия, принимают в ряды клана Лунху. Его первый глава, Лунху Ли, основал эту школу и дал ей своё имя. Чуть позже в честь клана Лунху была названа и гора, рядом с которой мы теперь будем жить.

— Боевые искусства? — не дослушав, воскликнула девочка.

Одного упоминания о боевых искусствах было достаточно, чтобы вызвать у Лу Цайхуа бурю восторга. Чёткие, выверенные движения, внезапные атаки, способные нанести противнику немалый урон, и техники, основанные на использовании духовной энергии — этому она мечтала научиться с тех пор, как чувство беспомощности стало её верным спутником.

— Так просто в школу Ли не принимают, — прочитал её мысли наставник. — Глава

отбирает новых учеников только по результатам экзаменов в главной школе.

— И где эта главная школа? — расстроилась Лу Цайхуа. — Туда же можно попасть?

— Школа Чэнсянь находится на пике Тайшань — священной горы просветлённых. На моей памяти в Чэнсянь никогда не приглашали учиться желающих со стороны. Но кто знает, что будет дальше. Быть может, когда-нибудь ты туда попадёшь. Правда сперва тебе предстоит многому у меня научиться.

И Лу Цайхуа научилась — всему, чему была готова учиться. Теперь ей предстояло двигаться дальше самой. По счастливому стечению обстоятельств глава школы Чэнсянь недавно объявила о наборе учеников, и Цайхуа решила этим воспользоваться. Вступление в ряды просветлённых откроет перед ней целый спектр возможностей, одна из которых позволит вернуться на Лунхушань. Несмотря ни на что Цайхуа станет воином, который очистит весь мир от древнего зла.

Через несколько дней просветлённая доберётся до подножия горы Тайшань и примет участие во вступительном испытании. Но то будет потом, а сейчас Цайхуа позволит себе насладиться последними часами пребывания у стен школы Ли, тайны которой она однажды раскроет.

Вскоре долина наполнилась криками, и девушка с интересом вгляделась в толпу. Небольшими группами просветлённые направлялись к реке, змейкой огибали семиярусную пагоду и выстраивались на площадке рядами. Время от времени среди учеников затевались шуточные драки, сопровождаемые взрывами смеха, но стоило пройти мимо них кому-либо из старших, как озорство мгновенно сходило на нет.

Девушка вздохнула, сожалея об упущенном времени. Кто знает, каких высот она бы достигла, обучаясь здесь с малых лет. Наверняка Цайхуа бы умела летать на мече и управлять им одной силой мысли, в совершенстве овладела бы навыками ведения боя и, быть может, даже секретными техниками клана Лунху.

Размышления девушки вдруг прервал силуэт, тенью отделившийся от островка на реке. Стремительно набрав высоту, он на миг замер в воздухе. Мягким светом озарилось лезвие изящного клинка, алым пламенем всколыхнулись одежды. Цайхуа не успела моргнуть, как просветлённый исчез, точно его здесь и не было. Растворился вместе с утренней дымкой, оставив в памяти серебристый отблеск волос.

Незнакомец являлся бессмертным. Об этом можно было судить по его полубожественной ауре, которую девушка не могла не заметить.

Земные бессмертные славились своей неувядающей юностью. Определить их возраст представлялось возможным только по цвету волос. И если они были белыми, значит бессмертный провёл в борьбе с наступающей тьмой по меньшей мере столетие. Вместо того, чтобы уединиться в горах и готовиться к вознесению в Небесное царство, он избрал путь земной суеты, и лишь для того, чтобы не дать злу победить.

Рано или поздно каждому просветлённому предстоит сделать выбор: отгородившись от страстей и страданий, возвыситься над миром смертных, либо отдаться ему целиком и защищать до последнего вдоха. Теми, кто выбрал второе, Лу Цайхуа восхищалась всем сердцем.

На горизонте забрезжил рассвет и небо перед глазами заиграло оттенками робкого утра, когда Цайхуа уловила шелест шагов. Кто-то медленно к ней приближался. Судя по всему, их было двое.

Девушка бросила настороженный взгляд в сторону ворот школы Ли. Младшие ученики,

отчаянно зевая, по-прежнему стояли на дежурстве, а это значило, что в лесу, кроме них, есть кто-то ещё.

По-хорошему, сейчас ей нужно бесшумно спуститься и, не привлекая внимания ненужных людей, вернуться в своё поселение. И только Цайхуа собралась это сделать, как прямо под ней, словно оправдывая все её страхи, остановились две фигуры.

По краю алых одежд, в которые был облачён рослый мужчина, извивался золотистый дракон. Подобный узор вышивался лишь на одеждах главы школы Ли, но и без него девушка легко узнала этого просветлённого. Пару лет назад, разгневанный её назойливым желанием попасть сюда, он запретил Цайхуа приближаться к горе Лунхушань и в буквальном смысле вышвырнул её за ворота.

Вторую же фигуру скрывал чёрный, изрядно потрёпанный плащ, однако по голосу можно было понять, что спутником главы школы является женщина.

Лу Цайхуа затаила дыхание. Если её обнаружат, хорошим это не кончится. Вжимаясь в ствол дерева, словно в попытке слиться с ним в одно целое, девушка невольно прислушалась к разговору. Однако разобрать получилось не более, чем жалкие обрывки фраз:

— Может, стоит начать... пока не так много...

— ...подождём ещё... всё успокоится... с новыми разберёмся потом, — незнакомка в плаще протянула руку к мужчине, очевидно намереваясь похлопать его по плечу, но в тот же момент передумала и, развернувшись, быстро направилась к воротам.

Девушка с облегчением выдохнула и принялась ждать, пока эти двое отойдут как можно дальше. В том, что таинственная женщина — просветлённая, Цайхуа сомневалась. По её поведению не трудно было догадаться о их с главой Ли давнем знакомстве. Однако по одним отношениям с ним нельзя было судить об уровне женщины. К тому же, Лу Цайхуа кожей ощущала исходившую от неё угрозу. Интересно, кого привёл с собой глава школы?

Когда спутники добрались до ворот, Цайхуа расслабилась окончательно. Младшие просветлённые учтиво поклонились главе, пропуская его вместе с женщиной на территорию школы, а на тренировочном поле, тем временем, развернулось сражение.

Едва закончив разминку, ученики обнажили мечи и ринулись в бой. Они атаковали всех подряд без разбора, не сговариваясь, обрушивали сотни быстрых и точных ударов на одного человека, и, стоило тому признать поражение, тут же обращали клинки друг против друга. Кроме будоражащего лязга оружия да редких голосов, отчаянно молящих о пощаде, из долины более не доносилось ни звука. Суть битвы была предельно ясна: продержаться в бою до последнего и выйти из него единственным победителем.

Цайхуа с сожалением оторвалась от созерцания битвы. Остаться здесь после наступления утра было небезопасно. Более того, прежде, чем отправиться в путь до школы Чэнсянь, она планировала выспаться.

Так повелось, что с детства Лу Цайхуа вела ночной образ жизни.

Её старый наставник, помимо воспитания двух маленьких девочек, промышлял ловлей нечисти, являвшей себя при свете звёзд и луны. В то время, когда они жили в тысячах ли от любой из пяти священных гор просветлённых, Лао Чжуаньцзэ каждую ночь истреблял не менее десятка демонов. На большее же у него, зачастую, просто не хватало сил.

Цайхуа долгое время умоляла наставника взять её с собой на такую охоту и, в конце концов, тот согласился. В то время как её названная сестрица Юньчжи видела уже десятый сон, девочка гордо восседала на спине пожилого учителя и выслеживала очередное порождение зла. А стоило тому появиться, было достаточно взмаха меча, и рассечённое

пополам существо с неистовым криком растворялось во мраке. Так и пролетело всё детство Лу Цайхуа.

Просветлённая с наслаждением вдохнула запах смолы, навевающий воспоминания о проведённом здесь времени, в последний раз провела рукой по коре старого дерева и, мысленно попрощавшись со школой Ли, соскочила на нижнюю ветку.

Внезапно раздавшееся над ухом шипение заставило её замереть. В тот же миг что-то мягкое и тяжёлое приземлилось ей прямо на голову и закрыло обзор. Потеряв равновесие, девушка неловко взмахнула руками и сорвалась вниз, где больно ударилась о выступающие корни сосны.

Такого развития событий она не ждала, а потому начала страшно злиться. И какой демон при свете дня осмелился пробраться на священную гору?

Сев, Лу Цайхуа по привычке схватилась за ножны, готовая биться с врагом, однако увиденное заставило её растеряться. На коленях девушки примостился довольно упитанный кот. Неуклюжее животное необычного трёхцветного окраса даже не смотрело в её сторону и лениво подёргивало из стороны в сторону толстым хвостом. Сбитая с толку, она невольно коснулась его густой шерсти и, услышав равнодушное «мяу», наконец-то пришла в себя.

Совсем рядом раздались грозные возгласы младших учеников школы Ли, которых, похоже, привлёк шум от падения девушки. Оттолкнув кота в сторону, Цайхуа вскочила на ноги и, не разбирая дороги, помчалась вперёд.

Плохо! Позволить себя окружить — всё равно, что добровольно пойти на верную смерть. Даже если окажется, что на пути совершенствования она опережает преследователей, из боя ей точно не выйти с победой. В конце концов, они с детства изучают боевые искусства.

Единственным, в чём Цайхуа могла быть на равных с младшими просветлёнными из школы Ли, — выносливое тело, чутко реагирующее на опасности внешнего мира. Вот и теперь, с неистово колотящимся от волнения сердцем, она успела увернуться от внезапной атаки.

Спасибо наставнику за тренировки! Пусть они были невыносимыми, сейчас это спасло её жизнь: всего в паре цуней от Цайхуа на бешеной скорости просвистел меч. Оставив за собой искрящийся духовной энергией след, он с глухим звоном вонзился в ствол дерева.

Обладатель оружия не заставил себя долго ждать. Юноша, на вид лет шестнадцати, преградил девушке путь.

— Ты!

Настороженный взгляд тёмных глаз, казалось, мог уловить малейшее колебание воздуха с её стороны. Призвав меч, юноша с холодной решимостью направил его на Цайхуа. Даже в столь плачевной обстановке девушка нашла повод для ироничной усмешки. Несколько мгновений назад она могла быть убита, а сейчас ей предлагают вступить в честный бой. Правда обнажать меч в ответ просто бессмысленно. По сиянию духовного оружия ученика школы Ли легко догадаться, что оно разобьёт её клинок на осколки.

Не отыскав другого решения, Цайхуа сложила руки в приветственном жесте и постаралась говорить как можно спокойнее:

— Разойдемся с миром, мои помыслы чисты.

— ...

Молчание длилось недолго, и возмущённый до глубины души юноша разразился тирадой:

— Раз помыслы твои чисты, зачем убегаешь, как грязный вор?!

Девушка мысленно прикрыла ладонью лицо. Она и сама понимала, что её слова звучали нелепо. Но всё же это было лучше, чем молча ждать неизвестности.

— Это та девчонка, которую прогнал наш глава! — раздался ещё один голос.

Второй юноша бросился в атаку также внезапно, как и появился.

— Ясно же сказали, тебя здесь быть не должно!

Цайхуа ловко увернулась от выпада и, не сдержавшись, едко спросила:

— А что, я кому-то мешаю?

Драться так драться. Пусть победить не получится, она покажет им всё, чему научилась за годы своего обучения у наставника Чжуаньцзэ.

— Не признаешься, что задумала, не вини нас в жестокости!

Лу Цайхуа не была уверена в том, что обладала куда большим запасом духовной энергии, чем ученики школы Ли. Однако сейчас, в столь критической для неё ситуации, она не могла не позволить себе израсходовать её часть на защиту.

Сосредоточившись на циркуляции ци, она направила её потоки в конечности и вовремя подпрыгнула вверх, тем самым избежав двойной атаки просветлённых.

Завязалась серьёзная драка. Цайхуа едва успевала уклоняться от рубящих взмахов мечей, что и говорить о том, чтобы вновь попытаться бежать. Просветлённые полностью оправдали репутацию школы: когда дело дошло до применения особенных техник, девушка с горечью осознала, что переоценила себя.

Один из парней, очевидно, устал размахивать оружием без результата. Сложив пальцы в печать, он нанёс Цайхуа несколько быстрых и очень сильных ударов.

Из лёгких будто выбили воздух. Закашлявшись, девушка запоздало почувствовала, как меч второго юноши летит на неё со спины. Неужели они и впрямь решили убить её?

Цайхуа обессиленно прикрыла глаза. Досадно.

Резкий металлический звон вдруг заполнил собой всю округу, ветром пронёсся по кронам деревьев.

Цайхуа обернулась. Отбившее атаку оружие излучало сияние и, словно преисполненное гордостью за совершённый подвиг, медленно плыло в пространстве к своему владельцу. Тихо звякнув, меч сам вернулся в ножны молодого мужчины, чьи алые одежды трепетали на воздухе.

Лёгким взмахом руки просветлённый откинул упавшие на лицо серебристые волосы и неожиданно тепло улыбнулся.

Примечание автора:

路 (Лу) — дорога.

才华 (Цайхуа) — талант.

力 (Ли) — физическая сила; перевод названия школы.

龙虎山 (Лунхушань) — реальная китайская гора; в повествовании все горы будут внешне отличаться от существующих на самом деле. Общими будут только название и расположение. Кстати, 龙 (лун) — это дракон, 虎 (ху) — тигр, а 山 (шань) — гора.

Как китаист отмечу, что писать «гора Лунхушань» несколько некорректно, поскольку в названии «Лунхушань» слог «шань» уже переводится как «гора». Таким образом, «гора Лунхушань» дословно звучит как «гора Лунхушань гора». Однако, чтобы читатели, (особенно первое время), не гадали, что такое Лунхушань, Тайшань и прочее, я указываю, что это именно горы.

专责 (Чжуаньцэ) — особая ответственность.

成仙 (Чэнсянь) — становится бессмертным.

泰山 (Тайшань) — одна из пяти священных гор даосизма.

Глава 2. Дорога жизни будет полна всевозможных преград, и только путь домой останется открытым навсегда

Просветлённый в алых одеждах выглядел отстранённым. Казалось, он путешествовал в глубинах собственной памяти, заново проживая дорогие сердцу моменты. Тепло светлых чувств читалось во взгляде, с молодого лица не сходила улыбка.

Стоило ему появиться, и Лу Цайхуа, пропустив через себя волны его особенной ауры, мгновенно расслабилась. В душе заискрилась щемящая радость, как если бы после долгой разлуки она встретила вновь с близким другом.

Это был тот самый бессмертный, покинувший на рассвете речной островок.

Рядом с ним девушка ощущала себя в безопасности, чего нельзя было сказать о младших учениках школы Ли. Не на шутку взволнованные, они начали было оправдываться, однако мужчина бесцеремонно прервал их:

— Где вы видели, чтобы просветлённые убивали друг друга? Похоже, ваш наставник не дал вам достойного воспитания.

Хотя голос бессмертного, подобный спокойным водам реки, лился уверенно и успокаивающе, на учеников школы Ли он оказал иное воздействие. Неуважительное упоминание их общего наставника задело юношей за живое, и оба чуть не задохнулись от возмущения.

Охваченные пламенем гнева просветлённые напрочь забыли об уважении. А осознание, что бессмертный, помимо чтения уничижительных нравоучений, не собирается ничего с ними делать, окончательно развязало им руки. Младший из юношей пренебрежительно фыркнул и, запрыгнув на меч, улетел в то же мгновение. Старший же, во избежание потери лица, сдержанно отчеканил:

— Благодарю учителя Лунху Чжао за наставление. Может ли ученик вернуться к исполнению своих обязанностей?

Так и не дождавшись ответа, он раздражённо взмахнул рукавами. Молнией блеснуло лезвие меча, и силуэт просветлённого затерялся в прохладной лесной глубине.

Лу Цайхуа растерялась. Со столь непочтительным отношением к старшему, с учётом того, что тот являлся бессмертным из клана Лунху, она столкнулась впервые. Неужели в школе Ли и правда закрывают глаза на воспитание?

Размышления девушки прервал мягкий голос:

— А ты, смотрю, всё также плох в бою. А что меч? Почему не защищает тебя?

Поймав на себе полный искреннего сожаления взгляд Лунху Чжао, просветлённая непонимающе нахмурилась.

— Вы это мне?

День постепенно обрастал новыми странностями. Сбитая с толку Лу Цайхуа едва успела сделать шаг назад, когда сереброволосый бессмертный ни с того ни с сего решил подойти к ней вплотную.

— Чёрный тебе, однако, к лицу, — неожиданно хлопнул её по плечу Лунху Чжао. — И ты ни капли не вырос, мой мальчик! Я бы сказал, помолодел даже.

— Что? — ошеломлённо выдохнула девушка.

Мужчина, тем временем, озадаченно покачал головой и, что-то бормоча себе под нос, начал торопливо ходить от дерева к дереву.

Лучи утреннего солнца проливались на землю благодатным теплом. Пробиваясь сквозь кроны деревьев, они оставляли кружево света везде, куда могли дотянуться. Негромкое журчание ручья гармонично сплеталось с птичьими трелями, и лишь мужской голос выбивался из песни природы.

— Одиннадцать, восемнадцать... или двадцать? — Лунху Чжао застыл.

На мужчину будто снизошло озарение. Глаза его округлились, и он, едва слышно ахнув, воздел руки к небу. Всколыхнулись воздушные рукава одеяний, на лице застыла восторженная полуулыбка. Он вёл себя так, словно... «Помутился рассудком!» — заключила Лу Цайхуа.

— Двадцать три! Как я мог забыть?

Алой тенью метнувшись к сосне, бессмертный с боем отодрал от неё шипящего зверя. Это был тот самый трёхцветный упитанный кот, с появлением которого и начались злключения девушки.

— Его-то я и искал, — объяснил Лунху Чжао и обратился к коту, — Двадцать три, ты такой непослушный.

Лу Цайхуа тихо вздохнула. Неожиданно навалилась усталость, и мир перед глазами предстал в неестественно ярких цветах. Конечности, налитые тяжестью, захлестнуло ломящей болью: не сказать чтобы сильной, но весьма ощутимой для того, чтобы захотелось как можно скорее оказаться в кровати. Девушка с трудом подавила зевоту. Огонь любопытства погас, и холодная волна безразличия заполнила разум. Надо скорее добраться до дома.

— Благодарю почтенного мастера за спасение, — Цайхуа отвесила глубокий поклон.

Бессмертный в ответ недоумённо вскинул брови:

— К чему все эти церемонии? Кстати о церемониях: на днях ученик принёс мне изумительный чай. Заходи, как будет время. Вместе им насладимся. Заодно с Чэньсином познакомишься.

Мужчина ей подмигнул и тут же бесследно исчез, растворившись в шёпоте встрепенувшихся листьев. Поднявшийся ветер растревожил и мысли Лу Цайхуа. Отчего-то ей показалось, что в глубинах души просветлённого затаилась глубокая, как звёздное небо, печаль.

Тёплый пар поднимался от крыш деревенских домов, и небо над ними, без единого облачка, постепенно утрачивало утреннюю нежность оттенков. Поселение, в котором жила просветлённая, хотя и считалось деревней, по размерам походило на небольшой городок. Однако в сравнении с другими населёнными пунктами, расположенными у горы Лунхушань, оно неизбежно казалось скромным и маленьким.

Чисто выметенные улицы хорошо просматривались с южного склона горы. Отсюда же можно было услышать и звуки суона, которые в последнее время часто раздавались в деревне. И сейчас, вновь настигнув Лу Цайхуа, они заставили её содрогнуться.

Опять кто-то умер. Столкнувшись с похоронной процессией девушка не хотела. И до тех пор, пока на главную дорогу не вынесли покойника, у неё был шанс избежать нежелательной встречи. Но запрыгнуть на меч и добраться до дома за считанные мгновения она не могла. И дело было не в мече, а в самой Цайхуа.

Даже поднявшись на вторую ступень совершенствования, она не смогла установить с

ним особую связь. Сколько девушка ни пыталась пропустить свою ци через металл, всё было тщетно. Духовное оружие, созданное для массового уничтожения тьмы, в руках Цайхуа теряло прежнюю мощь и становилось обыкновенным мечом. Одним из сотен и тысяч, которые пылились в оружейных лавках без дела лишь потому, что не были способны навредить даже мелкой нечисти. Чего и говорить об использовании их для других целей.

Лу Цайхуа уже много лет горела желанием разобраться в проблеме. Увы, наставник Чжуаньцзэ так и не смог помочь ей овладеть духовным оружием, поэтому за советом она отправится в школу Чэнсянь.

К моменту, когда Цайхуа сбежала со склона, толпа людей в белом, непрерывно рыдая и охая, выплеснулась за ворота. Сопровождаемые шлейфом разбрасываемых жертвенных денег люди медленно двигались по направлению к кладбищу.

Девушка старалась на них не смотреть. С темой смерти её связывали сложные отношения, и каждый раз, когда Цайхуа доводилось столкнуться с ней напрямую, в душе её поднимался протест. Слишком больно было думать о том, что однажды она потеряет самых близких на свете людей.

Несмотря на то, что похоронная процессия осталась далеко позади, щемящее душу звучание суона по-прежнему гуляло по улицам, распугивая и без того редких прохожих. Источник звука сразу бросался в глаза. Старика, облачённого в траур и сидящего в центре дороги, казалось, ничто не заботило. Никого не замечая вокруг, он самозабвенно играл на инструменте одну и ту же мелодию. Кто он и откуда, девушка не знала и выяснять не хотела, а потому лишь ускорила шаг. До дома оставалось всего ничего. Скоро она отдохнёт от столь богатого на события дня.

Когда Цайхуа прошла мимо незнакомого старика, звуки суона неожиданно стихли. А затем кто-то потянул её за рукав.

— Смерть твою вижу, молодой господин, — раздался над ухом вкрадчивый голос.

Лу Цайхуа отшатнулась. Глаза старика, подёрнутые дымкой безумия, казалось, глядели в самую душу. Ощущая, как внутри всё немеет от холода, девушка попыталась выдернуть рукав из его рук. Вот только узловатые пальцы, крепко схватившись за ткань, вовсе не спешили её отпустить.

— Причина же смерти — те, кого любишь.

Стоило прозвучать этой фразе, как Лу Цайхуа окончательно утратила самообладание — видимо, сказала усталость. Но на сей раз не страх поглотил её душу. Вспышка гнева затмила сознание, обжигающе горячей волной пронеслась по духовным каналам. Старый дурак, ещё смеет говорить ей такое!

— Чушь! — Цайхуа наконец оттолкнула его. — Ты даже от парня не смог меня отличить, а уже на будущее замахнулся. Не получишь от меня ни капли энергии!

В окрестностях горы Лунхушань за последние несколько лет стало беспокойно. Просветлённые из школы Ли всё реже навевались в поселения, а потому нечисть начала заметно наглеть. Проникая в жилые дома, демоны пакостили, подпитываясь негативной ци жертв, и даже захватывали души слабых и лишённых воли людей. Вот и сейчас девушка была уверена в том, что перед ней стоит одержимый. Но если он таковым не являлся, его разум определённо подвергся воздействию тёмной энергии.

Низшие демоны в простонародье звались паразитами. Выбрав жертву, они превращали её жизнь в настоящий кошмар, и, стоило той попасться на крючок: разозлиться, исполниться ненавистью, поддаться низменным соблазнам или отчаяться — как довольная нечисть уже

поглощала их ци.

Кроме просветлённых никто не мог видеть демонов, выходцев из Мрачного чертога. Но если им удавалось поселиться в человеческом теле и даже полностью его подчинить, с ходу это понять удавалось только опытным мастерам, достигшим в совершенствовании не иначе как уровня земного бессмертия. Исключения составляли лишь случаи, когда в человеке скрывался древнейший из демонов. Окружённый ореолом тёмной энергии, он оставлял её след везде, к чему прикасался, и тогда даже у начинающих просветлённых не возникало сомнений, с кем именно они имеют дело.

В случае с обезумевшим стариком Цайхуа могла руководствоваться только догадками. Однако, независимо от того, как на самом деле обстояли дела, ей следовало проявлять осторожность. Достав из-за пазухи защитный талисман, она окутала его светлой энергией и бросила в сумасшедшего.

Тот лишь тихонько хихикнул и, чуть не выронив из рук свой музыкальный инструмент, поспешно увернулся от жёлтого прямоугольника бумаги.

— Здесь все умрут! Все! Все! Все! — хриплый смех разнёсся по окрестностям, и старик, развив огромную скорость, унёсся восвояси.

Девушка стиснула зубы. Чтобы достигнуть третьей ступени совершенствования, ей нужно научиться держать себя в руках. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Цайхуа сконцентрировалась на своих духовных каналах и, после того как циркуляция ци в них стала размеренной, продолжила путь.

Краешки губ зацепила усмешка. Всё-таки забавно, когда люди принимают тебя за мужчину. Согласно общепринятым меркам, Цайхуа была вполне симпатичной: в меру высокой, с приятными и немного наивными чертами лица. Сомневаться в том, что она является девушкой, по меньшей мере было бы странно. Однако, время от времени, просветлённая сталкивалась с обладателями безукоризненной логики. Только завидев её, облачённую в мужские одежды, они принимали её за хрупкого юношу и, твёрдо уверенные в своей правоте, обращались с ней соответственно. Впрочем, такие ситуации её ничуть не смущали. Важно было лишь то, что в своих одеяниях она ощущала себя уверенно и свободно.

Лу Цайхуа постаралась аккуратно прикрыть дверь за собой и тут же молча прокляла её: жалобно скрипнув, та вдребезги разбила тишину, по обыкновению блуждавшую утром в их маленьком доме. Попытка незаметно проскользнуть в свою комнату обернулась полным провалом, а это значило, что сон придётся отложить.

— Бесстыжая, — раздалось холодное замечание.

Девушка коротко вздохнула и неторопливо прошла в помещение, из которого донёсся голос Юньчжи.

Этот дом — её уютная пристань. Переступишь порог, и сердце до краёв заполнит собой безмятежность. Девушка верила: куда бы ни отвезла её юркая лодчонка судьбы, она всегда сможет вернуться. Дорога жизни будет полна всевозможных преград, и только путь домой останется открытым навсегда.

С улыбкой плюхнувшись на пол, Цайхуа окинула сестру тёплым взглядом. Они не являлись родными, но, не считая наставника, у неё больше не было столь близких людей. Маленький мир Цайхуа замыкался на Юньчжи и наставнике, и покидать их она не хотела. Однако интуиция смутно подсказывала: пора уходить. Здесь она получила всё, что могла, и продолжать развиваться ей следовало теперь в кругу просветлённых.

Струющийся в окно солнечный свет мягко очерчивал лик юной девы, что сидела за столом с идеально ровной спиной. По деревянной поверхности были аккуратно разложены стопки талисманов, под изящными движениями кисти продолжали рождаться новые знаки.

Светлое платье из грубой холстины лишь оттеняло красоту девушки. Вот только красота эта была холодной, как лёд. В морозном взгляде Юньчи отражались стойкость и мужество, и аура огромной внутренней силы исходила волнами от её хрупкого тела. При желании она могла бы легко стать просветлённой. В прочем, называть её *простой* девушкой язык не поворачивался. Юньчи избрала свой жизненный путь и совершенствовалась также по своему. Кисть, бумага и тушь были её верными спутниками, и, посвятив всю себя каллиграфии, она ни в чём другом не нуждалась.

— Соскучилась что ли? — Цайхуа невинно хлопнула ресницами. — Ах, да, я же скоро уйду. Конечно ты хочешь подольше побыть со мной.

Отказать себе в удовольствии подразнить названную сестрицу Лу Цайхуа не могла. И, хотя та не велась на её провокации, один единственный раз ей всё же удалось вывести Юньчи из себя.

Это было очень давно. В тот вечер они были заперты в крошечной хижине, уютившейся во мраке дремучего леса, и ждали, когда вернётся наставник. Не обращая друг на друга внимания, девочки занималась своими делами: Юньчи усердно выводила на дощечках иероглифы, Цайхуа же подкидывала одиннадцать шишек и старалась поймать их все разом. Объединяло девочек в этот момент лишь напряжение, отражавшееся в каждом их действии. Несмотря на приближение ночи, наставник не возвращался, а потому смутные страхи потихоньку начинали наводнять их сердца.

Случайно ли, а может и нет, но одна крупная шишка, описав кривую дугу, угодила Юньчи прямо в глаз. Девчонка растерялась лишь на мгновение, а после, исполненная праведного гнева, от всей души поколотила Лу Цайхуа. Успокоилась она только через несколько дней, когда наставник Чжуаньцзэ, не терпя возражений, заставил их помириться.

Не отрываясь от работы, Юньчи закатила глаза:

— До тебя мне нет дела, а вот учитель беспокоится.

— Как он? — в миг посерьёзнела Лу Цайхуа.

Здоровье Лао Чжуаньцзэ ухудшалось. Не помогало даже снадобье, приобретённое у лучших лекарей из школы Чунгао. Обе девушки старались не поддаваться волнению, однако день изо дня тревога в их душах только росла.

— Так и не вышел из комнаты. Занесла ему утром кашу, а он прошлый ужин не трогал, — Юньчи чуть нахмурилась, и едва заметная складка пролегла меж тонких бровей. — На тебя сердится. Сказал, если ты и дальше продолжишь ночами где попало болтаться, бессмертия тебе не видать. Так и помрёшь в малолетстве.

— Это в каком ещё малолетстве? — не удержалась от возмущения девушка. — Не мог он так сказать!

Юньчи лукаво усмехнулась:

— Иди к наставнику, он желает видеть тебя.

Примечания автора:

照 (Чжао) — блистать, сиять, сверкать. Клановая фамилия Лунху, которую носит просветлённый Чжао, говорит о том, что он связан с кланом либо родством, либо был в него принят за особые достижения. То же самое и с остальными клановыми фамилиями, например — Лао, Тай и т. д. Поэтому наличие у героев одной и той же фамилии ещё не

значит, что они родственники.

韵致 (Юньчжи) — изящество, природное обаяние.

崇高 (Чунгао) — возвышенный, благородный; знакомимся с названием новой школы.

Глава 3. Однажды обязательно наступит момент, когда ты отчаешься

Лао Чжуаньцзэ всегда удавалось выражать свои чувства без лишних слов. Вот и сегодня, одним только исполненным отеческой нежности взглядом, старый наставник дал ученице понять, как много она для него значит. Будь на то его воля, Чжуаньцзэ провёл бы свои последние дни в окружении близких людей. Но одна из двух девочек, которых он встретил на пустынной дороге больше десяти лет назад, неизбежно оперилась и покидала родное гнездо. Когда соберётся уйти и вторая, лишь вопрос времени.

Не появившись они в его жизни, Чжуаньцзэ не оправился бы от потери любимой и сына. Долгие годы он бесцельно блуждал во мраке отчаяния, пока тот не рассеялся в свете улыбок Цайхуа и Юньчи. Не испытав счастья отцовства, просветлённый нашёл новый смысл в наставничестве, что принесло в его душу покой.

Он воспитал стойких и самостоятельных девушек. И как бы сильно Лао Чжуаньцзэ ни противился, ему нужно было их отпустить. Своё предназначение он уже выполнил.

подавив очередной приступ кашля, просветлённый наконец обратился к своей ученице:

— Цайхуа, ты всё ещё помнишь, почему я дал тебе это имя?

— Потому что возлагаете на меня большие надежды?

Просветлённый кивнул, и уголки его губ приподнялись в грустной улыбке.

— С такими способностями, как у тебя, можно было давно подняться на третью ступень совершенствования. Но в мечтах о призрачном будущем ты забыла о настоящем. Представь, чего бы ты добилась, если бы тренировалась, а не бегала по ночам к школе Ли.

— Но, наставник! — возразила девушка. — Вы дали мне всё, что могли. Улучшить свои навыки я смогу только в школе!

Лао Чжуаньцзэ рассмеялся:

— Внутреннее совершенство зависит от тебя одной. Надеюсь, ты осознаешь это как можно скорее.

Погружённая в размышления Лу Цайхуа не сразу заметила, как в покои наставника заглянула Юньчи. С его позволения она разлила чай по глиняным чашкам и, оставив на столе флакончик с лекарством, уведомила наставника:

— Учитель, все талисманы готовы.

Лао Чжуаньцзэ погладил рукой белоснежную бороду и, прикинув что-то в уме, отозвался:

— Хорошо. Одну половину отдай Цайхуа, вторую отнеси в лавку.

Лицо Юньчи изменилось. Заледеневший взгляд выражал недовольство, от неестественной улыбки повеяло стужей. Очевидно, идея отдать добрую часть талисманов Лу Цайхуа ей не понравилась. Ещё бы, на их изготовление она потратила месяц, а теперь её труд пропадёт почти даром! Девушка знала свою названную сестрицу достаточно, чтобы не сомневаться: талисманы она растеряет, либо напрасно потратит в тех ситуациях, где можно обойтись и без них.

Тем не менее, Юньчи не стала спорить с наставником. Учтиво поклонившись, она вышла из комнаты.

Аромат чайных листьев, что постепенно заполнял помещение, отозвался в душе Цайхуа лёгкой печалью. Она будет скучать. По круглому резному окну, ширме с изображённым на

ней пейзажем, по улыбке наставника и строгому нраву Юньчжи.

Хотя новая жизнь всегда привлекала Лу Цайхуа, покидать ради неё дорогих сердцу людей оказалось непросто. Вместе с уходом из дома она лишится опоры. И, как бы ни было тяжело, Цайхуа не найдёт тёплый приют в объятиях сестры и учителя.

К глазам подступили невольные слёзы, когда Лао Чжуаньцзэ дал ей последнее своё наставление:

— Однажды обязательно наступит момент, когда ты отчаешься. Покажется, что ни с чем тебе больше не справишься, и силы покинут тебя. И только сумев себя превзойти ты сможешь двигаться дальше. Помни об этом.

Небо налилось свинцовой тяжестью, и на землю упали первые капли дождя. Яркая вспышка прорезала тучи, следом за ней раздался оглушительный грохот. Оценив немую угрозу небес, всё живое схоронилось в домах, и только одинокая странница продолжала свой путь. В момент, когда небеса вновь содрогнулись, на землю стеной обрушился ливень.

Укрыться от непогоды не представлялось возможным: вокруг простирались холмы, покрытые одной вялой травой да редкими островками кустарника. А потому Лу Цайхуа, дрожащей от холода и обессиленной, оставалось лишь идти вперёд.

Дорога под ногами раскисла и на каждый шаг девушки отзывалась издевательским хлюпаньем. Неловко поскользнувшись, Цайхуа едва удержалась от рвущихся наружу ругательств, которых успела набраться от простого народа. И хотя она избежала падения в гадкую жижу, настроение по-прежнему было прескверным.

За неделю своих злоключений Цайхуа в полной мере прочувствовала силу наступающей тьмы. Города и деревни кишели её порождениями — начиная от паразитов и заканчивая высшими демонами. И о количестве их злодеяний можно было только догадываться.

Иссушенное поле души горело праведным гневом. И его жаркий огонь заставлял погружаться всё глубже в воспоминания о недавних событиях, когда к полудню этого дня Цайхуа наведальась в глухую деревню.

Стоило взглянуть на невзрачные домики, и тоска камнем ложилась на сердце. Тёмная ци вьелась в их обветшалые стены, пылью легла на почерневшие от времени крыши. Не страшась дневного света, стайка уродливых демонических сгустков гоняла перепуганных кур, чьё квохтанье разносил по нечищеным улицам порывистый ветер.

Мелкие демоны не успели вовремя скрыться, когда просветлённая пустила в полёт талисманы. Вспыхнули холодным светом особые знаки, и нечисть с отчаянным воплем рассеялась. Исполнив свой долг, Цайхуа удовлетворённо вздохнула, однако радость от победы над злом длилась недолго.

Приглядевшись, она обнаружила следы жестокой борьбы. Ограждения, местами поломанные, были усеяны брызгами крови, в пожелтевшей траве валялись древки орудий труда и ножи. Что-то ужасное случилось в деревне, и чем дольше Лу Цайхуа размышляла об этом, тем тревожнее становилось на сердце.

Она пришла сюда, чтобы попросить местных жителей её накормить. Вот только теперь почти не оставалось сомнений, что обратиться за помощью ей будет не к кому.

И всё же Лу Цайхуа не могла так просто уйти. Выбрав один из наименее обветшалых домов, она принялась стучать в дверь. Девушка не рассчитывала, что ей кто-то ответит, однако через мгновение из дома донёсся рассерженный возглас:

— Что надо?

— Прошу меня извинить, — вежливо начала просветлённая. — Не найдётся ли у вас ложка каши для голодной странницы?

В ожидании ответа Цайхуа принялась внимательно изучать дверное покрытие. И хотя ничего подозрительного она не заметила, в душу закралось плохое предчувствие.

— Не найдётся. Самим есть нечего, — наконец-то послышался грубый ответ.

Цайхуа скрестила на груди руки и усмехнулась. Как интересно.

А затем в голове мелькнула догадка.

— Разве так с гостями разговаривают?

Собравшись с духом, девушка одним сильным ударом выбила дверь. Стоявшая за ней преклонного возраста женщина не испугалась. Вовремя отпрыгнув в сторону, она одарила Лу Цайхуа таким злобным взглядом, что у той невольно пробежал по спине холодок. Ударивший в нос отвратительный запах заставил закашляться. Во рту возник странный привкус, удушающе гадкий и тошнотворный.

Подавляя желание отсюда сбежать, Цайхуа достала из рукава талисман. Она не сомневалась, что в теле старушки спрятался демон. И проверить, захватил ли он её душу или полностью вытеснил, просветлённая могла одним единственным способом. Если повезёт, талисман запечатает демона, и его жертва вернётся в сознание, но если нет...

Цайхуа не закончила мысль. Внутри с глухим стуком что-то упало, когда старая женщина в клочья разорвала окутанный ци прямоугольник бумаги. Это означало одно: души больше нет в теле. Теперь оно сталоместищем для очень сильного демона.

Пусть просветлённая не была достаточно опытной, чтобы с ним справиться, она обладала одним преимуществом. Жизненные силы в старушечьем теле подходили к концу, а потому демон не мог в полной мере использовать всю свою мощь. Стоит ему целиком пропитать оболочку негативной энергией, и та просто рассыплется в прах.

Спустя сотни лет заточения в Мрачном чертоге, демоны вырвались в мир, который когда-то их породил. Однако вести в нём прежнюю жизнь они не могли, поскольку всё ещё оставались в другом измерении. Чтобы вернуть себе все возможности, им приходилось переселяться в людские тела. Это было не просто: следовало подчинить себе волю выбранной жертвы, на что могло уйти несколько лет. И если захватить чьё-то тело в конце концов удавалось, оно не выдерживало тёмную ци и в скором времени умирало. Тем не менее, сосуществовал демон с душой человека или полностью её вытеснял, он делал всё, чтобы как можно дольше оставаться в с трудом заполученном теле.

Демон, встретившийся на пути Цайхуа, наверняка не планирует искать новую жертву. А потому, чтобы сберечь свою оболочку, не станет сражаться в полную силу. Просветлённая этим воспользуется и повредит любой жизненно важный орган в старушечьем теле, чтобы изгнать из него этого демона.

В руках нечисти неизвестно откуда возник разделочный нож. В тусклом блеске металла отразилась жажда убийства, и Цайхуа приготовилась к бою.

Девушка без труда отбила первые выпады. Воодушевившись успехом, она тенью скользнула за тощую спину, и если б противник не оказался проворным, Цайхуа бы рассекла его пополам.

Движения демона вдруг заметно ускорились. Оставляя в воздухе холодные росчерки, нож то и дело свистел рядом с шеей Лу Цайхуа. Меч просветлённой едва успевал отбивать все удары, ответное нападение не представлялось возможным, а потому она могла лишь выжидать удобный для атаки момент. Несмотря на то, что из-за зловония, царившего в

помещении, было трудно дышать, Цайхуа пребывала в ясном сознании и продолжала держать под контролем всю ситуацию.

Разделочный нож снова пронёсся у шеи. Отбивая выпад, девушка зацепила запястье врага, однако тот лишь раззадорился. И под натиском его ожесточённой атаки ей пришлось отступить.

В момент, когда Цайхуа перешагнула порог другой комнаты, к горлу подошла тошнота. Меч её дрогнул, и она пропустила удар. Ржавое лезвие полоснуло плечо, оставляя на коже глубокий порез, но острая боль помогла взять себя в руки.

Помещение было усеяно ошмётками загнивающей человеческой плоти. Из разорванных тел, местами изгрызенных и плесневелых, торчали обломки костей.

Сердце воспламенилось от ярости. Кровь ударила в голову, и от беспомощности захотелось кричать. Выбора нет. Всё, что Цайхуа может сделать — использовать «взрыв света», которому на случай опасности её научил старый наставник. Эта особая техника позволяла направлять ци в оружие, чтобы в необходимом количестве выпускать её во внешний мир. Но так как меч Цайхуа для этого был бесполезен, ей предстояло обойтись без него. Освобождение ци без посредника приведёт к полному опустошению духовных каналов. И Цайхуа готова на это пойти, лишь бы убить ненавистного демона.

Более медлить нельзя. Цайхуа сосредоточилась на циркуляции духовной энергии, чтобы на выдохе всю её выпустить.

Миг, и ослепительный свет отделился от тела, заполнив собой всё вокруг. А затем Цайхуа сделала выпад, позволяя мечу беспрепятственно войти в сердце врага. Демонический сгусток, ослеплённый и изгнанный из мёртвого тела, не успел даже пискнуть — светлая ци просветлённой поглотила его.

Ноги мгновенно обмякли, но Цайхуа устояла на них, опершись локтем о липкую стену. Только утратив светлую ци, она осознала, каково это быть простой смертной. Жизнь показалась пустой и бессмысленной, из глаз хлынули горячие слёзы.

Вид гниющих конечностей навсегда вьелся в память Лу Цайхуа. Жители этой деревни, все до единого, стали жертвами тьмы.

Что ж, одно дело *представлять* своё обучение в школе для просветлённых, и совершенно другое — брести к подножию далёкой горы, преодолевая лишения и сталкиваясь со злодействами демонов. Достаточно было прожить в этом мире неделю, чтобы до глубины души ужаснуться: исчадия мрака во всю притесняли людей, в то время как просветлённые даже не знали об этом. Иначе как объяснить их отсутствие там, где в них нуждаются?

Девушка горько вздохнула. Если так пойдёт дальше, её убьют прежде, чем она овладеет боевыми искусствами. Кто знает, насколько сильны сейчас демоны и в какой момент они устроят облаву на всех просветлённых.

Солнце скрылось за горизонтом, когда Лу Цайхуа добралась до очередной деревушки. Огни её приветливо мерцали, приглашая войти, но у девушки на это не осталось сил. Ливень закончился недавно, и одежда, мокрая и ледяная, липла к дрожащему телу. Изнурённая длительным голодом, лишённая духовной энергии, раненая и попросту сильно уставшая Лу Цайхуа потеряла сознание.

Глава 4. Блестела в солнечных лучах золотая кайма, тончащий фарфор светился изяществом

Нечто вязкое холодным коконом опутывает тело, упрямо прилипает к рукам и ногам. Прежде, чем *нечто* проникнет под кожу и заполнит собой пустоту, тело покроется сотнями трещин. Оно — *повреждённый сосуд*, что через миг рассыплется в прах.

Обращённые в камень конечности почти потеряли чувствительность. В непроницаемом мраке невозможно понять, как они расположены. И только вязкое *нечто* продолжает их обволакивать, настойчиво вбирая в себя остатки тепла.

Под слоем тяжёлой усталости скрывается боль. Иглой сожаления она впивается в душу, берedit свежие раны при каждой попытке вспомнить хоть что-то. Тьма, поглотившая время, растворяет границы сознания. Стоит сосредоточиться на своих ощущениях, и уже не понять, где кончаешься ты, а где начинается мгла. Липкое *нечто* больше не касается кожи, тело теперь парит в пустоте.

А затем... что-то тёплое легло на живот, пробудило от мёртвого сна. Согревающий свет возвратил способность к движению и, заструившись по духовным каналам, навсегда остался внутри.

Приложив немного усилий, Цайхуа разглядела зверька. Свернувшись в рыжий клубок на её животе, детёныш огненной лисицы безмятежно посапывал, и шерсть его мерцала расплавленным золотом. Биение сердца лисицы, гулкое и неторопливое, совпадало с ритмом дыхания Лу Цайхуа.

Точно первые весенние цветы, в душе вдруг распустилось нежное чувство, и всё вокруг потеряло значение. Есть только она и этот светлый комочек, что спас её жизнь. Рука потянулась к искрящейся шерсти. Однако схватила лишь пустоту.

Едва открыв глаза, просветлённая рывком вскочила на ноги и сразу же пожалела об этом. Незнакомые стены поплыли цветными разводами, в голове раздался оглушительный звон. Слобно столкнувшись с незримым препятствием, Лу Цайхуа рухнула обратно в кровать. Она успела понять только то, что очутилась в доме богатой семьи.

Постельное бельё, сшитое из мягкого шёлка, приятно охлаждало кожу. Тонкий аромат благовоний успокаивал разум. Хотелось расслабиться и забыть обо всём, однако события недавнего прошлого всплывали на поверхности памяти одно за другим, поднимая вместе с собой неприятный осадок.

После беседы с наставником она простилась с Юньжи и покинула окрестности горы Лунхушань. Весь путь занял чуть больше недели, однако сейчас он казался длинным настолько, будто Лу Цайхуа провела в нём целую жизнь.

Люди, которых она повстречала, вели себя одинаково независимо от положения в обществе: вечно всем недовольные, они часто препирались друг с другом, и многие из них уже поддались влиянию демонической ци.

Порождения мрака вели разгульную жизнь. Пользуясь тем, что простой человек не способен их видеть, они превращали народ в источник тёмной энергии. Поглощая её день за днём, демоны становились сильнее. В попытке их уничтожить, девушка истратила большую часть талисманов, вот только справиться со всеми в одиночку она не могла. С того момента, как Цайхуа покинула родные края, ей не встретился ни один просветлённый. По сему

оставалось только гадать, известно ли об этой беде в кругах совершенствующихся.

Последние дни путешествия выдались особенно тяжкими. Дорога лежала через пустынное море холмов, просить еды было не у кого, а внезапный бой с демоном истощил её окончательно.

Кажется, силы покинули Лу Цайхуа, когда она спускалась к деревне. Как она очутилась в доме богатых господ и почему по её духовным каналам течёт светлая ци — эти вопросы стали загадкой, и ей предстояло в них разобраться. Хотя эта светлая ци, возникшая в теле неизвестно откуда, едва восполняла десятую часть утраченных сил, её было достаточно для восстановления всего организма.

Вспомнив свои ощущения перед потерей сознания, Цайхуа содрогнулась. В голове не укладывалось, как простые люди живут без духовной энергии. Беспомощность перед лицом неизвестности — вот что она тогда испытала и к чему никогда бы не хотела вернуться.

Как только голова перестала кружиться, девушка осторожно приподнялась на локтях и осмотрелась. Просторная комната была предназначена для приёма гостей. В убранстве её, богатом, но сдержанном, Цайхуа не смогла найти ничего, что выражало бы принадлежность к хозяевам дома.

Чистый халат, расшитый тем же узором, что и постель, невесомо облегал тело девушки. На маленьком столике у изголовья кровати, прижатые ножнами, лежали её талисманы. Их сухая поверхность немного бугрилась, однако особые знаки сохранили свои очертания — все иероглифы, вышедшие из-под кисти Юньчи, никогда не теряли свой вид, в чём заключалась их особая ценность.

Нежные цветы в фарфоровой вазе равнодушно роняли на стол лепестки. Помимо щебета птиц за окном, до слуха не доносилось более ни единого звука. Должно быть, сейчас раннее утро.

Цайхуа собиралась помедитировать, чтобы восполнить часть утраченных сил, но так и не смогла сконцентрироваться. Смутные предположения захватили рассудок, томительное беспокойство, расплескавшись в душе, помешало зафиксировать тело в позе для медитации.

Ждать, пока к ней придут с объяснениями, стало невыносимо. Уж лучше изучить обстановку самой, а там, как знать, может и ответы найдутся. Прихватив с собой талисманы и меч, девушка бесшумно проскользнула за дверь.

Внутренний двор, по периметру усаженный клёнами, наполнялся ароматом приготовленной пищи. Стоило Лу Цайхуа раз вдохнуть, как чувство нестерпимого голода накатило на неё с удвоенной силой. С ходу угадав расположение кухни, девушка помчалась к ней со всех ног.

Вихрем добравшись до кухни, просветлённая столкнулась в дверях со служанкой. В момент, когда та испуганно вскрикнула, Цайхуа успела её поддержать, однако тяжёлый поднос ничто не спасло от падения. Звякнув при столкновении с полом, он безжизненно замер в окружении опрокинутых чаш.

— Госпожа, простите!

Служанкой оказалась невысокая девочка, на вид лет четырнадцати, с живыми чертами лица и аккуратно подстриженной чёлкой. Простенькое платье цвета осенней травы ей было мало. Грубая ткань, стянувшая тело, заметно подчёркивала все недостатки детской фигуры, но в то же время не мешала работать.

Упав на колени, служанка принялась убрать разбитую утварь.

— Вообще-то виновата я, — Цайхуа опустилась рядом, чтобы помочь.

В полупрозрачной луже отвара, очевидно целебного, блестели осколки фарфора. Лишь одна чашка осталась в сохранности. Подняв её с пола, Цайхуа удивилась сильнее: пальцы будто коснулись поверхности льда.

— Ты несла это мне?

— Нет, госпожа, — забрав уцелевшую чашку из рук просветлённой, девчонка вернула её на поднос. — Прошу, не утруждайтесь. Я приберу здесь сама.

Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы понять: разбитый фарфор её ничуть не расстроил. Неужели владельцы этого дома богаты настолько, что могут позволить себе подобную роскошь? Цайхуа усмехнулась. Скорее всего этой юной служанке просто спускают с рук все оплошности.

— У вас кто-то болеет?

— Молодой господин, — отряхнув юбку небрежным движением, она схватила две другие пиалы и спешно наполнила их новым лекарством. — Вы подождите, я к нему сбегую, и мигом обратно. А пока что поешьте, раз уж сами пришли.

Лу Цайхуа не успела и слова сказать, как девчонка уже убежала.

Недолго раздумывая, девушка последовала совету служанки. Ознакомилась с содержимым котлов и остановила свой выбор на незатейливых блюдах: рисовой каше да супе с лапшой. Воодушевлённо орудуя палочками, Цайхуа не заметила, как мысли её обратились к той самой не разбившейся чашке.

Предметы, так или иначе связанные с демонами, на ощупь всегда казались холодными. Поверхность их сочилась струйками тёмной энергии, которую видел любой просветлённый. И хотя *эта* чашка на вид казалась обычной, Цайхуа смутно чувствовала: определённо с ней что-то не так. Вот только шанс проверить догадку она уже упустила.

Помыв за собой всю посуду, девушка решила не ждать, когда вернётся служанка. Конечно, было бы неплохо узнать все подробности о своём появлении здесь, но это не столь важные сведения. Новая одежда годится для выхода в свет, чувство голода больше не мучит, а значит, в этом месте её ничто больше не держит.

Цайхуа покинула кухню и, подставив лицо тёплому солнцу, блаженно прикрыла глаза. Раскинуть в стороны руки, набрать свежего воздуха в лёгкие и улыбнуться, всем естественным погружившись в настоящий момент — вот он рецепт неподдельного счастья. Сделаешь это, и сердце сразу преисполнится верой. *Она обязательно станет сильнейшей.* Школа Чэнсянь, жди героя!

Нужно было незаметно пробраться к главным воротам. Благо, внутренний двор по-прежнему оставался безлюдным. Проскользнув под круглым окном чьей-то комнаты, Цайхуа не смогла не прислушаться к доносившимся оттуда рыданиям.

— Мы делаем всё возможное для вашего сына, — мужской голос прозвучал неуверенно. — Нам остаётся только ждать

— Ждать его смерти?!

— Простите, но мы не нашли ничего подозрительного. Мы правда не знаем, почему тёмная ци до сих пор в его теле, — отозвался молодой женский голос.

Любопытство одолело Цайхуа окончательно, и она заглянула в окно.

— Сами же сказали, что демоны ломятся в наши ворота! Они и мучают его!

Несмотря на отчаяние, женщина в расшитом золотом платье сохраняла прямую осанку. В уголках её губ залегли резкие складки, макияж смотрелся неестественно на исхудавшем лице. Взгляд глаз, покрасневших от слёз, был обращён к лежащему в кровати бледному

юноше.

— Просветлённые их убивают, — вздохнула сидящая напротив плачущей матери девушка. — Активность демонов в деревне возросла, это так. Но ваше поместье под надёжной защитой. Здесь нет ничего, что могло бы ему навредить.

— Вы же ученики школы Чэнсянь! В конце концов, вы целители! Так сделайте что-нибудь! — женщина повысила голос. — Он умирает, неужели не видно?!

Юноша, всё это время державший запястье больного, закончил слушать его пульс. Обменявшись хмурыми взглядами, просветлённые синхронно сложили пальцы в ручную печать и направили потоки светлой энергии в тело лежащего. Цайхуа знала: они не обязаны жертвовать своей светлой ци для исцеления простого человека. И решение помочь таким способом заслуживало уважения.

Ситуация сложилась по-настоящему странная. Насколько поняла Цайхуа, сын хозяев этого дома пострадал от воздействия демонической ци. Причём ни одно снадобье, обычно очищавшее тело от тёмной энергии, ему не помогло. Более того, с каждым днём ему становилось лишь хуже. И если лекарства оказались бессильны, то светлая ци просветлённых могла его исцелить.

Удивляло же девушку следующее: раз эти ребята являлись целителями, наверняка их пригласили на гору Тайшань из школы Чунгао, в которой создавались лучшие лекарства на свете. Поэтому в качестве снадобий, которыми поили больного, Цайхуа не сомневалась — они однозначно подействовали. Далее, рассуждала девушка, просветлённые ежедневно истребляют демонов по всей округе, поэтому исцелившийся парень просто не мог попасть под влияние тьмы. Напрашивался вывод: рядом с ним всегда присутствует источник тёмной энергии. Но разве это возможно, чтобы просветлённые его не нашли? Единственным доказательством предположения девушки служили демоны, которые, по словам госпожи, постоянно ломались в поместье. Очевидно, *что-то* их привлекало. И это *что-то* было надёжно скрыто от глаз просветлённых.

Блестела в солнечных лучах золотая кайма, тончащий фарфор светился изяществом. Молочно-белая чашка, стоящая меж опустевших пиал, вновь завладела вниманием Лу Цайхуа. Просветлённые из школы Чэнсянь, вероятно, не удостоили поднос и взглядом: посуда как посуда, ничего необычного. Но Цайхуа, прежде всего, доверяла своей интуиции, а та ей подсказывала — *здесь что-то не так*. И, кажется, она знает, что именно.

— Вот вы где, госпожа! — звонкое восклицание раздалось прямо над ухом. — А я вас ищу везде! Уже и воду вам согрела для купания и одежду приготовила.

Девушка вздрогнула. О существовании этой девчонки она уже успела забыть. Цайхуа хотела было шикнуть на служанку, но хозяйка этого дома опередила её своим лаконичным приказом:

— Чуцзин, подойди!

Просветлённая вздохнула с облегчением — её не заметили. Ненадолго скрывшись в покоях, служанка вышла оттуда с подносом и позвала Цайхуа за собой.

Сбросив с себя покрывало безмолвия, поместье пробудилось от сна. Усердные слуги приступили к выполнению своих поручений, и внутренний двор наполнился звуками жизни. По каменной дорожке, взметнув вверх ворох листьев, пронёсся серьёзный мальчишка, две рослые девушки, болтавшие под сенью деревьев, с неохотой принялись подметать. В отдалении слышался чей-то залиvistый смех, в соседней постройке с глухим стуком что-то упало. Новый день начался.

Поравнявшись с Чуцзин, Цайхуа не смогла сдержать изумления. На губах служанки цвела довольная улыбка, большие глаза её светились от счастья.

— Твой господин умирает. Чему радуешься?

— Тому и радуюсь, — честно ответила девочка. — Мой господин — плохой человек.

— И чем он тебе насолил, что ты ему смерти желаешь?

Цайхуа чуть нахмурилась. Ранее ей приходилось общаться со слугами разных господ, но все они, как один, были тише воды, ниже травы. Чуцзин же ей напоминала княжну, избалованную и привыкшую без страха высказывать всё, что придёт в её голову. Тем не менее, для Цайхуа особенность девочки была только на руку: у чрезмерно болтливых людей можно выведать всё, что угодно.

— Если бы только мне, — служанка пренебрежительно хмыкнула. — Моей госпоже он всю жизнь испоганил!

Они снова оказались на кухне. Служанка взялась заваривать чай, а Лу Цайхуа, усевшись за стол, где был оставлен поднос с грязной посудой, решила молчать до последнего. Подталкивать девочку не было смысла: скорее всего, она сама продолжит рассказ.

Как и ожидалось, её голос вскоре нарушил молчание.

Мать Чуцзин была личной служанкой хозяйки поместья. Прослужив ей больше пятнадцати лет, она погибла при родах. Госпожа Чан Си воспитывала дочь любимой служанки, как своего ребёнка: обучала её и, порой, баловала. Но более всего она любила старшего сына — Юншэна.

Выросший в богатстве и роскоши, Юншэн привык, что ему ни в чём не отказывают. С каждым годом характер его становился несноснее, издёвки над служанками переросли в приставания, и дурная слава его вскоре прогремела на всё поселение. Чан Юншэн, бездельник и пьяница, в свои юные годы был озабочен лишь тем, чтобы на столе его стояло вино, а в кровати лежала очередная красавица.

Так, дом семьи Чан был запятнан позором. Каждый житель деревни порочил имя безответственной матери, не сумевшей воспитать ребёнка как следует.

Разгневанный отец хотел было выгнать Юншэна из дома, да только Чан Си не позволила — три дня и три ночи, терпев унижение, стояла на коленях с мольбой пощадить неразумного сына.

Как раз в тот период Юншэн заболел. Потеряв контроль над собственной жизнью, предавшись пустым развлечениям и причинив боль окружающим, юноша без помощи демонов осквернил свою ци. Тёмная энергия ослабила его организм, и при должном лечении Юншэн легко бы поправился, но по неизвестным причинам состояние его резко ухудшилось. Теперь же он, совершенно беспомощный, увядал у всех на глазах.

— Наконец-то он получит по заслугам, — подвела итог Чуцзин.

— Ты права, он сам себе могилу выкопал, — немного подумав, ответила Лу Цайхуа. — Но так скоро он не умрёт. Просветлённые его исцелят, и он продолжит в том же духе. Если, конечно, отец не вышвырнет его из дома.

На самом деле будущее Юншэна заботило девушку меньше всего. Такие, как он, никогда хорошо не заканчивали. А вот беспокойство за жизни других обитателей этого дома возросло многократно. Источник тёмной энергии однажды привлечёт в поместье семьи Чан большую беду. И сейчас Лу Цайхуа была единственной, кто мог спасти ситуацию. Осталось только проверить догадку.

— Такая красивая, — Цайхуа подняла чайную чашку из горы грязной посуды. — Не

знаешь, где такую купить?

— А? — смена темы озадачила девочку. — Обычная чашка. Купила на рынке в городе Тай.

— Целое состояние стоила, да?

— Нет, — окончательно растерялась Чуцзин. — Торговец отдал за бесценок.

— Попалась.

Девчонка не успела испугаться, как Лу Цайхуа достала талисман и с торжествующей улыбкой налепила его на фарфор. Особый знак мгновенно отозвался сиянием, и вскоре квадратик бумаги, израсходовав силу, осыпался пеплом к ногам юной служанки.

Примечание автора:

Огненная лисица — так в Китае называют красных панд. Вообще, у красной панды есть и другие названия, например: малая панда или кошачий медведь. Но название «огненная лиса» мне понравилось больше всего. Обязательно посмотрите фотографии красных пандочек! Они невероятно милые!

初静 (Чу Цзин) — «чу» переводится как начинать, «цзин» как спокойствие.

常曦 (Чан Си) — «чан» переводится как дисциплина, «си» как солнечный свет.

永生 (Юншэн) — вечно живой; живущий в веках.

Глава 5. Жизнь слишком коротка, чтобы посвятить её мирским заботам

Чуцзин хранила молчание. Не поднимая взгляда от пола, она теребила ткань рукава, и хрупкие плечи её чуть заметно дрожали. Точно загнанный в угол зверёк, напуганная и совершенно потерянная, Чуцзин ожидала скорой расправы. Она не пыталась сбежать и даже не стала оправдываться. Да и как могла защитить себя эта глупая девочка? Наконец, не выдержав безмолвного давления со стороны просветлённой, она громко расплакалась.

— Прошу Вас, не говорите моей госпоже!

Девчонка упала к ногам Цайхуа и, обняв её за колени, уткнулась в них носом.

— Я сделаю для Вас, что угодно! Только смилуйтесь!

Обвиняя Чуцзин в серьёзном проступке, Цайхуа допускала, что девочка его совершила случайно. Теперь же, когда служанка сама признала вину, просветлённая слегка растерялась.

— Полно, — девушка мягко освободилась от хватки Чуцзин. — Госпоже Чан я ничего не скажу. Только обещаю, что ничего подобного больше сделаешь.

— Правда?

Недоверчиво взглядевшись в лицо Цайхуа, служанка наконец-то перестала лить слёзы. Когда девушка едва заметно кивнула, она утёрла покрасневший нос рукавом и, жалобно всхлипнув, встала с колен.

Пока девочка приходила в себя, Цайхуа обернула талисманами злополучную чашку. А после, для верности, наложила печать, способную удерживать тьму. Следовало как можно скорее отдать её просветлённым из школы Чэнсянь. Желательно — старшим. Подавлять тёмную ци таким способом долго не выйдет — в конечном итоге она снова прорвётся наружу.

— Ты сразу догадалась, что с этой чашкой то-то не так?

— Нет, госпожа, — убедительно прощобетала Чуцзин. — Я заметила это, когда молодой господин пил из неё. Ему стало хуже, и я всё поняла.

— Поняла, что сможешь уничтожить его? — неожиданно рассмеялась Лу Цайхуа.

Чуцзин не ответила. Только хмуро покачала головой и сняла чайник с огня. Разлив по чашкам ароматный напиток, она предложила его просветлённой.

В такт музыке ветра качались старые клёны, тени от листьев скользили по стенам в медленном танце. На кухне вовсю хлопотали служанки. Их силуэты, невзрачные и однородные, терялись в дневной суете неуловимыми призраками. Внутри разгоралось пьянящее чувство. словно недавно зажжённое пламя костра, оно постепенно становилось сильнее. Миг, и огонь ликования объял всю душу Лу Цайхуа.

Она обнаружила артефакт! Причём демонический! Неудивительно, что торговец продал его за гроши: наверняка как можно скорее пытался освободиться от вещи, что приносила несчастья. Так в руки служанки попал сей источник демонической ци.

Хотя артефакты никогда не интересовали Лу Цайхуа, кое-что ей было известно. По природе своей они являлись источниками чистой энергии. Тёмной или светлой — зависело от их предназначения, но ци, что они излучали, всегда была скрыта от глаз.

Обнаружив один такой артефакт, девушка преисполнилась чувством собственной важности. Ещё бы! Другие просветлённые даже не догадались о нём.

— Все мы получим, что заслужили, — вдруг тихо прошептала Чуцзин. — Я просто

помогла судьбе восстановить справедливость.

Цайхуа улыбнулась краешком губ и строго взглянула на девочку.

— Но не тебе решать кому жить, а кому умереть, — она залпом выпила оставшийся чай. — Чашку я возьму с собой на гору Тайшань, а ты всем скажешь, что разбила её.

— Госпожа, Вы отправляетесь на испытание?

— Именно. Как раз хотела узнать, не опоздала ли я?

Девушка встала из-за стола, и несколько служанок окинули её равнодушными взглядами.

— Испытание пройдёт сегодня в полдень, госпожа. Если не возражаете, я провожу Вас до города Тай.

Чуцзин приободрилась. Удручённое выражение лица её теперь сменилось улыбкой. Словно мрачные тучи рассеялись, и лучезарное солнце заняло на небе своё законное место. Не осталось даже намёка на слёзы и страх.

— Хорошо. Помнится, ты говорила о горячей воде. Хочу немного расслабиться и привести себя в порядок.

Служанка отвела Цайхуа в небольшую постройку, разделённую надвое шёлковой ширмой. Тщательно выстиранная мужская одежда висела на ней, ожидая хозяйку. Выгоревшая на солнце чёрная ткань, пережившая немало напастей, казалась теперь равнодушной ко всем проявлениям жизни. За ширмой скрывалась деревянная бочка, и Цайхуа, небрежно скинув на пол халат, поспешила забраться в неё.

Пока девушка нежилась в тёплой воде, служанка охотно ей рассказала о событиях минувшего дня. Как оказалось, Цайхуа не случайно попала в дом семьи Чан.

Юноша с красивым лицом, но очень мрачный и скупой на слова, принёс сюда девушку: еле живую и покрытую грязью. Имени своего не назвал. Сообщил только, что возвращается на гору Тайшань.

Госпожу Чан Си не испугала просьба приютить незнакомую девушку. Только узнав, что юноша — просветлённый, женщина приказала Чуцзин о ней позаботиться. Приняв в благодарность юноши талисманы, Чан Си занялась своими делами и интереса к Лу Цайхуа не проявляла.

— И это всё? — разочарованно выдохнула девушка. — Так просто и скучно?

— А Вы чего хотели? — хихикнула Чуцзин. — Скажите спасибо, что он ци своей поделился. Не то бы Вы с жизнью своей попрощались ещё вчера вечером.

— Это он так сказал?

Цайхуа вдруг ощутила себя низвергнутым с небес божеством. Если бы не удача, она давно была бы мертва, и осознание этого больно ударило по самолюбию девушки. Ко всему прочему, она сильно ослабла. Потеряв светлую ци, копившуюся в ней с самого детства, она напоминала себе опустошённый сосуд. И что с того, что в своём совершенствовании она поднялась на вторую ступень? С таким небольшим количеством светлой энергии в духовных каналах едва ли её примут в школу Чэнсянь.

— Ага, — Чуцзин закончила мыть волосы девушки. — Сказал, что если бы не он, так бы Вы и валялись в грязи в ожидании смерти.

— Раз так, лучше бы мимо прошёл, — раздражённо буркнула девушка и с головой погрузилась под воду.

Завершив купание на невесёлой ноте, Цайхуа подняла с пола халат и, не спросив позволения, завернула в него злосчастную чашку. Демонический артефакт стал последней

надеждой попасть в школу Чэнсянь: если просветлённым станет известно, что она сама его обнаружила, наверняка ей предложат остаться.

От поместья Чан до города Тай было рукой подать, а потому Цайхуа и Чуцзин добрались до него достаточно быстро. Служанка проводила девушку до массивных ворот и поспешила откланяться.

— Почему Вы решили стать просветлённой? — напоследок спросила Чуцзин.

— Жизнь слишком коротка, чтобы посвятить её мирским заботам. Обрести силу и бороться со злом — вот, чего я хочу.

Своим великолепием город Тай поразил Цайхуа прямо в сердце. Настолько богатое место она посетила впервые: золочёные крыши домов торжественно сияли на солнце, по белокаменным улицам, в окружении слуг, чинно ступала местная знать, даосские храмы излучали величие и заставляли трепетать душу девушки в восторженном благоговении.

Тысячи паломников стекались в этот город вознести молитвы богам и попросить их о помощи. Именно здесь, как искренне верил народ, бог-основатель пути совершенствования, Тай Чэнсянь, мог внять мольбам каждого.

Толпы людей направлялись к подножию священной горы, вершина которой терялась высоко в облаках. Бурно обсуждалось предстоящее испытание в чайных, расклеенные везде объявления приглашали вступить в ряды учеников прославленной школы. Такое событие случилось впервые со времён её основания, а потому народ был возбуждён как никогда. Сотни желающих, дети и взрослые, получили возможность прикоснуться к великому. Никто не знал, в чём будет состоять испытание, однако каждый желал ухватиться за шанс стать просветлённым.

Слившись с толпой, Цайхуа ощутила, как предчувствие счастья вновь пробуждается в сердце. На пути к новой жизни остался лишь шаг. Она совершенствовалась всю свою жизнь, и труды её не будут напрасны.

Впереди шагали две женщины в роскошных одеждах. Одна из них держала за руку мальчика, который то и дело порывался сбежать к лавкам со сладостями. Цайхуа почти что наступала дамам на пятки, а потому невольно подслушала их разговор.

— Мой сын необычайно талантлив, — гордо заявила одна. — В свои шесть он прекрасно читает.

— Действительно талантливый молодой господин, — согласилась вторая. — Желаю Вашему сыну бессмертия.

— Я правда стану бессмертным?

Мальчик наконец успокоился и обратил к матери восторженный взгляд.

— Конечно, Чжи-эр. Ты гордость нашей семьи!

Цайхуа закатила глаза. Избалованные дети вместе со своими родителями, недалёкими и склонными хвастаться, всегда вызывали у неё возмущение. Однако осуждать их она не могла. В конце концов, всё встанет на свои места, когда чадо впервые разочарует семью.

Стать просветлённым — не так уж и сложно, *быть* просветлённым — величайший труд тела, духа и разума. Подготовительная ступень совершенствования требовала от человека способности сосредотачиваться, но, при желании стать просветлённым, важнейшим являлось стремление к общему благу. Издревле наставники допускали к освоению первой ступени лишь добродетельных учеников. Далее же начиналось подлинное совершенствование: накопление духовной энергии, укрепление физического тела и формирование даньтяня, который в последствии становился резервуаром для ци. Как только

просветлённый осваивал основы управления духовной энергией, он переходил на вторую ступень. Теперь ему следовало закалить волю и дух, и, самое главное, одержать верх над собственным «Я». Что и говорить, Цайхуа застряла на этой ступени на долгие годы.

Засмотревшись на изящную пагоду, Цайхуа на миг ослабила бдительность. И в тот же момент чья-то рука крепко схватила её за предплечье. Возникшая рядом фигура расплылась в глазах чернильным пятном. Безликие люди смешались в единый поток, эхо их голосов слилось в монотонном жужжании, а сердце словно покрылось корочкой льда.

Сковавший тело панический страх возник отдельно от сознания девушки, что наводило на мысль: против неё была использована тёмная техника. Догадавшись об этом, Цайхуа не на шутку встревожилась. Никто кроме демонов не мог управлять тёмной энергией, однако в городе Тай от просветлённых не скрылось бы присутствие нечисти. Получается, на неё напал человек?

Неизвестный в плаще отволол девушку в пустой переулок, чтобы затем крепко прижать к холодной стене. Широкий капюшон скрывал половину лица нападавшего, а потому Лу Цайхуа смогла разглядеть лишь алые губы с морщинками в их уголках и острый женский подбородок.

— Где чаша?! — голос, низкий и напряжённый, отозвался в голове приступом боли.

— Что?

Женщина приставила нож к горлу Лу Цайхуа. Коснулась кожи мёртвая сталь. Достаточно будет движения — и лезвие равнодушно прорежет мягкую плоть.

— Не скажешь, я заберу твою жизнь!

Стоило этим словам прозвучать, как Цайхуа бессознательно разжала дрожащие пальцы. С глухим стуком упала на землю злополучная чашка. Сердце словно забилося в агонии, разгоняя по телу не кровь, а раскалённый металл. Позвать на помощь она не успеет. Один только звук, и мгновенная смерть настигнет Лу Цайхуа, лишит её желанного будущего, всех надежд и стремлений.

Внезапно женщина ахнула и наклонилась за чашкой. Лу Цайхуа же, ни о чём больше не думая, с силой ударила её по спине и рванула прочь к главной улице. В ушах свистел ветер, сердце стучало в такт бегу.

Заметив группу молодых просветлённых, Цайхуа закричала:

— На помощь!

Только завидев её, перепуганную и задыхающуюся, юноши поспешили навстречу.

Лишь оказавшись в окружении таких же, как и она, просветлённых, Цайхуа смогла немного прийти в себя.

— Я шла на испытание, и на меня напала какая-то женщина, — сбивчиво начала объяснять Цайхуа. — Она использовала на мне демоническую ци. Моё тело перестало меня слушаться. Ещё чуть-чуть и..., — она провела ребром ладони по шее, показывая, что могло бы случиться.

— Где она?

Цайхуа указала на тот переулок, где её чуть не убили, и двое юношей в белоснежных одеждах школы Чуньцзе незамедлительно туда побежали.

— Куда их понесло? — небрежно бросил один из парней. — Ты ничего не напутала, девочка?

— Точно. Демоническая ци, да ещё в этом городе. Не верю! — поддакнул второй, ученик школы Ли.

— Сразу видно, девчонка — простолюдинка.

— Эй, братья, может она что удумала? — воскликнул ещё один юноша.

Остальные его поддержали:

— Наверняка от чего-то нас отвлекла!

— Признавайся, кто ты!

Желание что-то доказывать мгновенно исчезло, рассеялось в воздухе вместе с бодрым настроением. Стоило страху отступить окончательно, как она осознала: тёмный артефакт безвозвратно утерян, и говорить о нём будет бессмысленно — что бы она сейчас ни сказала, ей не поверят. Хотя избежать подозрений Цайхуа всё же могла.

— Я просветлённая. С чего бы мне вредить своим собратям?

Выудив из рукава талисман, она продемонстрировала его насторожившимся юношам.

— И это твоё доказательство? Откуда нам знать, что ты его не купила? Раз говоришь, что ты просветлённая, покажи свои навыки. Ну? Давай же, заставь его полететь.

Враждебные взгляды вновь обратились к Лу Цайхуа, несколько юношей схватились за ножны, а двое из них уже встали в боевые позиции.

— Я..., — начала было девушка и осеклась. И правда, разве может она убедить их в обратном, когда духовной энергии хватает лишь на поддержание сил? Наложив на злополучную чашку печать, удерживающую тьму, она израсходовала остатки энергии, правда объяснить это юношам уже было поздно. Снова столкнувшись с ненавистным ей чувством беспомощности, девушка коснулась рукояти меча. Не станут же они устраивать бой на центральной улице города?

Поодаль от просветлённых, за столиком чайной расположился скучающий парень. Кожаный ремешок стягивал на затылке его волнистые волосы в хвост, непослушные пряди по бокам ото лба опускались на грудь. Одежда его была простой и опрятной, изящные пальцы неторопливо постукивали по краю стола. На губах юноши играла улыбка, тонкие черты лица лучились безмятежностью. Казалось, он слышал всё, о чём говорят просветлённые, но происходящее его ничуть не заботило.

В момент, когда Цайхуа продемонстрировала свой талисман, глаза юноши загорелись восторгом. Энергично выбежав из-за стола, он направился к ней.

Девушка вздрогнула, ощутив на запястье внезапное прикосновение пальцев. Все просветлённые одинаково отреагировали на появление парня: замерли, удивлённо нахмурившись.

Тем временем юноша проверил пульс девушки. А затем широко улыбнулся.

— Она не лжёт.

Примечание автора:

Дорогие читатели, совсем забыла с вами поделиться расшифровкой китайских мер длины. Итак, ли, чжаны, чи и цуни.

里 (Ли) — 500 метров.

丈 (Чжан) — 3½ метра.

尺 (Чи) — 33½ сантиметра.

寸 (Цунь) — 3½ сантиметра.

丝 (Сы) — 3½ микрометра.

В случае с «чи» в третьей главе было бы уместнее использовать «сы», однако я не стала этого делать в виду неблагозвучного звучания. Согласитесь, «не сдвинулась ни на чи» звучит куда лучше, ха-ха.

成仙 (Чэнсянь) — становится бессмертным. Как вы могли догадаться, в честь этого бога была названа школа просветлённых, а гора Тайшань и город получили своё название из его фамилии (Тай).

Чжи-эр — суффикс — эр обозначает ласковое отношение, нежные чувства.

纯洁 (Чуньцзе) — чистейший, непорочный, невинный. Знакомимся с названием ещё одной из пяти школ просветлённых. Итого имеем: Чэнсянь, Чуньцзе, Ли и Чунгао. Пропускаем пятую школу, а также все подробности узнаете дальше).

Даньтянь (нижний) — область в районе живота, где преобразовывается и накапливается светлая ци.

Глава 6. Снег одежд и мягкость взгляда

Хотя просветлённые не нашли, что ответить, расходиться они спешили. Похоже, их озадачило появление нового участника спора. При этом настолько, что все действия юношей приобрели оттенок неловкости: кто-то вскинул дрожащие руки в приветственном жесте, некоторые не отрывали взгляда от пола. Только ученики школы Ли сохранили свой враждебный настрой.

— Посмотрите внимательно, — продолжил юноша, забрав у Цайхуа талисман. — Я знаю стили всех ваших школ, и *этот* талисман отличается от тех, что вы продаёте. Я бы даже сказал, он превосходит их.

Толпа поредела. Просветлённые из школ Каймин и Чунгао поспешили уйти восвояси, стоило юноше начать свою речь.

— Уникальная каллиграфия, — обратился он уже к Цайхуа и добавил. — Так где и у кого она могла купить талисман?

С этим уже не поспоришь. Ученики школы Чэнсянь, склонив в знак согласия головы, покинули место полемики вместе с недовольными ребятами из школы Ли.

Лу Цайхуа расслабленно выдохнула. Слава богам, удача всё ещё с ней, и теперь она сможет попасть на испытание. Конечно, было немного обидно, что просветлённые в ней не узнали свою, но она понимала — в тяжёлые для мира времена необходимо сохранять осторожность.

— Благодарю за спасение, — Цайхуа хотела было поклониться, но юноша её остановил.

— Я ничего такого не сделал, — он снова улыбнулся. — Меня зовут Шанъяо, будем знакомы.

— Цайхуа.

Не сговариваясь, они пошли в одном направлении. Цайхуа поняла: Шанъяо тоже прибыл в город Тай на испытание. Искоса разглядывая парня, Цайхуа вдруг подумала, что его непременно возьмут в школу Чэнсянь — с момента их встречи, она постоянно ощущала его мощную духовную ауру. Наверняка он провёл в медитациях всю свою жизнь, но спрашивать его о чём-либо девушка пока не решалась.

— Твои духовные каналы и впрямь атакованы демонической ци. Хорошо, что ребята из Чуныцзе отреагировали сразу, — голос парня звучал очень ровно, и трудно было понять, какие эмоции его наполняют. — Боюсь, скоро мы услышим не очень хорошие новости. Расскажешь подробнее, с чем ты столкнулась?

Девушка не торопилась с ответом. Упомянуть потерянную чашку не было смысла. В лучшем случае ей не поверят, в худшем — начнут подозревать во всех грехах сразу. Каждый просветлённый знал — артефактом, особенно тёмным, так просто завладеть невозможно.

— Обыкновенное нападение. Я к такому привыкла, — иронично усмехнулась Лу Цайхуа. — Незнакомая женщина меня попыталась убить. Её лицо было скрыто, и я не смогла ничего разглядеть. Думаю, мне просто повезло остаться в живых. Лучше скажи, где научился целительству?

Цайхуа сменила тему намеренно. Однако не для того, чтобы отвлечь внимание юноши от своих злоключений: она и правда хотела узнать, где просветлённый научился оценивать состояние духовных каналов по пульсу.

— Было дело, — отмахнулся Шанъяо и задал встречный вопрос. — Почему так мало

духовной энергии?

Это имя ему подходило. Лицо его озаряла улыбка, и, пусть невозможно было понять, что за ней прячется, Цайхуа искренне верила — Шанъяо неплохой человек. Хотя внешне парень казался спокойным, в глазах его искрились огоньки озорства, и весь он будто бы светился от радости, известной только ему одному.

Подружиться с таким просветлённым лишним не будет, но делиться историей своих неудач с ним не стоит. В конце концов, сам он о себе пока ничего не сказал.

— Израсходовала в битве, — уклончиво ответила девушка.

Когда они добрались до подножья горы, солнце высоко стояло над горизонтом. Лучи его, невыносимо жаркие, вызывали желание спрятаться под сенью деревьев и, по возможности, окунуться в прохладные воды ручья.

Площадь, окружённая энергетическим барьером, была заставлена рядами деревянных столов, на каждом из которых лежали бумага и кисть. Изнывая от пекла, люди бранились, многие уже разбежались в поисках благодатной прохлады.

— Какие все забавные, — рассмеялся Шанъяо, провожая взглядом группу разочарованных богатых господ.

Девушка только улыбнулась в ответ и вытерла лоб. Проиgnорировав недовольство толпы, она протолкнулась поближе к столам и уселась прямо на землю. Неизвестно, как долго придётся ждать испытания, а скучать без дела Цайхуа не хотела. Приняв медитативную позу, девушка закрыла глаза и сконцентрировалась на потоках энергии.

— А ты, смотрю, времени зря не теряешь.

Голос Шанъяо прозвучал совсем рядом — очевидно, юноша последовал за ней. Цайхуа не ответила и только глубже погрузилась в себя.

Наконец, когда у площади осталось около двухсот человек, энергетический барьер рассеялся мерцающей дымкой.

Цайхуа открыла глаза. В окружении нескольких юношей с небес спускалась прекрасная женщина. Точно гордая богиня, слегка приподняв подбородок, она недвижно стояла на духовном оружии, и белоснежное платье её развевалось по ветру волнами.

Зрелище впечатляло настолько, что Цайхуа едва сдержала восторженный возглас. Затмив своей красотой само солнце, женщина изящно сошла с тонкого лезвия. Пока её спутники расставляли на столах золочёные тушечницы, она окинула собравшихся испытующим взглядом.

— Я ожидала большего.

И хотя лицо её, словно покрытое непроницаемой маской, было лишено всяких эмоций, не трудно было догадаться: женщина разочарована.

Цайхуа предполагала, что школа Чэнсянь набирает учеников неспроста. Должно быть, бессмертные с горы Тайшань ощутили всплеск демонической мощи и решили собрать все возможные силы для предстоящей войны.

Немало просветлённых рождалось среди простого народа. Не принятые в школы, они самостоятельно совершенствовали тело и дух. К тому же, многие ученики, покинув школы, становились наставниками, и таким образом численность просветлённых, пусть незначительно, но всё же росла. Оставалось только собрать всех в одном месте.

Кто-то вдруг выкрикнул:

— Ещё бы к вечеру спустилась! Кто бы здесь тогда остался?

— Наглость!

Юноши, чьи верхние одежды искрились на солнце золотистыми бликами, решительно обнажили мечи, но просветлённая в белом остановила их кивком головы.

— Способные пройти испытание пройдут его, — бесстрастно ответила женщина. — Я глава школы Чэнсянь, Тай Циньюэ. И прежде чем пригласить вас на гору Тайшань, я попрошу каждого написать несколько строк. Проходите к столам.

Люди будто озверели от ожидания. Подняв столб удушающей пыли, они с горящими, точно от жажды, глазами помчались занимать места. Расталкивая друг друга локтями, дети и взрослые стремились поскорее взяться за кисть, словно от этого зависела вся их дальнейшая жизнь.

Сбитая с толку Лу Цайхуа не сразу поняла, что случилось. Подождав, пока суматоха уляжется, она села за стол одна из последних.

Теперь всё будет зависеть лишь от неё. Ни слепая удача, ни даже судьба ей не окажут поддержки. Более не с кем разделить груз ответственности, никто, кроме неё не ответит за будущее, что ждёт впереди.

Будто толщи воды сомкнулись над её головой, отгородили от мира, утянули смятенную душу в водоворот сомнений и страхов. Впивается в тело сотнями игл напряжение, похолодевшие пальцы мелко дрожат.

Бездумно уставившись в листок желтоватой бумаги, девушка отчаянно пыталась найти в себе остатки настроения, с которым направлялась к горе.

— Цайхуа!

Знакомый голос вернул её в реальность.

— Не бойся, не убьют тебя здесь, — сидящий напротив Шанъяо ободряюще ей улыбнулся. — *Всё будет хорошо.*

Стройный юноша, занявший стол справа от Лу Цайхуа, вдруг презрительно фыркнул. Чернильно-чёрные волосы парня были забраны в небрежный пучок, грубая одежда невзрачных оттенков подчёркивала его красоту. Собой он напоминал юного князя, что покинул дом из интереса к жизни народа и обманулся в своих ожиданиях в первый же день.

С мрачным выражением лица просветлённый вертел в руках кисть. Стоило Лу Цайхуа к нему повернуться, как он наградил её колким взглядом.

— Что нужно писать? — раздался сзади голос ребёнка.

— Всё, что посчитаешь нужным, — ответил ученик главы школы.

— А если я не умею?

— Прости, но в школу Чэнсянь не приходят учиться писать, — отозвался второй ученик. — Отправляйся домой.

Несколько мужчин тотчас повскакивали из-за столов.

— Мы что, зря прошли весь этот путь? Почему вы не можете нас научить?

— Письмо развивает духовность, контроль и усидчивость, — голос главы школы Чэнсянь заставил их на миг замолчать. — Если им не владеете, боюсь, что кроме как размахивать мечом, вы больше ни на что не годны.

Оскорблённые мужчины осыпали женщину руганью. Многие даже обнажили мечи, но та, сложив пальцы в печать, пресекла их попытки учинить беспорядок. Попав под воздействие техники, они потеряли сознание, и ученики школы Чэнсянь унесли их тела.

— После того как напишете, оставляйте листы на столах и проходите на гору. Ваше испытание заключается в том, чтобы подняться в обитель бессмертных. Встретимся там.

Позабыв о всех страхах, Лу Цайхуа энергично схватила за кисть. Легендарная обитель

бессмертных! Побывать в ней она мечтала с самого детства. Наставник рассказывал, что именно там вознёсся Тай Чэнсянь. Сама же обитель, затерянная в облаках и туманах, полнится неиссякаемой духовной энергией. Вот где она сил наберётся!

То, что Цайхуа напишет, скорее всего не отразится на исходе её испытания. Однако в этом она не была уверена полностью, а потому ей стоило хорошенько подумать, прежде чем на бумаге появится хотя бы один иероглиф.

Мысли, точно застоявшаяся в луже вода, никак не двигались с места, и как бы Цайхуа ни старалась, ничего особенного придумать не вышло. Чем ломать голову, лучше написать одно из мудрых изречений наставника и поскорее отправиться в путь. В обитель бессмертных наверняка не проникнуть так просто. Если будет на то воля небес, самое меньшее, она доберётся туда к утру нового дня.

Вскоре Цайхуа весьма аккуратно вывела фразу: «Превзойти себя самого». Оставив лист на столе, довольная собой Лу Цайхуа начала своё восхождение на гору Тайшань.

На разгорячённое тело проливалась прохлада. Ветви деревьев сплетались над головой в замысловатом рисунке. Словно пытаясь ободрить просветлённую, они слегка качались вверх-вниз, будто кивали: *«Всё будет хорошо»*. Подсвеченные редкими лучами солнца, в воздухе парили паутинки, и торжественная тишина заполняла собой всё вокруг.

Где-то здесь, затерявшись среди высокой травы, бродят и остальные участники действия. Цайхуа почти сразу престала их слышать: либо они ушли далеко, либо гора в самом деле поглощала все звуки. Окутанная множеством тайн, Тайшань затмевала величием царство людей, и всё живое покорно молчало, не смея её потревожить.

Обитель бессмертных должно быть расположена у самых небес, там, где начинается мир небожителей, рассуждала Лу Цайхуа. Поднимаясь всё выше, девушка почти не ощущала усталости, а тёплый воздух, налившийся запахом трав, становился всё более влажным.

Нескончаемый лес, словно старый затворник, обрёл на горе свою безмятежную жизнь. Спокойствие его передавалось Цайхуа от шероховатых стволов, от каждого листа и узловатых корней, что мягко пружинили в ответ на её неторопливую поступь. Никем не потревоженный мир завораживал. Шагнув на эти земли однажды, уже не захочешь их покидать.

Что-то близкое сердцу обосновалось в этом лесу. Она не знала, *что* именно, но отчётливо различала его присутствие здесь. Необыкновенно родное и вместе с тем непонятное, оно проникало в неё с каждым вдохом и отзывалось внутри загадочным шёпотом. Сколько ни силилась Лу Цайхуа придать форму этому чувству, догадки больше не прятались среди её мыслей.

Тогда, ведомая интуицией, не до конца ещё осознавая, что делает, Лу Цайхуа закрыла глаза и сосредоточилась на своих ощущениях. Отголоски духовной энергии оставляли повсюду следы, и девушка смогла различить, где находится её далёкий источник. Так она и шагала вперёд, не доверяя глазам, лишь следуя зову божественной ци.

— Ты!

Ледяной голос разрушил хрупкую связь, что Цайхуа поддерживала с лесом.

Девушка вздрогнула. Не успев прийти в себя, она в замешательстве смотрела в глаза тому самому парню, что недавно сидел рядом с ней. Тонкие брови нахмурены, взгляд, от которого всё холодеет внутри, не предвещает хорошего. Юноша выглядел так, будто обнаружил убийцу, что уничтожил всех его близких.

— Что тебя связывает с Лао Тяньшу?

К Цайхуа, наконец, вернулась ясность сознания.

— Не знаю никакого Тяньшу, — девушка раздражённо пожалала плечами. — Ты ради этого меня отвлѣк?

Духовный баланс Цайхуа пошатнулся вследствие резкого выхода из медитации, а потому её захлестнуло волной возмущения. Какой-то незнакомец и, судя по всему, грубиян посмел её потревожить. Неслыханно!

— В последний раз спрашиваю! — приблизившись почти что вплотную, парень навис над ней грозной скалой. — Откуда ты знаешь Лао Тяньшу?!

— Ты что, разучился слова понимать? — взорвалась Цайхуа.

И...

Внезапно даже для самой себя она впечатала кулак в его красивое лицо.

Не ожидавший атаки просветлённый на миг отшатнулся. В глазах его промелькнула растерянность. А после сам мир перевернулся вверх дном.

Цайхуа не успела моргнуть, как её сбили с ног. Теперь, прижатая к земле телом незнакомого парня, с приставленным к шее мечом, она была готова плевать от гнева. Мало того, что её медитацию прервали самым беззастенчивым образом, так ещё и запугать пытаются.

— Да что ж за день сегодня такой!

В горной тиши её крик зазвучал отчаянно громко.

— Все, кому не лень, пытаются меня убить! Да ещё и вопросы задают непонятные!

— Не ври, что ничего не знаешь, — прошипел ей в лицо просветлённый. — Превзойти себя самого. Ты где эту фразу слышала?

— Тебя кто вообще воспитал?! — возмущение девушки достигло предела. — Тебе кто позволил смотреть, что я написала?

Она с силой ударила парня коленом в живот, однако тот успел уклониться. Мгновение, и лезвие вплотную приблизилось к горлу.

— Я жду ответа.

Почти не ощущая себя, окунувшись в лавину кипящих эмоций, просветлённая с ненавистью смотрела на человека, который довёл её до беспредельного гнева.

Она просто сильно устала. Не считая других злоключений, за последнее время её попытались трижды убить, и поведение этого парня переполнило чашу терпения девушки.

Рядом послышался шорох. Лёгкой поступью кто-то направился к ним.

— Отпусти её.

Голос мягкий и звучный. Шанъяо.

— Раз она молчит, значит и правда не знает.

— С чего ты её защищаешь? — досадливо буркнул обидчик, однако хватку ослабил.

Не теряя более времени, Лу Цайхуа оттолкнула его и поспешила встать на ноги. Демонстративно отряхнулась, а затем молча пошла в том направлении, которое выбрала до столкновения с тем мрачным парнем.

Внутри по-прежнему бушевал ураган.

— Цайхуа!

Снова Шанъяо.

— Чего тебе?

— С тобой всё в порядке?

Ей вдруг захотелось одновременно смеяться и плакать — какой там «в порядке».

Нестабильное состояние духа, светлой ци катастрофически мало, а все окружающие будто походили с ума.

Прямо сейчас ей хотелось остаться одной, однако Шанъяо продолжил идти за ней по пятам, будто не замечая её состояния. В конце концов он не выдержал и, схватив девушку за руку, усадил её на упавшее дерево. Утратившее силу по никому не известным причинам, оно местами поросло влажным мхом, и со ствола его кое-где осыпалась кора.

— Так не годится, — парень сел рядом и сложил пальцы в печать.

— Не надо.

— В таком состоянии ты вряд ли дойдёшь до обители.

Цайхуа собиралась остановить его, но Шанъяо настоял на своём. Поделившись с просветлённой энергией, он восстановил в её духовных каналах естественную циркуляцию ци. И только проверив пульс девушки, он, наконец, улыбнулся. Теперь здоровье Лу Цайхуа вне опасности.

— Играть в героя можно сколько угодно, — заметил Шанъяо. — Но важно помнить, что даже герои должны отдыхать. Ещё при первой нашей встрече я понял, что ты прошла через многое. И мне не понятно: зачем ты так себя мучаешь? Никто не ограничивал время, ты можешь медитировать здесь сколько угодно.

— Почему ты мне помогаешь?

— Если скажу, ты обидишься, — рассмеялся Шанъяо. — Спроси, что полегче.

Девушка запрокинула голову. Островки вечернего неба причудливо сплетались с узором ветвей. Сейчас, когда весь её гнев бесследно рассеялся, Цайхуа поняла, о чём говорит просветлённый. Она и вправду не позволяла себе отдохнуть очень долгое время. Ночной сон для неё являлся скорее неизменной задачей, без которой невозможно прожить, но как долго ни спи — полностью восстановиться нельзя. Особенно, если день ото дня только и делать, что расходовать все свои силы.

Цайхуа опустила на землю, прислонилась спиной к шероховатой коре. Ранний вечер наступил только-только, но глаза уже слипались от смертельной усталости. Сонливость накатила совершенно внезапно, но девушка не хотела так просто сдаваться. Кое-что стоило выяснить прямо сейчас.

— Кто такой Лао Тяньшу?

— Один из величайших бессмертных нашего времени, — охотно отозвался Шанъяо. — В кругах просветлённых о нём слагают легенды. Говорят, он был убит своим же мечом.

— Как грустно.

— Да, потеря большая. Он был единственным, кто посвятил свою жизнь защите людей. Лао Тяньшу погиб молодым, и до сих пор никто не может понять, как так случилось, что талантливый бессмертный попал в ловушку демонов. Он мог вознестись по одному только желанию, но вместо жизни среди небожителей выбрал странствия и схватки со злом.

— Впечатляет, — зевнула Лу Цайхуа. — Был бы он жив... Такого учителя я бы точно не упустила.

— Так или иначе, его с нами нет. С тех пор как он умер, в мире начался весь этот хаос. Демоны убили бессмертного. Только представь, какой ужас испытали в тот день просветлённые. Войны не избежать, и она будет намного кровопролитнее той, с которой всё началось.

— Я превзойду этого Лао Тяньшу, — пробормотала девушка. — И демонам тогда точно не жить.

Интересно, каков он, этот бессмертный герой? В затуманенном сознании девушки промелькнуло несколько образов: размытых и обрывочных. Снег одежд и мягкость взгляда — наверняка Лао Тяньшу был очень красивым. Задумавшись о нём, Цайхуа не заметила, как крепко заснула.

Примечание автора:

Вот и пришло время познакомиться с пятой школой просветлённых. Вернее, пока только с её названием:

开明 (Каймин) — просветлённый.

闪耀 (Шаньяо) — вспыхивать, блестеть, сиять. (Этого мальчика я очень люблю. Ждала его появления с нетерпением).

吟月 (Циньюэ) — яркая луна. Фамилия Тай говорит о её принадлежности к клану основателей школы Чэнсянь. Это и понятно, она ведь глава.

天数 (Тяньшу) — предопределение. По фамилии Лао также понятно, что он принадлежит школе Чуныцзе. С Лао Тяньшу вы должны быть знакомы, но уже наверняка его забыли. Чтобы освежить в памяти образ, можете перечитать пролог.

纯洁 (Чуныцзе) — чистейший, непорочный, невинный (хотя в предыдущих главах названия всех школ расшифрованы, всё равно решила напомнить).

Глава 7. Лишённая всякой надежды

Ей снились удивительно яркие сны. Волшебные и необыкновенно уютные, они отнесли Цайхуа в далёкое детство, куда ей уже никогда не вернуться. Все дорогие сердцу моменты слились в мимолётном видении, и девушка, словно проживая их вновь, ощущала давно забытое счастье. Пусть она рано потеряла родителей, наставник Чжуаньцзэ для неё стал лучшим на свете отцом, а подруга Юньчжи, несмотря на их перепалки, — любимой сестрой и самым родным человеком. С ними она прожила свои лучшие годы.

Как они там без неё? Юньчжи наверняка не расстанется с кистью и, быть может, время от времени вспоминает Лу Цайхуа. Наставник должен уже немного поправиться. Он зовёт к себе ученицу каждое утро, и всё никак не может привыкнуть, что она теперь вернётся нескоро. А может быть не зовёт. Знай себе пьёт чай с целебными травами да размышляет о вечном.

Она скучает по ним. Без добрых поучений Лао Чжуаньцзэ и шуточных колкостей подруги каждый новый день теперь — испытание. Жизнь её, словно затухающее пламя свечи, постепенно теряла свет и тепло, и чем дальше Лу Цайхуа двигалась к цели, тем сильнее ощущала окружающий мрак.

Прямо на глазах разверзлась бездна отчаяния, обещая лишить девушку жизни, утянуть в небытие всё то, что она так отчаянно любит. Демоны не будут ждать, пока Цайхуа станет сильнее. Если повезёт, она успеет овладеть духовным оружием прежде, чем мир погрузится в пучину войны. Сможет ли она защитить Юньчжи и наставника — зависит лишь от неё.

Беспечное детство просочилось сквозь пальцы, утекло вместе со временем, забрав с собой и её спокойную жизнь. Всё вокруг изменилось. Изменилась и сама Цайхуа. Теперь, с пером судьбы в своих руках, она ответственно пишет историю своего ближайшего будущего.

Проснувшись, девушка не сразу открыла глаза. Хотелось вернуться в бессознательный мир, чтобы снова, хотя бы на миг, увидеть улыбки любимых людей. Но остатки видений бесследно исчезли, точно истаявший снег на горячей ладони. Струны души отозвались печальной мелодией, и девушка вдруг остро ощутила одиночество. Лишённая всякой поддержки, чужая для всех в этом месте, теперь она могла рассчитывать лишь на себя. И от осознания этого становилось необычайно тоскливо.

Стояла глубокая ночь. Холодные жемчужины звёзд в беспорядке рассыпались по небесному куполу. Тревожное мерцание их затмевала луна. Необычайно огромная, словно сияющий лик божества, своим призрачным светом она разгоняла полуночный мрак. Лес казался безжизненным. Укрытый ночным покрывалом, он заснул мёртвым сном.

Цайхуа поёжилась. С каждым выдохом из лёгких вырывались облачка тёплого пара. Их сразу же вбирала в себя ненасытная тьма. Привстав, девушка наткнулась ладонью на холщовый мешочек, забытый кем-то в мокрой траве, и без особого интереса ощупала его содержимое: какие-то склянки. Наверняка Шаньяо обронил, и теперь хорошо бы вернуть их ему. Кстати, куда он мог подеваться? Особенно не рассчитывая на скорое появление юноши, она окликнула его. Как и ожидалось, зов её безответно потонул в полуночной мгле.

Собственный голос вдруг показался чужим, словно блёклая тень, что отделилась от тела. И всё вокруг, будто во сне, стало таким неестественным, расплывчатым, зыбким, что Цайхуа на миг засомневалась: *а существую ли я?* Помотав головой, она прогнала наваждение. Раз уж спать ей больше не хочется, следует продолжить путь.

Продираясь сквозь буйные заросли, Лу Цайхуа теперь кожей ощущала потоки светлой энергии. Её мощные волны, пронизывая девушку насквозь, улучшали состояние всего её организма, исцеляли его и укрепляли сеть духовных каналов. Обитель бессмертных была уже близко.

Когда Цайхуа вышла на небольшую поляну, одежда её полностью вымокла. Высокие деревья казались вырезанными из полотна неба фигурами, и невозможно было скрыться от их всевидящего взора. Окружённая их плотным кольцом, девушка беспокойно огляделась по сторонам. И только безучастная к лесу луна продолжала свою непрерывную схватку со тьмой.

Что-то светлое бесшумно мелькнуло в ночи, рассеяв повсюду лучи мягкого света. Двигалось оно так быстро, что невозможно было понять, чем или кем *это нечто* может являться. Цайхуа напряглась, привычно схватившись за меч.

— Кто здесь?

Вдруг множество ярких теней отделилось от древесных стволов. Полупрозрачные и невесомые, они плавно скользили по воздуху, оставляя за собой искрящийся след. Звери и птицы, сотканые из духовной энергии, кружились в чарующем танце, взмывали высоко к небесам и терялись в душистой траве. Каждое движение их будто таило в себе глубокий, недоступный человеческому разуму смысл. Безмятежные и свободные, они всё ещё принадлежали этому миру, но больше не были ему должны.

Цайхуа затаила дыхание, опасаясь нарушить особую атмосферу момента. Прямо над её головой, грациозно перебирая копытами, проплыл гордый цилинь. Его сверкающая грива пылала светлой энергией, из-под изящных крыльев во все стороны летели искры и взгляд призрачных глаз, задумчивый и спокойный, был устремлён к звёздам. Всё это было очень похоже на сон: невероятно красивый, волшебный и ясный.

Духовные сущности показывались людям на глаза крайне редко, а потому просветлённые сильно сомневались в их существовании. И сейчас, наяву наблюдая за тем, как они с наслаждением купаются в свете луны, Цайхуа вспомнила всё, что слышала о них когда-либо.

Если обычный человек достойно проживал свои годы, он мог получить право на жизнь после смерти. Душа его, не осквернённая демонической ци, в момент расставания с телом лишалась воспоминаний и обретала бессмертную форму. Так появлялись на свет духовные сущности. Освобождённые от бремени земного бытия, они направлялись к местам скопления светлой энергии и оставались там навсегда. И больше ничего о них не говорилось в книгах. Только наставник Чжуаньцзэ как-то раз обмолвился, что эти создания предпочитают гору Тайшань. Оно и понятно. Светлой ци здесь — до бесконечности много, да и потревожить их некому.

На другом конце поляны Цайхуа разглядела духовную сущность в женском облике. Среди сотен других таких же существ она одна была в человеческой форме. Возможно потому, что не сумела отпустить прошлую жизнь. Но то были догадки.

Окружённая сиянием ци, призрачная девушка расчёсывала пальцами волосы. Взгляд её был усталым, будто она прожила не менее тысячи лет и теперь, повидавшая всё, что только можно, жаждала освобождения. Заметив просветлённую, духовная сущность вдруг оживилась: беззвучно засмеялась и, хлопнув в ладоши, поманила Цайхуа за собой.

— Кто ты? — не удержалась Цайхуа.

Призрачная девушка ничего не ответила. Только приложила палец к тонким губам и

нетерпеливо махнула рукой, мол времени мало, иди скорее за мной. И хотя происходящее ей начинало казаться донельзя странным, просветлённая послушалась призрака.

В том, что перед ней духовная сущность, Цайхуа сомневалась. Но если подозрение окажется верным, кем она тогда является? Кажется, запас нерешённых загадок пополнился ещё одним вопросом. В последнее время количество тайн вокруг Цайхуа росло подобно траве по весне, и не было ни намёка на их скорое раскрытие.

Тем временем девушка пропала из поля зрения просветлённой. Всё вокруг потонуло в тумане, и невозможно было рассмотреть ни деревьев, ни неба, ни даже собственных рук. Цайхуа неуверенно шагала вперёд сквозь сгустившуюся тёмную дымку, с тревогой ощущая, как неумолимо истончается реальность. Окружающий мир словно рассыпался в прах, вернулся к первозданному хаосу, лишившись и намёка на жизнь. Жива ли сама Цайхуа? Что если она до сих пор не проснулась?

Душа блуждает во мраке. Лишённая всякой надежды, она не в силах вернуть своё счастье и не способна изменить настоящее. Её окружает ничто. Холодное и шаткое, оно забирается внутрь и вкрадчиво шепчет: «Всё кончено».

Кому принадлежат все эти чувства?

Вверх по позвоночнику пробежали мурашки. За спиной кто-то есть. Закусив от напряжения губу, Цайхуа повернулась.

В чи от неё, улыбаясь, стояла призрачная девушка.

Просветлённая застыла от страха, но духовная сущность как будто не заметила этого. Её рука почти невесомо коснулась лба просветлённой, оставив на нём ледяной отпечаток, и глаза Цайхуа в тот же миг ослепила яркая вспышка. Белый свет затопил всё вокруг, растворил в себе тело, и девушка вдруг ощутила странную лёгкость. Тихий голос раздался над ухом, но слов она разобрать не смогла. Сознание поглотил ослепительный свет.

Когда Лу Цайхуа пришла в себя, над головой всюю палило солнце, но отчего-то она не чувствовала его жарких лучей. *Она не чувствовала вообще ничего.* Сбитая с толку внезапными изменениями, девушка взглянула на свои руки и с ужасом обнаружила их совершенно прозрачными. Лишь слегка выделялись их сияющие контуры. Что вообще происходит? Просветлённая попыталась кричать, однако голос её растворился в тоскливой мелодии, раздавшейся вдруг недалеко от неё. Обвернувшись на звук, она увидела ту самую духовную сущность, вот только сейчас та была живым человеком.

— Эй, может объяснишь, что происходит?

Девушка не отреагировала. Только продолжила сосредоточенно перебирать струны гуциня. Под её тонкими пальцами рождалась звучная песня, что наполняла сердце невыносимой печалью, и Цайхуа вдруг поняла: она очутилась в чужих воспоминаниях. Но что же духовная сущность пыталась ей сообщить? Присев на валун рядом с девушкой, Цайхуа принялась за ней наблюдать.

Они были примерно одного возраста. Стройная, невысокого роста девушка внешне казалась спокойной, и только нездоровая бледность лица выдавала её беспокойство. Она сидела спиной к узкому проходу в пещеру, и порой воздух, вырывавшийся оттуда со свистом, колебал её блестящие волосы.

Вдруг рука её замерла, в напряжении зависнув над струнами. Последняя нота отозвалась с особой трагичностью, точно предсказывала скорую беду. Девушка поспешно схватилась за ножны, лежащие подле неё. Немигающим взглядом она уставилась вдаль, где бравыми солдатами в молчаливой готовности стояли деревья. Вот только их неровный строй не

сможет её защитить.

Повисла тишина. Стремглав неслись по небу облака, точно спасаясь от грядущей беды. Наконец, из леса вышла небольшая группа демонов. Будто облитые с головы до ног тушью, они излучали потоки тёмной энергии. С ними был пленник — юноша в белоснежных одеждах школы Чуньцзе. Глаза демонов, налитые кровью, щурились не то от солнца, не то в попытке оценить соперницу.

Один из них вдруг расхохотался:

— Так это ты, Юйчжоу? — он окинул её снисходительным взглядом. — Если покажешь, где твой учитель, мы не тронем тебя.

Преимущество, конечно, было на стороне тёмной силы. Что могла сделать хрупкая девушка против восьми сильных демонов? Но ради защиты наставника она так просто не сдастся. Не испугается перед лицом неминуемой смерти. Не проронив ни единого слова, девушка уверенно обнажила меч и направила его остриём на врага. Она готова к битве.

— Отпустите меня, — совершенно некстати взмолился пленённый ученик из школы Чуньцзе.

Очевидно он был страшно напуган.

— Я выполнил свою часть сделки! Что ещё вы от меня хотите?

— Молчать! — демон отвесил ему грубый удар. — Пригодишься ещё.

Содрогаясь всем телом, просветлённый вдруг разрыдался. Не решаясь больше просить ни о чём, он медленно опустился на землю и спрятал голову в ладонях.

— Предатель, — с ненавистью прошептала Юйчжоу.

Демоны ринулись к девушке. Их неистовый вой оглушал. Словно раскололась на части земля, и теперь из зияющей трещины всюду разносился рёв ужасного чудища. Смертельный бой начался.

Хотя демоны сражались обыкновенным оружием, они превосходили силы девушки одной своей численностью. Загораживая спиной вход в пещеру, она отдавала все силы на то, чтобы не подпустить к ней демонов даже на чжан. Ей просто нужно выиграть время. Наставник успеет спасти её.

Юйчжоу мастерски обращалась с мечом. Каждый выпад её был лёгок и точен. Подобно искусной танцовщице, она ритмично кружилась между сверкающих лезвий и в каждом её гибком движении читалась огромная сила. Но такой дивный талант был почти бесполезен даже при сильном желании одержать верх над врагом.

Звон металла болезненно отзывался в душе, его яростный скрежет заставлял сердце дрожать. Демоны уверенно атаковали преграду на пути к своей цели. Владей они навыками управления собственной ци, давно бы уже разобрались с надоедливой девушкой.

Как бы ни старалась Юйчжоу, как бы отчаянно ни вкладывала всю себя в этот бой, без знания особых техник она не могла победить. Время текло мучительно долго, и даже всполохи света на духовном оружии, казалось, скользили по лезвию в замедленном темпе. Девушка упрямо не поддавалась усталости. Пока наставник в пещере, она несёт ответственность за жизнь всего мира. И в страшном сне ей такое не снилось, но раз уж на то воля небес, Юйчжоу не посмеет запятнать свою честь. Ей больно и страшно, но она будет идти до конца.

Юйчжоу одна. Демонов восемь. С каждым мгновением их нетерпеливые выпады становятся жёстче и яростнее.

Непредсказуемые удары посыпались на девушку так, что она едва успевала себя

защитить, и вскоре всё тело её было испещрено царапинами. Глубокие и серьёзные, мелкие и незначительные — все они нестерпимо саднили.

Дыхание сбилось, сознание начало заполняться вязким туманом обрывочных мыслей. Демоны только и ждут, когда противник потеряет контроль над собой. *Нет*. Пусть даже она лишится всей своей крови, всё равно останется стоять здесь, до по последнего вдоха отражая выпады нечисти. Не повезло отродьям тьмы столкнуться с ученицей сильнейшего на свете просветлённого. Она покажет им, чему учил её наставник, и без остатка отдаст всю себя, чтобы его защитить.

Её накрывает отчаяние. Скользкое и удушающее, оно будто смеётся над ней, наполняя собой её повреждённое тело, вырываясь из горла вместе со стонами. Рука, вцепившаяся в меч, онемела, и сам металл потяжелел уже на несколько цзиней. Она всё ещё отражает удары, но холодные лезвия теперь безостановочно задевают её и оставляют свежие раны. Кажется, это конец.

Сердце пропускает удар. Юйчжоу с запозданием чувствует, как из волос выскальзывает шпилька. Ударившись о землю с насмешливым звоном, она переливается в лучах жаркого солнца.

Всё похолодело внутри, когда мощным порывом ветра в лицо бросило длинные пряди. Юйчжоу не видит врага только мгновение, а острая боль уже взрывается в теле. Её словно рвут пополам, сдирают заживо кожу, но из живота всего лишь торчит чей-то меч. Она не видит, кто её ранил — в глазах уже потемнело, и она оседает на землю. Боль вгрызается в разум, заполняет собой естество, не позволяя сделать и вдоха. Она не может даже кричать, только горячие слёзы текут по щекам.

Невыносимо больно, и невозможно понять, что причиняет больше мучений: дыра в животе или стремительно растущая в душе пустота. Она не сумела спасти даже себя. Как она посмотрит в глаза своему дорогому учителю? Как теперь она его защитит?

Подавившись собственной кровью, девушка в последний раз заполнила лёгкие родным горным воздухом. Раз тело её умирает, она не даст своей духовной ци исчезнуть напрасно. Её не хватит, чтобы забрать этих тварей с собой на тот свет, но выиграть время получится. Трясущейся рукой она вскинула меч и медленно выдохнула, крепко зажмурился глаза.

Колючая волна светлой энергии прошла по позвоночнику вверх, и лезвие оружия вдруг засияло мощным обжигающим светом. Из горла вырвался сдавленный хрип. Стремительно леденели конечности, отдавшие всю жизненную силу особенной технике. «Взрыв света». Наставник не хотел показывать её ученице, но сейчас Юйчжоу была искренне рада, что однажды переубедила его.

Демоны в испуге отшатнулись, их чёрные тела дымились, точно опалённые пламенем.

Не выдержав напора, меч её покрылся сеточкой трещин.словно во сне она наблюдала за тем, как мелкие осколки металла разлетаются блестящими брызгами и с последней волной духовной энергии неизбежно врезаются в кожу демонических тварей. Свой долг она выполнила.

— Наставник, — надрывно прошептала Юйчжоу. — Заберите меня... С собой.

Она никогда его не забудет. Сердце девушки, отозвавшись на тёплое чувство, в последний раз встрепенулось. И замерло навсегда.

В тот же миг грянул гром, и небо затрещало по швам. Изломанная молния ударила в пещеру, разворотила её по частям, подняв облако пыли. Всё вокруг затопило духовной энергией, когда из-за развалин вдруг показался небожитель. Жемчужно-белые волосы,

заколотые на макушке бамбуковой шпилькой, и безмятежное лицо в нём выдавали Тай Чэнсяня. Мгновение назад он стал божеством, но в его янтарных глазах не было радости.

Склонившись над безжизненным телом Юйчжоу, он крепко прижал к своей груди её голову. Опоздал... Человек он или божество — спасти ученицу ему не под силу. Так есть ли разница, кем быть?

Одинокая слеза скатилась по его щеке, печально сверкнула в лучах заходящего солнца. Тай Чэнсянь мог уничтожить всех демонов одним заклинанием, но теперь он заставит их мучиться. Вечно.

— Сестрица, тебе лучше?

Кто-то снова передавал ей свою ци. Дожили. Цайхуа, не успев толком очнуться, вдруг ощутила себя оборванкой, сидящей у дороги с протянутой рукой. Неужели она и впрямь так жалко выглядит, что теперь уже каждый прохожий спешит ей помочь? Стало даже обидно.

— Мне и не было плохо, — проворчала просветлённая, открывая глаза.

Хотя путешествие по чужим воспоминаниям выдалось слегка утомительным, сейчас Цайхуа была бодрой и готовой к новым свершениям.

Рядом с ней сидела невысокая девушка в очаровательном розовом платье. Невинно хлопая ресницами, она с любопытством глядела в лицо Цайхуа. Типичный женский персонаж из приключенческих книжек, заключила просветлённая. Подобные героини обычно глупы, милостивы на личико и постоянно создают всем проблемы. Влипают вечно в неприятности, а потом спасай ещё их. От такой девушки стоит держаться подальше, не то в скором времени проблем не оберёшься. Но сейчас, увы, она нуждалась в собеседнике. Пусть даже в таком: не столь важно, с кем разговаривать, когда в мыслях царит беспорядок.

— Послушай, — Цайхуа мягко отстранила от себя руку незнакомки. — Что ты знаешь о вознесении самого первого небожителя?

— Сестрица, ты про Тай Чэнсяня сейчас? — удивилась девушка в розовом. — Ну... Когда он вознёсся и стал божеством, у него появилась огромная сила. С её помощью он изгнал демонов в Мрачный чертог и отделил Небесное царство от мира людей.

— Зачем? — возбуждённо спросила Лу Цайхуа.

— Так он смог уравновесить созданный мир другим миром, который противоположен по силе.

— Я не об этом! Зачем он *изгнал* демонов, если их можно было просто убить?

Незнакомка растерялась окончательно. Смущенно опустив глаза, она молча теребила свой шёлковый рукав.

А Цайхуа наконец-то осенила догадка. Тай Чэнсянь решил отомстить за смерть своей ученицы, заставив демонов страдать веками в Мрачном чертоге! Вот только откуда ему было знать, что однажды демоны пробьют брешь меж мирами. И пусть в этом мире нечистая сила не могла вернуть себе материальную форму, она продолжала нести хаос в жизни людей с завидным упорством.

Но разве об этом хотела сообщить ей Юйчжоу? Цайхуа чувствовала, будто что-то невидимое ускользает из рук, и поймать его никак не выходит.

— Забудь, — смягчилась просветлённая. — Я Цайхуа.

Девушка в розовом расплылась в ответной улыбке, и щёки её расцвели нежным румянцем. С венком из ароматных трав в волосах и букетом полевых цветов, она была похожа на фею. Добрую и невинную.

— А меня зовут Юцин, — девушка встала с колен. — Я тебя здесь случайно нашла. Не представляешь, как я испугалась! В жизни не видела людей без сознания! Я сделала всё, чтобы помочь, и очень рада, что с тобой всё в порядке. Слушай, у тебя же с собой мешочек с лекарствами. Почему ты их не использовала?

— Они не мои. Мне нужно вернуть их другу, — отмахнулась просветлённая, не желая даже выяснять, откуда Юцин знает о содержимом мешка. Куда более странным ей показалось другое: называть Шанъяо *другом* было несколько необычно. Неужели она начала ему доверять?

Цайхуа особо не прислушивалась к безостановочному щебетанию Юцин — слишком много бесполезной информации. Если повезёт, она скоро от неё отделается.

Лучи утреннего солнца подсвечивали стену тумана, скрывавшую силуэты грандиозных построек. Но золото их крыш проглядывало даже сквозь такую плотную завесу. Белая дымка ручьями стелилась по мокрой траве и, гонимая ввысь порывами ветра, растворялась в безоблачном небе вместе с ночными кошмарами. Настроение было чудесным, и Цайхуа засмеялась от радости.

— Там обитель бессмертных, — сообщила Юцин очевидное. — Твой друг, наверное, тебя заждался. Пойдём скорее!

Оставалось только гадать, за какие свершения небеса наградили её столь жизнерадостной спутницей.

Когда девушки вышли на площадь, окружённую цветущими персиками, на ней собралось уже около сорока человек. Молодые люди, прошедшие испытание, оживлённо болтали с учениками из разных школ. Два просветлённых громко ругались прямо в центре толпы, однако никто не обращал на них никакого внимания. Словно это было обычное дело.

— Пусть твой учитель оставит в покое моего наставника! — верещал ученик из школы Каймин.

— Твой наставник первый начал его доставать!

Парень в алых одеждах раздражённо взмахнул рукавами и удалился к беседке. Там, расположившись за столами из белого нефрита, наслаждались чаепитием представители пяти лучших школ просветлённых.

Цайхуа неотрывно продолжала смотреть на ученика из школы Каймин. Он стоял к ней спиной, однако голос его казался до боли знакомым. Бирюзовые одеяния, расшитые по краю синими орхидеями, и ножны из дорогого металла — этот юноша просто не мог быть её другом.

Он вдруг развернулся и, перехватив напряжённый взгляд Цайхуа, весело ей подмигнул.
Шанъяо.

Примечание автора:

Цилинь — древнекитайское мифическое существо. Голова дракона, тело единорога и дальше по списку.

宇宙 (Юйчжоу) — космос.

斤 (Цзинь) — 500 граммов.

有情 (Юцин) — быть влюбленным, иметь привязанность; любовь, страсть; всё чувствующее, всё живое (в буддизме).

Глава 8. В сражениях он словно ветер, в миру же подобен белой магнолии

— Твоё, — буркнула Лу Цайхуа, протягивая ему полотняный мешочек.

Девушка была озадачена таким поворотом событий. Поскольку Шанъяо вдруг оказался учеником школы Каймин, его обширные познания о мире просветлённых, равно как и его огромная духовная сила, теперь имели под собой основание. Непонятно было только одно: какую цель он преследовал, выдавая себя за участника вступительного испытания? Прокрутив в голове все связанные с ним события, Цайхуа не смогла отыскать объяснения, а потому лишь тихонько вздохнула.

Грустно. Нет, она вовсе не обиделась на Шанъяо. Просто теперь их разделяет целая пропасть: он — старший ученик одной из лучших школ просветлённых, а сама она пока что никто.

— Эй, ты чего такая? — заметил он её удручённое состояние.

Цайхуа поспешно натянула улыбку и покачала головой. На самом деле, ей очень хотелось с ним обсудить своё ночное видение, но по известным причинам это становилось бессмысленным. Наверняка Шанъяо скоро вернётся на Маошань, одну из священных гор просветлённых, где располагалась школа Каймин, и в ближайшее время они с ним больше не встретятся. А делиться чем-то важным с людьми, никак с ней не связанными, Цайхуа считала верхом легкомыслия.

Кажется, судьба неспроста свела её с Юцин. Возможно именно эта девчонка станет её единственным другом. И только девушка решила вернуться к своей розовой фее, как Шанъяо, покопавшись в мешочке, выудил из него синюю склянку.

— Держи. Восполнит половину утраченной ци.

Цайхуа округлила глаза. Судя по тому, что о подобном лекарстве она даже не слышала, наверняка оно является особенно редким. Кто он вообще такой, чтобы носить с собой столь ценную вещь, да ещё и бездумно отдавать её кому попало?

— Не стоит.

Она развернулась, чтобы уйти, однако Шанъяо преградил ей дорогу. Взгляд его вдруг сделался таким серьёзным, будто он столкнулся с неразрешимой задачей. Весёлые огни, что привычно плясали в его карамельных глазах, точно смыло водой, и обыкновенно беззаботное лицо его стало задумчивым. Цайхуа не была с ним близко знакома, чтобы делать подобные выводы, однако не смогла удержаться от мысли: улыбка шла ему намного больше.

— Ты обиделась?

— Нет.

— Тогда почему ты себя так ведёшь?

— Послушай, — она закатила глаза. — Какую бы цель ты ни преследовал, в твоей помощи я не нуждаюсь.

Послав ему предупреждающий взгляд, просветлённая направилась к Юцин, которая с интересом наблюдала за развернувшейся сценой. Болтливая девчонка расположилась в траве неподалёку от туманной завесы, ограждавшей обитель бессмертных от внешнего мира, и доплетала цветочный венок.

Цайхуа плюхнулась рядом и осмотрелась.

— Так вот значит какой у тебя друг, — мечтательно вздохнула розовая фея. —

Познакомишь нас?

— Ага, конечно, — усмехнулась Лу Цайхуа. — Сама к нему подойди, если так хочется.

Юцин обиженно насупилась, но спорить не стала.

Обитель бессмертных была похожа на небесный город. Какие небеса на самом деле, никто из людей не смел даже представить. Однако среди просветлённых нашлись храбрецы, дерзнувшие не только рассуждать о жизни богов, но и описывать устройство Небесного царства в своих высокопарных стихах. И хотя девушка была знакома лишь с малой долей подобных творений, её воображение рисовало города небожителей в мельчайших деталях.

Будто газовой тканью было укрыто всё пространство вокруг. Облака, воздушные и полупрозрачные, вольно стелились по блестящей траве и мощёным дорожкам, путались в ветвях цветущих деревьев, и в молочной белизне их утопали такие же белые, выточенные из нефрита дворцы.

Лучи солнца пронзали дымку широкими сияющими росчерками и осыпались на землю золотистой пылью. Атмосфера неземного величия гармонично сплеталась с ароматом цветущего персика, что успокаивал душу и разум. Пробудешь в таком месте до вечера — выйдешь обратно другим человеком. Спокойным и безмятежным, словно приоткрывшим тайну богов.

Вниманием Лу Цайхуа завладела беседка, где все бессмертные этого мира продолжали пить чай. Молодые и необычайно красивые, все они словно сошли с живописных полотен, изображавших житие всемогущих божеств. Эти просветлённые являлись для неё идеалом. Одно только их существование наполняло её душу восторгом и нестерпимым желанием как можно скорее приступить к обучению. Если повезёт, через десятки лет она сможет также сидеть в этой беседке, наслаждаться утренним чаем и с любопытством поглядывать на молодое поколение.

Помимо Тай Циньюэ девушка с удивлением обнаружила в беседке ещё одно знакомое лицо. И это был вовсе не глава школы Ли, а тот самый сереброволосый мужчина, защитивший её на горе Лунхушань от учеников своей же школы.

Лунху Чжао рассеянно поглаживал трёхцветного кота и, казалось, совершенно не слушал, о чём говорит его собеседник — мужчина в бирюзовых одеяниях. Синие орхидеи, вышитые по краю его верхних одежд, свидетельствовали о принадлежности к великому клану Мао. Лицо мужчины казалось необычайно спокойным, как если бы он давно познал сакральный смысл бытия. Аура его излучала уверенность и долю превосходства над миром, и только в глазах его плескался неуловимый оттенок печали. Казалось, все земные богатства, все духовные ценности для него потеряли значение, когда в одночасье он лишился того, чем больше всего дорожил.

— Это мой наставник, — похвастался Шанъяо, проследивший за взглядом Лу Цайхуа.

Его голос раздался прямо над ухом, и сам он очутился рядом с ней так внезапно, что Цайхуа бессознательно схватилась за меч. Пора бы привыкнуть к неожиданным нарушениям личных границ — в последнее время они участились и, по всей видимости, избежать их уже не удастся. Что ж, раз Шанъяо решил ей составить компанию, она не откажется.

— Глава твоей школы? — поинтересовалась Лу Цайхуа, пока розовая фея смущённо пыталась найти слова для приветствия.

— Его младший брат. Сам глава Мао Синдоу уже много лет находится в странствии, — отозвался парень. — Но мой наставник даже лучше него. Он непревзойдённый мастер естественных техник и единственный, кто смог ощутить биение сердца природы. В

сражениях он словно ветер, в миру же подобен белой магнолии. Одним словом, он совершенен!

— Не сомневаюсь, — улыбнулась девушка. — Как его зовут?

Шанъяо, преисполненный гордости за своего учителя, с достоинством поднял подбородок. В его голосе звучало благоговейное почтение.

— Мао Шуай.

Вместе с порывом слабого ветра взметнулись к небу лепестки цветущего персика. Окаймлённые мягким сиянием, нежные и лёгкие, они вихрем кружились в тёплых лучах и осыпались на землю бледно-розовым снегом.

В поэтичном беспорядке, создаваемом ветром, неземная красота обители приоткрывалась с другой стороны. Из-за пушистого облака вдруг показался храм необычайно огромных размеров. Очертания его изогнутых крыш легко угадывались в дымке тумана; сейчас же он предстал во всём своём величии. Он словно без остатка впитал в себя солнце, и теперь золото крыш его превратилось в источник искрящегося света. Одного взгляда на храм было достаточно, чтобы на миг позабыть о дыхании. И даже стоящий рядом с ним грандиозный дворец казался незаметной башней.

— Храм Вознесения, — сообщил Шанъяо в ответ на потрясённый выдох девчонок. — Существует легенда, что ученица Тай Чэнсяня явилась во снах к другим его ученикам. Она взяла с них слово, что в знак почтения к их общему наставнику они не только возведут роскошный храм, но и создадут ещё одну школу. Тай Чэнсянь был прародителем всех наших знаний и техник. Он преуспел в чистоте, просветлении, силе и благородстве, и школа Чэнсянь объединила в себе всё, чего он однажды достиг. Хотя, гораздо быстрее стать мастером сначала в одном направлении. В своё время так поступил и сам Тай Чэнсянь. Поэтому новая школа скорее является местом, где все просветлённые обмениваются опытом и приближаются к бессмертию. Но есть и такие ученики в Чэнсянь, которые стремятся охватить всё сразу, и не отправляются в другие школы. Они развиваются медленно, но их глубокие познания во всех областях того стоят.

— А что в итоге стало с ученицей Тай Чэнсяня? — поинтересовалась Цайхуа, не отрывая глаз от постройки.

— Говорят, она вознеслась вместе с ним. На самом же деле никто не знает, что с ней случилось, но все охотно верят в этот домысел. Кстати, дворец Истины рядом с храмом символизирует преданность его ученицы. По-другому его ещё называют дворец Юйчжоу. А ещё он является самой большой библиотекой в мире. Только представь, сколько техник, легенд и трактатов живут в его стенах.

— Нет слов, — честно призналась Лу Цайхуа. — Только восторг.

Ей было трудно поверить, что всё это с ней происходит, но где-то в глубинах души Цайхуа жило осознание — это не сказочный сон. Она здесь в самом деле. В месте, лишённом забот, где грань между мирами истончается так, что уже невозможно понять: находишься ли ты на небесах или тебе повезло лишь приблизиться к ним.

— Достопочтенный просветлённый, примите моё уважение! — наконец пролепетала Юцин и тут же низко опустила голову, скрывая смущение.

И хотя редкая чёлка частично закрыла собой лицо девушки, по-прежнему оставалось заметным, как заалели её щёки.

От любования архитектурой пришлось оторваться: короткий миг очарования был неотвратимо нарушен. Обернувшись, Цайхуа и Шанъяо прыснули со смеху. Что и говорить,

зрелище было довольно забавным. Юцин же покраснела сильнее.

— Ты что, с парнями никогда не общалась? — окинул её снисходительным взглядом Шаньяо. — Вот когда стану бессмертным, тогда и выражай своё уважение. Буду не против.

Цайхуа мысленно прикрыла ладонью лицо. Хотя ситуация казалась крайне неловкой, её она не касалась, а потому девушке оставалось лишь отвести взгляд — допустим, её новых друзей здесь попросту нет.

— Цайхуа, ты больше не сердисься?

Вопрос застал её врасплох. И впрямь, она так спокойно общается с ним, будто они давние друзья, и между их достижениями нет существенной разницы. Цайхуа отвернулась, не желая поддерживать тему, однако Шаньяо по-своему расценил молчание девушки.

— Я сделаю всё, что попросишь! Лишь бы ты меня простила, — заканючил парень и потянул её за рукав. И почему теперь он так похож на шаловливого ребёнка?

— Прямо-таки всё? — хитро прищурилась Лу Цайхуа.

Её посетила идея. Слегка сумасшедшая, но определённо весёлая. По крайней мере, уж она-то точно потешится вдоволь. Наверняка она первая, кому выпал шанс подшутить над учеником прославленного мастера из школы Каймин.

— Ага, — с готовностью закивал просветлённый.

— Договорились.

Вскоре, когда до маленькой площади добралось ещё с десятков человек, сонных и сильно уставших, глава школы Чэнсянь покинула беседку. Её лицо оставалось холодным, незримая маска надёжно скрывала любые эмоции.

Сегодня Тай Циньюэ была одета в лёгкое золотистое платье и длинные локоны её тёмных волос свободно ниспадали на плечи, придавая образу просветлённой несравнимое очарование. Непрístupная и ко всему безразличная, она бесспорно являла собой совершенство.

— Пришло время подвести итоги испытания.

Пока новоприбывшие с непониманием переглядывались между собой, ученики пяти различных школ разделили толпу на две неравные части. Лу Цайхуа и Юцин оказались в малочисленной группе, состоящей всего из шестнадцати человек.

С запозданием до девушки дошло: сейчас решается её судьба. Она догадалась, что каким-то неведомым способом старшие уже давно определили, кто смог пройти испытание. И оставалось только гадать, какое решение глава школы приняла насчёт неё и Юцин. Но страха больше не было. Отчего-то девушка была уверена в том, что станет ученицей школы Чэнсянь. Слишком уж многое ей пришлось пережить, чтобы проиграть судьбе в последний момент.

— Слушай, — прошептала Юцин. — Ты пересекалась со своим другом во время испытания? И как давно ты с ним знакома?

— Неужели он тебе так интересен? — вскинула брови Лу Цайхуа.

Говорить о подобном сейчас, когда глава школы вот-вот назовёт тех, кто прошёл испытание, было несколько странно.

— Какое легкомыслие...

— Дело не в этом! — девчонка топнула ногой от нетерпения. — Кажется, я всё поняла! Ученики всех школ притворились участниками и таким образом проверяли наши духовные качества. Невозможно же стать просветлённым, если твоя душа не чиста. Думаю, каждый из нас столкнулся с небольшой проверкой, и все, кто её прошли, останутся здесь.

Цайхуа изумлённо посмотрела на сияющую от радости девушку. Вот оно что! Получается, Шанъяо не потерял свой мешочек с лекарствами, а на самом деле проверял, оставит ли она находку себе и воспользуется ли её содержимым. Казалось бы, совсем обыкновенный случай, не требующий много внимания. Но как зачастую случается, подобные события определяют направление жизни, а заурядные решения однажды могут стать судьбоносными. И если Шанъяо всё ещё друг ей, определённо он заслужил своё наказание. Будет знать, как устраивать ей тайные ловушки!

Цайхуа вдруг стало стыдно за то, что она сочла Юцин недалёкой. Девушка она, несомненно, наивная, но отнюдь не глупая. В отличие от Юцин, Цайхуа не догадалась о том, что задумала глава школы Чэнсянь, и это естественным образом ударило по её самолюбию. Впредь она будет внимательней.

— Розовый цвет или букет цветов? — неожиданно спросила Лу Цайхуа.

Девушка вспомнила, что с завтрашнего дня Юцин не будет носить розовое платье: всем им выдадут особые одежды школы Чэнсянь.

— Что?

— Просто ответь.

— Ну цветы, — озадаченно произнесла Юцин.

— Значит будешь цветочной феей.

Пока Юцин растерянно пыталась осознать, что имела ввиду её собеседница, Цайхуа задумалась о парне, с которым подралась в горном лесу. Судя по его боевой подготовке, он мог вполне оказаться учеником школы Ли. А если так, хотя и не хочется, с ним тоже стоит найти общий язык.

Ход её мыслей прервал бесстрастный голос главы школы Чэнсянь.

— Возвращайтесь домой, — обратилась она к большей по численности группе просветлённых.

В толпе раздался чей-то разочарованный возглас. У многих же на недовольство просто не осталось сил. Безропотно приняв свою участь, люди побрели к туманной завесе. Несколько девушек ударились в слёзы, и только один небритый мужчина разразился яростным криком:

— Вы говорили, что нам нужно добраться досюда! Я здесь! Стою перед вами! Так почему же я должен отправляться назад?!

— Добраться до обители бессмертных мало. Я не говорила, что приму в ученики всех, кто делает это.

Мужчина сердито плюнул на землю и смерил Тай Циньюэ презрительным взглядом.

Просветлённая даже не стала смотреть в его сторону. Приказав ученикам его увести, она обратилась к оставшимся:

— Добро пожаловать в школу Чэнсянь.

Они змейкой спускались по склону. Тай Циньюэ размеренно шагала во главе их процессии, остальные же, едва переставляя от усталости ноги, старались за ней поспевать. Представители других школ просветлённых остались в обители: допивать свой утренний чай и раздавать ученикам указания. Шанъяо объяснил, что некоторые учителя по очереди остаются в Чэнсянь на несколько месяцев, передают часть знаний всем желающим и возвращаются обратно. Так и протекает жизнь на горе. Ты сам волен решать, у кого и чему обучаться, и сам несёшь ответственность за свои достижения.

— А при желании ты можешь временно отправиться в другую школу, — рассказал им напоследок Шаньяо. — Если понравится, можно в ней даже остаться. Но всё это сложно. Подробнее вам расскажет глава.

— Ты возвращаешься в Каймин? — вдруг заинтересовалась цветочная фея, озвучив вопрос, интересовавший и саму Цайхуа.

— Пока нет. Увидимся, — он махнул девчонкам рукой и поспешил к Мао Шуаю.

Юцин, вполне ещё бодрая, красочно описывала подруге своё состояние. Неиссякаемый словарный запас её был подобен воде из колодца: сколько ни черпай, воды остаётся в десять раз больше. И всё же Цайхуа разделяла чувства Юцин. В момент, когда их признали учениками школы Чэнсянь, девушка испытала ни с чем не сравнимое счастье. Она достигла поставленной цели.

На всём белом свете не сыскать подобного чувства. Головокружительное и пьянящее, оно способно заставить любого танцевать, кричать что есть сил, смеяться и плакать. От осознания, что каждый новый день её теперь будет другим, в груди разливался сладостный трепет. Лу Цайхуа — часть мира просветлённых, и жизнь её теперь будет полна приключений, необъяснимых загадок и неизведанных тайн.

Следующая цель Цайхуа — достичь земного бессмертия. Настало время определиться с задачами. В первую очередь ей нужно отыскать хорошего наставника, подчинить себе духовное оружие и подняться на третью ступень совершенствования.

Про демоническую чашку Цайхуа не забыла. В библиотеке она поищет книгу артефактов и обязательно во всём разберётся. Вдруг всё это связано с Юйчжоу? Чего бы призрачная девушка от неё ни хотела, Цайхуа обязательно со всем разберётся.

— Первое правило, которое вы должны уяснить, — внезапно сообщила Циньюэ. — Без разрешения старших посещать обитель бессмертных нельзя. За нарушение вас будет ждать наказание.

По толпе прокатился расстроенный вздох.

— А когда будет можно? — подал голос какой-то мальчишка.

— Правило второе — спрашивать разрешение, прежде чем начать говорить, — холодно отозвалась женщина. — Полагаю, вам должно быть понятно уже из названия, кто имеет право входить в неё. Длительное пребывание в обители способно навредить не бессмертным. Ваши тела ещё слишком слабы, чтобы выдержать воздействие такого мощного потока энергии. Чем ниже ступень совершенствования, тем выше риск потерять контроль над своей ци.

Вскоре им открылся вид на бамбуковую рощу. В сочной зелени побегов утопали крохотные хижины. Их соломенные крыши, квадратные и плоские, вызвали в душе необъяснимое чувство уюта. Другие же постройки, имевшие свои назначения, гармонично сливались с природой в своей простой красоте. Все они были похожи на миниатюрные деревенские храмы с потемневшей от времени черепицей и деревянными узорчатыми стенами. Поодаль от жилых помещений за стволами бамбука приютился старый колодец, и узкая лента горной реки огибала рощу по краю. Там, за рекой, на безбрежном просторе только зацвела трава.

— Здесь вы будете жить, — сообщила глава, когда все спустились к бамбуковым хижинам. — Сегодня осмотритесь на горе, а завтра начинайте занятия. Старшие ученики вам помогут освоиться. По всем вопросам обращайтесь к ним. Если потребует ситуация, приходите ко мне, и мы найдём с вами выход.

Тай Циньюэ сделала паузу, по очереди оглядев учеников. Ничего не выражающий взгляд её задержался на каждом не более чем на мгновение. Но даже этого хватило, чтобы ощутить, как пробегает вверх по спине холодок.

— В школе Чэнсянь запрещено убивать, устраивать драки, выражать непочтение к старшим и безответственно относиться к учёбе, — продолжила женщина. — За серьёзные проступки вход на гору Тайшань для вас будет закрыт навсегда. Есть вопросы?

Воцарилось молчание. Просветлённые неуверенно переглянулись между собой. Возможно, у них не осталось вопросов, но, кто знает, быть может они просто не решались её о чём-то спросить.

Глава школы заслужила свой титул: в её присутствии ученики начинали теряться, и трудно было понять, трепещут они перед ней от восторга или же от необъяснимого страха. Тай Циньюэ спрятала сердце за коркой обжигающе-холодного льда. И если оно ещё способно на чувства, этого она никогда не покажет.

— Достопочтенная наставница, разрешите задать вам вопрос, — подала голос Юцин.

Цайхуа с интересом взглянула на цветочную фею. Отчего же она так смущалась при разговоре с Шаньяо, но ничуть не робеет в присутствии главы школы Чэнсянь?

Получив дозволение, Юцин продолжила речь:

— Я слышала, что у нас будет возможность попасть в школы Чуньцзе, Каймин, Ли и Чунгао. Как это можно сделать?

— Вам ещё рано думать об этом. Через год на нашей горе пройдёт ещё одно испытание. Все желающие получить опыт в других школах должны будут доказать своё право на это. А сейчас я всем желаю удачи.

Ученики и моргнуть не успели, как женщина встала на меч и в стремительном полёте исчезла. По истине достойна богов.

Пока просветлённые разбредались по комнатам, Юцин и Лу Цайхуа решили отыскать библиотеку. По всей видимости, они были единственными, кому удалось выспаться в горном лесу, а потому энергии у обеих было хоть отбавляй. На самом деле Цайхуа не горела желанием возиться с пыльными книгами. Куда интереснее было бы прогуляться по территории школы, но времени на это у неё предостаточно. К тому же важнее узнать, что за артефакт она упустила.

Библиотекой оказался двухъярусный бамбуковый домик. Резные окна его были затянуты плотной бумагой, над дверью ровно висела табличка и черепичная крыша блестела от влаги: видимо, её недавно помыли. Внутри оказалось душно и тихо. Узорные тени ложились на деревянные полки, до отказа набитые книгами, и в приглушённом свете лучей хаотично кружились пылинки.

Цайхуа, чихнув несколько раз, потеряла подругу из виду. Впрочем, ей сейчас было не до неё. Поиски нужного сборника обещали затянуться до вечера.

Как и ожидалось, девушка бродила среди стеллажей очень долго. Повезло ещё, что к каждому из них прикреплены указатели, не то сидела бы она здесь до ночи. Найти нужную книгу не удалось, однако окончательно расстроиться не позволила другая находка: руководство по базовым техникам Ли. Любовно проведя рукой по обложке, она прижала к себе старый талмуд.

Она сделает всё, чтобы вернуться на Лунхушань. Этот год ей предстоит усердно трудиться, и она готова посвятить день и ночь тренировкам, чтобы с достоинством пройти испытание. Возможно, Цайхуа и впрямь была самоуверенной, но её старый наставник как-то

сказал: «Все твои усилия однажды окупятся. Лишь не забывай их прилагать и должно стараться». И она будет стараться.

— Эй! Я первая взяла эту книгу! — из-за стеллажа, полный обиды и гнева, послышался голос Юцин.

А вот и первые проблемы... Весь решительный настрой Лу Цайхуа сошёл на нет в одно мгновение. Возможно, ей и правда не стоило связываться с этой Юцин.

Примечание автора:

星斗 (Синдоу) — звёзды.

帅 (Шуай) — изящный, красивый.

«Тай Чэнсянь преуспел в чистоте, просветлении, силе и благородстве» — отсылка к названиям школ: Чуныцзе, Каймин, Ли и Чунгао.

Рассказываю, почему Шуай подобен белой магнолии: в Китае белая магнолия считалась символом безмятежности, чистоты и искренности. (Ещё женственности, но опустим этот факт. Хотя, Мао Шуай ещё тот мужчина мечты. Самым непревзойдённым красоткам даст фору). Также магнолию сажают обычно у входа в дом, чтобы она направляла в него благотворную ци.

Глава 9. Все счастливые люди носят в душе бесконечную скорбь

Цайхуа уже подумывала тихонько выскользнуть из библиотеки. Останется незамеченной — избежит неприятностей, так и норовивших свалиться на её несчастную голову. Урок в мёртвой деревне ей был усвоен сполна: если не совать нос в дела, что тебя не касаются, проблемы обойдут стороной. По крайней мере, сохранишь свой духовный баланс да сэкономишь светлую ци.

— Видно, правила ещё не обжились в твоей голове. Позволь я напомню, сестрица, — раздался незнакомый голос. Не такой звонкий, чтобы являться мальчишеским, но и не глубокий, как у взрослых мужчин.

Юцин в ответ издала сдавленный писк. Очевидно, девчонка потеряла дар речи, рассудила Лу Цайхуа. По крайней мере, окажись она сама в такой ситуации, точно задохнулась бы от возмущения. Причём одним возмущением всё не обошлось бы.

Она вспомнила вдруг, как в порыве злости ударила в лицо того красивого парня, надоевшего ей своими угрозами в горном лесу. И пусть в конечном итоге она проиграла по силе, оно того стоило. Незаметно для себя Цайхуа улыбнулась: наверняка у него остался синяк.

— Я старше тебя. А к старшим должно проявлять уважение. Книга моя.

И хотя сами слова были грубыми, голос звучал совершенно спокойно. Даже немного устало. Словно припорошенный пылью, свалывшейся на полках от времени, он был способен унять любые всплески эмоций. Такой голос наводил на мысль о богатом внутреннем мире своего обладателя, и если бы Цайхуа не расслышала слов, он бы вызвал в ней интерес. Люди, внутри которых разливался океан редкого опыта, казались ей занимательными. Как на страницах этих стареньких книг, в них можно было найти нечто особенное, небольшую деталь, недостающую в картине собственной жизни.

Девушка в смятении топталась на месте, одолеваемая муками проснувшейся совести. Разве мир не стал капельку лучше, когда она уничтожила демона и тем самым очистила от тёмной энергии всё поселение?

Попытка защитить Юцин далека от спасения мира, и всё же будет правильным вступиться за девчонку. Тем более что утром та пыталась ей передать свою светлую ци.

В конце концов просветлённая решила выйти из-за стеллажа, скрывавшего участников ссоры. Она так спешила застать на месте преступления обидчика девушки, что едва не налетела на него.

Невысокий парень, их старший соученик, прижимал к себе книгу и взирал на Лу Цайхуа без интереса. Незнакомая девушка преградила ему путь, и теперь он, сохраняя спокойствие, терпеливо ожидал действий с её стороны. Будто заранее знал, что дальше случится. Зелёная обложка книги гласила: «Редкие болезни и лекарства от них».

— Ты поступаешь нечестно! — недолго думая, выпалила Лу Цайхуа. — Юцин взяла книгу раньше тебя!

Цветочная фея, закивав в знак поддержки, скрылась за спиной у заступницы. Цайхуа лишь успела заметить слезинки, блеснувшие в лучах тусклого света на её длинных ресницах. Точно ребёнок, лишившийся последней игрушки, она ничего не могла с этим поделать и потому искала поддержки.

Смешанные чувства поднялись в душе Цайхуа. Ей вдруг захотелось смеяться: настолько забавной ей казалась Юцин. Но даже если та выражала свои чувства открыто, это не значило, что их можно легко обесценить. И сейчас за неё стало обидно.

Старший соученик, почти не мигая, взирал на неё с безразличием. И это страшно раздражало. В груди разлилось тяжёлое чувство: оно разбегалось по склонам души обжигающей лавой, и внутренний вулкан её, ранее спящий, готовился выплеснуть всю накопившуюся в нём бессильную ярость.

Пространство вокруг неожиданно сузилось до размеров крохотной комнатки. По крайней мере так показалось Лу Цайхуа. Бамбуковые стены, цвета крепкого чая, взирали на неё с молчаливым укором, не позволяя как следует закипеть её возмущению. И даже воздух, лениво разлившийся среди стеллажей, как будто стал свежим и охлаждающим разум. Точно лёгкий ветерок заглянул в библиотеку.

— Кажется, я выразился ясно, — наконец-то отозвался парень. — Я имею полное право так поступить.

— Только потому, что ты старше? — повысила голос Лу Цайхуа.

— Именно так, — вздохнул он.

Старший ученик попытался пройти, однако девушка снова преградила ему путь. Ругаться уже не хотелось, но дать ему так просто уйти она не могла. Словесные схватки подобны искусным сражениям, и в них Цайхуа также стремилась стать победителем. Тем более речь шла о справедливости.

— Неужели это нормально прикрываться своим старшинством и мешать младшим учиться? — язвительно спросила девушка. — Что же нам теперь, молча обиду проглатывать?

— Поставь-ка себя на его место, — неожиданно раздался ещё один голос.

В помещение бесшумно вошёл просветлённый в одеждах школы Чэнсянь. Несомненно, мужчина слышал достаточно, чтобы разобраться в случившемся, однако на лице его сияла улыбка.

— Представь, что тебе жизненно важно ознакомиться, к примеру, с базовыми техниками Ли, — кивнул он на талмуд в руках девушки. — Как минимум, от этого зависит твоё совершенствование. Иначе зачем тебе книга? Без причины старшим ученикам литература не требуется.

— С чего вы взяли, что у нас нет причины? — не удержалась Лу Цайхуа.

Цветочная фея дёрнула её за рукав, намекая, что ей следует сейчас помолчать. Однако Цайхуа это разозлило сильнее: она пытается её защитить, а та ещё возражает!

Просветлённый же ничуть не смутился. Только во взгляде промелькнула усмешка.

— И вот ты приходишь за книгой, — продолжил он как ни в чём не бывало. — А какая-то девочка, которая ещё ни в чём не смыслит, решила забрать её. Конечно же, она ей зачем-то понадобилась, но что она в ней сможет понять? Принесёт ли ей книга какую-то пользу? В отличие от неё, у тебя имеются знания, которые помогут тебя при прочтении, и ты добьёшься поставленной цели. Скажи, я не прав?

Мужчина откинул назад светлую прядь, выбившуюся из высокой причёски. Он был подобен лепестку, что упал в беспокойные воды ручья. С какой бы скоростью ни менялась обстановка вокруг, в его белизне сохранялась бесстрастность.

— Учитель Тай Дан, — обречённо выдохнул парень, приблизившись к просветлённому. — Из-за этого ученика Вы были зря потревожены. Я готов понести наказание.

— Полно тебе, — рассмеялся мужчина. — Ты ни в чём не виноват.

Пока эти двое любезничали, Цайхуа недовольно шепнула Юцин:

— Вместо того, чтобы советы раздавать, лучше бы прибрался в своей библиотеке.

Цветочная фея ничего не ответила, только молча округлила глаза и залилась густой краской. Цайхуа, смутно догадываясь о причине подобной реакции, проследила за взглядом девчонки и обнаружила на себе пристальный взгляд учителя Дана. Лицо его ученика, и без того очень бледное, окончательно побелело в противоположность Юцин. Они всё услышали.

— Вот ты и приберёшься здесь, — бесцветным голосом произнёс учитель Тай Дан. — И чтоб ни пылинки не осталось.

Лу Цайхуа закусил губу. На сей раз она была не права. Ей ещё повезло: наверняка неуважение к учителям школы Чэнсянь карается чем-то пострашнее обыкновенной уборки.

Девушке не оставалось ничего, кроме как покорно кивнуть.

— Вот и славно. А вы идёте со мной, — обратился он к ученику и Юцин. Легко развернувшись, словно ступая по воздуху, мужчина скрылся в круглом проёме.

Юцин послала Цайхуа сочувственный взгляд. Увы, ничем помочь она не могла. Опустив голову, девушка побрела за просветлёнными к выходу.

Лу Цайхуа осталась одна. Библиотечные сумерки оседали на сердце лёгкой печалью. Безмолвные книги, повидавшие больше, чем Лу Цайхуа за всю свою жизнь, безучастно ютились на полках. Погружённые в свои пыльные мысли, они хранили внутри бесценные знания и проходы в иные миры. Уютные стены не пропускали ни звука. Кто знает, быть может за ними также спокойно: ветер тихо гуляет по горной вершине, играет с листвой бамбука, и каждый ученик школы Чэнсянь занят своим особенным делом. Только одна Цайхуа остаётся наказанной за своё поведение.

Злость испарилась. Осталась одна пустая усталость. Она ведь пришла сюда не для того, чтобы провести оставшийся день за грязной работой. Ей лишь хотелось начать делать шаги на пути к своему совершенству. Найти нужную книгу, ознакомиться с местностью и, быть может, успеть пред сном освоить несколько новых приёмов.

И почему всё так повернулось? Лу Цайхуа точно не знала, что её расстроило больше: несправедливые правила школы или же ощущение собственной слабости. Она не только не смогла победить в этом споре, но ещё и себе навредила. И кто только тянул её за язык?

Вздыхнув, девушка принялась за работу. А что ещё оставалось в её положении? Раньше закончит — поскорее уйдёт.

На нижнем ярусе постройки обнаружился чулан, в котором лежали грязные тряпки и потрёпанная с виду метла. Нашлась также и глиняная плошка, видно предназначенная для набора воды. Один её край был отколот, а узкое дно липкой сетью покрывала паутина.

За чистой водой пришлось бегать к ручью, журчащему неподалёку от домика, и в эти короткие мгновения вылазок Лу Цайхуа от души наслаждалась природным дыханием бамбуковой рощи.

Молодая зелень радовала глаз, горный воздух очищал запылённые лёгкие и звонкие голоса неведомых птиц заставляли сердце постепенно оттаивать. В конце концов, только она виновата в случившемся. В следующий раз будет следить за словами: не на рынок же пришла. И если на кого-то стоит обидеться, так только на саму себя. Продолговатые листья бамбука согласно зашумели в ответ её мыслям, и зелень их будто бы стала чуточку ярче. Что непроходимые лесные массивы, что тихие рощи с молодыми растениями — они всегда оставались на её стороне, ощущали каждое движение её неутомимой души.

С головой погрузившись в работу, девушка потеряла счёт времени. Судя по тому, что тени на полу удлинились, наступил ранний вечер. С самой тяжёлой частью уборки она уже справилась. Все полы были начисто вымыты, три комнаты верхнего яруса свободно вздохнули и даже старые книги, казалось, благодарно взирали на Лу Цайхуа с чистеньких полок.

Осталось отмыть нижний ярус, и она будет свободна. В момент, когда девушка усердно начищала стеллаж, в библиотеку впорхнула Юцин.

— Цайхуа, — нерешительно позвала цветочная фея. — Ты как?

Не отрываясь от дела, просветлённая весело хмыкнула. Что и говорить, физический труд благотворно влиял на неё. Мысли приводились в порядок, эмоции погружались на дно её разума. В нём же рождалась уверенность, что дела обстоят куда лучше, чем могло бы сложиться.

— Пойдёт, — она обернулась и на миг замерла.

В одеждах школы Чэнсянь Юцин казалась намного взрослее. Одевание, расшитое золотом, белые, как снег, рукава, что достигали самого пола, пучок с деревянной заколкой — всё это создавало образ младшей богини, только-только ступившей на новый неизведанный путь.

В руках Юцин держала комплект точно такой же одежды и довольно увесистый холщовый мешок. В глубоких глазах затаилось чувство вины.

— Я принесла тебе переодеться, — девушка опустила на пол и развязала мешок. — И заодно кое-что принесла из столовой. Прости, что так мало. По-другому не вышло.

Какая же она всё-таки милая. И очень-очень хорошая. Рассмеявшись собственным мыслям, Цайхуа поспешила сесть рядом.

Почувствовав запах еды, девушка вдруг поняла, насколько сильно была голодна. Ещё бы, с прошлого утра она и крошки в рот не брала! Помимо миски с цзяоцзы Юцин умудрилась донести до библиотеки ещё неостывший керамический чайник.

— Сама хоть успела поесть? — поинтересовалась Лу Цайхуа.

— Ну...

Цветочная фея неуверенно качнула головой. Словно разговаривала с матерью, непреклонной и строгой, а не со своей соученицей.

— Тогда давай вместе, — предложила Лу Цайхуа.

Ни чашек, ни палочек Юцин прихватить не успела, поэтому девчонкам пришлось брать цзяоцзы руками и пить чай прямо из носика чайника. Тем не менее, вкус снеди от этого ничуть не испортился. Даже приобрёл какой-то особый, необычный оттенок. Да и сам по себе ужин в старенькой библиотеке, затерявшейся среди бамбуковой зелени, казался особенным. Неповторимо волшебным.

Прислонившись спиной к стеллажу, Цайхуа скользнула взглядом по полкам, по блестящему дощатому полу и задержала внимание на надкусанном цзяоцзы в своих пальцах. Распаренный комочек мяса опасно выглядывал из-за тонкого теста, служившего ему уютным гнездом.

Ей вдруг стало спокойно. Так, словно она сама очутилась в тёплом пристанище, где сизый полумрак необычайно приветлив, а стены благодушно источают приятный аромат древесины. За время уборки каждый уголок здесь, каждая трещинка в досках и каждая полка, заставленная толстыми книгами, оставили в её душе невидимый след. Будто не в первый раз она была здесь. Будто эта старая библиотека давно заняла свою нишу в сердце Лу Цайхуа.

— Знаешь, в моей жизни всего два близких человека, — неожиданно поделилась Юцин. — Мама и подруга.

Цайхуа с интересом взглянула на цветочную фею. Сложившаяся обстановка и впрямь располагала к душевным беседам. Приняв из её рук остывающий чайник, она приготовилась слушать. Интересно, что на самом деле скрывается за этой лучезарной улыбкой?

— Мама мне про отца ничего не рассказывала. Даже когда я сильно её об этом просила, — Юцин потянулась за вторым цзяоцзы. — Конечно, я хотела узнать, кто он такой, ведь у всех других детей были отцы, и я одна среди них выделялась. Но когда от соседей до меня дошли слухи, я поняла — лучше б никогда не знала о нём.

— Он был плохим человеком?

— Я бы сказала, ужасным. Но подобных людей по всему миру не счесть. Моя мама не смогла родить ему ребёнка, и он просто ушёл от неё. Нашёл себе какую-то красавицу, и без вести исчез. Правда, забавно? — уголки её губ приподнялись в грустной улыбке. — Обыкновенная история из жизни обычных людей. Так я узнала, что мама мне не родная. Но я не стала с ней об этом говорить: не хотела, чтобы она переживала. Ведь я люблю её всем своим сердцем. Для меня она — самая настоящая мама на свете. И этой историей я поделилась только с одним человеком. Со своей подругой Гуньи.

Цайхуа непроизвольно вертела в руках керамический чайник. По узкому носику неспешно стекала крохотная чайная капля. Юцин была права. Подобных историй было великое множество. Ей даже подумалось, что на каждого счастливого ребёнка непременно найдётся один несчастный малыш. Слишком много зла гуляет по миру. Из-за него когда-то и она сама потеряла родителей.

— А со мной зачем делишься? — любопытствовала девушка, отпивая из чайника.

— Я чувствую себя виноватой за твоё наказание, — открыто призналась Юцин. — Поэтому я решила тебе рассказать, что для меня значит та книга.

— Не виновата ты ни в чём, — закатила глаза Цайхуа.

— Я всё равно хочу продолжить, — упрямо заявила Юцин. — Так вот, Гуньи я могла рассказать обо всём. Я с ней познакомилась лет шесть назад. На рынке. Так вышло, что я забрала последние дешёвые персики, и когда увидела её расстроенный взгляд, решила ей уступить. Мы быстро с ней разговорились, а через пару недель мне пришло письмо от неё. Я была не против вести переписку. Тем более живём далеко друг от друга. О чём только мы ни болтали! И, знаешь, в какой-то момент показалось, что она заботится обо мне даже больше, чем мама. Гуньи всегда интересовалась моими делами, здоровьем да вообще жизнью в целом. Всегда давала советы. А ещё она писала такие красивые и длинные письма, какие не каждый взрослый напишет.

Цайхуа передала чайник, и та сделала большой глоток. Казалось, в этот момент между ними сложилась тончайшая духовная связь. Юцин рассказывала о своей близкой подруге, и Цайхуа прекрасно понимала все её чувства. Как никто другой она знала о ценности дружбы и невольно вспоминала Юньчжи. Свою названную сестрицу, без которой жизнь становилась сырой и холодной, точно после осеннего ливня.

Две одинокие девушки, сведённые судьбой на этой горе, сидели на полу в тихом бамбуковом домике и наслаждались скромным ужином. Каждая носила в сердце историю: простую, но вместе с тем наполненную сильной любовью к своим близким людям — и это их объединяло.

— А потом я захотела с ней встретиться.

Юцин поставила чайник и, притянув колени к груди, облокотилась на них подбородком.

— Но она отказалась. Сослалась на болезнь. Через пару месяцев я снова предложила ей погулять, и она снова мне отказала по той же причине. Позже она призналась, что очень сильно больна. Так, что даже не может выйти на улицу. Она просто не хотела меня заразить, поэтому за все шесть лет нашей дружбы я ни разу с ней не увиделась.

— И поэтому ты решила стать просветлённой? — понимающе вздохнула Лу Цайхуа. — Захотела её вылечить?

Губы Юцин задрожали, и она уткнулась в ладони лицом. Лу Цайхуа была бессильна ей чем-то помочь. Она могла лишь молча наблюдать за тем, как плачет цветочная фея.

— Я просто боюсь опоздать. Боюсь потерять её, — прошептала Юцин. — И я правда ничего не смыслю в лекарствах. Но, знаешь, я потихоньку начинаю разбираться во всех этих травах, в цветах. Я знаю, что сумею спасти её. Я занималась самосовершенствованием всего три года. Сама, без наставника. И я нахожусь только на первой ступени. Но пока у меня всё получается. Только бы попасть в школу Чунгао...

— У тебя получится, — ободряюще улыбнулась Лу Цайхуа.

Все счастливые люди носят в душе бесконечную скорбь. В этом девушка убеждалась не раз. И теперь, услышав печальную историю своей новой подруги, она взглянула на неё по-другому. Когда смерть живёт рядом с тобой, бессовестно дышит в затылок, угрожая забрать любимых людей, когда ты и сам можешь в одночасье погибнуть, все мелочи жизни теряют значение. Ты просто открыто живёшь. Смеёшься и плачешь, дорожишь тем, что имеешь, и отдаёшь всю себя тому делу, что заставляет твоё сердце гореть. И Лу Цайхуа будет стараться жить настоящим моментом. Ведь никто не может сказать, наступит ли завтрашний день.

— Пойдём, покажу тебе наш домик?

Юцин утёрла слёзы. словно освободившись от тяжкого груза, она как ни в чём не бывало широко улыбнулась. Отправив обратно в мешок миску и чайник, она, казалось, была готова прямо сейчас покорять вершину горы.

— Ты иди, — отозвалась Цайхуа. — Приведу в порядок последние полки и найду тебя. Возьми с собой мою книгу. И... Спасибо за ужин.

— Тебе спасибо, что заступилась.

В библиотеке потемнело, когда Цайхуа закончила с уборкой. Теперь полумрак казался вполне осязаемым. И хотя он скрывал от придирчивого взгляда всю чистоту, которую девушка старательно здесь наводила с утра, она всё равно ощущала, что это место стало другим. Будто бы дряхлой, забытой всеми вещице подарили новую жизнь.

Подняв с пола одежды школы Чэнсянь, она окинула их скептическим взглядом: ненавистный ей жёлтый цвет, подол до пят и рукава, длиннющие и белые. Выйдешь на улицу — тут же запачкаешь. И если золото верхней одежды она бы смогла ещё как-то принять, то с этой ужасной длиной она не хочет мириться. Запутаться в ткани и свалиться на радость врагу — так себе удовольствие. Интересно, что будет, если продолжить ходить в своей чёрной одежде?

Она последний раз взглянула на полки и, вздохнув устало, но очень счастливо, наконец-то покинула стены бамбуковой библиотеки.

Прохладные сумерки опустились на рошу, и небо, без единого облачка, уже разделилось на две половины. Светло-голубую, практически белую, и иссиня-чёрную, где начинали

мерцать равнодушные звёзды. Ночь неторопливо вступала в права. Завтра её ждёт новый день. И завтра она займётся боевыми искусствами.

Обогнув библиотеку по узкой тропинке, мимо Лу Цайхуа прошла группа парней. Они весело о чём-то болтали, кто-то непрерывно смеялся и только один из них скромно держался поодаль. Кажется, это был обидчик Юцин. Заведя руки за спину, юноша изредка отвечал на вопросы ребят и продолжал смотреть себе под ноги.

Цайхуа не была бы собой, если б отказалась от нелепой идеи проследить за парнями. Что-то подсказывало: ей непременно представится шанс отомстить, а в таких ситуациях она доверяла своей интуиции больше, чем разуму.

Тропинка вывела её к колодцу, где помимо учеников школы Чэнсянь веселились приглашённые ученики других школ. Она поняла это по аккуратным стопкам одежд разных цветов, разложенных около густого кустарника.

Парни, по пояс раздетые, в одном нижнем белье, привычно совершали омовение. Пространство вокруг заполняли их весёлые крики. Обливая друг друга водой, они хвастались новыми техниками, рельефом накаченных мышц и даже оружием. Сейчас они могли позабыть обо всём. В краткий миг уходящего вечера они являлись обычными юношами, свободными от правил хорошего тона. Излишняя вежливость их больше не сковывала.

Сгорая от стыда, Лу Цайхуа следила за тем, как тот самый парень медленно снимает с себя облачение. Коварный замысел мгновенно назрел в её голове, и она не могла позволить себе ошибиться. Она должна знать, куда он положит одежду.

Когда обидчик Юцин слился с толпой, просветлённая, то и дело оглядываясь, незаметно проскользнула к кустам. Действовать приходилось стремительно: на раздумья просто нет времени.

В момент, когда своими новыми одеждами она заменила чужие, девушка ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Стоило ей поднять голову, как Цайхуа встретила глазами с Шаньяо. И покраснела. Кажется, первый раз в жизни.

Приподнятые брови вместе с лукавой улыбкой подчёркивали удивление парня, придавали лицу его оттенок лёгкой насмешки. Его мокрые волосы, обычно торчащие в разные стороны, сейчас были удивительно ровными и потемневшими на несколько тонов. По голому рельефному телу сбегали струйки воды. В сгущающихся сумерках такой Шаньяо казался совершенно другим человеком. Прекрасным незнакомцем, спустившимся с небес.

Лу Цайхуа отчаянно старалась смотреть ему прямо в глаза. В смешливые глаза оттенка карамельных леденцов, какие покупал ей наставник. Только бы не скользнуть взглядом вниз. Даже на цунь.

Приставив к губам указательный палец, она отчаянно замотала головой из стороны в сторону.

Хоть бы не выдал!

Щёки пылали подобно майским кострам.

Примечание автора:

澹 (Дан) — тихий, спокойный.

公义 (Гуньи) — правосудие.

Цзяоцзы (китайские пельмени) — название пельменей звучит так же, как и фраза «провода старого и встреча нового». Ну вы поняли, да, какой я смысл в это вложила?)

寸 (Цунь) — 3½ см.

Глава 10. Обнажена в бою душа воина, всплывают наружу все тайные помыслы

Ветви старого дерева по-прежнему стремились достать до самых небес, скользнуть холодными листьями по звёздной дороге, слизнуть с её поверхности остатки ночных облаков. Старое дерево знало: тусклый свет звёзд не вернёт ему юность, не заставит цветы его вновь распуститься. Пусть так, но оно упорно продолжит тянуться к источнику света. Звёзды ли это, жгучее солнце, холодный ли диск безликой луны. Отвернуться от них — всё равно, что смириться с неизбежной погибелью.

Тай Циньюэ прислонила ладони к шершавой коре. Покрытый сетью замшелых морщин, ствол дерева казался надёжным и капельку тёплым. Быть может потому, что много лет подряд он бережно вбирал в себя её воспоминания. Быть может потому, что ей самой хотелось в это верить. Неизменным оставалось одно: они оба не способны вернуться к весне своей жизни.

Невозможно повернуть время вспять. Как старому дереву не зацвести буйным цветом, так и Циньюэ больше не увидит родных. Злая судьба разлучила их всех, невидимой костлявой рукой развела по разным мирам, оставив в душе бесконечный поток сожаления. А ведь всё могло сложиться иначе...

Женщина стояла недвижно, вместе с ней замерло само время. Перед мысленным взором мелькали открытые лица новоприбывших учеников школы Чэнсянь. Пока ещё слишком наивные, каждым движением мимики они навевали мысли о прошлом.

Ощущение юности, давно забытое и мимолётное, коснулось её сердца лишь с тем, чтобы причинить ещё больше страданий. Когда-то и она была такой же. Искренне верящей в то, что однажды все демоны мира падут от её беспощадной руки. Она сражалась со злом как могла, истязала себя тренировками в попытке хотя бы приблизиться к тому необычайному таланту, каким обладали её мать и сестра. Но однажды она поняла. Перед лицом самой смерти ни одно достижение не имеет значения. Равнодушная смерть не заботится выбором. Она забирает и слабых, и сильных, стариков и детей. Лишь вопрос времени, когда распрощаешься с жизнью и ты.

Выросшее на горном выступе старое дерево не чувствовало себя одиноким. Оно жило ради этих коротких ночей, когда женщина в белом приходила к нему делиться своими тревогами. На крохотном клочке земли нашлось место и ей, такой же уставшей, но отчаянно жаждущей жить. Дерево верило: пока в этом мире хоть кто-то нуждается в нём, оно не может позволить себе умереть. До тех пор, пока у него есть собеседник, существование его наполнено смыслом.

Тай Циньюэ присела у могилы сестры. Свесив ноги над пропастью, она прислонилась спиной к стволу старого дерева.

Горный выступ бесстрастно парит над океаном седых облаков. Их очертания небрежно размазаны по воздуху ветром. Играючи он изменяет их форму, и те, подчинившись его шаловливым порывам, на время застывают в пространстве. Над головой простирается безбрежное небо. Спокойное и тихое место. В самый раз для вечного сна.

Младшая сестра во всём опережала Циньюэ. Из двух дочерей ей одной удалось смягчить жёсткое, закалённое потерями сердце отца. Одарённая редкой способностью схватывать всё на лету, Тай Минчжу была той, кому отец без колебаний завещал пост главы школы. Он

безошибочно определил в ней талант и посвятил всю свою жизнь её обучению. На Циньюэ у него не оставалось времени. А после смерти жены отец окончательно забросил воспитание своей старшей дочери: отправил её в школу Чуньцзе на гору Лаошань и напрочь забыл о ней.

Так в совсем юном возрасте Циньюэ осталась одна. Воспоминания о матери согревали её по ночам, когда было особенно больно. Каждое мгновение, проведённое среди незнакомых людей, напоминало ей о собственной слабости, и каждый прожитый день воплощал собой её одиночество.

Совершенно потерянная, в мучительном отчаянии она пыталась понять, за что её наказали. За какую провинность её сослали в незнакомую школу, похожую скорее на холодный монастырь? Возможно, Циньюэ была слишком похожа на мать, что только бредило свежую рану отца. Но может быть она и вправду была полной бездарностью. Так или иначе, она выбивалась из сил, чтобы вернуть его расположение к себе. Циньюэ на равных со старшими проливала кровь в битвах, учила наизусть даосские трактаты и медленно, но верно приближалась к бессмертию. Только бы он, наконец, заметил её.

Через несколько лет Тай Минчжу умерла. Одна из сильнейших просветлённых была повержена тьмой, и это значило только одно — демоны стали сильнее. Хаос незаметно просочился в жизнь каждого, одну за другой тьма пожирала невинные души и даже самые смелые воины сложили мечи под натиском обезумевшей силы. Неистовый демонический вой пропитывал насквозь города и деревни, въедался в кожу дрожащих людей и неизбежно сводил их с ума. Тьма питалась их страхами, заставляла творить ужасные вещи и вбирала в себя без остатка их ци.

В те страшные для мира времена один только Лао Тяньшу смог подарить людям веру. Бессмертный просветлённый, уже в юности достигший пика своего совершенства Лао Тяньшу был гордостью школы Чуньцзе. Многие считали его божеством, сошедшим с небес на помощь страдающим людям. Кроткий и мягкий, словно даосский монах, нежный и чистый, точно распустившийся лотос. Вместе со своей ученицей он отправился в странствие и всего за несколько лет восстановил равновесие света и тьмы. Про Лао Тяньшу слагали легенды, его светлый взгляд очаровывал, и никто не мог даже представить, что однажды он станет жертвой безжалостной нечисти. Вместе с ним исчезла последняя надежда спастись. Человечество обречено на гибель.

Спустя много лет Циньюэ осознала, насколько пустой и бессмысленной была её ненависть к младшей сестре. В стремлении её превзойти, Циньюэ добилась в этой жизни всего, что ей не было дано от рождения, и за это она ей была благодарна. Холодная богиня, как её называли в кругах просветлённых, заставляла сердца окружающих благоговейно дрожать. И всё же ей никогда не сравниться с Лао Тяньшу. В последней схватке со тьмой она не победит в одиночку.

Циньюэ не знала, доживёт ли она до решающей битвы. Десятки просветлённых ежегодно попадали в ловушки демонических тварей, и новые ученики школы Чэнсянь, что пришли на замену умершим, однажды тоже погибнут. Безудержный мрак незаметно для всех распускался адским цветком. В тот день, когда он расправит свои лепестки, всё живое рассыплется в прах.

В душе давно зияла дыра. Её кровоточащие края никогда не смыкались, и смертельная тоска по семье лишь разрывала с каждым годом сильнее. Нестерпимая боль въедалась в её естество, наполняла собой все вдохи и выдохи. Ни слава, ни деньги, ни даже светлая ци не в силах заполнить ту пустоту, с которой она так долго живёт. Она никогда не хотела быть

лучшей. С детства Циньюэ мечтала о том, чего никогда не могла получить: быть просто любимой.

Будь ей сейчас лет пятнадцать, Тай Циньюэ наверняка бы расплакалась. Она вынуждена бороться со злом в одиночку, когда исход битвы давно предрешён. Лао Тяньшу, ну почему ты погиб?

Когда брызги рассвета оживили пустой горизонт, женщина спрыгнула вниз. Раскинула в стороны руки, и нежная ткань её рукавов, точно огромные крылья, всколыхнулась у неё за спиной. Лёгкой пушинкой она опустилась на меч. Океан облаков поглотил её.

— Отпусти! — протестовала Лу Цайхуа. — Не тебе ведь позориться.

Юцин и не думала слушать её. Девчонка покрепче вцепилась в подругу и сделала очередную попытку оттащить ту от двери.

— Да кто же ходит в одних нижних одеждах? — распалаясь цветочная фея. — Полночи тебе всё подшивала, а ты ещё недовольна!

Мрачно вздохнув, девушка наконец-то сдалась. Только из уважения к чужому труду она наденет этот отвратительный золотистый халат. Не зря ведь Юцин так старалась: весь вечер искала у старших иголку и нитки, а отведённый на сон час Быка провела за шитьём.

В белой с узким рукавом мужской рубаше и таких же штанах Цайхуа смотрелась вполне симпатично. И даже, когда ей пришлось натянуть жёлтый верх, образ её ничуть не ухудшился. Цветочная фея на ветер слов не бросала: девчонка и впрямь была искусной швеёй. И где только научиться успела?

Чужие одеяния сидели на Лу Цайхуа, как влитые. Придирчиво оглядывая в зеркале свой внешний вид, девушка вернулась мыслями к прошлому дню. А именно, к тому моменту, когда Шаньяо застукал её за постыдным занятием. Сердце отчего-то забилось быстрее.

— Видишь, самой же нравится.

Ю-Цин, как всегда, по-своему истолковала выражение лица подруги. Ей даже в голову не приходило, какой позор Цайхуа пережила вчера вечером. Уж сегодня Шаньяо заплатит за всё! Будет знать, как заставлять её краснеть. И только потому, что он не стал её выдавать, Цайхуа расправится с ним менее жёстко, чем изначально планировала. Шаньяо ей всё ещё должен за тот бессовестный обман на испытании. Тем более, он до сих пор не признался, почему всё это время ей помогал.

— Мне нравится *твоя работа*, — она кивнула головой на своё отражение. — А не этот тошнотворный цвет.

Юцин только устало вздохнула и залезла обратно в кровать. До занятий с учителем из школы Чунгао она успеет немного поспать и возможно даже сбежать на завтрак. Утомлённое и бледное, будто покрытое слоем белил, лицо девчонки не выражало и тени веселья.

Они обе страшно не выспались: Юцин пожертвовала сном ради подруги, Цайхуа же просто не привыкла так рано вставать. Было бы проще, если б она вообще не ложилась спать ночью. Но ради занятий боевыми искусствами Цайхуа потерпит и усталость, и голод. Собрав волю в кулак, девушка пожелала Юцин огромной удачи и бесшумно вышла из хижины.

Только-только занимался рассвет. Тихое утро встретило Лу Цайхуа приятной прохладой. Неповторимая свежесть нового дня таилась в тени бамбуковой рощи, и где-то там, в её глубине, возможно мирно дремали духовные сущности. До тех пор, пока ночной мрак не рассеялся, девушка могла наслаждаться своим любимым временем суток, тем самым мимолётным мгновением, когда пробуждалась природа.

Мягко проседала под ногами земля. Всё вокруг было влажным, будто недавно прошёл сильный дождь. Пролился на гору Тайшань холодными каплями, отдавая последнюю дань горделивым деревьям, и вместе с клокастыми тучами бесследно растворился в ночи. Невидимые глазу птицы сновали между стволами бамбука. По телу пробежала лёгкая дрожь.

Когда совсем рассвело, тропинка вывела её к поляне, где собралась группа парней. Двое из них ей были хорошо знакомы. Тот, что пристал к ней с угрозами в горном лесу и там же познал мощь её кулака, развалился прямо на мокрой траве и с сумрачным видом вертел в пальцах пурпурный цветок. Так значит и он является учеником одной из пяти лучших школ! Догадка её подтвердилась. Шанъяо же, как обычно взъерошенный, скользнул по Цайхуа весёлым взглядом и едва удержался от смеха. Видимо вспомнил, как она накануне похищала чужую одежду.

Цайхуа знает Шанъяо всего третий день, однако его озорная улыбка уже вызывает в ней отклик. Время, проведённое здесь, незаметно растянулось в целую вечность. Недавние знакомые теперь стали друзьями, и парень с карамельными глазами не составлял исключение. И пусть он вызывал в ней противоречивые чувства, Цайхуа не могла не признаться — она доверяет ему.

Просветлённый в алых одеждах лениво расхаживал среди скучающих учеников, и по одному только цвету волос его Цайхуа поняла, кто будет проводить сегодня занятие. На этот раз упитанный кот с наслаждением посапывал у него на плече. Вроде как, его зовут двадцать три. Престранное имечко для любого животного.

— А вот и ты, — внезапно обратился к ней Лунху Чжао. — Я тебя ждал.

Ещё при первой их встрече она поняла: формальности для него не имеют значения. Но всё равно поклонилась. Вскинула руки в почтительном жесте, привычно отчеканила сухое приветствие и тут же пригвоздила взгляд к носкам своих белых сапог. Всю жизнь она носила лишь чёрное, но отчего-то сейчас белый цвет ей показался родным.

— Ну что за дела, — он мягко потрепал её по макушке. — Мой мальчик, тебя палками били? Ты чего такой серьёзный?

— А?...

— Учитель! — настойчиво позвал тот хмурый юноша, пока Цайхуа растерянно пыталась понять, что имел в виду просветлённый. Неужели он до сих пор видит в ней парня?

Вдруг Лунху Чжао пришёл в совершенный восторг. Губы его расплылись в довольной улыбке, глаза сверкнули мальчишеской гордостью и всё лицо его засияло. Точно из-за серых туч с победой выглянуло солнце.

Она настороженно следила за каждым движением учителя Чжао. *Тогда*, на горе Лунхушань, мужчина повёл себя странно. *Теперь* же у неё не осталось сомнений — он и правда был не в себе.

— Чэньсин, подойди!

Учитель бойко замахал рукавами, будто отгоняя назойливых мух, и вдруг приобнял опарашенную Лу Цайхуа. Бесцеремонно потревоженный кот скатился в траву и беспокойно мяукнул. Все остальные же сделали вид, что ничего не случилось. Только Шанъяо безуспешно боролся со смехом. Негодник.

— Взгляни! Это — мой ученик, — указал он на хмурого парня. — А я — его наставник.

Понять Лунху Чжао, по-видимому, не представлялось возможным. Лишь оставалось делать вид, что всё происходящее здесь абсолютно нормально. *Спокойно, Цайхуа, ты доживёшь до начала занятий.*

Красивый юноша в алых одеждах пересёк всю поляну одним быстрым движением. Взгляд, надменный и мрачный, стылým ветром закрался в самую душу. На сей раз не возникло сомнений. Никаких противоречий и смутных предчувствий. Он её раздражает.

Меньше всего ей хотелось встречаться с ним взглядом. Необъяснимое чувство обиды засело в горле колючим комком. Жгучее и беспокойное, оно угнетало её изнутри, заставляло ощущать себя беспомощным и глупым ребёнком. Его к ней неприязнь и напускная заносчивость, холодная враждебность с первого мгновения встречи — всему этому она не могла найти объяснения. Из-за какого-то Лао Тяньшу, о котором она раньше не слышала, этот парень будто помутился рассудком. Не важно, что она ударила первая. То нападение Цайхуа ему никогда не простит.

И всё же она не могла не проверить. Постаравшись придать лицу как можно более убийственное выражение, она медленно вскинула голову и слегка усмехнулась. Предельно надменно. Пусть видит, как сильно она его ненавидит. Под левым глазом юноши обнаружился изрядно поблёкший, но всё же заметный след от её кулака. Заслужил.

— Чэньсин, — обратился к нему Лунху Чжао. — Я обучал этого мальчика техникам. Проверишь, как хорошо он усвоил урок?

Просьба вогнала в ступор обоих. Мало того, что полоумный учитель считает её своим старым знакомым, так ещё теперь драться их заставляет. Даже во взгляде Чэньсина промелькнула растерянность. Лу Цайхуа повернулась к Шанъяо, однако тот лишь плечам пожал, мол, извини, ничем помочь не могу. Остальные юноши смотрели на девушку с нескрываемым интересом. Неужели ей на людях придётся терпеть унижение? Очевидно же, этот парень намного сильнее её.

— Учитель Лунху Чжао, — чей-то голос прервал поток её мыслей. — Пока мне не дадут другую одежду, я не смогу заниматься. Простите.

Точно выросший из-под земли обидчик Юцин завладел всеобщим вниманием. Ошеломлённое молчание длилось недолго. Не в силах больше терпеть, Шанъяо свалился в траву, и его залиvistый смех огласил всю поляну. Как вспыхивает соломенный сноп от одной лишь искры огня, взгляда на юношу в женских одеждах было достаточно, чтобы заставить его плакать от смеха. И Цайхуа, и другие мальчишки, сдавленно хихикая, прикрылись рукавами. Открыто потешаться над кем-то здесь было не принято.

— Молодая госпожа, а вы здесь что забыли? — недоумённо вскинул брови Лунху Чжао. — Неужели не знаете? Я девушек не обучаю.

— Учитель, вы не узнаете меня? — почти жалобно пролепетал обидчик Юцин. — Это же я, Сюй Дэшэн.

Шанъяо, чуть не задохнувшись, издал странный звук: не то писк, не то судорожный плач. Его надрывный хохот начинал граничить с иступлением: широкие плечи дрожали, будто от сильного холода, и сам он отчаянно молотил кулаком по земле. Его состояние передалось и другим свидетелям чужого позора. То и дело поглядывая на Лу Цайхуа, парни больше не сдерживали смех.

— А я-то что? — поспешила возмутиться девушка. — Я не причём. Лучше посмотрите на него.

Она ткнула пальцем в Чэньсина и вдруг расплылась в совершенно невинной улыбке.

— Мы все от смеха помираем, а у него такое лицо, будто поймали на преступлении, — Цайхуа неодобрительно хмыкнула. — Да ещё такой взгляд. Садистский. Не удивительно, что он чужую одежду ворует. Ещё и женской заменяет. Ужас!

Реакция парней не заставила ждать. Стоило словам Цайхуа прозвучать, как поляну накрыло настоящей истерикой. Чэньсин кинул на неё убийственный взгляд и только собирался что-то ответить, как Лунху Чжао, наконец, взял ситуацию в руки.

— Всё никак в толк не возьму, чего вы смеётесь? Ну-ка быстро все построились. Двести отжиманий и бои. Четверо на одного. А Вы, юная госпожа, — обратился мужчина к Дэшэну, — извольте нас покинуть.

Дэшэн даже не взглянул на Лу Цайхуа. Под разочарованные вздохи собратьев он, пугаясь ногами в двух юбках, неторопливо покинул их сборище. Поляну в то же мгновение наполнили ритмичные выдохи приступивших к заданию юношей.

— Вот я вас и познакомил, — мужчина подтолкнул Лу Цайхуа к Чэньсину. — Обнажена в бою душа воина, всплывают наружу все тайные помыслы. Сражение позволит вам друг друга понять, раскроет все грани ваших сердец. Приступайте.

Торжественно воздев к небу указательный палец, он кивнул головой и потерял к ним интерес. Усадив кота обратно к себе на плечо, Лунху Чжао поспешил к другим ученикам.

Девушка невольно прислушалась к синхронному дыханию юношей. Короткие лёгкие вдохи, точно порхание бабочек над мокрыми цветами, и шумные долгие выдохи, будто скомканной бумагой мерно трут древесину. С чувством. Вверх-вниз.

Опасности совсем не ощущалось, как и совсем не представлялась грядущая битва. Сердце бьётся спокойно, дыхание ровное и даже холодная ненависть куда-то пропала. Осколки напряжения истаяли под тёплыми лучами солнца, в них же растворилось и желание мстить. Выбора не было — ей всё же придётся с ним драться. Однако Цайхуа прислушается к мудрым словам учителя Чжао: по крайней мере постарается понять этого угрюмого парня. И по возможности запомнит все его техники.

— Нападай, — небрежно бросил Чэньсин.

Юноша даже не встал в защитную стойку. Откинув назад чёрные блестящие волосы, он лениво скрестил на груди руки.

— Уверен, что увернёшься? — она намеренно остановила взгляд на его левой щеке.

Чэньсин не ответил. Лишь криво усмехнулся и наконец-то принял боевую позицию. Левая ладонь его поднялась, закрывая лицо, и сомкнутые пальцы обратились в живое оружие. Время будто замедлилось. Цайхуа отстранённо наблюдала за тем, как по цуню, обнажая белую кожу, сползал вниз его алый рукав. Узкая лента кровавой змеёй трижды обвивала запястье Чэньсина. Интересно, что это значит?

Мгновения до первой атаки были особенными для Лу Цайхуа. С кем бы ей ни приходилось сражаться, сердце её всегда замирало в предчувствии необычных событий. Новых и ярких, будоражащих разум и заставляющих её отзываться в каналах напряжённым покалыванием. Воздух будто сгущался. Цвета вокруг резали глаз. С началом поединка её отрезало от мира, пространство вокруг сужалось до двух человек, и все её чувства обострились настолько, что она могла ощутить циркуляцию духовной энергии в теле соперника.

За миг до первого выпада внутри всё сжимается в узел. Граница между сознанием и происходящим вокруг стирается начисто. Неизведанность будущего заставляет гул в ушах нарастать. Исход битвы не важен. Важны лишь эмоции и каждое действие, исполненное пламенем чувств.

Чэньсин легко оттолкнулся, и, крутанувшись в воздухе стремительным вихрем, нанёс Цайхуа свой первый удар. Девушка поспешно увернулась, и краткий миг очарования

рассеялся вместе с потускневшей верой в себя. Парень двигался быстро и необычайно расслабленно. Словно упивался своим совершенством.

— В отличие от некоторых, я не нападаю без предупреждения.

Голос Чэньсина жёсткий и резкий. В нём невозможно разобрать ни единой эмоции, но в каждом выпаде парня ощущается нечто такое, что заставляет её душу открыться навстречу в попытке прочесть его чувства. Чэньсин безупречно контролирует сеть духовных каналов и, несмотря на то, что некое чувство рвётся наружу вместе с каждым новым ударом, он не позволяет себе выйти за рамки учебного боя. Юноша безостановочно движется вокруг Лу Цайхуа, не позволяя той спокойно вздохнуть, но атака его не превышает уровень способностей девушки. Как если бы он заполнил чашку до самых краёв и в последний момент передумал вливать в неё оставшееся содержимое чайника. Чэньсин будто сдерживается, хотя и жаждет её проучить. Он всё ещё помнит обиду.

— Демоны... не будут... предупреждать..., когда нападут! — почти задыхаясь, выкрикнула Лу Цайхуа.

Низкая стойка и напряжённые пальцы. Молниеносный прыжок. Полы верхних одежд разлетаются в стороны подобно лепесткам золотого цветка. Изящное образцовое сальто, и вот её нога уже почти что настигает цели. Он первый проявил неуважение и первый начал ей угрожать. Обижаться здесь не на что — он заслужил свой синяк. И сейчас к нему прибавится новый.

Чэньсин в последний момент отразил её удар. Непринуждённо и легко, будто посмеиваясь, он лишь выставил руку, и девушка тут же отлетела назад. Мощный всплеск духовной энергии парня на миг лишил её возможности дышать.

Внутренности обдало горячей волной. В сознании Лу Цайхуа вдруг промелькнул размытый образ чего-то знакомого и даже родного, но насмешливый голос Чэньсина безжалостно разрушил это тёплое воспоминание.

— Демоны обычно не похожи на злобных маленьких девочек.

Лу Цайхуа стиснула зубы. В висках застучало с неистовой силой. От кончиков пальцев до самого сердца внутри закипала неудержимая ярость. В голове стало пусто, и тонкая нить, что связывала её с окружающим миром, оборвалась окончательно. Оскорбление какого-то самодовольного парня она не потерпит. Никто не смеет с ней так разговаривать.

— Ты!

Потеряв контроль над собой, она выхватывает меч из ножен и летит к Чэньсину смертоносной стрелой. Даже не наполненное её духовной энергией лезвие излучает опасность. Сердце бешено бьётся в груди, в глазах Чэньсина мелькает изумление вперемешку с неизвестным ей чувством. Мгновение, и остриё меча вонзится ему в шею.

Глава 11. Просто поднимись и продолжай тянуться к свету

Будто осиное жало, остриё меча беспрепятственно вонзается в кожу. Но ощущение боли приходит не сразу. Чэньсин крепко хватается Лу Цайхуа за запястье и позволяет руке её продвинуться ровно настолько, чтобы из раны на шее просочилась алая струйка. Кровь сливается с цветом его одеяний, когда стекает к груди, и Цайхуа вдруг посещает отстранённая мысль: одежды учеников школы Ли идеально маскируют следы кровавых побоищ. Хотя, чёрный цвет всё же лучше подходит для этого. Как странно думать об этом прямо сейчас.

Он вдруг улыбается, и от этой мрачной улыбки внутри стынет ци. Коллючий взгляд глаз, стальных, как грозовое небо, вдруг становится таким ледяным, и уже невозможно понять, что чувствует сейчас этот парень.

Чэньсин отпихивает её от себя и, улыбаясь чуть шире, грубо толкает коленом в живот. Разочарование. Боль. *И кто из них это ощущает теперь?*

Ещё одним резким движением Чэньсин выбивает меч из рук девушки. Почти не прилагая усилий, он отталкивается от влажной земли, чтобы в следующий миг пригвоздить к ней её. Он по-прежнему изящен и ловок, словно бой для него — расслабляющий танец.

— *Исподтишка* меня пыталась убить? Как интересно. Прими мой совет: для начала научись защищаться.

Цайхуа не успела даже заметить, как оказалась прижатой к земле. Кто такой этот Чэньсин? Как можно быть настолько быстрым, что осмыслить случившееся ей удалось только будучи поверженной полностью?

Прошло мгновение с тех пор, как он её остановил, и теперь она ощущает всем телом острую боль. В последний удар парень вложил часть своей духовной энергии. Хватило бы трети от всей его ци, чтобы убить Цайхуа. Однако он применил ровно столько, чтобы заставить девушку почувствовать боль и при этом сохранить все её органы в целости. Почему он её пожалел? На душе стало как-то противно.

Она снова позволила чувствам затуманить свой разум. Чем сильнее она старалась их подавить, тем большую опасность влекли за собой вспышки её неконтрольного гнева. И пока Цайхуа стремилась с собой совладать, вывести её из себя становилось всё легче. Девушка просто не знала, что с собой делать. Возможно, только из-за этой проблемы она ни на цунь не приблизилась к третьей ступени, которая предполагает полный контроль над эмоциями.

Провожая взглядом спину Чэньсина, просветлённая вновь ощутила ненавистное ей чувство беспомощности. Боевые навыки Лу Цайхуа в сравнении со способностями учеников школы Ли казались смешными. Она очень слаба и не способна овладеть своими же чувствами. К чему вообще вся её гордость, если Лу Цайхуа из себя представляет *ничто*? Столь ожидаемый урок у наставника с горы Лунхушань стал воплощением её сомнений и страхов.

Цайхуа лежит на земле, не пытаясь остановить ручьи обжигающих слёз. Ей нет дела до других учеников, глядящих на неё с неподдельным сочувствием. В голове до сих пор звучит бесцветный голос Чэньсина, и это его безразличие отзывается в ней намного больше, чем если бы он просто злился. Совершенно раздавленная, она не знает, с чего ей начать. Не

знает, как вернуть в сердце хотя бы веру в себя.

— Что ж, до Чэньсина тебе как до бессмертия, — навис над ней Лунху Чжао.

Мужчина озадаченно потирал подбородок, и по одним только глазам его можно было понять: от неё он ждал большего. И этот разочарованный взгляд вновь ударил по чувству достоинства девушки. Вернее, по тому, что от него осталось.

— Оу? — просветлённая скривилась от боли. — Я ведь не знаю эти ваши сложные техники.

— Для того, чтобы уметь защищаться, не нужно обладать особыми знаниями. С одной базовой техникой ты всегда заблокируешь атаку врага. Сила кроется в самых основах. И мне искренне жаль, что я не научил тебя этому. Оттачивай эти основы, пока не сможешь продержаться в бою с моим учеником до конца.

Лунху Чжао ушёл, взмахнув рукавами. Лёгкая ткань алым облаком взметнулась на мгновение к небу. Лазурному и невероятно глубокому, такому манящему и, вместе с тем, недоступному ей. Уверенно встать на тонкое лезвие и воспарить к самому солнцу — об этом Лу Цайхуа мечтает с самого детства.

Просветлённая медленно приподнялась на локтях. Занятие было окончено. Группа парней торопливо покидала поляну, даже не глядя в сторону девушки.

Больше всего ей хотелось сейчас провалиться сквозь землю и не выбираться оттуда по меньшей мере несколько дней. Вот только желаниям этим не суждено было сбыться. Шанъяо бесшумно возник рядом с ней. Будто материализовался из воздуха. Будто ему сейчас самое время раздражать её своим бесцеремонным присутствием. Без слов он присел рядом с девушкой и протянул ей шёлковый платок с вышитой на нём орхидеей. И, хотя парень не глядел в её сторону, Лу Цайхуа ощущала себя крайне неловко.

— Я не хочу, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии.

— Нет ничего постыдного в том, как ты сейчас выглядишь. Ты получила опыт. И вообще, каждый из нас начинал именно с этого.

Хотя просветлённая не смотрела в сторону юноши, она могла поклясться, что он сейчас улыбается. Наверняка снисходительно и с лёгкой, привычной только ему, ноткой озорного веселья. Но это её не задело.

Кто знает, по каким причинам Шанъяо возится с ней. Однако сейчас это не имеет значения. Его присутствие рядом вдруг отозвалось в ней спокойствием. Шанъяо не станет разгонять сгустившийся вокруг неё мрак отчаяния, не поможет ей склеить обломки себя. *И всё же она не одна.*

Шанъяо сидит подле неё, подняв голову к небу, ласковый ветер играет с его непослушными прядями. *И ей достаточно этого.*

— Самое главное — идти вперёд несмотря ни на что. И я, и ты, мы все подобны лотосам. Поднимаемся из илистой грязи, пробиваемся сквозь толщу воды и, в конце концов, распускаемся в лучах тёплого солнца.

Положив платок на колени Лу Цайхуа, Шанъяо продолжил:

— Сейчас ты в самом начале пути. Втоптана в грязь. Но в этом суть совершенствования: просто поднимись и продолжай тянуться к свету.

Поколебавшись, Цайхуа подобрала платок и привела в порядок лицо. Слова парня звучали разумно, и просветлённая прекрасно понимала, насколько он прав. И всё же она не могла заглушить свои чувства одним щелчком пальцев. Ей едва удалось унять слёзы, что и говорить о расплескавшемся в душе отчаянии.

В ближайшее время она точно не будет заниматься никаким совершенствованием. Будь она сейчас дома, лежала бы в кровати да набивала живот всем съедобным, что только смогла бы найти. До тех пор, пока огонь убийственных чувств не рассеялся бы в воздухе дымом.

Словно прочитав её мысли, Шанъяо нахмурился, и даже уголки его губ слегка опустились.

— Тебе бы научиться с собой совладать, — в мягком голосе читался упрёк. — Кто же бросается на безоружного с мечом? Тем более в учебном бою.

— Ещё одно слово, и этот сопливый платок окажется у тебя на лице, — буркнула Лу Цайхуа.

Шанъяо рассмеялся. Так, как умеет это делать только он: непринуждённо и естественно, точно весенний ручей разливается в море травы. И смех этот отдаётся в груди необычайным теплом.

Цайхуа поднялась и, поправив свои одеяния, направилась в сторону их с Юцин хижины. Как и ожидалось, Шанъяо решил ей составить компанию. Что ж, она снова не против.

Прохлада бамбуковой рощи впитала в себя боль Цайхуа. На какое-то время она отрешилась от собственных чувств. Свежий воздух охладил её пыл, проник в лёгкие вместе с едва уловимым ароматом надежды и, пусть ненадолго, заставил позабыть о случившемся.

Очертания листьев сливаются в зелёную стену, и этот жизнеутверждающий цвет ей дарит спокойствие. Как ни странно, когда она смотрит на листья, в голове возникает сияющий образ её нового друга. Шанъяо и зелёный — что у них общего? Ответ приходит мгновенно. Достаточно одного взгляда на них, чтобы ощутить в сердце покой.

— Не сердись на Чэньсина, — осторожно начал Шанъяо, когда они прошли половину пути. — Он просто не умеет общаться с людьми. По правде говоря, у него вообще нет друзей. Мрачный тип, не спорю. Только и делает, что занимается собой и истребляет нечисть. Но я не думаю, что он хотел с тобой ругаться тогда на испытании, и уж тем более драться. На самом деле вы друг друга стоите. Владение чувствами — точно не ваше.

Цайхуа замедлила шаг только затем, чтобы позволить Шанъяо с ней поравняться и одарить его убийственным взглядом. Как он вообще может их сравнивать? Проигнорировав выражение лица просветлённой, Шанъяо кивнул на платок, что она держала в руках.

— Решила на память оставить? Тогда, пожалуй, мне нужно что-то взамен. Как насчёт...

— Размечтался, — перебила его Цайхуа. — Постираю и верну.

Воцарившееся между ними молчание нарушало лишь бойкое чириканье птиц. Свободные от всех мирских забот, они наслаждались своей коротенькой жизнью. Ни на что не надеясь и ни о чём не мечтая, они проживали её в соответствии со своими желаниями и волей судьбы. Бессмысленная жизнь. И всё же прекрасная.

— У меня и правда с этим проблемы, — вдруг призналась Лу Цайхуа. — Найти бы поскорее наставника: он бы мне точно помог разобраться в себе. И обучил бы всем-всем техникам. Неужели, мне и вправду придётся теперь книжки читать?

— Слушай, — неожиданно серьёзно отозвался Шанъяо. — Если ты не в силах справиться с этим сама, разве тебя научит наставник? Думаешь, что всё так легко? Что все проблемы за тебя решатся? Многого хочешь.

подавив мрачный стон, Цайхуа с силой толкнула парня в бок локтем. Напоминание о собственной никчёмности ей точно не требуется. Она и так понимает, что справиться со всем обязана сама. Вот только в данный момент она буквально захлёбывается в океане отчаяния, ощущая себя ничтожной и слабой перед лицом бушующей силы. И силой этой

была обычная жизнь. Суровая и беспощадная для всех без исключения.

— Ну ладно, не злись, — парень примирительно похлопал её по плечу. — Я понимаю, как тебе тяжело. Лучше отвлекись от всех этих мыслей.

Какой глупый и очевидный совет. Цайхуа с силой сжала в ладони мокрый платок, и лицо её вдруг растянулось в зловещей ухмылке. Хорошего от неё Шанъяо может не ждать.

— Вот ты меня и отвлечёшь. Или забыл, что задолжал мне желание?

Для убедительности Лу Цайхуа крепко схватила его за запястье. Ускорив шаг до предела, она с той же улыбкой потянула растерянного парня к их с Юцин хижине, опасно выглядывающей из-за зелёных стволов.

Дверь жалобно скрипнула, будто почувствовав недобрые намерения вошедшей в дом девушки, и с пронзительным звуком захлопнулась. Тишина смешалась с запахом сырости.

Первым, что заметила Лу Цайхуа, войдя в дом, было мокрое от слёз лицо Юцин. Цветочная фея, только завидев подругу, сразу же кинулась её обнимать, и пространство вокруг мгновенно наполнили её завывания. Девчонка рыдала, да так, что Цайхуа ей слегка позавидовала: ей бы тоже хотелось, не стесняясь чужого присутствия, вот так открыто лить слёзы.

— Эй, что случилось?

Юцин шмыгнула носом и, молча отобрав у подруги платок, принялась вытирать им лицо. Цайхуа не успела и слова сказать, лишь кинула быстрый взгляд на Шанъяо и закусила губу. Парень же не пытался сдержаться. Наблюдая за тем, как несчастный платок повторно используется по своему назначению, он засмеялся. Цайхуа лишь прикрыла ладонью лицо. Бедняга Юцин.

— И что смешного? — надулась цветочная фея.

— Просто мне показалось забавным, — нашёлся с ответом Шанъяо, — что все девушки, которых я знаю, решили сегодня расплакаться.

— Сестрица, с тобой что-то случилось? — мгновенно насторожилась Юцин.

Цайхуа еле слышно вздохнула. Эти двое сведут её однажды с ума. Знать бы только, что готовит им будущее. Неизвестно ещё, останутся ли они в итоге друзьями.

— Ничего такого, — нехотя ответила девушка. — Кроме того, что я провалила свой первый учебный бой. Ты давай рассказывай лучше, откуда все эти слёзы. И платок постирай.

Шанъяо вновь прыснул со смеха. Улыбнулась и Цайхуа. Юцин же не обратила внимания на их странную реакцию. Согласно кивнув, она сбивчиво рассказала им о своих злоключениях.

После того, как Цайхуа ушла на занятие, цветочная фея успела немного поспать и даже сбежать на завтрак. Как оказалось, эта была плохая идея. Вернее, плохой идеей оказалось её спонтанное решение встать в очередь за дополнительной порцией.

— Но пирог был таким вкусным, — всхлипнула Юцин. — Я просто не смогла устоять. Тем более, я не одна такая была.

Губы девушки вдруг задрожали, и она снова прижала к лицу мокрую ткань. В комнате повисла неловкая пауза. По крайней мере так показалось Лу Цайхуа.

— Ну и? — не удержался Шанъяо. — Тебе что, не досталось? Мы с Цайхуа с утра голодаем. И даже не жалуемся.

Цветочная фея не повернулась к нему. Обняв себя руками за плечи, она склонила голову вниз и тихонечко всхлипнула. Сейчас она была похожа на осенний листок, что скукожился под порывами дикого ветра, насквозь промёрз от стенований дождя. Голос её, потерявший все

краски, сливался в сплошную бесцветную линию. Размытые фразы позволяли понять лишь одно: из-за того, что Юцин задержалась в столовой, она опоздала на важный урок.

— А потом, — она подняла на подругу свои большие глаза. — Учитель не пустил меня. И ещё отругал.

Шанъяо вздохнул. Если чувства Лу Цайхуа он понимал прекрасно, поскольку сам пережил немало падений, то поведение Юцин для него оставалось загадкой. Сам он нередко опаздывал, причём не только на занятия. И кто бы его ни бранил, даже если это был Мао Шуай, его любимый наставник, Шанъяо никогда не расстраивался. Простое отношение к жизни помогало ему спокойно относиться к своим неудачам.

Пока девчонки обнимались, парень прислонился спиной к деревянной двери. И что он вообще здесь забыл? Если бы не обещание сделать всё, что Цайхуа пожелает, он бы давно отправился заниматься своими делами. К тому же, только сейчас парень понял: он нарушил негласное правило школы Чэнсянь. Заходить в чужие хижины, а уж тем более к противоположному полу, не считалось приемлемым. Но, так или иначе, правило было нарушено и Шанъяо не оставалось ничего, кроме как оглядеть пространство вокруг.

Изнутри хижина представляла собой помещение, предназначенное для сна и занятий. Свет из окна проливался ярким квадратом на широкий письменный стол, две низкие кровати скрывались в тени друг против друга. Почерневшие от времени стены источали запах сырой древесины. Впрочем, он был даже приятным.

Сырость отдавалась во рту привкусом детства и незаметно сплеталась с ароматом цветов, чьи лепестки хаотично разлетались по комнате.

Это скромное и простое жилище идеально подходило для медитаций. В такой обстановке, лишь с тремя предметами мебели в комнате, новоприбывшие девушки научатся ценить настоящее, откажутся от своих неразумных желаний. В этом он был уверен, ведь много лет назад это случилось и с ним.

— Ну-ну, хватит, — решительно подала голос Лу Цайхуа. — Поплакала, и ладно. Давай-ка поднимать себе настроение!

— Как? — пролепетала Юцин, искоса взглянув на Шанъяо. Что-то подсказывало, что неспроста Цайхуа его сюда притащила. Парень же, скрестив на груди руки, вымученно улыбнулся.

— Идём к ручью. Умоешься, постираешь платок, а уж я нам устрою веселье, — Цайхуа хитро ей подмигнула. — Бери с собой всю косметику. Всю, что есть!

Глаза цветочной феи мгновенно вспыхнули огнём предвкушения. Только недавно лицо её навевало окружающим мысли о небе, блёклом и затянутом хмурыми тучами, однако сейчас оно стало совершенно другим. Яркий румянец, улыбка малиновых губ и сверкающий блеск на дне чёрных, глубоких зрачков. Поняв с полуслова задумку подруги, Юцин усмехнулась и выудила из-под одеяла комок розовой ткани — её старое платье, теперь служившее подушкой.

— А это пригодится?

— А то, — одобрительно хихикнула Лу Цайхуа. — Мне кажется, Шанъяо оно очень пойдёт.

Со стороны двери послышался сдавленный вздох.

— Неужели, это и правда так увлекательно, — в отчаянии закатил глаза просветлённый, — выставлять парней на посмешище?

— Думай как хочешь. Всё равно не отвертишься.

Мшистый покров на серых камнях вызывал желание притронуться к ним, ощутить под пальцами бархатистую мягкость природы. Как по ступеням, сдерживаемый по краям валунами, вниз стремился поток прозрачной воды. Вскипая сверкающей пеной, она забирала с собой всё, что в неё попадало, уносила со склонов печали одинокие мысли.

Вода смывала с камней усталость времён. В обмен на их долгую жизнь, придавала им плоские формы и продолжала журчать. Громко, неистово и равнодушно для всех, кто не знал постоянства.

Склонившись над вечно бурлящим потоком, купали в воде свои длинные ветви деревья. Прохладные тени от них вбирали в себя полуденный жар. Вверху, скрываясь за буйной растительностью, пряталась тихая заводь. Идеальное место для тайных купаний, но Лу Цайхуа пришла сюда не за этим.

Усадив Шаньяо в траву, она присела перед ним на коленях и разложила вокруг всю косметику: румяна, белила, палочки губной помады разных оттенков и прочие, незнакомые девушке склянки. Потирая ладони от нетерпения, она торопила Юцин: начать без неё она не решалась. В конце концов, это только первый её опыт использования косметических средств. Без мастера рядом она едва ли сможет всё сделать красиво.

— Я, конечно, ценитель искусства, но не настолько, чтобы им стать, — недовольно пробубнил просветлённый. — Может хотя бы без платья? Одного в нём ты уже сегодня увидела.

— Зато я не увидела! — прокричала Юцин.

Закончив с умыванием, девчонка занялась стиркой платка. Капли воды, стекая вниз по её подбородку, светились изнутри яркими бликами, такими же весёлыми, как и её большие глаза.

— Таково *моё желание*, — впервые за день Лу Цайхуа рассмеялась по-настоящему счастливо. — Ты же обещал его выполнить.

Взглянув на Цайхуа, Шаньяо всё же удержался от вздоха и неожиданно для самого себя тепло ей улыбнулся.

Он всегда был один. И одиночество не приносило ему ничего, кроме спокойствия. Общения с наставником было достаточно, чтобы существование парня было наполнено смыслом, и в душе его потому всегда царил гармония.

Порой он решался на мелкие шалости в стремлении скрасить однообразие дней, но в целом жизнь казалась ему превосходной. Шаньяо старался ради себя, сражался с нечистью во имя свободы людей. Но сейчас, когда уже третий день он общается с Лу Цайхуа, жизнь отчего-то начинает казаться более целостной. И он совершенно не против помочь ей сейчас выпустить пар, от души насладиться нелепой проделкой.

Быть объектом чужого веселья — не слишком приятно, но всё же забавно. Конечно, сам он не пошёл бы на это даже за деньги. Однако он дал обещание. Девчонке тяжело сегодня пришлось, так пусть уж лучше дурачится, чем предаётся унынию.

— Может пока переоденешься? — предложила Лу Цайхуа. — Юцин как раз закончит со стиркой.

Покорно кивнув, Шаньяо потянулся за платьем. По крайней мере, он не беспокоился за собственную гордость. Когда ещё ему выпадет случай проверить все трудности ношения женских одежд? Вскоре он убедится на собственном опыте, как сложно девчонкам не путаться в этих длинных и многочисленных тканях.

— Что? — недоумённо воззрилась на него Цайхуа, когда заметила его пристальный взгляд.

— Может отвернёшься?

— И чего я там не видела...

И всё же она развернулась. Сделала пару широких шагов и, остановившись рядом с Юцин, принялась наблюдать за водой под шумные вздохи Шанъяо.

Не успела бы стореть палочка благовоний, как перед девушками оказался совершенно другой человек. Матово-красные губы. Кожа чуть бледнее обычного. Лицо, словно выточенное из дорого нефрита, являет собой совершенство. Всё в нём изящно и тонко, и даже улыбка излучает смиренное превосходство над миром. Алые тени естественно подчёркивают красоту его глаз, идеально сочетаются с едва заметным румянцем. И хотя платье на его широких плечах местами разошлось по швам, облик юноши от этого казался ещё более волшебным.

Цайхуа ждала с нетерпением, как будет над ним потешаться. Однако стоило Юцин закончить с его макияжем, девушка не смогла даже дышать. Она была очарована его неземным совершенством. Шанъяо ни капли не был похож на девчонку. Больше всего он сейчас напоминал небожителя: строгого и несравненно прекрасного. Цветочная фея сумела создать потрясающий образ, которым оставалось лишь любоваться.

Лу Цайхуа одолевали смешанные чувства. Ей было стыдно за свою нелепую шутку и в то же время досадно, что Шанъяо оказался настолько хорош. И если даже косметика его ничуть не испортила, то можно оставить все остальные попытки посмеяться над ним. Шанъяо всегда и везде будет лучшим. И теперь она это признала.

Совсем рядом с ними вдруг послышался шорох. Не сговариваясь, все трое направили в сторону звука напряжённые взгляды. Отодвигая пышную зелень кустарника, к ним вышел наставник Шанъяо — Мао Шуай.

Цайхуа довелось его видеть лишь раз, когда он пил чай в беседке с другими бессмертными. Тогда они все показались ей божествами. И в ближайшее время столкнуться с таким небожителем, к тому же, братом главы школы Каймин, она не планировала. Вернее, об этом она даже не думала.

В одном нижнем халате, с головы до ног мокрый, мужчина держит в руках стопку бирюзовых одежд. Волосы, цвета древесной коры, ниспадают на плечи волнами. Взгляд светлых глаз немного растерянный, капли воды сверкают на длинных ресницах. Его по-прежнему окружает аура огромной внутренней силы, безусловного господства над миром. Бесспорно, он идеален.

— Шанъяо? — голос мелодичный и звучный, с лёгкой вопросительной нотой.

— Н-наставник! ...

Глава 12. Подобаает ли просветлённым искать справедливости грязными методами?

Шанъяо сделал неуверенный шаг навстречу наставнику. Тонкий слой пудры не сумел скрыть румянец, проступивший на щеках смущённого юноши. Всего на мгновение он поднимает взгляд испуганных глаз на Мао Шуая, и слова застывают на его алых губах. Всполохи мыслей терзают сознание, превращают спокойный поток их в бушующий шторм. Ему поистине страшно. Он даже не хочет думать о том, во что превратится для него эта забава. Шанъяо быстро опускает глаза, прежде чем наставник прочтает в них все его чувства, и отстранённо наблюдает за тем, как сильно колотится сердце. Возможно, стоит попытаться всё объяснить.

— Наставник, я...

— Не надо, — оборвал Мао Шуай. — Меня не волнует, чем вы здесь занимаетесь.

И хотя слова бессмертного прозвучали болезненно строго, всем собравшимся здесь было ясно, что он совершенно не сердится. В его глубоких глазах, цвета осенней травы, промелькнуло веселье. Сверкнуло мимолётной вспышкой, точно звезда сорвалась с небосвода, блеснуло сияющим росчерком и незаметно растворилось в печали. Глубокая и завораживающая, словно вечная затворница его души, эта печаль по-прежнему плескалась во взгляде мужчины. Было трудно понять, что он чувствовал. Но оставалось прозрачным одно: до Шанъяо ему и впрямь не было дела.

Мужчина оглядел ученика и, всего на миг задержавшись на его приоткрытых губах, молча развернулся в противоположную сторону.

С волнистых волос упало несколько капель. Идеально ровную спину обтягивает мокрая ткань. Аура неколебимой мощи по-прежнему с ним, и каждый его шаг лёгок настолько, будто он сам является ветром. Не успеешь моргнуть, и Мао Шуай бесследно исчезнет, оставив после себя тонкий, едва уловимый запах тоски.

Лу Цайхуа хотела бы иметь такого наставника. Не слишком строгого, занятого своими важными мыслями и способного закрыть глаза на нелепые шалости. Именно такое впечатление у неё сложилось о Мао Шуае. К тому же, его цветущая молодость добавляла ему уважения. Можно было только гадать, сколько мужчине исполнилось лет в этом году. Но сама мысль, что он добился бессмертия в юности, вызывала у Лу Цайхуа восхищение. Обычно просветлённые становились бессмертными в зрелости, а то и совсем стариками. Достичь же подобного в молодости — значило навечно её сохранить. Это было мечтой Цайхуа.

Вырвавшись из плена мыслей, девушка перевела взгляд на Шанъяо и не сдержала довольного смеха. Поставить в неловкое положение сразу двух юношей, обладающих, очевидно, немаленьким статусом, — по истине достижение дня.

— Завтра у наставника Мао занятие, — сообщил ей напоследок Шанъяо, торопливо подбирая одежду с земли. — Приходи обязательно.

Заплетаясь ногами в розовой юбке и чуть не свалившись по пути несколько раз, парень припустил за учителем. В след ему донёсся заразительный смех второй девушки:

— Верну платок в обмен на платье!

Настроение было не лучшим. Тяжёлые мысли прорастали в голове Цайхуа сорняками.

На какое-то время ей и вправду удалось отвлечься от них, однако корень проблемы всё ещё оставался внутри, впиваясь в сознание глубже и глубже. Теперь, когда Шанъяо ушёл, Цайхуа осталась один на один с этой огромной проблемой, сковавшей её по рукам и ногам крючковатыми узлами уныния.

Вместе с Юцин они вернулись в их хижину. Пока цветочная фея от нечего делать собирала по комнате лепестки цветущего персика, Лу Цайхуа бездумно листала страницы талмуда. Сейчас она спокойно могла научиться двум-трём базовым техникам Ли, но мысли её отчего-то постоянно возвращались к бою с Чэньсином.

Самоуверенный парень в алых одеждах выбил почву из-под ног просветлённой, безжалостно сровнял с землёй её гордость. Теперь Цайхуа совершенно раздавлена. Она понимает, что нужно подняться и двигаться дальше, но воспоминание о пережитом позоре не хочет её отпускать. Не позволяет ей взять себя в руки и начать совершенствоваться.

Всего одна неудача ранила душу так больно, что Лу Цайхуа готова всё бросить и раствориться в океане разбитых надежд. И только тёплая улыбка Шанъяо согревала по-прежнему. Запечатлевшись на страницах души, она превратилась в её *личное солнышко*. Шанъяо сказал, что все они лотосы. Что ж, теперь она знает, *к чему* будет тянуться из вязкого ила. И если Шанъяо смог преодолеть испытания, она тоже однажды добьётся успеха.

— Кажется, я хочу есть, — вдруг сообщила Юцин.

Не успев вынырнуть из омута невесёлых раздумий, Цайхуа ощутила на запястье пальцы подруги. Сопrotивляться бесполезно. Если уж цветочная фея что-то задумала, от этого она ни за что не откажется.

— Идём!

Цайхуа прижала к груди руководство по базовым техникам и безропотно подчинилась Юцин. Толку от её попыток прочитать хотя бы несколько строк никакого. Уж лучше снова забыть обо всём и отправиться искать приключения с неугомонной девчонкой.

Как обычно, Цайхуа в полной мере ощутила одолевавшее её чувство голода, когда до обоняния её донёсся аромат свежеприготовленной пищи. Под ногами петляла тропинка, цветущая трава по обеим сторонам от неё доставала до пояса, и постройка ниже по склону казалась игрушечным домиком. От его изогнутой крыши вверх поднимался полупрозрачный столб дыма. И как бы ни был далёк от них этот домик, Цайхуа уже здесь смогла различить запах мяса и выпечки.

Сама того не замечая, девушка сорвалась на стремительный бег. Обеденное время подходило к концу. Если им ничего не достанется, по истине будет обидно.

Как и предполагала Лу Цайхуа, людей в столовой оказалось немного. Больше половины мест пустовало, что и говорить об очереди: теперь она соберётся только под вечер.

Небольшое с виду здание оказалось довольно просторным внутри. Низенькие столики располагались в три ряда на приличном друг от друга расстоянии. При желании, между двумя такими столами можно было спокойно выстроить цепочку из шести-семи человек. Но даже сбегись сюда с этой горы все просветлённые, Лу Цайхуа бы не смогла не заметить среди золотисто-белых оттенков яркие одежды учеников других школ. Никто из них не приносил в её жизнь неприятностей. Никто, кроме Чэньсина, приютившегося в дальнем углу у окна.

Подперев ладонью лицо, Чэньсин наблюдал, как отчаянно прыгает по столу его опустевшая чашка. Стоило той замереть, как парень снова наклонял её край и затем, стремительно отдёргивая палец, позволял ей звенеть и дрожать в луже разлитого чая. Волосы забраны в хвост, короткие пряди волос по бокам от лица скрывают его выражение, и

тонкая повязка на шее напоминает о том, что случилось сегодняшним утром. Светлую ткань отметило пятнышко крови. При взгляде на него Лу Цайхуа почувствовала себя неудобно.

Было неясно, скучал ли парень сейчас или же раздумывал над изошрённой мезтью, но одного только взгляда на его ленивые действия было достаточно, чтобы Лу Цайхуа захотела отсюда сбежать. На душе стало тошно. Чэньсин был последним, кого она желала здесь видеть.

— Ты чего? — удивилась Юцин, заметив её напряжение.

— Видишь того типа в красном? Это с ним я сегодня сражалась.

Недолго думая, Цайхуа решила добавить:

— Если б я восстановила всю свою ци, на земле валялся бы он, а не я.

Девушка произнесла это намеренно громко. Тонем, не терпящим возражений, чётко и грубо, как отдают приказы неуверенным воинам перед началом сражения. Хотелось ли ей убедить в этом себя, или же заставить поверить других — на этот вопрос не могла ответить даже сама Цайхуа.

— А-а, — отозвалась без особого интереса подруга.

Возможность пообедать привлекала Юцин куда больше, чем какие-то незнакомые парни. Особенно, если они являлись учениками не интересной ей школы.

Несомненно, Чэньсин слышал всё. Фраза Цайхуа прозвучала достаточно звонко, чтобы ученики разных школ неодобрительно на неё покосились. Но в его поведении не произошло никаких изменений. Как и мгновение назад, он продолжал играть с керамической чашкой. С тем же усердием Чэньсин мог бы сейчас отрывать одну за другой лапки какой-нибудь несчастной стрекозы. Вполне вероятно, он способен и на что-то похуже. Садист.

Мысленно заверив себя, насколько ужасен Чэньсин, девушка ощутила себя немного спокойнее. Теперь ей следовало определиться кое с чем посложнее.

В ряд у стены стояли котлы. Многие из них уже были пусты, но от некоторых по-прежнему поднималась завеса ароматного пара. Запах еды непреклонно вбирал в себя посторонние мысли, оставляя внутри лишь стойкое ощущение голода. Выбрать что-то одно не представлялось возможным, и вскоре поднос её заполнился разнообразными блюдами. Выпечки Цайхуа не хватило. Лишь одна маньтоу оставалась лежать в корзинке белым комочком. Но девушка не решила забрать её.

Усевшись за первый попавшийся стол, девушки с небывалым душевным подъёмом принялись за обед. В стремлении наесться на неделю вперёд они с Юцин были полностью единомышленны.

— Он не кажется сильным, — с набитым ртом пробубнила Юцин.

Хотя цветочной фее удалось позавтракать утром, она орудовала палочками с завидной скоростью. Тем не менее, движения девушки были аккуратны настолько, что даже слой помады на её губах остался в полной сохранности.

— И всё же он сильный, — нехотя признала Лу Цайхуа.

Невольно она отыскала глазами Чэньсина. Парень как раз направлялся к корзинке, очевидно намереваясь забрать ту самую маньтоу. Девушка вдруг обратила внимание, как плавно и бесшумно он двигался. И эта природная мягкость, с какой сытый тигр вышагивает по своей территории, казалась невероятно обманчивой.

Внутри поднималась смесь страха и ещё какого-то отдалённого чувства, проникшего в душу вместе с волнами тепла. Казалось, энергия парня не могла уместиться в его духовных каналах, и теперь потоки её стремились коснуться всех окружающих. Будь она не знакома с

Чэньсином, наверняка восхитилась бы его внутренней силой. Но он уже занял первое место в её списке врагов.

Она смотрела на него неотрывно, как охотник следит за взмахами крыльев огромного беркута. Пристально и с небывалым волнением, точно готовясь к любому исходу событий. Вот только Чэньсину до этого не было дела. Взгляд серых глаз, словно затянутый тучами, выражает лишь безразличие. Он будто не видит её. Будто она для него — жалкий зверёк, недостойный внимания. Чэньсин продолжает жить своей жизнью, и даже рана на шее для него не больше, чем просто царапина, которую он получил по своему же желанию.

Шквал раздражения снова поднялся в душе. Колочие чувства трепетали в груди подобно иссушенным листьям: покорным и потерявшим жизненный смысл. Но стоило им подчиниться безумному ветру, они вновь обрели свою силу.

Раз Чэньсин её не замечает, она заставит его это сделать. Она клянётся всегда досаждать этому мрачному парню. *И пусть ещё хоть раз попробует пройти мимо неё с таким безразличием.* Она гораздо способнее, чем он себе вообразил!

Повинуясь порыву, девушка вскочила из-за стола и что есть сил рванула к корзине. В момент, когда рука Чэньсина потянулась к маньтоу, Лу Цайхуа успела схватить её первой. С вызовом она вонзилась зубами в хлебную мякоть. Победа.

С наслаждением она наблюдала за тем, как он медленно переводит взгляд на неё, как расширяются его большие глаза, окаймлённые густыми ресницами, как мелькает в них удивление. Чэньсин прикрывает ладонью половину лица, словно пытается скрыть подступающий гнев, и вдруг, совершенно неожиданно для Лу Цайхуа, издаёт слабый смешок.

Кажется, на лице её отразилось столько противоречивых эмоций, что парень больше не сдерживается. Смех его, тихий и нежный, как утренний дождь, вызывает в ней странные чувства, и мягкая улыбка его также естественна, как предрассветная дымка. Она не ожидала такого. Сейчас перед ней стоит совсем другой человек.

Продолжая смеяться, он неторопливо покидает столовую и оставляет Лу Цайхуа один на один со своей глубокой растерянностью.

Вернувшись за стол, девушка проигнорировала все вопросы Юцин. Она не заметила даже того, как к ней подошёл кто-то из учеников школы Чэнсянь. Взгляд её устремился к окну, открывавшему вид на живописное озеро. Прозрачная вода, должно быть до дрожи холодная, свободно разливалась по горной низине. Подобно огромному зеркалу, она отражала в себе синеву безмятежности. Пушистые барашки облаков, лениво спускаясь к самой земле, обнимали одинокие скалы, неторопливо скользили по озеру, словно оно само было небом: безбрежным, бездонным и способным ответить на любые вопросы. Протяни только руку, и нужный ответ опустится к тебе на ладонь.

Многое для неё остаётся загадкой. Чэньсин, принёсший в её жизнь испытания, фарфоровая чашка, из-за которой она чуть не погибла, воспоминание призрачной девушки — ученицы основателя школы Чэнсянь. Даже на простой вопрос, почему духовное оружие не подчиняется ей, она также не отыскала ответа. И сейчас, когда Цайхуа ощущает себя оторванным от цветка лепестком, собственная слабость пугает особенно сильно. Она словно затерялась в густом и непроглядном тумане без единого шанса понять этот мир.

— Конечно, я догадался, что ты крайне невежлива. Но чтобы настолько...

Знакомый мальчишеский голос вернул Цайхуа в реальную жизнь. Скрестив на груди руки, по-прежнему в женских одеяниях и с болезненно бледным лицом Сюй Дэшэн смотрел на неё с сожалением. Как если бы и в самом деле грустил, что Лу Цайхуа не оправдала его

ожиданий. Поймав, наконец, её рассеянный взгляд, парень продолжил:

— Я знаю, что это *ты* украла мою одежду.

Цветочная фея, выронив палочки, спешно прикрыла лицо рукавом. Нетрудно было представить, как сильно она сейчас покраснела. Цайхуа же, искренне не понимая, что нужно этому парню, нахмурилась. Уж не пришёл ли он её жизни учить?

— Понимаю, ты хотела за неё отомстить, — он перевёл взгляд на Юцин. — Но где твоё благородство? Подобаает ли просветлённым искать справедливости грязными методами? *Всё равно, что безоружного ударить мечом.* Разногласия должны разрешаться открыто и честно. Я готов простить тебе эту выходку, потому что ты новенькая. Но в следующий раз, будь добра, держи себя в руках.

Цайхуа едва заметно вздохнула. Кажется, с этим днём что-то не так. С самого утра все, кому не лень, указывают на её недостатки. Техники неподходящие, защитить себя нормально не может, что и говорить о контроле эмоций, с которыми Лу Цайхуа не справляется: сколько их ни подавляй — с новой силой рвутся наружу. Одним словом, сплошные разочарования.

Вместо привычного ей раздражения, девушка ощущала себя утомлённой. Вязкий кокон усталости спрятал все чувства Лу Цайхуа, надёжно сокрыл в своих стенках её помятую душу. Неужели она настолько слаба? Неужели все годы её тренировок оказались напрасными? Верно тогда сказал ей наставник: не предавайся она бесплодным мечтам, сейчас была бы намного сильнее. Вместо того, чтобы грезить о предстоящей учёбе, занималась бы лучше сама. Быть может и ярость её настигает по той лишь причине, что вся эта гордость и юаня не стоит? Вторая ступень совершенствования — пустые слова, если она не способна доказать их на деле.

Заметив, что подруга снова погрузилась в себя, цветочная фея тихонько её позвала. Отнять рукав от лица она до сих пор не решалась. Как-никак, а Юцин также причастна к ссоре с Дэшэном.

Тем временем он, не отрывая взгляда от просветлённой, безмолвно ожидал хоть какой-нибудь реакции. Однако получил он её не от Лу Цайхуа, а от разгневанной девушки, вдруг показавшейся из-за его худощавой спины.

— Какой следующий раз?! Я и первый терпеть не намерена!

Съехавшая на бок причёска, покрасневшие от злости глаза. Тёмные пятна под ними составляют контраст с цветом кожи. Но если не замечать недостатков, это бледное личико кажется вполне милостивым. Цайхуа усмехнулась. Ещё одна героиня из сказки. Сбежавшая на этот раз со страниц в стремлении насолить неизвестному автору. Вполне вероятно, сюжет её жизни сейчас был изрядно испорчен.

Пока Лу Цайхуа во все глаза разглядывала девушку, та, оттолкнув с дороги Дэшэна, почти вплотную приблизилась к ней. И вдруг замахнулась. Что ж, всё понятно: девчонка прибежала отстаивать честь своего дорогого собрата.

Не отрывая спокойного взгляда от её дрожащей руки, Цайхуа поднялась. Соперница не выглядела сильной. Такие хрупкие девушки годятся лишь для партии вэйци, но никак не для суровых рукопашных боёв. Тем не менее, задевать её достоинство Цайхуа не хотела. Заняв боевую позицию, она снова вздохнула и приготовилась драться. Ученики, что остались в столовой, с интересом наблюдали за развернувшейся сценой.

Когда в её сторону полетел вполне безобидный удар, Цайхуа быстро вскинула руки. Вот только кулак незнакомки так и не встретил её раскрытых ладоней. Неожиданно для свидетелей ссоры, эта бледная девушка вдруг закашлялась кровью. Будто от мучительной

боли лицо её на миг исказилось, и она потеряла сознание. Не окажись рядом Дэшэна, тело её распласталось бы сейчас на полу.

По залу разнёсся настороженный шёпот. И чем дольше Дэшэн продолжал молча стоять, тем громче становились голоса окружающих. Осуждающий гомон заполнил столовую, болезненно ударил по слуху, но никто из присутствующих не спешил помогать. Всё произошло очень быстро, так, что Цайхуа не успела даже моргнуть.

— Что здесь происходит?

Вопрос главы школы раздался внезапно. Никто не заметил её появления, и оттого этот голос, безмятежный и тихий, пугал ещё больше. Как и всегда, эмоции женщины оставались загадкой, однако за её напускным безразличием, казалось, бушевал ураган. И все, кто это почувствовал, поторопились как можно скорее покинуть столовую. И помочь не помогут, ещё и беду на себя навлекут.

— Она не виновата! — поспешно вскричала Юцин, схватив подругу за локоть. — Цайхуа не била её! Мы вообще первый раз видим эту сестрицу!

Тай Циньюэ не обратила внимания на цветочную фею. Как и на Лу Цайхуа. Скользнув по Дэшэну изучающим взглядом, женщина прикоснулась к запястью потерявшей сознание девушки. Уголок её рта слегка дёрнулся. Но, как и всегда, понять мысли Циньюэ в этот момент не представлялось возможным.

— В её крови яд, — установила глава школы Чэнсянь. — Дэшэн, тебе есть, что сказать?

Юноша выдохнул. В нелепой одежде и совершенно потерянный, сейчас он представлял собой жалкое зрелище. Спокойствие и безмятежность, необычайное терпение, с которым он жил долгие годы, — всё обернулось горсткой бесполезного пепла. Потрясение оказалось слишком большим.

— Наставница, я прошёл обучение в школе Чунгао, — начал он дрожащим от волнения голосом. — Я прочитал все книги про болезни. Я могу её вылечить!

— Как долго ты собирался держать это в тайне? Если ты такой опытный, неужели не видишь: Юйлинь умрёт через пару часов, — жёстко отчеканила женщина. — Рассказывай всё.

Юцин и Лу Цайхуа неуверенно переглянулись. Обе оказались замешаны в странном событии, и чем дольше они оставались рядом со старшими, тем беспокойнее становилось у них на душе. Чувство необъяснимого страха размывало границы спокойствия. Они не должны сейчас здесь находиться, они не должны были столкнуться с этим сейчас.

— На прошлой неделе Юйлинь, Ли Вэй и приглашённый ученик из Чунгао совершали обход в городе Тай. Ни одного демона они так и не встретили. Но, — юноша неуверенно взглянул на Циньюэ — вечером они зашли в чайную. Сначала я думал, что их отравили. Только ученик из Чунгао совершенно здоров, а пили они из одного чайника. Поэтому я решил, что Юйлинь заболела. Мы не хотели вас беспокоить... Я правда не думал, что всё так получится. Наставница, вы ведь можете ей?

Тай Циньюэ расправила плечи. Ворвавшийся в столовую ветер качнул длинные волосы женщины и только усилил тревогу, что мрачной тенью отражалась в глазах. Застывшая на стенах каллиграфия, чудесный пейзаж за круглым окном и даже сам воздух — всё словно подёрнулось панической дымкой. В предчувствии бури испуганно бились молодые сердца.

Тишина, сковавшая пятерых просветлённых, длилась недолго. В столовую вдруг ворвалась толпа напуганных учеников.

— Наставница Тай! Наставница! Ли Вэй мертва!

Примечание автора:

Маньтоу — китайские паровые булочки.

Юань — китайская денежная единица (если кому интересно, сейчас 1 юань = приблизительно 10 руб).

Вэйци — популярная в Древнем Китае (да и сейчас) логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием (как шахматы, только сложнее).

玉林 (Юйлин) — яшмовый лес/яшмовая роща.

李伟 (Ли Вэй) — по отдельности переводится как «сливовое дерево» и «большой».

Глава 13. Именно в трудностях мы находим возможности

У одной из бамбуковых хижин собралось не менее ста человек. Точно пчёлы слетелись на мёд: каждый стремился подобраться поближе к окну, отчего давка только усиливалась.

Плотное кольцо из людей жило своей жизнью. Ученики разных школ расталкивали друг друга локтями, кто-то, в бессмысленной попытке прекратить этот хаос, призывал всех к спокойствию, однако паника продолжала расти. В этот момент, когда решалась судьба их соученицы, никакие правила уже не имели значения. На её месте мог оказаться любой, а это означало лишь то, что каждому из них угрожает опасность.

Цайхуа давно уже упустила из виду Юцин. Стоило девчонке влиться в поток взволнованных собратьев, и она бесследно в нём растворилась. Цайхуа же предпочла следовать за главой школы Чэнсянь чуть поодаль от остальных. Это позволило ей избежать толкотни у той самой хижины, где обнаружили тело Ли Вэй. Сейчас здесь собрались все бессмертные, и неумолимо затухающая жизнь Юйлинь, напарницы умершей, зависела только от них.

Просветлённые и раньше погибали в схватках со злом, но в последнее время участились странные беспричинные смерти. Каждое такое происшествие было окутано тайной. И плотная её завеса, как ни старались наставники её приоткрыть, только сгущалась подобно едкому дыму.

Никто не был уверен в своей безопасности. Страх давно окутал сердца просветлённых своей паутиной: плотной и липкой, вбирающей в себя без остатка энергию жизни. Незаметно демоны уничтожали их по одному. Сопротивление не представлялось возможным. Ведь чтобы с чем-то бороться, следует знать хотя бы *что именно* оно из себя представляет.

Тем не менее, Цайхуа не спешила поддаваться смятению. За последние несколько дней она дважды чуть не рассталась с собственной жизнью, а потому прекрасно усвоила: смерть может настичь внезапно. Но пусть она не властна над своей же судьбой, самой ей измениться — по силам. Чем тратить время на напрасные страхи, лучше пойти, наконец, и выучить техники. К тому же книга в руках так и кричит, чтобы её поскорее открыли. Так Цайхуа и поступит, когда отыщет для практики более-менее тихое место. Может быть стоит вернуться к ручью?

Внимание Лу Цайхуа вдруг привлекли две незнакомые девушки. Как и она, обе стояли поодаль от этой беспорядочной массы людей. Одна из них, с посеревшим от тревоги лицом, бурно высказывала своё недовольство:

— Если мы продолжим эти обходы, уже через пару недель здесь живых не останется! Я собираюсь прожить ещё как минимум две сотни лет! Почему наставники заставляют нас рисковать?!

— Дело не в них... Просто демоны стали действовать скрытно, — неуверенно отозвалась вторая. — Мы все сейчас в равных условиях. Мы просто беспомощны.

Недовольная девушка отозвалась без раздумий:

— Не знаю, как ты, а меня на этих обходах не будет. Рисковать собой добровольно — ну уж нет!

Цайхуа мысленно пожала плечами: хотя доля здравого смысла в словах каждой из

девушек всё же присутствовала, она не была с ними согласна. А уж если ей выпадет возможность совершить обход какого-нибудь города, она будет готова к встрече с опасностью!

С этими мыслями Лу Цайхуа шагнула под сень бамбуковой рощи. За буйными зарослями, из-за которых к ним утром вышел Мао Шуай, должно быть очень спокойно. Неспроста же он там оказался. А раз это место себе для купания избрал сам бессмертный, то уж для тренировки оно точно сгодится. И не побеспокоит никто.

Знакомая тропинка, усеянная подвижными пятнами света, вывела Лу Цайхуа к потоку воды. Всего на мгновение ей показалось, что она не уходила отсюда, а все события, произошедшие за время обеда, просто пригрезились ей. Может она и вправду заснула здесь, одурманенная запахом цветущей травы? И смерть соученицы, всеобщая паника, беспокойство наставницы Тай — всё это ей просто привиделось? Смертельная угроза не нависает над ними, а демоны больше не могут пробраться сюда через брешь меж мирами. Ах, если бы всё это было правдой...

Время с неистовой скоростью мчалось вперёд. Подобно взбесившейся лошади оно прилагало усилия, чтобы оставить Цайхуа позади, не поспевающую за всеми событиями, но в то же время постоянно попадающую в самый их центр. Их водоворот постоянно затягивал девушку лишь для того, чтобы напоминать ей снова и снова о том, как сильно она отстаёт. Новые дни приносят ей новые трудности, а Цайхуа на них даже ответить. И тогда эти дни безвозвратно уносятся вдаль, точно брошенные в воду бумажные деньги. Она не сумела использовать их, чтобы выкупить опыт, и в итоге осталась ни с чем.

Каждый раз, когда ей удаётся подготовиться к трудностям, мир словно смеётся над ней, отправляя в лицо очередную порцию пыли. Ей никогда не хватает возможностей, чтобы с достоинством встретить очередное препятствие, хладнокровно с ним разобраться и двинуться дальше в ногу со временем.

Этот мир опережал её ровно на шаг. Сколько бы она ни пыталась нагнать его — бесполезно. И только этот ручей продолжает журчать, как ни в чём не бывало. Мягкий мох согревает тяжёлые камни, деревья охлаждают уставшие ветви в воде и пузырьки белой пены продолжают самозабвенно вздуться на её бурлящей поверхности. Во всём окружающем Цайхуа сумасбродстве одна только природа не утратила своей безмятежности. И это вселяло надежду.

Раздвинув колючие ветви кустарника, Цайхуа недовольно скривилась — ну вот, очередная царапина! Однако долго сердиться ей не пришлось. Открывшаяся взору тихая заводь по истине завораживала, отдаваясь в душе до боли знакомым, но непонятным ей тёплым чувством. Струи воды пробивались между камнями, сливаясь в один небольшой водопад. В его искрящихся брызгах запуталась радуга. Водоём неглубокий и чистый, в зеркальной поверхности поселилась лазурь беспредельного неба. Вся небольшая поляна усеяна колокольчиками того редкого пурпурного цвета, какой нечасто встретишь в природе. И этот благоухающий ковёр из соцветий вдруг отозвался в груди лёгкой, почти незаметной ноющей болью. Кусты и деревья ограждали этот уголок волшебства от посторонних взглядов, словно пытались его защитить от всех возможных невзгод. Именно поэтому здесь было невероятно спокойно.

Цайхуа уселась у самой воды и, открыв книгу на нужной странице, бегло пробежалась по строчкам. Движения, которые она собралась отточить, были настолько простыми, что девушка даже смутилась. В то время как сверстники учат серьёзные техники, поражающие

своей красотой, ей предстоит размахивать кулаками по одной и той же незамысловатой траектории. «Кулак восходящего солнца», «защита восьми небожителей» ... В этих техниках сложными были только названия. Ну и зачем ей всё это учить? Увидит кто её за этим занятием — засмеёт.

Девушка захлопнула книгу и сосредоточилась на дыхании. Тихая жизнь этого скрытого мира природы успокаивала Лу Цайхуа, а шум водопада словно подбадривал своей непоколебимой настойчивостью. Как бы стыдно ей ни было возвращаться к самым азам, в душе она понимала: без прочной основы не построить крепкие стены. Главное — её никто не увидит, а уж дальше дело за ней. Она научится себя защищать!

Просветлённая уверенно встала и прислушалась к своим ощущениям. Духовной энергии мало, но сейчас заниматься её накоплением попросту некогда. В целом, состояние сносное, не считая пары ссадин под рёбрами и свежей царапины.

Стоп! А куда подевался тот самый порез на плече, полученный во время схватки с демонической тварью? Цайхуа слегка сжала то место, по которому несколько дней назад полоснул ржавый нож, однако ничего не почувствовала. Отсутствие травмы она заметила только сейчас. Неужели тот человек, что спас её, когда она потеряла сознание на подходе к деревне, ещё и рану её залечил? *А такое возможно?* И кто вообще её благодетель? На этот вопрос, вероятно, она уже никогда не узнает ответа. А ведь ей в самом деле стоит поблагодарить того человека...

Девушка устало вздохнула и сорвала колокольчик. Вдохнув его аромат, она вновь ощутила в груди щемящую боль.

— Любимые цветы Чэньсина, — раздался за спиной голос Лунху Чжао.

От неожиданности просветлённая вздрогнула и чуть было не плюхнулась в воду. В последний момент серебряноволосый мужчина ухватил девушку за запястье и одним быстрым движением поставил её на ноги.

Не то усмешкой, не то хитрой улыбкой сияло его молодое лицо, но в глазах, цвета вечернего неба, невозможно было найти ничего, что напоминало бы смех. Он выглядел даже моложе Мао Шуая, но его побелевшие волосы, словно покрытые инеем, говорили совсем об обратном.

Бессмертные просветлённые неизбежно седили, если им удавалось прожить пару веков, и цвет волос служил единственным доказательством их долгожительства. Несомненно, Лунху Чжао немало повидал за всю свою жизнь. Может поэтому он слегка помутился рассудком и так странно себя с ней ведёт? Впрочем, этот просветлённый спас её от падения в воду, за что ему большое спасибо.

— Что вы здесь делаете? — кисло спросила Лу Цайхуа, опустив взгляд на книгу.

Красная обложка одиноко ютилась в траве, напоминая о не состоявшейся практике техник.

— Разве вы не должны сейчас быть с главой школы?

— Мой мальчик, я тебе помешал? — вскинул брови мужчина. — Я просто хотел насладиться ароматом этих цветов. Пожалуй, они единственные на этой горе позволяют забыть о забытом... Орхидеи здесь, увы, не растут.

Ну вот, снова эти непонятные речи. Лу Цайхуа чуть нахмурилась и отбросила в сторону сорванный колокольчик.

Мир не станет ждать, пока она обучится новым приёмам. Нужно как-то намекнуть об этом учителю.

— Я тут основами заняться пытаюсь, как вы мне советовали. Если я снова потеряю время, то не подготовлюсь к новым трудностям. И вообще, — для убедительности просветлённая воздела к небу указательный палец, — я упустила уже столько возможностей. Будь у меня опыт и знания в нужный момент, я бы справилась со всеми испытаниями!

И ведь правда. Победа над Чэньсином, информация о демонической чашке и владение мечом — всё это было бы её достижениями, окажись она в те моменты сильнее, умнее и опытнее. Но, как обычно, все сложности она встречала с пустыми руками. Ей просто не хватало времени как следует подготовиться к ним.

— Ты никогда не будешь готов ко всем трудностям сразу, — возразил Лунху Чжао. — Их не предскажешь. И к ним нельзя подготовиться. Смысл ведь в том, чтобы научиться справляться с ними тогда, когда встретишь их. Именно в трудностях мы находим возможности: они заставляют нас двигаться дальше, расти и становиться сильнее. В этом заключается жизнь.

Лунху Чжао не стал дожидаться ответа. Протянув к Цайхуа раскрытую ладонь он вдруг попросил:

— Дай-ка взглянуть на твой меч.

Погрузившись в раздумья над словами мужчины, Цайхуа пропустила мимо ушей его реплику. И только когда он озвучил просьбу повторно, девушка в замешательстве протянула ему свои ножны.

Глаза бессмертного вспыхнули любопытством.

— Так и знал, что это другой меч, — сообщил он, проведя пальцами по тонкому лезвию. — Но тоже сделан Тай Хуэем. Причём, это одна из его ранних работ. Мой мальчик, зачем он тебе?

— Кто такой Тай Хуэй? — проигнорировала странный вопрос Цайхуа.

Оружие в руках Лунху Чжао преобразилось на глазах. Некогда тусклый клинок, окутанный теперь духовной энергией, ярко сиял в лучах солнца, переливался серебристыми искрами, и даже его рукоять, увесистая, но при этом изящная, казалось, излучала решительность. Этот меч заслуживал другого хозяина.

— Что? — опешил мужчина. — Два твоих меча изготовлены этим потрясающим мастером, а ты и имени его не знаешь? Подожди. Ты ведь провёл в этой школе несколько лет! Как можно забыть имя главы?

— Я не понимаю о чём вы, — резко ответила девушка.

То, что этот учитель продолжал её принимать за кого-то другого, начало раздражать. Может, стоит уже прояснить ситуацию? Но если просветлённый узнает, что она не является парнем, пустит ли он её на занятия?

— Странствия меняют людей, — обречённо вздохнул Лунху Чжао и картинно прикрыл ладонью лицо. — Станный ты стал. Я же помню, последний свой меч Тай Хуэй изготовил лично для тебя. Но если не хочешь об этом, я не буду настаивать.

— Так кто такой Тай Хуэй? — настойчиво повторила девушка.

— Мой мальчик, Тай Хуэй — бывший глава школы Чэнсянь и последний мастер меча, — не отнимая руки от лица, он окинул её подозрительным взглядом через щель между пальцами. — После смерти своей младшей дочери он отправился в Тихие земли. Тебе что, память отшибло?

Девушка невольно поёжилась. Ситуация стала опасной. В чём именно заключалась эта опасность, Цайхуа понять не могла, но тело её вдруг охватило такой волной напряжения,

словно должно было случиться что-то ужасное. Что-то такое, после чего её жизнь никогда не вернётся в прежнее русло. Взгляд её скользнул по макушкам деревьев, зацепился на миг за пурпур цветов и вернулся к лицу собеседника.

— А... Да-да, есть такое, — наконец отозвалась Цайхуа.

Что ж, раз он её с кем-то спутал, она подыграет. Не ровен час, Лунху Чжао раскроет обман, и тогда Цайхуа попросится с возможностью посещать уроки боевых искусств.

— В последнее время у меня проблемы с памятью, — уверенно добавила девушка. — Этот меч и правда Тай Хуэй изготовил, только толку от него никакого. Может вы знаете, почему он не подчиняется мне?

— Неудивительно, — улыбнулся мужчина. — Ты связан с последним мечом Тай Хуэя узами верности. Ни одно другое оружие не посмеет тебе подчиниться, пока есть эта связь. Так где этот меч? Я давно собирался об этом спросить.

В попытке потянуть время, девушка притворилась, что кашляет. Ну и что ей на это сказать? Хотя...

— Так я ж говорю, проблемы с памятью, — нашлась с ответом Лу Цайхуа. — Не имею понятия, где он. Вот и приходится с этим ходить.

Лунху Чжао, казалось, страшно расстроился. Огонь в глазах его заметно угас, уголки губ опустились. Частая смена настроений, вероятно, была его характерной особенностью.

Лу Цайхуа вспомнила, как восхитилась этим мужчиной на горе Лунхушань, когда впервые с ним встретила. Но кто бы мог подумать, что этот уважаемый бессмертный окажется ещё тем чудачком, навечно замершим в юности. И речь шла не о внешности. Именно его поведение наводило на мысли о молодом поколении. Таким ей и виделся Лунху Чжао, эмоциональным и беззаботным, несмотря на серебро длинных волос и, вероятно, сотни лет за спиной.

Немного помолчав, мужчина произнёс сочувственным тоном:

— Не беспокойся. Твой меч сам найдёт тебя.

Кого только он пытался утешить, себя или её, оставалось неясным. Девушка согласно кивнула, хотя совершенно не понимала его. И всё же была вероятность, что последняя фраза мужчины таила в себе долгожданный ответ на вопрос, почему духовное оружие не подчиняется ей. Что если проблема и правда заключается в том, что будущий меч Цайхуа до сих пор не нашёл её? Но это она обсудит с Шаньяо. А сейчас ей стоит вернуться к насущным проблемам.

— Учитель Чжао, а можно мне в обитель бессмертных?

Мужчина округлил глаза и, сокрушённо покачав головой, взмахнул рукавами. Алая ткань плавно осела на головки цветов.

— И о своём бессмертии забыл?!

— А?...

Тело Лу Цайхуа оставалось разгорячённым. Словно полдня она просидела на пекле вместо того, чтобы совершенствовать техники. Однако она занялась именно ими, когда Лунху Чжао наконец-то покинул её.

После того, как «кулак восходящего солнца» с «защитой восьми небожителей» были усвоены и отработаны ей до тошноты, девушка принялась за обыкновенную физическую подготовку. Уж чего-чего, а отжиманиями она не занималась давно. Расслабляться было некогда, и до самого вечера девушка выполняла всё то, что нехотя делала дома под

пристальным взором своего старого наставника. И лишь с последними лучами солнца Цайхуа вдруг вспомнила о своём новом плане пробраться в обитель бессмертных.

К тому моменту, как она отнесла в их с Юцин хижину руководство по техникам, на гору уже опускались влажные сумерки. К счастью, цветочной феи не оказалось на месте, а значит Цайхуа абсолютно свободна. Сегодня она точно найдёт книгу об артефактах!

Под темнеющим куполом неба кружились стайки взволнованных птиц. Своими истошными криками они будто пытались замедлить ход времени, задержать этот день ещё ненадолго, прежде чем всех их настигнет безразличная ночь. Очень скоро всё живое погрузится в сон, ненадолго умрёт, чтобы вернуть себе силы для встречи нового утра.

Ночь дарит спокойствие, она — лучший хранитель всех тайн и секретов. Под её жемчужным покровом случаются самые важные на свете события. Такие, о которых никому нельзя рассказать. О них знают лишь звёзды, и именно эти события в итоге меняют весь мир.

Пожалуй, ночь — печальная спутница жизни Лу Цайхуа. Лишь в это время, когда вся мгла в округе сгущается так, что кажется вполне осязаемой, судьба девушки внезапно меняла своё направление. Но при этом лишь ночью просветлённая позволяла себе сбросить оковы трудного дня и наконец-то стать настоящей: свободной, никому не обязанной и настойчиво ищущей путь ко всему, что ей важно найти.

На нужную дорогу девушка вышла практически сразу. Стоило только зажмуриться, прислушаться к своим ощущениям, и потоки духовной энергии заструились к ней тонкими нитями. По ним она добралась до обители. Тихой, как и всегда, наполненной ароматом цветущих деревьев и окутанной плотной туманной завесой.

Туман, смешавшись со тьмой, потерял свой безупречный оттенок. Теперь серый и призрачный он проникал вместе с воздухом в лёгкие, оставлял в них почти незаметный, мистический страх.

Размытые силуэты построек проступали сквозь дымку тёмными пятнами. Мгла поглотила их гордость, спрятала от равнодушного взора луны их величие, опустила на крыши таинственный занавес. За ним, полупрозрачным и зыбким, было трудно понять, какая постройка из всех является библиотекой.

Не успела Цайхуа сделать и пары шагов, как перед глазами вдруг промелькнул знакомый ей силуэт. Сердце забило в груди чуть быстрее, когда пространство вокруг озарилось мерцающим светом. Это была снова она — та самая призрачная девушка, ученица основателя школы Чэнсянь, отдавшая жизнь за него и свободу этого мира.

— Юйчжоу? — позвала Цайхуа.

Та грустно ей улыбнулась и чуть заметно кивнула. Призрачные волосы девушки свободно струились по её стройному телу. Это напомнило Лу Цайхуа, каким образом погибла эта отважная просветлённая. Крайне нелепо и очень обидно. Но ведь так и случается в жизни.

— Если можно, отведи меня в свою башню, — попросила Лу Цайхуа. — Мне очень нужно найти одну книгу.

Юйчжоу улыбнулась чуть шире и полетела вперёд, оставляя за собой искрящийся духовной энергией след. Она не оглядываясь, будто знала, что Цайхуа без промедлений пойдёт за ней. И та действительно пошла. А что ещё оставалось? К тому же, этой призрачной девушке, открывшей ей своё прошлое, Цайхуа доверяла.

Стены здания, в которое Юйчжоу привела Цайхуа, оказались окутаны мягким сиянием. Словно живое, оно отдавалось пульсацией на каждый шаг девушки, становилось чуть ярче и

вновь затухало, когда прекращалось движение. Застоявшийся воздух хранил запах старости, слегка кружил голову и отчего-то казался знакомым. Внутри что-то подсказывало: это не библиотека. Тем не менее, Цайхуа продолжала идти, сознательно упуская возможность вернуться назад.

В гулком эхе, заполнявшем этот пустой коридор, вдруг отчётливо проступили два голоса: мужской, суровый и грубый, и нежный, совсем ещё детский. Только услышав их, Цайхуа замерла в нешуточной панике. Ночью все её чувства обострились почти до предела, и теперь, когда она очутилась в столь подозрительном месте, внутри неизбежно рос страх.

Идти ли ей дальше, если здесь кто-то есть? Встреч с незнакомцами она не планировала: все они приведут к неприятностям. Однако Юйчжоу непреклонно звала за собой, а сама Цайхуа сбилась со счёта ещё на первых поворотах. Теперь не получится выйти отсюда самой. Она может либо стоять, либо двигаться дальше, прислушиваясь к голосам, что проступали из стен вместе со странным, мигающим светом.

— Отец, я не хочу умирать, — в *детском* голосе не было грусти. Он прозвучал смиренно и тихо, словно речь сейчас шла о погоде.

— Ты не умрёшь, — уверенно ответил *мужской*. — Ты любишь людей, этот мир и его красоту, так?

— Да, отец, — согласился ребёнок. — Но ведь я даже не успел его посмотреть.

— Ничего. Он погибает, там почти ничего не осталось. Но если ты хочешь спасти его для всех этих людей...

— Конечно хочу! Только... Отец, мне правда страшно.

— Я понимаю, Ян-Ян, понимаю. Но ты должен помнить: ты единственный ключ к спасению мира. С твоей помощью наставник Чэнсянь заключит демонов в Мрачном чертоге. Никто другой, кроме тебя, не подходит. Ты веришь мне?

Ненадолго в коридоре воцарилось молчание, и спина Цайхуа вновь покрылась мурашками. Она не имела понятия, чьи голоса раздаются вокруг, но одного только смысла их диалога было достаточно, чтобы заставить её мелко дрожать.

Какие события связаны с изгнанием демонов? Кровь стыла в жилах от каждой новой догадки, но всё окончательно похолодело внутри, когда Цайхуа услышала последнюю фразу:

— Верю. Я люблю этот мир и тебя, папа. Ради всех вас я готов отдать свою жизнь.

В этот момент Цайхуа и Юйчжоу вышли в просторную залу, залитую ярким, почти ослепляющим светом. Мощный поток духовной энергии перехватил дыхание девушки, заставил её изумлённо застыть прямо в проходе.

Источником ци оказался маленький шар: возьми Цайхуа его в руки, и он бы с лёгкостью поместился у неё на ладони. Свет, исходящий от шара, также пульсировал, словно являлся чьим-то крохотным сердцем, а расположенный под ним пьедестал был весь испещрён защитными символами.

Юйчжоу хлопнула в ладоши от радости и, совершив кульбит вокруг Цайхуа, подлетела к шару духовной энергии. *Ну же, скорее*, говорил её взгляд. Очарованная этим сиянием, Лу Цайхуа последовала за призрачной девушкой. Мгновение, и пальцы её коснутся источника ци, растворятся в этом тепле навсегда. Она должна это сделать. *Все ответы кроются здесь.*

Прямо над ухом внезапно раздался голос Циньюэ.

— Что ты делаешь?!

Примечание автора:

慧 (Хуэй) — умный, сообразительный;

阳阳 (Ян-Ян) — детское имя; а ещё иероглиф «阳» означает тот самый «Ян» из китайской философии про Инь-Ян. Ян — мужское начало, огонь, солнце, свет, активность и т. д.

Глава 14. Чем больше ты сможешь узнать, тем лучшее будущее себе обеспечишь и избежишь многих проблем

Цайхуа отдернула руку, и наваждение бесследно растаяло в чуть потускневшем сиянии ци. Свет, исходящий от шара, сделался мягким. Теперь он освещал только центр нефритовой залы, позволив белым высоким колоннам, окружавшим её по периметру, укрыться в тени.

— Я..., — Цайхуа растерянно скользнула взглядом вокруг.

Юйчжоу исчезла, словно её здесь и не было. Словно всё это время она была плодом фантазии Лу Цайхуа, как и голоса мужчины с ребёнком, как и эта манящая, захватывающая дух, энергия шара.

— Я не знаю. Правда не знаю. Оно само как-то.

Тай Циньюэ оставалась спокойной. Как если бы сейчас не она застучала Лу Цайхуа на вершине Тайшань, в самом сердце обители бессмертных. Резкие тени, что легли на лицо главы школы, казалось, пропитывали его ещё большей суровостью: непреклонной, но справедливой. Женщина хранила молчание. Было понятно — такой ответ её ничуть не устраивал.

— Я нарушила правило, — честно призналась во всём Цайхуа. Отрицать очевидное, как и пытаться себя оправдать, просто не было смысла. — Я знала, что Вы меня сюда не пустите, но именно *здесь* я оказалась случайно. Не разглядела в темноте библиотеку, вот и забралась сюда.

Если Циньюэ и не поверила ей, то виду не подала. Глаза её, по обыкновению, не раскрывали секретов бесстрастной души. Коснувшись запястья насторожившейся девушки, она о чём-то ненадолго задумалась, и тонкие брови её сошлись к переносице. Пальцы женщины были холодными, почти ледяными, но прикосновение их было лёгким и невесомым настолько, что на миг Цайхуа показалось, будто на кожу её опустилась легкокрылая бабочка.

— Зачем тебе библиотека бессмертных?

— Хотела найти книгу о духовных сущностях, — соврала Цайхуа быстрее, чем успела подумать, и тут же прикусила язык. *Опрометчиво*. Эта книга ведь вполне могла оказаться в ученической библиотеке. А если так, женщина обязательно заподозрит неладное.

— И зачем она тебе?

— Мне стало интересно, могут ли духовные сущности принимать человеческий облик?

Тай Циньюэ, отпустив запястье ученицы, молча взглянула на неё. И пусть за этим взглядом, странным и будто стеклянным, нельзя было прочесть мысли женщины, Цайхуа интуитивно почувствовала в нём нечто большее. Необъяснимо важное и при этом таящее в себе лёгкий привкус опасности.

Это ощущение заставило девушку пожалеть обо всём, что она уже успела сказать. Проклиная свой длинный язык, наверное, уже в тысячный раз, Цайхуа продолжила открыто смотреть в лицо главы школы. Теперь остаётся идти до конца.

— Не могут, — вдруг ответила Циньюэ и развернулась к выходу из залы. По ровной спине струился белоснежный шёлк лёгкой накидки. — Все души лишаются воспоминаний, когда выходят из тела. А затем они могут принять только форму животного.

Цайхуа последний раз взглянула на сияющий шар. Его мягкий свет по-прежнему манил её, *молил прикоснуться*, хотя бы на миг погрузить пальцы в тепло этой ци. Но девушка только вздохнула и, пока главу школы Чэнсянь окончательно не поглотил мрак коридора, торопливо побежала за ней.

Она ещё вернётся сюда, и поможет Юйчжоу разобраться с чем бы то ни было. Если конечно, это не *ей* недавно *пытались помочь*...

— Наставница Тай, — обратилась к женщине Лу Цайхуа. — Позвольте задать вам вопрос?

Даже в такой ситуации, когда лишний раз заводить разговоры не следовало, она продолжала удовлетворять своё любопытство. Казалось, сейчас она ходит по тонкому льду, рискуя вот-вот провалиться в тёмную бездну. Однако, ещё при обучении у старого наставника Лао, девушка поняла одну нехитрую истину: чем больше ты сможешь узнать, тем лучшее будущее себе обеспечишь и избежишь многих проблем.

Не дождавшись ответа, Цайхуа продолжила:

— А может быть такое, что душа сохранила воспоминания и не превратилась в духовную сущность?

Женщина замедлила движение, точно задумалась: стоит ли ей отвечать на вопрос, и что за этим последует в будущем.

Стены вокруг, пустые и мрачные, излучали призрачный свет. Но отчего-то он больше не отзывался на шаги просветлённых, безжизненно замер, навсегда отделившись от гулкого эха их поступи.

Время продолжало растягиваться, мучительно давить на сознание: без того воспалённое и чрезмерно уставшее. Спёртый воздух застревал ещё в горле, вызывая желание как можно скорее оказаться снаружи. Всё вокруг стало похоже на сон. Липкий и вязкий, как тесто.

— Человек умирает, теряет воспоминания и, если ему повезёт, становится духовной сущностью, — тихо заговорила Циньюэ. — Что касается нас, после смерти душа просветлённого переселяется в меч. Воспоминания она сохраняет, но в мире смертных не задерживается. То, о чём ты говоришь, невозможно.

— Но, — Цайхуа продолжала стоять на своём. — Разве душа просветлённого во всех случаях поселяется в меч?

Тай Циньюэ обернулась и окинула девушку своим непроницаемым, но, вместе с тем, таким многозначительным, будто оценивающим взглядом. Вверх по спине пробежал холодок.

— Не во всех, — голос женщины прозвучал неожиданно резко. — Если меч уничтожен, душа просветлённого, который не успел вознестись, становится духовной сущностью и остаётся жить в мире смертных. *Без воспоминаний*.

Цайхуа сделала медленный выдох и, приготовившись к самому худшему, осторожно спросила:

— А если меч уничтожен, но всё-таки душа просветлённого не превратилась в духовную сущность и сохранила воспоминания?

Женщина остановилась окончательно. Нервно сглотнув, Цайхуа чуть прикрыла глаза и усилием воли подавила поднявшийся внутри страх.

Она обязана разобраться, что из себя представляет Юйчжоу. *Хотя бы одна* тайна должна оказаться раскрытой, и тогда девушка сможет уверенно двигаться дальше.

Цайхуа чувствовала: должно быть что-то ещё. Эфемерный, едва различимый

вопросительный знак скрывался в самой интонации наставницы Тай. Существовала некая тайна, неуловимая, но в то же время толкающая Лу Цайхуа на расспросы. И она слушала свой внутренний голос, продолжая тянуть за разные нити этого странного, как паутина, причудливого разговора. Лишь бы узнать чуть больше того, что уже и так всем известно.

— Наставница Тай, простите меня за бестактность, — как можно искреннее извинилась девушка. — Может, простым ученикам вроде меня такое знать не положено, но мне и правда важно разобраться в этом вопросе. Я даже рискнула и без разрешения пришла сюда. Я понимаю, что заслужила наказание, и готова его понести. И всё же прошу вас ответить. Больше мне некого спрашивать.

Закончив последнюю фразу, девушка вдруг вспомнила Шанъяо. Уж его-то она может спросить когда и о чём ей будет угодно. Этот парень, судя по всему, немало лет провёл среди просветлённых, впитывая *сразу* те знания, что недоступны для прочтения в книгах. Он знал даже то, о чём ей никогда не рассказывал старый наставник Чжуаньцзэ. Однако на *этот* вопрос Шанъяо вряд ли найдёт что сказать. А оставаться и дальше в неведении она просто устала.

Цайхуа уже не надеялась на продолжение беседы, как вдруг Тай Циньюэ заговорила на удивление тихим надтреснутым голосом:

— Я ни о чём подобном не слышала. О сохранении воспоминаний уж точно. Но, кто знает, может быть это возможно. Есть и ещё кое-что. Если душа просветлённого не переселяется в меч, она может найти приют в другом теле.

— Перерождение? Разве это возможно? — ахнула девушка.

— Да. Если использовать *технику сплетения душ*. Когда две души связаны, не важно, сколько раз будет умирать любой из этих двоих. До тех пор, пока один человек продолжает жить на этой земле, *второй будет к нему возвращаться*.

Цайхуа ошарашенно пыталась принять свалившиеся на голову новые сведения. Конечно, эта информация была для неё бесполезной, но о таком волнующем воображение и, вместе с тем, до мурашек пугающем факте она узнала впервые. Впрочем, девушка была готова поклясться, что о технике сплетения душ знают лишь единицы. До этого разговора Лу Цайхуа была абсолютно уверена: после смерти пути назад нет. Просветлённые возносятся в Небесное царство, переселяются в меч или же, как и все достойные обычные люди, обращаются духовными сущностями. Но *перерождение*? Нет. О таком она слышит впервые.

— Сплетение душ — утерянная техника, о которой все давно позабыли. О ней знал один мой отец. И то, узнать ему удалось по случайности, — будто прочла её мысли Циньюэ.

Шумно вздохнув, так, что это услышала Лу Цайхуа, она на мгновение сжала кулаки и продолжила идти вперёд. Быстро, стремительно, словно пыталась как можно скорее от чего-то сбежать. От чего-то тяжёлого, страшного и необъяснимо болезненного.

— Ваш отец — Тай Хуэй? — уточнила девушка, припомнив беседу с учителем Чжао.

Циньюэ ускорила шаг и кивнула. По крайней мере так показалось Лу Цайхуа.

— Но зачем вы мне рассказали про технику?

— Я рассказала всё мне известное, чтобы ответить на твой странный вопрос. Как видишь, даже исключение из правил отлично от того, что ты пыталась узнать.

Остаток пути они прошли молча. Мысли Лу Цайхуа были заняты размышлениями над поведением наставницы Тай: так легко получить от неё все ответы она не рассчитывала.

Тай Циньюэ поступала в соответствии со своими интересами, о которых Цайхуа не решалась предположить даже в смелых фантазиях. Всё, что касалось этой загадочной

женщины, вызывало в ней опасение. Но вместе со страхом, затесавшимся в глубинах души, девушка не могла не испытывать к ней уважение. Если всё так, как ей рассказал Лунху Чжао, эта женщина потеряла сестру и навсегда рассталась с отцом. Но даже оставшись одна, Циньюэ заняла пост главы школы и продолжила двигаться дальше. Её духовная энергия, граничащая почти что с божественной силой, завидное самообладание и прочный внутренний стержень заставляли Лу Цайхуа восхищаться.

Когда они наконец-то вышли наружу, на горизонте уже занимался рассвет. Чистое небо, точно огромное хрустальное озеро, отражало в себе мечты Цайхуа. Обратившись россыпью сияющих звёзд, её заветные желания, все тайные надежды мерцали на этом огромном светлеющем куполе. Этот тусклый, но такой настоящий и привлекательный свет проникал в самую душу, поднимал с её потаённых глубин несокрушимую уверенность в будущем: однажды Цайхуа встанет на меч, и, воздев руки к небу, дотронется до каждой из звёзд.

С наслаждением вдохнув свежий воздух, девушка улыбнулась. Ночное приключение рассеялось в густом клокастом тумане, скользящем у кромки небес. И она сама, Лу Цайхуа, будто парит среди облаков, касается их дрожащими пальцами, оставляет на них отпечатки неразгаданных тайн.

— А теперь по поводу твоего наказания, — вернула её на землю Циньюэ. — Сегодня вечером ты отправляешься на обход города Тай.

Несмотря на раннее утро, в учебном зале царило оживление. Стоило Лу Цайхуа зайти в это наполненное гулом помещение, как к ней сразу же подбежал Шаньяо: как обычно взъерошенный, с широкой улыбкой и весёлым огнём в карамельных глазах. Без церемоний и даже приветствия, он схватил девушку под руку и потащил в сторону стола учителя.

— Занял тебе место в первых рядах, — с гордостью сообщил юноша, очевидно ожидая от Лу Цайхуа похвалы.

Сегодня он держался с ней слишком раскованно, как если бы они давно были друзьями. *И неудивительно*, подумалось девушке. После того как Шаньяо по её милости был преображён в молодую красотку, было бы странно, если бы они не подружились сильнее. Всё же совместные шалости сближают людей.

Цайхуа могла пересчитать по пальцам дни их знакомства. Она до сих пор ничего не знала о нём, как не могла даже представить, почему юноша решил ей помочь в их первую встречу. Тем не менее, девушка была искренне рада такому другу, как он. Что-то в его поведении, в бесконечном тепле его доброй улыбки, предназначенной ей, Лу Цайхуа, отзывалось в ней нежностью. Он *в самом деле* стал её личным солнышком, способным разогнать темноту непредсказуемой жизни.

— Я рад, что ты пришла. Уж думал, проспичь и пропустишь занятие.

Шаньяо с размаху плюхнулся за соседний стол слева от девушки, и бирюзовые одежды его опустились вокруг, точно лепестки окаймили сердцевину цветка. Сама Цайхуа не спешила садиться. Стоит ей это сделать, как на неё мигом обрушится тысяча цзиней накопленной за ночь усталости.

— Какое там, — она усмехнулась. — Я вообще спать не ложила.

Будто в подтверждение слов, на неё накатила зевота, и девушка прикрыла лицо рукавом. О том, что наверняка под глазами красуются синие пятна, не хотелось и думать. Главное — не заснуть на занятии, а всё остальное она уж как-нибудь переживёт.

— Оно и видно, — фыркнул Шаньяо и, перехватив возмущённый взгляд девушки, тут же

поспешил объясниться. — Имею ввиду, я в курсе твоих ночных походов. Тебе повезло, что в патрульной команде с тобой буду я.

— Слава богам, ты, а не этот самодовольный Чэньсин, — буркнула девушка. — Видеть его не хочу.

Глаза юноши всего на миг округлились, словно он увидел за Лу Цайхуа невесть откуда взявшегося демона, и вдруг рассмеялся. Неожиданно громко, но в то же время мелодично и звонко. Так смеялся только Шанъяо. Словно озорной ручеек бежал по каменистому склону.

Почувствовав неладное, Цайхуа обернулась. Слегка подняв бровь, ничего не выражающим взглядом на неё смотрел парень в алых одеждах. И только губы его, чуть изогнувшись в ироничной усмешке, выдавали эмоции.

Шею Чэньсина по-прежнему обвивала повязка. Капли крови на ней, уже засохшие и потемневшие, снова напомнили девушке о её первом учебном и неудавшемся бое. Сердце забилось быстрее, однако Лу Цайхуа продолжила стойко смотреть парню прямо в лицо. Пусть ощутит на себе всю её безграничную ненависть.

— Мне кажется, или это я должен тебя избегать, — в серых, точно грозовое небо, глазах мелькнуло какое-то чувство. Девушка не сумела его распознать, но где-то на самых задворках души ей стало вдруг неуютно. *Что-то болезненно шевельнулось в груди*, стиснуло сердце колючими путами, и она, не желая больше это испытывать, с досадой опустила взгляд вниз. — Не беспокойся, через пару дней меня здесь не будет.

Цайхуа была готова поспорить, что Чэньсин обязательно её заденет плечом, когда важно прощестует мимо. Но стоило ей приготовиться высказать всё, что она о нём думает, как парень спокойно, без лишних движений, сел за стол справа и отвернулся к окну. Подперев рукой голову, он замер неподвижной каменной статуей. Алый рукав неторопливо спускался вниз к локтю, обнажая багровую ленту, что в несколько витков обнимала запястье. Цайхуа её уже видела ранее, и теперь ей стало вдруг любопытно: *что это за лента такая?* Девушка знала, что кроме Чэньсина в школе Ли такие не носит никто.

— Он возвращается в Ли вместе с учителем Чжао, — прошептал ей Шанъяо, по-своему истолковав вопросительный взгляд Цайхуа. — Очень скоро и меня здесь не будет. На смену к вам прилетят другие наставники.

Несмотря на то, что близилось начало урока, ученики продолжали возбуждённо шуметь. Звуки их голосов терялись в аромате цветущей магнолии, что протянула свои ветви прямо в окно. Огромное и круглое, оно не защищало от ветра, шуршащего страницами книг. Широкий учительский стол, установленный на небольшом возвышении и заваленный старыми свитками, украшала ваза с цветочной композицией. Свежесрезанные, всё ещё влажные от капель росы, эти цветы напомнили ей о Юцин. Лишь бы сегодня эта девчонка успела на занятие к учителю из школы Чунгао.

Тело словно лишилось всех жизненных сил, настолько сильно ей вдруг захотелось спать. Кости и мышцы, требуя отдыха, болезненно ныли, потяжелевшие веки слипались, и только слабый огонёк интереса всё ещё теплился где-то внутри, согревая сознание и не позволяя заснуть.

В попытке отвлечься от накатившей усталости, просветлённая обратилась к Шанъяо:

— Ту девушку, Юйлинь кажется, сумели спасти?

— О-о, — многозначительно выдохнул парень. — Сейчас эта новость у всех на слуху. Яд парализовал её духовные каналы, и наставники пытались его устранить с помощью своей энергии. Но чем дольше они её передавали, тем хуже Юйлинь становилось. В последний

момент появился учитель Чжао. Он подал всем очень странную идею, но именно она и спасла жизнь Юйлинь.

Услышав о Лунху Чжао, девушка неосознанно обернулась к Чэньсину. И вдруг столкнулась с его внимательным, немигающим взглядом. Всего миг они растерянно смотрели друг другу в глаза, пока Чэньсин не нарушил момент установившейся связи. Усмехнувшись, по обыкновению мрачно, он отвернулся обратно к окну.

— Учитель Чжао решил, что если светлая энергия только ухудшает состояние, то надо сделать всё наоборот, — продолжил Шаньяо. — В итоге духовные каналы Юйлинь были опустошены, и её состояние значительно улучшилось. Пока никто не знает, сможет ли она вернуться к прежней жизни, но самое главное — она осталась жива.

Пока девушка, усиленно напрягая извилины, пыталась поймать суть истории, голоса учеников резко стихли. Зал затопила тишина. Душная, пронизанная сладковатым оттенком магнолии, она отрезала Лу Цайхуа от реальности, впитала в себя ход её мыслей, не оставив от них ничего. По учебной зале бесшумно скользили одежды Мао Шуая.

— Чем просветлённый отличается от обычного человека? — с ходу, без предисловий задал вопрос учитель.

Мужчина остановился у края стола и, удивлённо взглянув на вазу с цветами, развернулся к ученикам. Как всегда, безмятежный, с безупречной улыбкой и окутанный сильной, но вместе с тем очень мягкой и тёплой аурой. Наверное, подумала Лу Цайхуа, такова особенность всех просветлённых школы Каймин.

— Позвольте ответить, — раздался чей-то незнакомый голос. — Просветлённый знает о том, что умеет. Причём, он не только знает о своих возможностях, но также и развивает их. В этом состоит совершенствование, и это нас отличает от обычных людей.

— Верно, — отозвался Мао Шуай. — Сегодня я хочу вам напомнить о том, что все вы прекрасно умеете, но могли забыть по разным причинам. Это знание лежит в основе учения школы Каймин, и этого знания будет достаточно, чтобы обрести огромную силу. Человек по природе своей гармоничен. Почему? Он такая же часть дыхания жизни, как и леса, травы и реки. Человек не просто рождён этим миром, он связан с ним до конца своих дней и даже после смерти. И если почувствовать эту тонкую связь, если позволить ей окрепнуть, и если вы подчинитесь силе природы, она подарит взамен огромную власть. Сосуществуйте с этим миром, прислушивайтесь к музыке ветра и пению птиц, откройте возможности, доступные вам от рождения. Просто слейтесь с ритмом природы, пропустите её сквозь себя и станьте ею самой.

Растворившись в бархатном голосе Мао Шуая, девушка с запозданием ощутила, как начинает проваливаться в сон. Однако стоило учителю прямо в воздухе скрестить ноги и, продолжая парить в половине чжана от пола, погрузиться в медитацию, как вся сонливость моментально исчезла.

С раскрытыми ученики разных школ наблюдали, как за спиной учителя Шуая медленно *отрываются от цветов лепестки* и плавно его окружают. Не веря глазам, Цайхуа покосилась в сторону друга. Тот, казалось, видел это чудо не в первый раз. Лицо юноши оставалось спокойным, и лишь в глазах *промелькнуло колющее чувство*. Нечто вроде обиды.

Вдруг лепестки закружились в стремительном вихре, окутали Мао Шуая пестрящим кольцом. По-прежнему не открывая глаз, мужчина вынул из рукава спелую грушу и подкинул её над головой. В тот же миг лепестки, превратившись в тысячи крохотных лезвий, искромсали её на множество мелких частей. Мао Шуай опустил и, стряхнув с плеча

лепесток, наконец-то открыл глаза.

— Почувствуйте силу природы, и в ваших руках она станет оружием, — тихо изрёк учитель. Прошёл всего миг, как он бесследно исчез, оставив после себя свежее дыхание ветра.

После такого занятия Цайхуа непременно захотелось повторить хотя бы что-то похожее. Пусть не точно такое же, пусть она заставит взлететь только один лепесток, но и этого будет достаточно.

Как обычно, от нечего делать, Шанъяо увязался за ней.

— Ты ведь не просто так позвал меня на это занятие? — хитро улыбнулась Лу Цайхуа.

— Конечно. Не наставником же моим любоваться, — засмеялся парень. — Я заметил, что меч не подчиняется тебе. Кто знает, сколько пройдёт времени, пока ты им овладеешь, а защищать себя ты должна уметь всегда. Тем более, что сегодня нас ждёт обход.

— Послушай, — спохватилась вдруг девушка. — А почему обход считается наказанием?

— Ну, как сказать, — задумался юноша. — В последнее время ни один ночной патруль не обходится без жертв. Ребята отказываются принимать в этом участие, поэтому их можно заставить теперь только так.

— А ты-то за что наказан? — наконец задала мучавший её вопрос Цайхуа.

— Я? — помедлил с ответом Шанъяо. — Я опозорил учителя.

— Прости...

— Да ладно, я ни о чём не жалею, — он ободряюще ей улыбнулся.

Просветлённые расположились прямо в траве. Прислониться к шершавой коре старого дерева, с головой погрузиться в прохладу и попытаться нащупать с природой ту самую связь, которую всем показал Мао Шуай, — кажется, именно этого ей не хватало всю её жизнь. Просто вернуться истокам и принять себя как часть этого огромного мира — это так просто, но почему-то она никогда об этом не думала. И эта очевидная истина превратилась для Лу Цайхуа в настоящее чудо.

— Шанъяо, — обратилась она к нему вдруг по имени. — Для кого изготовил свой последний меч Тай Хуэй?

Это был последний вопрос на сегодня. Понять, каким образом душе Юйчжоу удалось сохранить свои воспоминания и человеческий облик, она не сумела. Но хотя бы узнает, с кем же всё-таки путает её этот странный учитель.

— Для Лао Тяньшу. А что?

— Да так, ничего.

Как и ожидала девушка, ответ оказался на удивление странным. Что Лунху Чжао, что его садист-ученик, оба казались повёрнутыми на этом Лао Тяньшу. Но с этим она разберётся чуть позже. А сейчас...

Девушка наконец-то нащупала ту самую связь с дыханием мира. Пропустив ветер сквозь пальцы, ощутив свою волю в каждой веточке дерева, в каждой травинке, она сделала глубокий и медленный вдох. Сила природы, сплетаясь с её духовной энергией, лишила всех мыслей. Остались лишь чувства и безмятежность. Незаметно для самой себя Лу Цайхуа склонила голову на плечо просветлённого. Усталость всё же победила её.

Глава 15. Ты ценна уже сама по себе, а не благодаря каким-то заслугам

Лу Цайхуа медленно приходила в себя. Дневной сон оказался пустым и глубоким, точно иссушенный временем старый колодец. Вместе с сознанием из обмякшего тела ушли и все воспоминания. Теперь же они начали медленно, капля за каплей наполнять Цайхуа. Она вспоминала всё постепенно, и первые мысли, исполненные безмятежного света, вскоре сменились странным, почти безнадежным ощущением некой утраты.

С тех пор как Лу Цайхуа попрощалась со своим старым наставником, прошло не так много времени, а пережить пришлось столько, сколько с ней раньше не приключалось и за год. И больше всего в этой веренице событий её беспокоила собственная бесполезность. Почти детская беспомощность, связавшая руки и закрывшая двери в желанное будущее.

Среди ровесников, отточивших свои лучшие техники до идеала, и их бессмертных наставников, девушка себя ощущала никчёмной. И всё же, как и в любой, пусть даже самой тёмной пещере обязательно найдётся выход к свету, так и Лу Цайхуа вдруг почувствовала лучик надежды. Она жива до сих пор и продолжает учиться. Этого достаточно, чтобы однажды *себя превзойти*.

Сознание девушки ещё не до конца прояснилось, когда она вспомнила, где и *как* ей довелось заснуть. Тепло чужого тела окружило Цайхуа беззаботным спокойствием, согрело усталую душу, заставив её трепетать.

Шаньяо так и не сдвинулся с места, позволив подруге как следует выспаться, и это обстоятельство вызвало у неё сложную гамму эмоций. Вдруг захотелось крепко-крепко обнять этого юношу, вложив в этот жест все свои чувства, всю благодарность за безвозмездную помощь, за то, что пару дней назад он стал её другом. И даже если он преследует какие-то цели, он остаётся с ней рядом и не бросает в беде. Для полного доверия ей этого хватит.

— Ты пахнешь осенними листьями, — прошептала Лу Цайхуа и нехотя разлепила глаза.

Послеполуденный свет, пробиваясь сквозь пышную крону, окутал профиль Шаньяо мягким сиянием, отразился в глазах янтарным оттенком. Чуть приподняв подбородок, она наблюдала за ним: вот он, растерянно моргнув, кинул взгляд в её сторону, а вот в уголках его губ уже затаилась смешинка. Его непослушные волосы сплетаются с ветром и забавно щекочут лицо Цайхуа. Чистая радость наполняет сердце почти до краёв.

Восприятие оставалось слегка затуманенным. Быть может поэтому ей не было стыдно. Впрочем, ничего страшного в том, чтобы поспать на плече у хорошего друга, она совершенно не видела. Шаньяо, видно, считал точно также.

— Просыпайся давай, у меня спина затекла, — поторопил просветлённый и легонько щёлкнул её по носу. — Нам нужно поесть до начала обхода. Времени в обрез.

Девушка недовольно поморщилась, однако голову с плеча Шаньяо не подняла. Хотелось ещё хоть немного растянуть этот момент удовольствия, когда никуда не нужно спешить и можно спокойно, без назойливых мыслей и опасений раствориться в тепле близкого друга. А ещё наслаждаться особенным, ни с чем не сравнимым ароматом его волнистых волос. Почти как осенние листья... Запах уходящего лета разливался по венам приятным теплом, располагал к разговорам за чашкой крепкого чая и обещал новую, но, вместе с тем, очень спокойную, размеренную жизнь.

Цайхуа вдруг захотелось просидеть так с Шаньяо целую вечность, однако она сразу отмела эту странную мысль. Щёки тронул едва заметный румянец. Кажется, он был единственным человеком на свете, способным заставить Лу Цайхуа покраснеть.

— Ладно, — вздохнула девушка, не без труда поднявшись на ноги. — Если и дальше продолжу лениться, упущу все возможности себя проявить. И так ведь ничего не стою в бою.

Шаньяо скользнул по ней снизу вверх посерьёзневшим взглядом.

— Ты ценна уже сама по себе, а не благодаря каким-то заслугам.

Он наконец-то поднялся, быстро поправил свои одеяния, и вдруг обернулся в сторону рощи. Всего мгновение парень настороженно хмурился. А затем, рассмеявшись собственным мыслям, уже с довольной ухмылкой направился к столовой.

Слегка озадаченная Лу Цайхуа побежала за ним. Она не услышала, как в бамбуковых зарослях кто-то едва слышно выругался. Раздвинув молодые побеги, из рощи вышел парень в алых одеждах. Он мрачно глядел вслед удалявшейся Лу Цайхуа до тех пор, пока её силуэт, сверкающий на солнце золотистыми бликами, окончательно не растворился вдали. Рука его крепко сжимала запястье. То самое, на которое была намотана алая лента.

Лу Цайхуа молча жевала свою баоцзы, наслаждаясь любимым сочетанием сочного мяса и имбиря. И всё-таки лучше её названной сестрицы Юньжи их никто не готовил. В этом она убеждалась не раз.

Воспоминание о строгой, но очень отзывчивой девушке, вечно занятой каллиграфией, болезненно кольнуло в груди. Ещё тогда, в момент их расставания, от сердца будто оторвали особенно важную часть, и с этой потерей Лу Цайхуа никак не могла примириться. Решительно отправив в рот остаток парового пирожка, она мысленно себя подбодрила: ничего, осталось пережить всего один год. Пройти бы только испытание, и гора Лунхушань вновь распахнёт для неё свои родные объятия.

Вечерело. Столовая начала постепенно пустеть. Но даже среди немногочисленных просветлённых Цайхуа, как ни вглядывалась, не сумела найти цветочную фею. Как и Чэньсина. Поймав себя на мысли, что в последнее время *она думает о нём слишком часто*, девушка раздражённо хлопнула себя по колену.

— Решила покалечить себя до того, как это сделают демоны? — Шаньяо спрятал улыбку за чашкой. — Кстати, как ты вообще умудрилась заслужить наказание?

Задумавшись, Цайхуа взяла второй пирожок. Если она расскажет от начала и до конца всю историю про демонический артефакт, ещё неизвестно, чем это для неё обернётся. Девушка определённо доверяла Шаньяо, но за последние несколько дней она, наконец, поняла: прежде чем говорить, стоит обдумать каждое слово.

— Я пробралась ночью в обитель бессмертных, — уклончиво ответила Лу Цайхуа. — Не спрашивай зачем, просто захотела и всё. До этого я разговаривала с учителем Чжао. *Прямым текстом* разрешения он не давал, скорее намекнул, что мне туда можно. Поэтому я ничего не сказала наставнице Тай. Да и не было смысла: я только рада сходить на обход.

Шаньяо отставил в сторону чашку и, последовав примеру подруги, потянулся к горке ароматных, ещё горячих баоцзы. Было настоящим чудом, что им удалось их столько набрать. Однако только ими они и решили насытиться, отказав себе в остальных не менее вкусных блюдах. В прочем, Цайхуа было всё равно, что и в каких количествах есть. Куда больше её волновал предстоящий обход.

Какое-то время они оба молчали, каждый задумавшись о чём-то своём. Цайхуа

перебирала в уме варианты возможных исходов сегодняшней ночи, и большинство из них были отнюдь не обнадеживающими. Мало того, что она не успела восстановить всю свою ци, так и владением духовным оружием не может похвастаться. Вселяло надежду лишь новое знание, полученное на уроке у Мао Шуая, да отточенный навык узнавания демонов. Не зря ведь Цайхуа провела столько ночей, охотясь на нечисть со своим старым наставником.

— Интересно, с чего бы учителю Чжао пускать тебя в обитель бессмертных? — задумчиво спросил Шанъяо скорее самого себя, чем Лу Цайхуа.

— Он вообще странный. Принимает меня за Лао Тяньшу, — решила вдруг поделиться с ним девушка.

Отчего-то эта тема тревожила Цайхуа даже сильнее, чем все её проблемы вместе взятые. *За чудачеством учителя Чжао скрывалась какая-то тайна.* Она не могла объяснить даже себе, почему так в этом уверена, но какое-то смутное чувство подсказывало: *тайна есть, и всё тут.*

— Даже так? — не скрыл своего удивления парень. — Он бывает иногда... не таким как все.

— Ты хотел сказать, сумасшедшим?

Шанъяо неопределённо хмыкнул и настороженно оглянулся. И только убедившись, что их никто не подслушивает, он наклонился ближе к девушке.

— Мало кто знает, но когда-то он был лучшим другом моего наставника. А потом, во время обучения в школе Чуныцзе, Лунху Чжао сильно изменился. Он что-то нашёл на склоне горы Лаошань: что-то, о чём все бессмертные предпочитают умалчивать или просто не знают. Но после этого он перестал узнавать Мао Шуая. Да и в целом изменился. Как мой наставник ни пытался узнать у Лао Тяньшу, что же случилось, тот уверял, что не имеет понятия.

— А причём здесь Лао Тяньшу? — обескураженная свалившейся информацией, Цайхуа выдала первое, что только пришло на ум. — Подожди, ты сказал, это случилось во время его обучения. Получается, Лао Тяньшу, Лунху Чжао и Мао Шуай — принадлежат одному поколению? Но как же цвет волос учителя Чжао? Разве ему не должно быть за сотню как минимум?

— Не торопись, — рассмеялся Шанъяо, довольный произведённым на неё впечатлением. — Лао Тяньшу тут притом, что он был младшим соучеником моего наставника и учителя Чжао. А вот волосы Лунху Чжао такие не из-за возраста. Это ещё одно следствие того странного случая: они побелели в то же время, когда он потерял память. Кстати, с тех пор он каждый год за чем-то заводит новых котов, и везде их за собой таскает.

— Получается, Лунху Чжао вовсе не старый?

— Нет, конечно, — рассмеялся Шанъяо. — Он достаточно молод, как и мой наставник. В прочем, какая теперь разница, сколько им лет. Главное, что их тела никогда не изменятся. Разве что волосы Мао Шуая поседеют со временем, но когда это ещё будет...

Шанъяо залпом выпил оставшийся чай и поднялся из-за стола. Времени до начала обхода оставалось немного, а поскольку Цайхуа не могла подлететь к подножию горы на мече, им пришлось торопливо спускаться пешком.

Рассеянно наблюдая за змейкой дороги, уводящей просветлённых вниз по цветущему склону, девушка пыталась вплести новый лоскуток информации в ковёр уже устоявшихся мыслей о происходящем вокруг.

История о Лунху Чжао слегка разочаровала её. Он оказался обычным бессмертным,

далёким от её идеала. А идеалом для Лу Цайхуа, конечно же, был Тай Чэнсянь: первый просветлённый, сумевший прожить несколько сотен лет, воспитавший пятерых учеников и ставший первым небожителем среди людей. О нём ходило много легенд, история его жизни покрылась налётом неразгаданных тайн, и многие уже успели усомниться в том, что он в самом деле вознёсся в Небесное царство. Тем не менее, видение о смерти Юйчжоу, его ученицы, доказало это Лу Цайхуа: Тай Чэнсянь правда стал божеством и изгнал демонов в Мрачный чертог. Осталось только понять, с какой целью Юйчжоу показала ей последний эпизод своей жизни. Как и в случае с учителем Чжао, Лао Тяньшу и демонической чашкой, девушка чувствовала: здесь всё не так просто.

— Между прочим, мы вовремя, — голос Шанъяо прервал её размышления.

Он обращался к двум юношам, дожидавшимся их на той маленькой площади, с которой началось первое восхождение Лу Цайхуа на гору Тайшань. Одним из парней оказался Дэшэн, облачённый уже в мужские одежды. Скользя по Лу Цайхуа взглядом, он чуть склонил голову, очевидно в приветствии, и молча направился к главной улице города. Второй же, приглашённый ученик из школы Чунгао, оказался не знаком Цайхуа. Он улыбнулся подошедшим ребятам и чуть подрагивающим от волнения голосом сообщил:

— Мы с Сюй Дэшэном уже составили план. Сначала идём в ту самую чайную, а дальше по ситуации. Скорее всего разобьёмся на пары и будем прочёсывать местность.

Шанъяо коротко кивнул, и они двинулись в путь. В попытке отвлечь себя от тревожных предчувствий, Лу Цайхуа одну за другой рассматривала городские постройки. Вместе с лучами вечернего солнца на даосские храмы, поместья, многочисленные лавки и чайные оседал аромат цветущих деревьев. Всё вокруг утопало в расплавленном золоте крыш и жемчужной белизне высоких стен.

Словно очутившись вдруг в небесной столице, девушка ощутила эмоциональный подъём. Представив себя божеством, облачённым в боевые доспехи, она почувствовала, как тело наливается силой, и где-то в глубинах души в тот же миг зародилась надежда на лучшее будущее. Но стоило её пальцам привычно коснуться рукояти меча, наваждение как рукой сняло. *Не время расслабляться*, укорила себя Цайхуа. Уже скоро ей предстоит получить ценный опыт или погибнуть. Другого исхода во время схваток с нечистью быть не могло. И хотя Цайхуа не раз справлялась с обнаглевшими демонами, сегодняшней обход ей казался куда более серьёзным событием, нежели её прежние вылазки с Лао Чжуаньцзэ.

— Эй, да не переживай ты так, — обратился к ней ученик из Чунгао. — Я вообще ничего не умею, кроме как лекарства намешивать. И ничего ведь, живой! А город этот спокойный, нечисть сюда не суётся.

— Если б не совалась, с твоими напарницами было бы всё хорошо, — осадил его Шанъяо. — А то, что ты жив — удача, не более.

Дэшэн собирался было вступить в разговор, как перед просветлёнными показалась нужная вывеска. Флажок, закреплённый над входом, украшал детально прорисованный чайник.

Внутри двухэтажное здание оказалось просторным и светлым. На чайных столах блестела дорогая посуда. Кругом ни пылинки, ни даже намёка на следы тёмной ци. Царящие здесь чистота и спокойствие, тихое звучание людских голосов, атмосфера, настраивающая на душевные беседы, не вызывали никаких подозрений. Это была самая обыкновенная чайная города Тай.

Владелец заведения, полноватый мужчина с жидкой бородкой, сразу же предложил

гостям чай. Просветлённые поспешно отказались: Шанъяо с Дэшэном виновато улыбнулись, ученик из Чунгао слегка побледнел, а Цайхуа лишь отрицательно качнула головой.

Пока юноши проводили допрос, девушка снова решила опробовать новую технику. Она вышла на улицу и, наплевав на приличия, уселась прямо на мощёную камнем дорогу. У соседнего здания раскинулась цветущая слива, на нежные цветы которой и нацелилась просветлённая. Проиgnорировав несколько осуждающих взглядов, Лу Цайхуа прикрыла глаза и сосредоточилась на своих ощущениях.

Пространство вокруг, словно укрытое гигантской рыболовной сетью, было пронизано нитями духовной энергии. Ци беспрепятственно разливалась по улицам, окружая собой все деревья, дома и людей. Сделаешь вдох, и вместе с потоками свежего воздуха она медленно заполнит собой все сосуды, каждую клеточку тела. Ци отдаётся в кончиках пальцев лёгким покалыванием, точно в них лопаются пузырьки газа, и вдруг, неизвестно откуда, появляется тьма. След демонической силы не далеко, и не близко. Он практически манит своим мертвенным холодом, теряясь в потоках светлой энергии, но не растворяясь в ней окончательно.

— Цайхуа, — чья-то ладонь мягко легла на затылок. — Мы кое-что выяснили.

Девушка вздрогнула и открыла глаза. Сердце быстро забило в груди, когда она осознала, что ей удалось обнаружить.

Подняв голову, Цайхуа встретила с серьёзным взглядом Шанъяо. Обычно весёлый и жизнерадостный, сейчас он был полностью собран, и определённо готов к любым поворотам событий. Ледяное спокойствие скрыло все его чувства, как если бы тучи заволокли собой солнце и всю небесную гладь. Девушка кожей ощущала сковавшее его напряжение. Такого Шанъяо она видела впервые.

— Я тоже кое-что выяснила, — взволнованно сообщила Лу Цайхуа. — Но давай сначала ты.

— Владелец чайной поклялся, что в его заведении никогда не было случаев отравления. И это бы поставило в тупик наше расследование, если б он не рассказал нам ещё одну важную вещь. Оказывается, с одним из горожан случилось то же самое. В одной из соседних чайных отравился мужчина, который практиковал наши техники. Он самостоятельно накапливал светлую ци, был добродетельным, врагов не имел. В том заведении, говорят, выпил с другом по чашке чая, и тем же вечером умер. А друг его, между прочим, — самый обычный человек. И он остался жив. Мальчики пошли сейчас в ту самую чайную, а нам стоит расспросить знакомых погибшего. Может найдём хоть какую-то связь.

— Судя по тому, что идея учителя Чжао спасла жизнь Юйлинь, под удар яда попадают все, у кого в духовных каналах имеется хоть капля светлой энергии, — задумалась девушка. — Но что-то здесь не сходится.

— Да, — согласился парень. — Хотя теория логична. Она вполне объясняет, почему от яда не пострадал человек, который пил из одного чайника с носителем светлой энергии, и почему Юйлинь выжила, когда лишилась её.

— Но что насчёт ученика из Чунгао? Сомневаюсь, что его духовные каналы пусты.

Девушка поднялась. Небрежно отряхнув одеяния, она достала из рукава оставшиеся талисманы Юньжи. Во взгляде Шанъяо мелькнул тот самый огонь, с каким коллекционер вдруг обнаруживает у себя перед носом редкое произведение искусства, и это не укрылось от Лу Цайхуа.

— У нас только два варианта: либо это с ним что-то не так, либо проблема не в чае, —

парень перевёл взгляд на крышу даосского храма и покачал головой. — Ладно, твоя очередь. Что ты собиралась сказать?

— Я ощущаю след тёмной ци, причём оставили его недавно. Не могу только понять, в какой стороне.

— Сейчас проверю...

Не меняя своего положения, Шанъяо погрузился в медитацию. Словно струна, его тело напряглось до предела.

Невольно затаив дыхание, Цайхуа наблюдала за тем, как дрожат его сомкнутые ресницы, как выющиеся волосы треплет невесть откуда взявшийся ветер, как светлая кожа покрывается ровным и мягким свечением. Прошло всего пару мгновений, и юноша медленно выдохнул. Их взгляды пересеклись.

Не до конца понимая, что она делает, Цайхуа порывисто схватила Шанъяо за руку и положила ему на ладонь талисман. Края желтоватой бумаги вместе с изящным каллиграфическим знаком слегка замерцали, отражаясь в карамельных глазах затаённым восторгом.

— Это меньше, чем я могу тебе отплатить, — поспешно объяснила девушка. — Знаю, что он бесполезен, но мало ли.

— И тебе не жалко? — недоверчиво поинтересовался Шанъяо.

Сердце вдруг забило в груди так отчаянно, что на миг Цайхуа лишилась возможности мыслить. Горячая, будто доведённая до кипения кровь прилила к голове, отдаваясь в висках сильной пульсацией. Она осталась наедине со своим внутренним «я», отрезанная от внешнего мира, и теперь перед ней простирался лишь океан ощущений. Пришлось приложить немало усилий, чтобы в конечном итоге не пойти у них на поводу.

— За друга мне не жалко и жизнь отдать, — она тепло улыбнулась, изо всех сил подавляя желание крепко обнять его.

Шанъяо неожиданно замер. Глаза его распахнулись чуть шире, и где-то на дне чёрных зрачков вместе с блеском лучей заходящего солнца смешались противоречивые чувства. Он улыбнулся, но в этой улыбке, по-прежнему тёплой, вдруг промелькнула вина.

— Я не могу взять его.

Парень вернул талисман растерянной Лу Цайхуа и, развернувшись в сторону одной из узеньких улочек, бросил через плечо:

— Поторопимся. Выйдем на след, и он приведёт нас прямо к врагу.

Долго приводить мысли в порядок Цайхуа не пришлось. Отбросив их в сторону, она со всех сил помчалась за другом.

Дыхание рваное, почти что поверхностное. Оно попадает в такт бегу, а ветер со свистом проносится мимо и развеивает полы одежд. Цайхуа видит лишь спину Шанъяо да смешавшиеся в единый белоснежный поток стены домов. В той части города, где уже опускаются сумерки, маячат следы тёмной ци, и чем они ближе, тем глубже проникают в душу скользкие пальцы тревоги. Колени начинают дрожать, и Лу Цайхуа требуется вся её воля, чтобы продолжить бежать. Вот-вот они столкнутся с чем-то ужасным.

— Стой!

Девушка не успела отреагировать вовремя и с силой влетела в спину Шанъяо. Она не сразу отошла от него: окончательно запутавшись в страхах и смешанных чувствах, Цайхуа потеряла связь с внешним миром. Но стоило ей отступить, как юноша вдруг развернулся и, схватив девушку за руки, с каким-то горьким сожалением заглянул ей в глаза.

— Нам придётся разделиться. Я чувствую тёмную ци ещё в одном месте, — он сжал её пальцы чуть крепче. Казалось, каждое слово ему даётся с невероятным трудом. — Ты вперёд, я направо. Никого не найдёшь — возвращайся за мной.

С этими словами, ни разу не оглянувшись, он оставил растерянную Лу Цайхуа одну посреди пустынной улочки.

Попытка понять, что именно сейчас произошло, не увенчалась успехом. В момент, когда из-за любого угла на неё может наброситься демон, было попросту некогда размышлять о странном поведении друга. Вместо этого Цайхуа полностью сосредоточилась на своих ощущениях и осторожно направилась прямо в густеющий мрак. Двигаясь так, что не слышно было даже дыхания, она скользила взглядом по крышам домов. Важно было заметить любое движение. Противник был где-то рядом.

— Господин, второй чаши здесь нет, — послышался вдруг низкий голос.

Цайхуа замерла и, постаравшись хоть немного успокоиться, выглянула из-за угла. Недалеко от неё, укрытые тенью цветущего дерева, стояли два взрослых мужчины. То, что их тела были заняты демонами, девушка даже не подвергала сомнению: уже отсюда она ощущала ужасающий холод их тёмной ци.

— А я что говорил?! Раз эта дура такая упёртая, пусть и дальше здесь шляется, но только без нас, — другой голос прозвучал ожидаемо резко.

— Господин, она ведь не только чашу ищет. Ей нужно убить ту девчонку. Свидетели нам ни к чему.

— Не мои проблемы. Я больше не намерен бегать за ней, — второй мужчина раздражённо плюнул на землю.

— Но ведь это и нас касается. Пока Гуньи с нами...

— Тао Янь! — резко оборвал демон. — Сейчас мы с ней плывём в одной джонке, но когда придёт время, за бортом окажется кто-то из нас. Не позволяй ей утопить себя до того, как разойдутся наши дороги.

— Вы правы, господин. Нам только сейчас по пути с ней. Про то, что у нас противоположные цели, трудно забыть, — смиренно согласился Тао Янь. И совершенно неожиданно обернулся.

Лу Цайхуа едва успела спрятаться обратно за угол. Пульсация отдавалась где-то на уровне горла, и хаотичные мысли окончательно спутались. По телу вдруг прошла крупная дрожь. Опасность.

— Господин, кажется, у нас с вами гости, — вкрадчиво произнёс Тао Янь.

Внезапный смех старшего демона обрушился на девушку громовыми раскатами. В момент всё похолодело внутри: не то от сильного страха, не то от пронзающих её потоков тёмной энергии, рекой заструившейся по каменной кладке.

— Снова эти детишки, — он усмехнулся. — В таком случае, я разрешаю остаться. Развлекись сегодня как следует.

Только услышав последнюю фразу, Цайхуа пустилась бежать. Трезво оценив свои силы, она поняла, что не продержится даже минуты в бою с этим демоном. От тёмной энергии веяло древностью. Необъяснимое могущество ощущалось в каждом из её врагов, и Лу Цайхуа была абсолютно уверена: не каждый бессмертный сумеет выйти из такой битвы живым. Найти бы только напарников и послать кого-то из них на Тайшань за подмогой. Подобное зло не должно гулять на свободе. Но для начала стоит позаботиться о *своей* безопасности. Собравшись с силами, девушка ускорила бег. *Где же ты, Шаньяо?*

— Не так быстро.

Насмешливый голос раздался прямо за спиной и одновременно повсюду. Со свистом рассекая воздух, в Лу Цайхуа полетел быстрый клинок. Увернуться она уже не успеет.

Примечание автора:

Баоцзы — китайские паровые пирожки (сама их готовлю целыми партиями и очень рекомендую попробовать. Изумительный вкус).

公义 (Гунъи) — правосудие.

讨厌 (Тао Янь) — ненавидеть (разделила на имя и фамилию).

Джонка — традиционное китайское парусное судно.

Глава 16. Орхидеи пахнут утраченным счастьем

Пурпурная лента заката окаймила собой горизонт. Ветер небрежно размазал по небесному полотну облака, и они, истончившись до состояния газовой ткани, замерли в ожидании ночи. От луны, сегодня особенно яркой, оторвался крупный осколок, что обернулся россыпью звёзд. Их тихое мерцание бередило душу, напоминая о безвозвратно утерянной юности. О тех неповторимых годах, изменивших судьбу и оставивших в сердце глубокую рану.

Боль не притупилась со временем. Она по-прежнему раздирала душу на части, стоило Мао Шуаю взглянуть в вечернее небо: пронзительно синее, словно подсвеченное изнутри белым пламенем, и непреодолимо глубокое. Но этот первозданный цвет казался лишь невзрачной копией в сравнении с глазами его близкого друга. Вместо звёзд в них открыто сияла почти детская радость, а где-то в глубине бездонных зрачков таилось большое и светлое чувство. Теперь же оно бесследно исчезло, рассеялось вместе с теплом совместно прожитых дней. Самый близкий человек навсегда покинул его. И дело не в тысячах ли, лежащих между школами Ли и Каймин. Имя и образ Шуая начисто стёрты из памяти Чжао, чьё сердце захлопнулось наглухо на долгие двадцать три года.

Не желая больше сдерживать слёзы, Мао Шуай заслонил лицо рукавом. Бирюзовая ткань с расшитыми по краю орхидеями надёжно скрывала все чувства от мира, но только не от него самого. Он долго их прятал в самых далёких и тёмных чуланах сознания, и лишь боль не позволяла забыть окончательно все те моменты, что составляли смысл его жизни. Когда он отказался от прошлого, смирившись, как ему казалось тогда, с этой потерей, боль каждую ночь разъедала стенки души. Она беспрестанно напоминала Мао Шуаю о том, ради чего он стремился к бессмертию.

Лунху Чжао обрёл бессмертие первым. Состояние, в котором просветлённый оказался после осады горы Лаошань, граничило с помешательством и стало для него тем самым судьбоносным испытанием, преодолев которое он добился пика своего совершенствования. Однако, овладев заново волей и разумом, Чжао так и не смог подчинить себе время. Оно приняло для него одним небожителям понятную форму и остановилось навек. Точно укрытое льдом, сознание оградило от любых изменений вовне, а память сберегла детали событий до той самой трагедии. Он помнил всех, кто когда-либо имел в его жизни значение. Всех, кроме Мао Шуая.

Мао Шуай не желал вечной жизни, если в ней не было места их с Чжао дружбе. Мужчина знал наверняка, что для восхождения на следующую ступень совершенствования ему придётся от неё отказаться, и платить столь огромную цену не собирался. Но когда Лунху Чжао добился бессмертия, у Шуая просто не осталось выбора: состариться и умереть, оставив Чжао одного, он не мог. Ради того, чтобы никогда не бросать человека, подарившего его существованию смысл, просветлённый решил пройти это жестокое испытание. Отринув былое, он превратил в чистый лист свою душу.

Мао Шуай провёл в уединённой медитации год с небольшим. Но даже сумев превзойти себя и поднявшись на ступень земного бессмертия, он всё равно ощущал эту жгучую боль. Она снова и снова возвращала мужчину к тому, от чего ему пришлось отказаться. Вся дальнейшая жизнь превратилась в сплошное страдание. Мао Шуай сумел обмануть себя и богов, но не своё упрямое сердце.

Прежде чем полоска заката погасла, прозрачная капля медленно сползла по щеке и, печально блеснув в последних лучах, разбилась о лезвие. Меч бесшумно парил над облаками, пока внимание просветлённого не привлекло ленивое «мяу», доносящееся откуда-то снизу. Внутри всё болезненно сжалось. Не раздумывая ни мгновения, просветлённый ринулся вниз.

Зеркальная поверхность озера, неизменно спокойная, усыпана звёздами. Небо плавно втекает в холодные воды, и невозможно понять, где оно обрывается, а где начинается сам водоём. Кроме безбрежных просторов, наполненных тихим мерцанием далёких светил, не видно ни зги. Воздух, чуть сладковатый и терпкий, опьяняет запахом раннего лета и несбывшихся грёз.

В груди просыпается вера. Она вяло шевелит уставшими крыльями и вторит песне сверчков. Под цветущей магнолией стоит крохотный столик с двумя полными чашками и одним маленьким глиняным чайником. Лунху Чжао, пристроившись на изогнутой ветви, рассеянно гладит кота. Запускает пальцы в тёплую шерсть у кошачьей макушки и неторопливо ведёт ими почти до хвоста. Животное громко мяукает, словно пытаясь отвлечь Чжао от горестных дум, но тот продолжает смотреть на цветы. Пристально, с ноткой печали в глубоких, цвета вечернего неба глазах.

От этой картины у Шуая разрывается сердце. Он верит, что где-то в глубинах сознания Чжао осталась слабая тень, безмолвное напоминание о нём, Мао Шуае, ещё не до конца истлевшее и покрытое пылью времён. И Лунху Чжао борется за остатки этой памяти, ухватившись за похожее звучание фамилии Мао и иероглифа «кот», не позволяя себе забыть о том, что он кого-то забыл.

Шуай плавно опустился на землю и тихо, точно боясь спугнуть серебряного бессмертного, поздоровался с ним.

Лунху Чжао ответил не сразу. Плечи мужчины коротко вздрогнули, как если бы на них упало несколько капель дождя, однако взгляд его ещё долго оставался прикованным к нежным цветам. Наконец, выдохнув облачко пара, он повернулся к Мао Шуаю.

— Что-то я раньше тебя здесь не видел. Первый раз сюда прилетел?

Как и всегда он не заботится правилами хорошего тона. В отличие от других просветлённых, Лунху Чжао никогда не боялся кого-то обидеть, и уж тем более не имел привычки ходить вокруг да около в любых разговорах. Он изъяснялся ясно и чётко, не оставляя другим возможности отыскать в собственной речи ни тайной подоплёки, ни скрытых намёков. И хотя слова из уст Лунху Чжао могли порой ранить, всё, что он говорил, было правдой. И эту правду Мао Шуай ценил, как величайшее сокровище. Особенно, если она предназначалась ему. Во всей его жизни лишь Чжао был единственным открытым и искренним человеком.

— Я Мао Шуай. Бываю здесь раз в год.

Их диалог, будто прописанный ленивым вершителем судеб, начинался всегда одинаково. Каждый раз, когда пересекались пути Мао Шуая и Лунху Чжао, они знакомились заново, и уже спустя пару часов серебряный бессмертный начисто забывал о «знакомстве».

Их разговоры давно превратились в невыносимую пытку. Вот и сейчас, задыхаясь от кома, подступившего к горлу, Шуай мысленно молился богам. Больше всего на свете он жаждал, чтобы Лунху Чжао однажды вспомнил его. И если в глазах его хотя бы на миг промелькнёт узнавание, этого будет достаточно. Тем не менее, судьба не была благосклонна. Для Чжао он оставался чужим человеком.

— Мао Шуай, — растягивая слоги, повторил бессмертный. Точно пытался запомнить новое имя. — Здесь хорошо. Как грустно, что скоро я возвращаюсь на Лунхушань.

— Ты...

Шуай на мгновение осёкся: имеет ли он право обращаться к нему столь непочтительно? И всё же та простота, с которой всегда говорил Лунху Чжао, позволяла не думать о правилах хорошего тона.

— Ты же пробыл здесь всего ничего. Раз в Чэнсянь тебе нравится, к чему спешить возвращаться?

Лунху Чжао долго молчал. Рука его вновь зарылась в тёплую кошачью шерсть, запутались в ветках магнолии серебристые волосы. Он всегда их подвязывал лентой, но двадцать три года назад всё изменилось. Ранее чёрные, цвета воронова крыла, теперь они словно заиндевели. Подарив им свободу, пропала и расшитая орхидеями лента.

— Мао Шуай, — заговорил вдруг Чжао, не обращая внимания на вмиг побледневшее лицо собеседника: раньше он никогда не называл его по фамилии. — Я не говорил, что мне нравится в Чэнсянь. Хороша только гора, но и на ней мне становится скучно. Тем более, здесь нет моих любимых цветов. Хотя тут и полно колокольчиков, они — плохая замена. Я здесь лишь потому, что их обожает Чэньсин. Через пару дней они отцветут, и тогда мы вернёмся назад.

— И какие же цветы — твои любимые?

Голос Мао Шуая чуть дрогнул. Сердце забилося быстрее, когда он рискнул задать этот вопрос.

— Орхидеи, — губы мужчины тронула слабая улыбка. — Все, как один, утверждают, что у них нет аромата, а я не согласен. Орхидеи пахнут утраченным счастьем.

Вверх по спине и до самых кончиков пальцев разлилась колючая дрожь. Грудную клетку будто зажало меж двух валунов: давящей болью сковало сердце и лёгкие, стало нечем дышать. И снова пелена обжигающих слёз застилает глаза. Он смотрит на Чжао в упор, не мигая, а затем крепко зажмуривается, не в силах и дальше сдерживать эмоции.

Лунху Чжао не видит, как плачет Мао Шуай. Пропитанный отчаянием взгляд устремлён в никуда. За что их наказали боги, «подарив» каждому двадцать три года страданий?

— Ждёшь кого-то? — наконец собирается с мыслями мужчина.

Одинокий столик не даёт Мао Шуаю покоя. От глиняных чашек всё ещё поднимается пар, и он ощущает ни с чем не сравнимый аромат любимого чая Чжао. В юности они часто пили его вместе.

— Да, — сереброволосый просветлённый отвечает на удивление быстро. — Каждый вечер я жду своего близкого друга, но почему-то он никогда не приходит.

Сердце пропускает удар, а затем начинает стучать отчаянно быстро. Мао Шуай вытирает ладонью лицо. Мысли в сознании приходят в неуправляемый хаос.

— Что если..., — просветлённый запнулся, но всё же нашёл в себе смелость продолжить. — Что если я и есть твой близкий друг?

Лунху Чжао устремляет к нему полный изумления взгляд. Но за завесой удивления, пускай и искреннего, отчётливо различается горечь. Он вдруг смеётся: громко, почти истерически. И этот неестественный смех, и резкие складки, обозначившиеся в уголках его губ, и проступившие на глазах мелкие слёзы — все они наполнены мучительной болью. Той самой болью, с которой живёт и Мао Шуай.

Смех обрывается также внезапно. Чжао берёт себя в руки и усмехается:

— Исключено. Мой друг был единственным, кто смог меня победить, а ты не выдержишь и трёх моих ударов.

Шуай на мгновение замер. Поток беспорядочных мыслей, превратившихся в серую кашу, начал обретать новую форму. Теперь мужчина уверен: в сердце Чжао до сих пор живёт сущность всего их совместного прошлого.

Мао Шуай в мельчайших деталях помнит тот день, когда одержал в поединке с Чжао победу. Первую и единственную. Стоит лишь окунуться в безбрежное озеро памяти, и его окружают те же звуки и запахи: яркие настолько, будто всё это случилось вчера.

Лунху Чжао всегда был на шаг впереди. Ловкость и мастерство, с которыми он проводил свои точные, идеально выверенные атаки, вызывали восхищение даже у непревзойдённых бессмертных. Мао Шуай, самонадеянно веривший в свою неуязвимость, не хотел признавать до последнего, что кто-то может быть сильнее его. И только потерпев поражение, он неожиданно понял: предела для совершенства не существует. Его кругозор, ограниченный знаниями школы Каймин, немедленно нуждался в расширении.

Весь период пребывания в школе Чэнсянь юноши учили друг друга техникам своих родных кланов. Оба обладали особыми навыками, в которых им не было равных. Тем не менее, для сокрушительной победы врага не достаточно и самых исключительных клановых техник. Именно поэтому ребята решили устроить обмен опытом: Чжао старался укрепить связь с природой, Шуай же тренировался в обращении с духовным оружием.

А спустя несколько лет он наконец-то познал вкус желанной победы. И победил он при помощи техники дыхания ветра.

Ещё не осознав в полной мере, чего добивается, Мао Шуай порывисто выхватил меч:

— Позволь мне доказать, что ты ошибаешься.

Лунху Чжао легко спрыгнул вниз. Ветви магнолии, слабо качнувшись, уронили два лепестка.

— Что ж, не откажусь поразвлечься.

Эта фраза стала для Мао Шуая первым ударом. Сереброволосый просветлённый отнёсся легкомысленно к вызову, однако для Шуая он значил всё. На кону, казалось, стояла его дальнейшая жизнь, и, вполне вероятно, что так оно и было.

С отчаянным звоном скрестились клинки. Во все стороны брызнули искры, всполохи лезвий озарили берег зеркального озера. Два просветлённых обратились порывами ветра, и невозможно было уже разглядеть ни их очертаний, ни даже теней. Лишь мелькали вспышками молний мечи, оставляя за собой долгий мерцающий след. Бой превратился в выразительный танец: невероятно красивый и чувственный.

Лунху Чжао держался расслабленно. Духовное оружие, как отдельный и весьма серьёзный противник, рассекало воздух в опасной близости от Мао Шуая. Следуя молчаливой воле хозяина, оно само срывалось в атаку: резкую, отчаянную, хлесткую. Выбирая нужный момент, Чжао использовал техники школы Каймин, и тогда силы природы гармонично вплетались в сумасшедшую пляску меча. Вот только Мао Шуай не желал уступать. Каждое движение друга ему было знакомо, любой его выпад он знал наперёд, а собственный меч легко подчинялся движению мысли. Словно две половинки одной и той же тени, они сражались на равных, и ни один из них не был способен удивить второго чем-либо новым. Разница заключалась лишь в том, что Шуай знал, чего ждать от Чжао. Просчитав его следующий ход, мужчина заранее послал контратаку и в выигранную долю мгновения использовал секретную технику Ли. Ту самую, что Лунху Чжао берёт для своего последнего

выпада.

Поле боя на миг озаряется вспышкой яркого света. С жалобным лязгом оба меча вонзаются в землю, за ними тяжело падают два просветлённых. Вверх из травы поднимается рой жёлто-зелёных пятнышек света.

Светлячки, потревоженные этим сражением, кружатся в мистическом танце вместе с лепестками цветов. Ласковый ветер приносит из неведомых стран аромат волшебства, играет с ветвями магнолии и вбирает в себя запах свежего чая. Звуки ночи заполняют собой всё вокруг, плотно окутывают мягким туманом сознание. Наружу, из самого сердца, рвутся эмоции, и ничто уже их не может сдержать.

Мао Шуай нависает над побеждённым мужчиной. По духовным каналам проходит разряд электричества, и всё вокруг теряет значение. Он кожей ощущает потрясение друга, следит с замиранием сердца за выражением его побледневшего, как снег, лица.

Внезапно в широко распахнутых глазах Лунху Чжао мелькает знакомое чувство, взгляд становится ясным и пристальным. Он будто очнулся от безумного и затяжного кошмара. Его зрачки расширяются, и сереброволосый просветлённый неуверенно шепчет:

— Шуай...

Неожиданно в небе раздаётся чудовищный грохот. Оглушительный шум, с которым взрывается сигнальный фонарь, подобен громовому раскату. Тысячи огненных искр разлетаются в разные стороны и опадают на землю горящим дождём. Кто-то просит о помощи.

Лунху Чжао поворачивает голову в сторону звука и его обжигающий взгляд, недавно исполненный родного тепла, вдруг заволакивает дымкой безразличия. Лицо снова холодное, в глазах — непонимание. Он отталкивает Мао Шуая и поднимается.

— Что ж, тебе удалось меня удивить, — признаёт поражение Чжао. Его голос бесцветный и ровный. — Но сейчас нам стоит поторопиться. Кажется, у ребят на обходе случилась беда.

Запрыгнув на меч, просветлённый быстро удаляется в сторону города Тай. Блестят в лунном свете его серебристые волосы. Он не обернулся ни разу.

Мао Шуай падает на спину и с силой прижимает ладонь к нижней половине лица. Дрожащие пальцы едва могут сдержать рвущийся наружу мучительный крик. Тело его изредка вздрагивает, будто от мощных ударов, по щекам струятся жгучие слёзы. Два нежных лепестка магнолии покачиваются на поверхности чая.

Цайхуа не успела толком понять, что случилось. Вверх по позвоночнику пробежал холодок, предупреждая о смертельной опасности. Горячая, почти что кипящая кровь прилила к голове. Каждая часть её тела, изнывая от напряжения, казалось, молила богов о пощаде. Девушка ещё не осознала в полной мере, что в неё летит демонический меч, когда за спиной послышался металлический звон.

— Цайхуа!

Шанъяо, выскочивший неизвестно откуда, отправил в полёт свой клинок. Заливая сиянием улицу, духовное оружие в последний момент отразило атаку и бесшумно вернулось к хозяину. Просветлённый незаметно выдохнул: успел! Заслонив собой девушку, он сложил пальцы в печать и приготовился к очередному нападению демона. Его аура больше не излучала спокойствие, в карамельных глазах затаилось смятение.

— Ты же был в другой стороне, — растерялась Лу Цайхуа. Шанъяо не смог бы

физически так быстро найти её, и потому его внезапное появление вызывало вопросы. Впрочем, неважно. Сейчас она просто счастлива видеть его рядом с собой.

И вдруг осознание обрушилось на неё неудержимой лавиной. Смерть обошла её стороной лишь благодаря помощи друга. В последнее время Лу Цайхуа часто рискует собственной жизнью. Но уже не она играет с огнём, а он сам протягивает к ней свои языки в попытке дотла спалить её душу. И однажды у него это получится. Цайхуа не смеет гадать, когда именно это случится, но в одном она уверена полностью: в следующий раз никого не окажется рядом.

— Всё потом, — резко бросил Шаньяо и крепче сжал меч. — Найди ребят. У них должен быть сигнальный огонь. Одни мы с этой тварью не справимся.

Демон, тем временем оценивший силы врага, хищно оскалился. Тёмная ци поползла к Цайхуа и Шаньяо гигантскими щупальцами.словно едкий дым, она мешала дышать, опалая и без того горящие от бега лёгкие.

— Ну же!

Девушка вздрогнула и мигом взяла себя в руки. Теряться в сложившейся ситуации некогда. Без раздумий она вытащила из рукава талисман и, окутав его духовной энергией, прилепила на спину Шаньяо. На какое-то время этого хватит, чтобы защитить его от воздействия демонической ци.

— Береги себя.

Вложив в эту фразу все свои чувства, Цайхуа что есть сил побежала вверх по каменной улочке, по-прежнему безлюдной и утопающей во мраке ночи. На повороте она обернулась. Юноша, окружённый сиянием духовной энергии, без остановки отбивал все атаки. Перейти в наступление возможности не было: обезумевший демон носился вокруг просветлённого, как изголодавшийся ворон, и, не прерываясь ни на мгновение, осыпал его градом молниеносных ударов. Движения, всё ещё плавные, хорошо скрывали напряжение юноши, однако Лу Цайхуа не могла не заметить его неуверенность. С таким сильным противником он столкнулся впервые. Демон же, предвкушая победу, позволял себе время от времени заходиться диким, воистину ужасающим смехом.

Сердце девушки сжалось, когда она заметила на предплечье Шаньяо кровоточащий порез. Нужно спешить!

Небо вдруг содрогнулось. Грохот был страшным настолько, что в какой-то момент Цайхуа показалось, что это Тайшань развалилась на части. Погребла под своими останками все нераскрытые тайны, не сумев дать отпор демонической силе. С шумным потрескиванием разлетелись повсюду алые искры. Тревожно мерцая, они посыпались вниз, но так и не успели коснуться земли. Лу Цайхуа догадалась: это был сигнальный огонь.

В воздухе, прохладном и влажном, витал запах беды, и всё вокруг смешалось в один дурной сон. Тревога давно затопила сознание. Повсюду ей мерещились демоны, дрожащие пальцы то и дело тянулись к рукояти меча, а призрачный свет равнодушной луны сегодня отчего-то пугал. Хотя Цайхуа кажется, что она стала жертвой воздействия тёмной энергии, внутри что-то подсказывает: все эти эмоции принадлежат ей в действительности.

Девушка понимает, что в опасности находится не только она, но и весь мир просветлённых. Угроза нависает над каждым, и мысли об этом заставляют её испытывать страх, с которым она никогда раньше сталкивалась. Цайхуа в самом деле боится, что Шаньяо, её цветочная фея и даже этот противный Чэньсин могут погибнуть. Смогут ли все они одолеть древнее зло, что наконец-то явило свой истинный облик? В том, что помимо

этих двух демонов существуют другие, не менее сильные, не остаётся сомнений. Впрочем, хватит и одного, чтобы уничтожить как минимум всех младших учеников пяти школ просветлённых.

— Эй! — слышится в отдалении крик, и девушка приходит в себя. Навстречу летят Сюй Дэшэн и ученик из школы Чунгао. — Это ваш сигнальный огонь?

— Хотела задать тот же вопрос.

Просветлённые обменялись недоумёнными взглядами, однако обсуждать это дальше не стали. Цайхуа в двух словах поведала им о случившемся, и они, более не проронив ни слова, отправились на помощь Шаньбяо.

Поскольку девушка не могла встать на меч и преодолеть разделявшее их с Шаньбяо расстояние за пару мгновений, она очень быстро отстала. Юноши во всю бились с демоном, когда Цайхуа наконец-то выбежала на нужную улицу. Объединив свои лучшие техники, Дэшэн и Шаньбяо смогли перейти в нападение. И лишь незнакомый ей парень из Чунгао не решался вступить в бой. Нервно перекладывая рукоять меча из одной ладони в другую, он лишь следил за ходом сражения и вздрагивал каждый раз, когда чужие клинки проносились совсем рядом с ним. Сам того не подозревая, он стал той безобидной букашкой, что является лёгкой добычей для хищника. Но, как ни странно, демон не обращал на него никакого внимания.

Внезапно Лу Цайхуа потеряла контроль над сознанием. Панический страх липкими пальцами сжал её сердце, пронзил его ледяными шипами. Душа словно отделилась от тела и со стороны наблюдала за тем, как его неизбежно поглощает чернильная мгла. Как и в первый день своего пребывания у подножья Тайшань, девушка оказалась под влиянием тёмной, уже знакомой ей техники. Перед глазами выросла фигура в плаще. И несмотря на то, что широкий капюшон привычно скрывает половину лица, Лу Цайхуа хорошо помнит алые губы той самой женщины, что напала на неё из-за фарфоровой чашки. В голове проносится невольно подслушанный ею диалог двух древних демонов: Тао Яня и его господина. Судя по всему, женщину зовут Гунъи, и она в самом деле пришла забрать её жизнь.

— Беги! — знакомый голос раздаётся где-то поблизости, приводя её в чувство.

В тот же миг каждая клеточка тела взрывается болью. Острое лезвие разрезает тёплую плоть, и тьма начинает медленно пропитывать сеть духовных каналов. Боль разрывает на части, заставляет забыть, как дышать.

Всё вокруг меркнет. Чей-то меч настигает фигуру в плаще, но та, невредимая, растворяется в воздухе клубами дыма. Прежде чем Цайхуа теряет сознание, она успевает заметить Чэньсина. Тело её обмякает, и девушка падает прямо в его тёплые руки.

Примечание автора:

На китайском слово «кот» читается как Māo (猫)

Глава 17. Все мы страдаем. Наверное, в этом и заключается жизнь

На сотни ли вокруг простирается мгла. Чёрная субстанция до краёв наполняет разбухшее тело. словно маньтоу, размоченная в тёплой воде, оно потяжелело и стало беспомощным. В воспалённом сознании на бешеной скорости проносятся *отголоски забытого прошлого*. Цайхуа бы хотела схватиться за них, разглядеть хотя бы один эпизод, приблизиться к тайне, что запустила сейчас в её душу свои острые когти, но всё бесполезно. Лу Цайхуа не владеет своим замутнённым сознанием, не чувствует боли. Мертва ли она? Что происходит, и где она очутилась? Кроме тьмы рядом нет никого, кто смог бы ответить на эти вопросы. Непроглядная бездна окружает её с молчаливой издёвкой.

Цайхуа смотрит на свои дрожащие пальцы. Отчего-то они кажутся ей настолько чужими, что на миг её накрывает волна обжигающей паники. *Эти нежные руки ей принадлежать не должны!* Девушка моргает несколько раз в попытке прогнать наваждение, но ничего не меняется. С этими длинными изящными пальцами, которые она продолжает разглядывать, Лу Цайхуа незнакома. Приходится сделать медленный выдох, чтобы себя успокоить. В конце концов она заключает, что если не помнит событий, предшествующих её появлению здесь, то вполне нормально забыть и свой внешний вид.

Размышления, приправленные ноткой испуга, прерывает тихий звук голоса. Цайхуа не различает ни слова, но этот голос, *смутно знакомый* и мягкий, разжигает в сердце самое настоящее пламя. Чувства, которым она не давала отчёта, вдруг вспыхнули настоящим костром. Размытый образ из памяти не приобретает никаких очертаний, однако *к нему* она испытывает глубокую привязанность, которая, казалось, была с ней все эти годы. Кем бы он ни являлся, Лу Цайхуа *искренне любит его*. Она движется дальше несмотря ни на что, живёт, чтобы однажды с *ним* встретиться, воскресив в памяти пепел сгоревшей любви.

Кто-то зовёт её. Голос становится громче, сочится щемящей тоской, и Лу Цайхуа ощущает чужие боль и вину. Ей нужно *что-то сделать*. Но что?

Пространство озаряет свечение ци, и безысходная мгла отступает. Детёныш огненной лисы ложится к ней на живот. Он едва слышно вздыхает, когда рука Цайхуа, осторожно касаясь его тёплой макушки, зарывается в мягкую, сияющую золотом шерсть. Духовная энергия разливается внутри её тела бурным потоком, растворяет чернильную тьму и заставляет дрожать от волнения. Цайхуа знает этого зверя. Об этом ей говорит её сердце, что бьётся в груди подобно взволнованной птице.

Ты снова спас меня, думает девушка. Глаза её заполняют горячие слёзы. Они сбегают по щекам ручейками, и, хотя она *ему* благодарна, душа отзывается болью. Цайхуа чувствует связь с этим светлым созданием, хочет, но не может понять, где и когда она встретилась с ним. Он вновь её вырвал из цепких лап смерти, подарил свою мягкую силу, избавил от мук. Кажется, он делал так всю её жизнь, однако об этом она почему-то забыла. В ответ на поток её мыслей детёныш огненной лисы виновато вздыхает. Просветлённая не успела моргнуть, как он уже растворился, оставив после себя мерцающую духовной энергией пыль и это бесконечное родное тепло.

А затем кто-то нежно и робко коснулся губами лба Цайхуа.

— *Будь осторожна.*

Девушка со стоном разлепила глаза, и тут же встретила взглядом с обеспокоенной цветочной феей. Её бледное, как бумага, лицо с залёгшими под глазами тёмными пятнами преобразилось в мгновение ока. С радостной улыбкой Юцин сдавила подругу в объятиях, и только заметив её кислую гримасу, поспешно отпрянула. Пока Цайхуа пыталась справиться с лёгким приступом боли в груди, Юцин заботливо приподняла Лу Цайхуа за плечи и подложила ей под спину подушку, неизвестно откуда взявшуюся в их доме.

— Не представляешь, как я за тебя беспокоилась, — девчонка взяла в руки пиалу с какой-то дымящейся жидкостью. Зачерпнув полную ложку, она поднесла её к губам Цайхуа. — Пей. Это лекарство ускорит восстановление тела. Кстати, я сама его приготовила. Не бойся, я всё сделала, как написано в книге.

Цайхуа ещё не успела прийти в себя, как на неё обрушился шквал эмоций и действий Юцин. Сбитая с толку, буквально им оглушённая, она послушно открыла рот и сразу скривилась, проглотив гадкую жидкость. Стоит отдать должное, эта настойка, с горьким привкусом и тошнотворным запахом чего-то прогнившего, мигом прояснила сознание.

— Спасибо тебе, — в противовес произнесённым словам девушка недовольно поморщилась. — Сколько я пробыла без сознания?

— Недолго. С ночи твоего обхода прошло всего два дня, — Юцин заставила девушку выпить очередную ложку лекарства. — Целители из Чунгао сказали, что ты очнёшься в лучшем случае через пару недель. Честно, я не ждала твоего пробуждения, но так этому рада! Это же настоящее чудо, что ты быстро идёшь на поправку!

Цайхуа, крепко зажмурившись, проглотила очередную порцию гадости и вдруг замерла. Прямо сейчас по её духовным каналам циркулировала в огромных количествах светлая ци, которая изнутри согревала привычным и в то же время незнакомым теплом. В памяти возник образ зверя из её видения. *Этот маленький огненный лис и поделился с ней энергией.* Но было ещё кое-что... Вспомнив лёгкое, как полёт бабочки, прикосновение чьих-то губ, девушка вспыхнула.

— У тебя жар? — взволнованно спросила цветочная фея.

— Тебе показалось.

Цайхуа нервно выхватила из рук Юцин пиалу и, под ошеломлённым взглядом агатовых глаз, залпом осушила её. Горечь лекарства отвлекла Цайхуа от дальнейших смущающих мыслей, позволив отыскать в паутине из недавнего прошлого самую главную нить.

— Слушай, пока я тут валялась, меня навещал кто-нибудь, кроме врачей? — как бы невзначай поинтересовалась девушка.

Сердце снова бросилось вскачь.

Кто может по отношению к ней быть таким добрым, чтобы передать огромную часть своей ци? Да и у кого хватило бы на это сил? Исцеливший её человек должен быть просветлённым не ниже второй ступени совершенствования, это точно. А из всех просветлённых, обладающих подобной мощью и при этом безвозмездно помогавших ей ранее, она знала только Шанъяо. От мысли об этом солнечном юноше внутри всё перевернулось вверх дном. Ну конечно, это он! С момента их первой встречи Шанъяо не раз защищал её и всегда был для неё тем, на кого она могла положиться. Но если это действительно он, неужели...

— Не видела, — задумчиво протянула подруга. — Тем более, вчера меня не было в школе. А что?

Цайхуа покачала головой, не желая продолжать разговор. Взрывная смесь

разочарования и облегчения расколола сознание на две противоборствующие части. С одной стороны, ей лучше об этом забыть: чем раньше она сможет научиться брать под контроль свои чувства, тем скорее достигнет третьей ступени. Накал новых эмоций лишит равновесия и замедлит развитие, но, с другой стороны, разве не должна Цайхуа убедиться, что *этим самым человеком*, подарившем ей поцелуй, был Шанъяо?

«Хорошо, допустим это и правда он, а дальше-то что?»

Цайхуа не нашла с ответом на свой мысленный вопрос. Думать о более глубокой, чем просто дружеской, связи с Шанъяо она не смогла. Девушка никогда ни в кого не влюблялась, и даже представить себе не могла, каково это, не говоря уж о том, чтобы вступать в подобные отношения с кем бы то ни было. Да и с чего она вообще взяла, что Шанъяо может испытывать к ней что-то... такое? Окончательно залившись краской, девушка прервала абсурдную нить размышлений. В конце концов, это абсолютно не важно.

— Цайхуа? — позвала цветочная фея. Всё это время Лу Цайхуа, не мигая, смотрела в дальний угол кровати. Обернувшись каменной статуей, она не подавала никаких признаков жизни, и только её пылавшие щёки продолжали наливаться более ярким пунцовым оттенком.

Не дождавшись ответа, Юцин помогла Цайхуа улечься обратно и, натянув на неё одеяло, положила ладонь ей на лоб. Холодные и тонкие пальцы едва ощутимо подрагивали.

Не сказать чтобы Лу Цайхуа нуждалась в поддержке. Если не брать в расчёт лёгкую, почти незаметную боль, что накатывала, точно волны прибоя, она ощущала себя вполне сносно. Стоило ей принять лекарство подруги, и голова перестала кружиться, а слабость прошла. Цайхуа мало что понимала в приготовлении снадобий. И, если уж начистоту, совершенно не смыслила в этом, хотя когда-то и пыталась постичь азы медицины. Похоже, цветочная фея очень талантлива, раз ей удалось намешать чудо-лекарство спустя пару дней обучения.

В их маленькой бамбуковой хижине было прохладно и сыро. Свежесть раннего утра смешалась с запахом лекарственных трав, разложенных у окна небольшими пучками. Приятный глазу полумрак ещё не до конца отступил в углы комнаты, продолжая бороться с лучами несмелого солнца. Грубый пол, сколоченный из тёмных досок, усеян ковром лепестков, бамбуковые стены излучают спокойствие, и вся эта комнатка вдруг кажется столь родной сердцу, словно в ней Цайхуа прожила много лет. Тонкий налёт безмятежности покрывает здесь всё. Всё, кроме лица Юцин.

Цайхуа наконец-то заметила: с лучшей подругой что-то не так. На бледных щеках ещё не высохли дорожки от слёз, в потускневших глазах отпечаталась боль. Юцин продолжала вести себя, как обычно, но привычную ей ауру наивной доверчивости и этого детского, безграничного жизнелюбия, Лу Цайхуа, как ни старалась, не могла ощутить. Что-то надломилось в душе этой девушки, сосуд её сердца был пугающе пуст.

— Говоришь, вчера тебя не было в школе? — ухватила Лу Цайхуа за последнюю фразу Юцин.

Цветочная фея печально кивнула. Ресницы её трепетали, как одинокие листья бамбука на сильном ветру.

— Позавчера я услышала, как глава Тай планирует обход поселения, где жила моя подруга Гуньи. Разумеется, я вызвалась помочь...

В тот день Юцин была особенно счастлива. Ещё бы, спустя долгие шесть лет, пролетевшие, как один краткий миг, она встретится со своей лучшей подругой! Конечно,

Гуньи была против их встречи, о чём Юцин помнила, но девушки не общались с тех пор, как она решилась пройти испытание в школе Чэнсянь. Тоска и тревога завладели ей, когда спустя долгое время Юцин не получила ни одной весточки. Девушка сомневалась, смогут ли они вести переписку в дальнейшем, а потому появившаяся возможность навестить подругу оказалась как нельзя кстати. Кто знает, может письма Гуньи просто не находили своего адресата. В любом случае, теперь Юцин во всём разберётся.

Ци в духовных каналах будто начинала искривляться, когда она пыталась вспомнить Гуньи. Пусть её образ был немного размыт, как потёкшая тушь на увлажнённой бумаге, она до сих пор помнит хитрый изгиб её особой улыбки, шёлк длинных волос, собранных в тугую косу, добрый взгляд чуть прищуренных глаз. Повзрослев, Гуньи наверняка изменилась и, может стать, с первого взгляда они не узнают друг друга. Но Юцин непременно поймёт, что это она — самый близкий её человек. Она виделась с ней один раз. И этого раза было достаточно, чтобы создать крепкую, проверенную временем дружбу.

Юцин не уверена, что сумела бы сберечь в своём сердце тепло, не подружись она тогда на рынке с Гуньи. В её трудном детстве не было недостатка в косых, почти осуждающих взглядах прохожих. В маленьком селе, где она родилась, каждый знал о печальной истории семьи Юцин, однако никто не проявлял и капли сочувствия. В том, что муж бросил жену, народ обвинил почему-то последнюю. «А кому нужна второсортная женщина? Не смогла родить, так пеняй на себя». Эти слова, камнем брошенные в сад сердца маленькой девочки, остались там навсегда.

Юцин никогда не хотела найти кровных мать и отца, даже если бы это оказалось возможным. Кто они, откуда, живы ли — не имело значения. Осенью, в промозглую глубокую ночь, эти люди бросили родного ребёнка, оставив его у крыльца чужой хижины. Юцин ничего не знает о них, и желает спокойно жить дальше в неведении. Для неё единственной мамой является женщина, что её воспитала. Немного сторбленная и годами не менявшая платье из грубой холстины, с раннего утра до позднего вечера трудящаяся в поле и обладающая самой красивой на свете улыбкой. *Она* отдавала все свои силы на то, чтобы у дочери были еда и одежда. Именно *она* научила Юцин читать и писать. Эта женщина умела одним нежным объятием развеять любую печаль, в то время как её собственное сердце было давно похоронено под слоем гнетущей тоски. *Она* — её настоящая мама.

И всё же ей с раннего детства не хватало тепла. Мать возвращалась домой слишком поздно, и, за приготовленным маленькой дочерью ужином, иногда рассказывала о своей юности или чертила угольком на столе иероглифы. Затем они вместе ложились в кровать. Уставшая женщина засыпала мгновенно, а Юцин ещё долго рассматривала её некогда красивое лицо, покрытое теперь сетью тонких морщин. Далёкие звёзды с любопытством заглядывали в окно их покосившейся хижины, в воздухе пахло отсыревшими досками, а на душе лежала необъяснимая грусть. Всё, что ей оставалось, — тихо шептать спящей матери о своём одиночестве.

— А-Цин, — однажды обратилась к ней мама. — Я сожалею, что не могу всегда быть рядом с тобой. Простишь меня за это?

— Я тебя не виню, — девочка прижалась щекой к её шершавой ладони. — Ты трудишься ради меня.

Она действительно никогда её не винила. Хотя они жили бедно, девочка ни в чём не нуждалась. Юцин любила маму всем сердцем, однако самым близким для неё человеком по воле судьбы стала Гуньи.

Юцин, проводившая практически всё своё время за ведением домашнего хозяйства, привыкла оставаться одна. Никто не спрашивал, что она чувствует, не просил рассказать о самых сокровенных мечтах и не делился своими. Словно растущая на голой скале одинокая вишня, она с сожалением смотрела туда, где простиралась долина других цветущих деревьев. Она бы хотела жить среди них, но, увы, между ними лежала целая пропасть. Кора маленькой вишни постепенно твердела, защищая её от сильного ветра и ледяного дождя, а сама она вскоре перестала тянуться ветвями к долине.

Всё изменилось после встречи с Гуньи. Когда ранним утром Юцин обнаружила под дверью письмо, над головой рассеялись свинцовые тучи, и нежные лучики солнца растопили на стенках души пока ещё тонкий слой льда. Она больше не была одинока.

Гуньи раз в несколько дней присылала ей письма. С замиранием сердца Юцин расправляла бумагу и долго-долго, точно смакуя каждое слово, читала истории лучшей подруги. Она писала ей о загадочных просветлённых, способных затмить своей красотой луну и звёзды, о священной горе Лаошань, покрытой цепью чистейших озёр. Гуньи рассказала ей о своей главной мечте сделать мир чище и лучше, изгнав всё существующее в нём древнее зло. И, самое главное, в каждом письме она задавала вопрос, который важно было услышать Юцин.

«Как ты?»

Эти два слова разгладили измятый листок её озябшей души. Шесть лет подряд она грелась в лучах заботы своей лучшей подруги. Общение с ней, как и дыхание, стало неотъемлемой частью жизни Юцин. Уединение, сковавшее её надежды и сны, бесследно рассыпалось, а мгла, душившая с детства, отступила назад. Она знала: если весь мир от неё отвернётся, Гуньи будет всегда на её стороне. Не бросит, не упрекнёт в несовершенстве характера и безусловно поддержит.

Достаточно слышать пару ласковых слов всего от одного человека, и вера в добро никогда не покинет. Брошенный всеми ребёнок, замкнувшийся в своём холодном и равнодушном мирке, однажды научился мечтать. Однажды прямо на его глазах, подобно старым ветвям давно заброшенной яблони, расцвело его будущее. Печаль одинокого прошлого осталась позади.

«Гуньи, я должна кое в чём признаться тебе. Я хотела поделиться с тобой этим раньше, но ты же хорошо меня знаешь. Любые слова не стоят того, чтобы в них верить, пока они не станут реальностью. Теперь, когда у меня получилось, когда я ступила на дорогу к мечте, я могу обо всём рассказать. Надеюсь, ты сможешь понять меня.

Ты так много писала мне о просветлённых и бессмертных, о демонах и богах, что я начала сомневаться: а не учишься ли ты в какой-нибудь особенной школе? К примеру, в Чуньцзе. Благодаря тебе, думаю, я смогу там без проблем ориентироваться. (Конечно, если только туда попаду). Ты знаешь о горе Лаошань даже больше, чем я о собственной матери. Ну что, ученица школы Чуньцзе, чистая, как озёрные воды, я раскусила тебя? Ха-ха. Хотя, если бы это было действительно правдой, я бы давно уже знала.

Гуньи, ты постоянно просишь не беспокоиться, но как я могу за тебя не бояться? Ты прикована к постели этой болезнью несколько лет. И я прекрасно понимаю, что ты что-то скрываешь. Гуньи, скажи правду: насколько всё плохо? Неужели не знаешь, что я не смогу жить без тебя? Ближе тебя у меня нет никого. Ты — моя дорогая сестричка, о которой я всегда буду заботиться.

Впрочем, можешь не отвечать. Решение принято, и поздно возвращаться назад. Да и

мама моя совершенно не против. Она будет рада, если сможет гордиться мной.

Гуньи, я решила стать просветленной. Уже как год я сама практикуюсь и, кажется, готова к тому, чтобы двигаться дальше. Недавно я услышала о наборе учеников в школу Чэнсянь. Наверное, судьба ко мне благосклонна, раз подарила шанс добиться большего. Правда я не стремлюсь стать бессмертной. Мне чужды боевые искусства и запах пролитой крови. Твой благородный порыв — наказать всё плохое — достоин похвалы, но я, увы, не такая.

Стыдно признаться, но мне нет дела до несчастий окружающих людей. Всем в этом мире плохо, Гуньи. Моей брошенной маме, мне и тебе. Все мы страдаем. Наверное, в этом и заключается жизнь. Сколько ни пытайся бороться со злом, оно никогда не исчезнет, не покинет людские сердца. О справедливости, в которую ты искренне веришь, не может быть речи. Невозможно очистить от скверны весь мир.

Как не существует в чистом виде добра, так и нельзя всех подряд осчастливить. Поэтому я хочу сделать всё возможное, бросить все силы на то, чтобы счастливы были хотя бы мои близкие люди. Я не могу забыть о тебе и броситься лишь на защиту этого мира. Я не могу думать об этих призрачных ценностях, когда мой самый близкий человек умирает. Разве не была бы я лицемерной, поступай я иначе?

Гуньи, я стану целителем и смогу тебя вылечить. Моих сбережений не хватит на то, чтобы купить тебе лучшее лекарство, и уж тем более не хватит для оплаты услуги целителя. Поэтому я им стану сама. Гуньи, благодаря тебе у меня появилась настоящая цель. Как яркая звёздочка, она освещает мне путь.

Я тебя вылечу. Только дождись меня, ладно?»

В тот день, когда Юцин совершала обход, насмешница-судьба окунула её с головой в волны отчаяния, заставила в них захлебнуться. Огонь, согревавший долгие годы, внезапно погас, и едкий дым, поднимавшийся от угасающих углей, отравил все былые мечты.

Они прибыли в поселение, расположенное в двухстах ли от Тайшань, на мечях. Старшая соученица, заметив, что у Юцин нет оружия, великодушно пригласила её на свой изящный модао. Всю дорогу девушка наслаждалась полётом и представляла, как кинется на шею подруге. Какая разница, насколько опасна болезнь. Разве можно не обнять человека, которого не видел целых шесть лет?

Опустившись на землю, Юцин растерялась. Кончики пальцев на руках и ногах будто обожгло калёным железом. Сердце на миг замерло, поток воздуха в горле покрылся морозными иглами. Оцепенела каждая клеточка тела.

— Похоже, мы опоздали, — прошептал кто-то в смятении.

Слова скользнули по сердцу острым ножом, распороли давно зажившую рану. Девушка вздрогнула и сделала пару шагов по занесённой пеплом дороге.

«Юцин, со мной всё будет в порядке».

Впитавшись в полуденный зной, в воздухе стоял запах невыносимых страданий. Куда ни взгляни, всюду обугленные стены домов. Сажа погребла под собой сухую траву и деревья, толстым слоем легла на уцелевшие крыши. В звенящей тишине мёртвых улиц чудился чей-то душераздирающий крик.

«Холодает. Юцин, одевайся теплее».

В безжалостном огне, что спалил это село, теперь горело и сердце Юцин. Ветер швырял в лицо серую пыль, в предсмертной агонии трепыхались голые ветви. Чёрные и изуродованные, словно демонические когти, они стремились разорвать на части серое небо.

Кругом запустение. Смерть отпечаталась на каждой двери.

«Твоё письмо было таким увлекательным, что мне хочется как можно скорее получить уже следующее. Так, всё, рассказывай: как себя чувствуешь? Надеюсь, ты ложишься спать вовремя!»

Изнутри бьёт крупная дрожь. Осознание приходит не сразу.

«Я счастлива, что у меня есть такая подруга как ты. Юцин, даю честное слово, я никогда не брошу тебя. Придёт время, и мы обязательно встретимся».

С подбородка срывается слеза. Точно первая капля дождя, решительно упав на грешную землю, она предвещает неистовый ливень. Девушка обнимает себя за дрожащие плечи, с трудом подавляя рыдания, но слёзы давно хлещут из глаз. Их непрерывный поток наполняет невыносимая скорбь. Она *опоздала*. В этой жизни они больше не встретятся.

Юцин навсегда потеряла свою подругу Гуньи. Пачка писем да воспоминание об их первой встрече — это всё, что у неё осталось. Мечта стать целителем лишилась прежнего смысла, одинокой волной разбилась о скалы удушающей боли. Крепкая связь с самым близким человеком на свете оборвалась в один день.

Она абсолютно раздавлена. Её главный смысл безвозвратно утерян. Юцин не одна, и никогда не вернётся к тому одиночеству, от которого когда-то сбежала, но без лучшей подруги она просто никто. Пустая оболочка, лишённая веры в себя.

Шесть прожитых лет рассеялись вместе с остатками дыма. Юцин до последнего не верит в случившееся. Срываясь на крик, она зовёт свою подругу Гуньи, и сердце её замирает в надежде услышать хоть что-то. Что если, она осталась жива? Выйдет к ней из обгоревшего дома, мягко обнимет и сообщит, что всё хорошо. Но Гуньи не выходит и продолжает равнодушно молчать.

Неужели ты меня бросила?! Как ты могла нарушить своё обещание?

Душа рвётся на части. Она совершенно потеряна, не знает, что делать и как двигаться дальше. Ей просто страшно.

— В соседнем городе нам удалось найти выживших. Их было двое, даосский монах и старая женщина, и они оба были смертельно напуганы. По словам даоса, все дома ни с того ни с сего охватило золотистое пламя, и, как бы люди ни старались его потушить, всё было тщетно. Более того, огонь охватил и людей. Он не угас до тех пор, пока все они не сгорели. А затем старая женщина сказала мне, что в их маленьком поселении никогда не жила девушка по имени Гуньи, — севшим голосом закончила цветочная фея.

Цайхуа крепко сжала пальцы подруги. Эта хрупкая девушка, легкомысленная и глупая с виду, оказалась невероятно сильной внутри. Она бесстыдно рыдала из-за того, что учитель не пустил её на занятие, однако сейчас, перед Лу Цайхуа, не проронила ни единой слезинки. С настоящей и до ужаса мучительной болью она справлялась сама, не позволяя своим горьким чувствам вырываться наружу и заботясь при этом о девушке, которую знает всего несколько дней.

Всё, что Цайхуа могла ей сказать:

— Юцин. Я буду рядом.

Примечание автора:

Модао — длинный пехотный меч. Длина его рукояти может достигать трёх метров (эстетичное оружие, между прочим).

Глава 18. У неё есть только настоящий момент, и прямо сейчас она проведёт его с пользой

Юцин давно ушла на занятия, однако в голове Цайхуа до сих пор звучал её голос. Тихий, словно шелест высохших листьев, надтреснутый, точно жалобный стон оборвавшейся струны.

На прощание цветочная фея снова обняла подругу и, взяв с неё обещание не заниматься сегодня учёбой, даже натянула улыбку. И Цайхуа бы хотела поверить этой улыбке, если б не знала, что за боль скрывается в сердце Юцин. Эта хрупкая девушка потеряла всё в одночасье: и крепкую многолетнюю дружбу, и главную цель своей жизни. Всё, что *заставляло* её двигаться дальше, мечтать и упорно подниматься к вершине, утратило смысл. В потерявшей крылья душе остался лишь призрак дорогого ей прошлого. Прошлого, что уже не вернуть.

Подобно слабому дереву, из-под которого убрали опору, Юцин лишилась поддержки, от которой зависела вся её дальнейшая жизнь. Сможет ли она найти в себе силы подняться или в конечном итоге сломается, зависело лишь от неё одной. И всё же она улыбалась. Не позволив сомкнуться над собой волнам отчаяния, не спрятавшись от целого мира, Юцин улыбалась, готовила лекарства и продолжала учиться. Будто ничего не случилось. Будто человек, которому она доверяла шесть лет, не испарился бесследно, как роса ближе к полудню.

Лу Цайхуа было искренне жаль цветочную фею. Как никто другой она понимала, что значит терять своих близких. И пусть воспоминания о собственном детстве были обрывочными, в её памяти навечно отпечатались та неизбывная скорбь, с которой она покидала родную деревню. Вместе с живыми людьми горели дома, в её взмокшей ладони дрожали пальцы Юньжи, а впереди был неизведанный, полный опасностей путь. Две маленькие девочки, единственные во всём поселении, смогли избежать страшной участи, что постигла их семьи. В тот день языки золотистого пламени, казалось, грозились спалить само небо.

Золотистое пламя. Как Цайхуа ни старалась забыть о нём, оно неизбежно напоминало о себе каждый раз, стоило взгляду зацепиться за жёлтое. Будь то растения, предметы быта или одежда, достаточно было увидеть их цвет, и её начинало тошнить. Негасимый огонь оттенка жидкого золота исчезал лишь тогда, когда всё живое вокруг было развеяно по ветру пеплом. В памяти Лу Цайхуа он оставался зыбким кошмаром, однако после рассказа Юцин воплотился в реальность, стал явью, ожил.

Цайхуа со страдальческим стоном ударила по кровати ладонью. Охватившее её беспокойство подкреплялось роем неразрешимых вопросов, жаливших старые раны. Является ли это пламя одной из утерянных техник, и, если да, кому пришло в голову использовать его против невинных людей? Каким образом они с Юньжи выжили? Почему это поганое *золотистое пламя*, отобравшее у неё мать и отца, вновь о себе заявило? И, самое главное, *кто* за всем этим стоит? Ответить не смог даже её старый наставник.

— Мне не ведомо, по каким причинам судьба оставила Юньжи невредимой, но насчёт тебя есть у меня одна мысль. Природа одарила твоё тело запасом врождённой духовной энергии. Возможно, она и защитила тебя, — нахмутив поседевшие брови, одним поздним вечером изрёк Лао Чжуаньцзэ.

Маленькая Цайхуа в присущей ей детской манере тогда не сумела сдержать гордой

улыбки. Ещё бы, с рождения по её энергетическим каналам текла светлая ци, которую другим просветлённым приходилось накапливать путём различных лишений и нескончаемых медитаций! Без особых усилий освоившись на первой ступени совершенствования, Цайхуа преодолела её всего за пять лет, что было, несомненно, заслуживающим внимания результатом. Именно за свой талант к столь быстрому духовному развитию она и получила от наставника своё имя — Цайхуа.

В детстве ей всё давалось легко, а потому она не привыкла трудиться, как должно. Лу Цайхуа долгое время считала себя особенной, избранной. Она искренне верила, что возможности её безграничны, и только столкнувшись с первыми трудностями, наконец поняла — это не так.

Прошло много лет, но Цайхуа по-прежнему оставалась на второй ступени. Просветлённая знала, в чём заключаются её недостатки и основные ошибки, но не имела понятия, как их исправить. Потерпев не одну неудачу в попытках следовать советам наставника, она в итоге решила: что-то другое мешает ей духовно расти. В поисках разгадки она отправилась в школу Чэнсянь. Могла ли Цайхуа представить, что ответ лежит на поверхности? Всё было до смешного просто: она не научилась упорно *работать*. И теперь, лёжа в кровати и размышляя над результатами жизни, она вдруг явственно это осознала.

Взять, к примеру, Шанъяо. Они с ним ровесники, но как же сильно она отстала от него в совершенствовании! И дело вовсе не в том, что он ученик одной из пяти лучших школ просветлённых. У Лу Цайхуа был прекрасный наставник, в юности обучавшийся на горе Лаошань, и, будь она, как Шанъяо, такой же прилежной и целеустремлённой в учении, сейчас бы оба были равны в силах и знаниях.

Не то от мыслей о друге, не то от снизошедшего на неё озарения сердце забилося так часто, что у неё перехватило дыхание. С твёрдым намерением действовать Цайхуа вскочила с кровати и, позабыв данное подруге обещание, выбежала из бамбуковой хижины.

Хотя в воздухе пахло дождём, лучи полуденного солнца, горячего, как пылкая молодая душа, непреклонно согревали Тайшань. Издалека, отголосками времени, что утекло безвозвратно, доносились громовые раскаты. Ветер перемен гнал прочь тяжёлые тучи, птицы тревожно кружили над рощей, ощущая борьбу двух разных стихий. Каждый цветок дрожал в предвкушении бури, но, в конце концов, ливень обошёл стороной.

Не взирая на голод и остаточную боль в грудной клетке, Лу Цайхуа погрузилась в процесс отработки ранее изученных техник. Новое знание, говорил её старый наставник, само по себе является ценным, однако, как и любой неогранённый алмаз, нуждается в тщательной шлифовке. Отполируешь его, вложив в это дело все силы, и он станет в руках настоящим оружием. А иначе его невозможно будет использовать.

Цайхуа никогда не любила повторять старые техники. Ей хотелось скорее узнать что-то новое, опробовать очередной, более сложный приём и тотчас похвастаться им перед лучшей подругой. Прошло много времени, прежде чем она поняла: силу следует измерять в первую очередь качеством, а никак не количеством.

Последние несколько лет Лао Чжуаньцзе с боем загонял ученицу во внутренний дворик, где она под его строгим надзором снова и снова демонстрировала всё, чему научилась уже очень давно. Лицо Цайхуа было кислым, с губ то и дело срывалось: «Наставник, а может изучим что-нибудь новенькое?» Тем не менее, старый мужчина был непреклонен. Тренировки продолжались до тех пор, пока тело окончательно не отказывалось слушать её.

Раньше Цайхуа не любила такие занятия, но *сегодня всё было иначе*. Озарение

пробилось сквозь скалы её предрассудков и пролилось на сознание живительной влагой. Больше она не стыдится начать с самых основ. Она вернулась к исходной позиции, чтобы усовершенствовать свои первичные навыки и на их твёрдой основе возвести храм мастерства.

Бой на четыре стороны света. Цайхуа ведёт поединок с воображаемым соперником, неустанно повторяя одни и те же движения. В сердце полыхает жаркое пламя, пальцы сжимаются, нанося сокрушительный удар по простой траектории, и разжимаются вновь, чтобы предотвратить нападение. Ветер развеивает полы одежд, играет с прядями шелковистых волос цвета каштана. Листья бамбука скользят по глади небес стайками продолговатых рыбёшек. Их изумрудные чешуйки искрятся яркими бликами, но внизу, на укрытой иссушенной листвой земле, царит полумрак.

Цайхуа не видит противника, но стоит зажмуриться всего на мгновение, и перед мысленным взором появляется образ. Глаза стального оттенка вобрали в себя ярость грозных облаков, тонкие губы изогнуты в надменной усмешке, гладкая кожа подобна нефриту. Несомненно, это Чэньсин. Высокий и стройный, с выразительными чертами лица, которое Лу Цайхуа назвала бы красивым, если б не эта непримиримая ненависть. Как наяву она представляет выпад юноши в алом, стремительно блокирует атаку, а затем с нескрываемым наслаждением избивает его «кулаком восходящего солнца». Цайхуа осыпает Чэньсина градом ударов, пока он не начинает молить о пощаде. Приподнимаются в страхе изящные брови, густые ресницы дрожат от рыданий. Он повержен. Разбит в пух и прах.

— Лу Цайхуа.

Спокойный и ровный, точно воды зеркального озера голос вернул девушку в реальность. Очнувшись от наваждения, Цайхуа с удивлением обнаружила под ногами несколько поломанных бамбуковых стволов. Похоже, она проявила излишнее усердие в попытке надавать тумачов иллюзорному Чэньсину. И если б перед ней прямо сейчас не стояла глава школы Чэнсянь, Цайхуа бы однозначно испытала удовлетворение от результата поединка.

Вдруг испугавшись, что её отругают за нанесение ущерба бамбуковой роще, она поспешила принести извинения:

— Наставница Тай, я не хотела!

— Оно само? — холодно усмехнулась бессмертная.

Казалось, чем тяжелее на сердце у Тай Циньюэ, тем более непроницаемой становилась привычная ей маска безразличия. Женщина излучала мощную, почти убийственную ауру спокойствия, грозившую покрыть тонкой наледью всё живое на сотни ли.

Понять главу школы Цайхуа не смогла бы, поскольку не разбиралась и в собственных чувствах. Порой девушка ошибочно принимала желаемое за действительное и иногда *не могла отличить совсем противоположные эмоции*. И всё же она была точно уверена: в душе наставницы Тай господствует хаос.

— Впрочем, не столь важно. Я пришла к тебе по делу. Этот маленький негодник Шанъяо бегал за мной два дня, пока я не согласилась отвести тебя в обитель бессмертных. Следуй за мной. Мы попробуем найти тебе меч.

Глаза Цайхуа широко распахнулись от удивления:

— Меч? Мне?!... Правда?

Не смея поверить в свалившееся на голову счастье, девушка чуть было не схватила бессмертную за белоснежный рукав. От волнения ладони покрылись испариной.

— По просьбе Шанъяо я изучила твой клинок, но ничего странного в нём не заметила.

Понятия не имею, почему он тебе не подчиняется. В конце концов, я не мастер меча, чтобы разбираться в духовном оружии, — она глянула на ножны Лу Цайхуа, и уголок её рта заметно искривился. — Шаньбяо *так беспокоился*, что ты не можешь себя защитить...

Оборвав свою мысль на полуслове, Циньюэ неторопливо направилась вверх. И Цайхуа ничего не оставалось, кроме как отправиться следом за ней.

Они поднимались к вершине Тайшань достаточно долго. Незнакомая узкая тропка, местами поросшая ароматной травой, уводила к самым небесам. Облака, пушистые и плотные, безмятежно скользили по горному пику, скрывая от просветлённых дворцы и даосские храмы. На обрывистых скалах в гордом одиночестве возвышались деревья, с острых камней срывались потоки воды. Создавая вокруг туманную дымку, водопады искрились и пенились, их гулкий рокот отзывался в душе благоговейным восторгом. Величественная, неземная атмосфера ощущалась в каждой капле, золотом сверкавшей в лучах жаркого солнца. Пропитанный духовной энергией воздух окутывал лёгкие приятным теплом. Напряжение, повисшее между ней и Циньюэ, рассеялось. В этом древнем, как вселенная, месте было возможно лишь созерцать.

Вскоре взору Цайхуа открылась тенистая долина, простиравшаяся на несколько ли. Она была сплошь усеяна могильными холмами, однако вместо поминальных табличек над ними возвышались мечи. Обращённые рукоятями вверх, самых разных форм и размеров, они излучали тусклый мертвенный свет.

— Теперь понимаешь, почему обитель бессмертных так называется? — обратилась Циньюэ к своей ученице. — Здесь упокоены души всех просветлённых.

Поражённая увиденным, девушка не сразу осознала слова наставницы Тай. От вновь сковавшего её напряжения во рту пересохло, сердце совершило кульбит. Цайхуа знала, что души погибших просветлённых переселялись в духовное оружие, вот только их дальнейшая судьба для неё являлась загадкой. Сейчас же девушке открылась грустная правда: бессмертная душа, заточённая в меч, навечно оставалась одна на границе между мирами. Невыносимо близко к Небесному царству, и в то же время так далеко... Лишённые возможности двигаться и общаться с другими людьми, они продолжали жить здесь веками. Имелся ли смысл в подобном бессмертии?

Словно угадав ход её мыслей, Циньюэ добавила:

— Многие из них получили долгожданный покой. Им не нужны ни новые подвиги, ни обыкновенная жизнь. Есть, конечно, и те, кто хотел бы продолжить сражаться со злом. Если к ним обратиться, они обязательно ответят на зов и согласятся стать духовным оружием.

— А владелец такого оружия после смерти куда попадёт? — полюбопытствовала Лу Цайхуа.

— Его душа также переселится в меч.

— А если он расколется? — девушка не удержалась от очередного вопроса.

— В таком случае душа, которая всё это время жила в нём, превратится в духовную сущность, — Циньюэ порывисто взмахнула рукавом, что выдало её раздражение. — Советую тебе успокоить свой разум и начинать использовать технику призыва. У меня нет столько свободного времени, чтобы всецело его проводить с *одной* ученицей.

Девушку будто окатили ледяной водой. Последняя фраза была неожиданно грубой и резкой, но Цайхуа решила не обижаться на главу школы. Куда важнее было послушать совет и сосредоточиться на процессе призыва.

Изо всех сил подавляя волнение, просветлённая опустила веки и решительно вскинула

руку. Светлая ци, заструившаяся от подушечек пальцев тонкими нитями, очень скоро пронизала собой всю долину. В этот миг, казалось, решалась судьба Цайхуа. Отзовётся ли хотя бы один из мечей, станет ли её верным соратником на пути совершенствования, поднимет ли к манящим звёздам? Вложив в технику все свои чувства, всё желание бороться за свет и добро, она с замиранием сердца ждала.

Но ничего не случилось...

Лу Цайхуа разочарованно выдохнула и опустила ладонь. Всего на мгновение глаза заволокло пеленой непрошенных слёз, однако показывать слабость перед Тай Циньюэ ей не хотелось.

Девушка заставила себя успокоиться. Разумеется, она предполагала подобный исход: если даже её личный меч не желает ей помогать, то с чего бы откликаться другим?

Цайхуа отыскивала в себе смелость признать: скорее всего ей придётся тренироваться несколько лет, чтобы духовное оружие сочло её достойной и однажды ей подчинилось. В совершенствовании нет лёгких путей, сама жизнь — испытание, а безоблачное детство осталось позади очень давно. Ей нужно хорошо постараться, прежде чем начать уважать себя саму.

Хотя Цайхуа старалась рассуждать в оптимистическом ключе, на душе стало как-то тоскливо. Неужели весь этот путь был проделан исключительно для того, чтобы насладиться божественным горным пейзажем?

— Простите за потраченное время, — удручённо буркнула девушка.

Наставница Тай не ответила. И без того холодный взгляд её сделался обжигающе ледяным, тонкие брови сошлись к переносице. Точно вылепленная из самого чистого снега, непостижимая и прекрасная, она наблюдала за тем, как над долиной плывут облака. Полы её белоснежных одежд трепетали на прохладном ветру, разметались по спине чернильные волосы. Бессмертная до боли стиснула зубы.

Она никого не любила. Возможно, Циньюэ просто забыла, каково это испытывать самое глубокое и возвышенное чувство на свете, но сколько она себя помнила, почти постоянно ей приходилось носить в себе одну лишь печаль.

Её никто не любил. Самый близкий человек, единственный выживший из всех тех, кто был дорог ей, однажды от неё отказался. Родной отец забыл о собственной дочери, бросил одну на произвол суровой судьбы.

Тай Циньюэ выросла среди чужих горных пиков. Холодная и ко всему равнодушная, потому что никто в этом мире не подарил ей и капли тепла. *Но разве должна она поступать точно также с другими?* Разве заслужила стоящая рядом с ней девушка то безразличие, что когда-то преследовало её саму по пятам? Кровь сердечной раны Циньюэ смог остановить только холод, но это вовсе не значит, что теперь она может ранить иглами льда окружающих. Как глава школы она должна подбодрить свою ученицу.

— Ты хорошо себя проявила на тренировке, — неловкие слова сорвались с алых губ прежде, чем она успела обдумать их. — Продолжай в том же духе, и меч тебе обязательно подчинится.

Циньюэ не знала о том, что всего двумя фразами сумела согреть одну беспокойную душу. Впрочем, самой ей тоже стало отчего-то теплее.

Спускаясь с вершины Тайшань, просветлённые заметили ожидавшего их внизу юношу в бирюзовых одеждах. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, он то и дело вертел головой в попытке понять, по какой из тропинок ступают глава школы Чэнсянь и её ученица. Наконец,

когда он заметил их, лицо его озарилось мягкой улыбкой. Этой улыбки было достаточно, чтобы заставить сердце Лу Цайхуа отбивать рваный ритм. Незаметно для себя она ускорила шаг.

— Цайхуа, ты должна знать, — крикнула вдогонку наставница Тай. — Ты была ранена по моей вине. Священную залу невозможно найти с первого раза, и когда я тебя там обнаружила, мне показалось, что ты связана с демонами. Я попросила Шанъяо бросить тебя на обходе, а потом проследить за тобой. Не сердись на него.

Больше не ждавшая от главы школы каких-либо слов, а уж тем более такого внезапного признания, Цайхуа оторопела. Вот оно что! Теперь-то понятно, зачем Тай Циньюэ ни с того ни с сего решила проверить её пульс в той странной зале: бессмертная пыталась найти в духовных каналах ученицы следы тёмной энергии! Стало ясно и то, почему Шанъяо, повернувшись тогда в противоположную сторону, в критический момент оказался с ней рядом. Пока она в одиночестве продолжала свой путь по городу Тай, он не отставал от неё ни на шаг. Но разве могла она на него обижаться?

— Я не сержусь, — улыбнулась девушка. В груди поднялась волна нежности. — Когда демон напал на меня, Шанъяо отразил атаку. Ранили меня намного позже.

— Вот как. Тогда тебе повезло подружиться с ним.

— Я знаю. И... Спасибо вам.

Цайхуа отвесила главе школы глубокий поклон, а затем, едва сдерживая радостное волнение, побежала навстречу Шанъяо. Сегодня прояснились многие вещи, но одна чрезвычайно волнующая тайна была всё ещё не раскрыта.

Вблизи солнечный юноша казался измождённым. Если на теле его и остались следы минувшего боя, все они были скрыты одеждами, расшитыми по краю синими орхидеями. Зато на лицо, обычно сияющее и безмятежное, легла тень смертельной усталости. Прежними остались только глаза: в их глубине затаилось восторженное счастье, взгляд излучал природную мягкость.

Остановившись в трёх чи от Шанъяо, девушка смущённо потупилась. Ей очень хотелось задать кое-какой важный вопрос. Правда она не знала, с чего лучше начать.

Парень нарушил молчание первым:

— Цайхуа, мне так жаль.

Девушка недоумённо вскинула подбородок. Он всё ещё переживает?

— Если ты о своём «сговоре» с наставницей Тай, я вовсе не злюсь. В итоге же ты меня защитил. Шанъяо, я..., — Лу Цайхуа неловко замялась. — Я очень благодарна тебе. Спасибо, что спас мою жизнь.

До неё вдруг дошло осознание, как сильно она в себе запуталась. Не подлежало сомнению: Цайхуа признательна этому юноше за поддержку и помощь, да и просто за то, что он никогда не бросал её. Но в то же время в ней поселилось ещё одно странное чувство. Если подумать, его можно было назвать кисло-сладким. И когда она вспоминала о том поцелуе, это кисло-сладкое чувство начинало кипеть, постепенно выводя Цайхуа из равновесия.

— Да ладно, я просто отбил демонический клинок. Благодарю Чэньсина: вот он действительно спас тебя. Когда ты потеряла сознание, Чэньсин успел заблокировать тёмную технику и оказать тебе первую помощь. Опоздай он хотя бы на миг, ты была бы мертва.

Опять он...

Сама мысль, что этот человек проявил по отношению к ней благородство, жутко её

раздражала. Святые небеса, она ещё и в долгу у него!

— А чем всё закончилось? — перевела тему Лу Цайхуа. Думать о юноше в алых одеждах, как и о том, *что* он делал в городе Тай, сейчас хотелось меньше всего.

— Да ничем таким интересным. Сначала на помощь пришёл учитель Чжао, а уж когда появился *мой* наставник, — в глазах юноши вспыхнул огонь восхищения, — жалкий демон позорно сбежал. Конечно, обидно, что не убили его, но пойдёт. Лучше скажи, ты успела понять, кто напал на тебя?

Девушка тихо вздохнула. Взгляд невольно скользнул по поляне, окружённой плотным кольцом кипарисов, и вдруг задержался на головках увядших цветов. *Колокольчики*. Почему-то в груди зажглась уже знакомая ей, щемящая боль.

Цайхуа решила рассказать Шанъяо историю о демонической чашке. Всю целиком, начиная с приключений в поместье семьи Чан, и заканчивая её ночной вылазкой в обитель бессмертных. После всего, что с ними случилось, просветлённая не могла не начать доверять юноше как одному из своих самых близких людей: безотчётно и безгранично. Подобным доверием у Лу Цайхуа пользовалась лишь её названная сестрица Юньчжи.

Внимательно выслушав девушку, Шанъяо на какое-то время задумался. Пока Цайхуа невольно любовалась янтарными искрами на дне его глаз, он кивнул своим соображениям и с широкой улыбкой пообещал:

— Мы обязательно во всём разберёмся.

— А больше ты ничего не хочешь сказать? — сорвалось с языка против воли.

Задрожали колени, внутри с грохотом что-то упало. Миг, и сердце зашло в бешеном ритме.

Кажется, первый раз за всё время их дружбы Шанъяо смутился. Густо покраснев, он посмотрел под ноги.

— Вообще, я не хотел говорить. Но раз уж все твои секреты раскрыты, мне стоит поделиться своим.

Цайхуа сделала судорожный вдох. Воздух застрял где-то в горле, кровь превратилась в расплавленную магму, а в мыслях непрерывно вертелось: «Ну всё, сейчас он признается!» Она не представляла, что будет дальше. Время сжалось до крохотной точки момента. Столь пугающего и одновременно... желанного.

— В общем, я с тобой познакомился из-за талисмана. Как ценитель искусства, я не мог пройти мимо такой чудесной каллиграфии, да и ты как раз нуждалась в помощи. Сказать честно, поначалу я хотел подружиться с тобой ради него: я был уверен, что спустя какое-то время ты захочешь мне его подарить.

Цайхуа не имела понятия, что за страшное выражение отразилось у неё лице, однако Шанъяо поспешно добавил:

— Это было сначала. Но всё, что случилось потом — настоящее. По отношению к тебе я полностью искренен. Простишь меня?

Девушка потеряла дар речи. Ощущения были такими, словно её окунули в болото, а дальше вся эта вязкая тина намертво к ней приросла, лишая возможности двигаться. *Такого* она не ожидала.

— Цайхуа-а-а, — он потянул её за рукав. В карамельных глазах плескалась вина. — Мы же друзья. Разве ты не должна меня великодушно простить?

— ...

Прийти в себя ей удалось не сразу. По просторам души точно прошёл ураган, оставив

после себя беспорядок из оборванных мыслей. Все надежды неминуемо превратились в руины. Цайхуа знала, что Шаньяо неспроста ей помог в их первую встречу, и всё же до последнего хотела верить в бескорыстие по отношению к ней. По большей части оно так и было, но... *если бы всё сложилось в соответствии с его изначальными планами?* Был бы он тогда её другом? Просветлённая сделала медленный выдох. Продолжать думать об этом бессмысленно.

— Во-первых, талисманы создавала не я, а моя подруга Юньджи, — бесцветным тоном произнесла Цайхуа. — Во-вторых, с тебя снова должок.

— Всё, что угодно! — с готовностью отозвался Шаньяо.

Как часто случается после сильного шторма, в сознании девушки воцарился неожиданный штиль. Последняя волна разочарования с треском разбилась на тысячи капель, и они, пролившись на горящее сердце дождём, до конца остудили его. В день их обхода Шаньяо ведь *отказался принять её талисман*, а это что-то да значит.

Цайхуа улыбнулась:

— Тогда покажи, чему ты научился у Мао Шуая. Оживи все эти цветы, — она указала на поляну с головками поникших колокольчиков.

Не успела бы догореть и палочка благовоний, как они оказались на хорошо знакомой Цайхуа тропе. Ребята молча шли в сторону бамбуковой рощи, не решаясь завязать разговор. Впрочем, говорить было не о чем. В руках девушки благоухал пышный букет, солнце постепенно клонилось к закату и тени на земле стали размытыми. За каждым их шагом наблюдали деревья, над плотным навесом их крон остановились отдохнуть облака. Уставшие от путешествий, они позволяли лучам окрашивать их в бледно-розовый цвет. Дыхание природы замедлилось. Мир погрузился в тишину долгожданного вечера.

Когда просветлённые добрались до развилки, юноша повернул в противоположную сторону от Лу Цайхуа.

— Не пойдёшь со мной? — привыкшая к тому, что Шаньяо всегда за ней следует, девушка слегка растерялась.

— Прости, у меня важное дело, — обернувшись, он смущённо закашлялся. Всё его естество выражало крайнюю степень благоговейного трепета. — Наставник пригласил меня выпить с ним чаю.

Цайхуа не удержалась от смеха:

— Выглядишь так, будто идёшь с ним пить чай в первый раз.

Юноша замер. Затрепетали густые ресницы, на лице промелькнуло смущение. Шаньяо стал каким-то потерянным, но странное оцепенение его длилось недолго.

— Ты не ошиблась. Я ещё не пил чай вместе с учителем, — улыбка просветлённого приобрела грустный, почти горький оттенок.

— В таком случае, — удивлённая переменой его настроения, она подошла к нему ближе и ободряюще похлопала по плечу, — удачи тебе. И большое спасибо за всё.

Цайхуа хотела было обнять друга, но что-то ей помешало. Наверное, она слишком беспокоилась, что колокольчики могут быстро увянуть, да и навязывать парню свои нежные чувства совсем не хотелось. Не пристало девушке первой поддаваться эмоциональным порывам. Поэтому, ограничившись обычным прощанием, Цайхуа поспешила к хижинам приглашённых учеников.

Найти домик Чэньсина оказалось несложно. Он полностью соответствовал лаконичному описанию, которым недавно с ней поделился Шаньяо.

«Крошечный и убогий». Опорой для его чёрных, как уголь, бревенчатых стен служил небольшой холмик: окаймлённый по краю бульжниками, он казался огромным зелёным наростом на этой лачуге. С покрытой мхом крыши свисала сухая трава, дверь была плотно закрыта, в небольшом квадратном окне горела свеча.

Чэньсин что-то увлечённо читал. Стоило ей чуть дольше обычного задержать на нём взгляд, и она тут же испытала настоящее потрясение. Увидеть на его вечно хмуром лице безмятежную, такую же светлую, как у Шанъяо, улыбку было равносильно тому, чтобы стать свидетелем снега в разгаре июля. И всё же этой улыбке удалось очаровать Цайхуа. Плохие люди не могут выглядеть столь незащищённо и искренне, когда никто их не видит. Сам того не подозревая, Чэньсин в этот момент стал источником тёплого света, который зажжёт в Цайхуа огонёк. *Тот самый*, который она почувствовала во время их учебного боя.

Цайхуа бережно прижимала к груди колокольчики. Юноша в алых одеждах ей казался незнакомым и добрым, ласковый ветер врывается в его крохотный домик и, принося с собой запах цветов, колыхал пламя свечи. Девушка ещё долго стояла напротив него, но Чэньсин так и не заметил её.

Наконец, к Лу Цайхуа вернулось здоровое мышление. Может он и не плохой человек, рассуждала она, но это не отменяет всех его прегрешений. Чэньсин дважды довёл её до нервного срыва и даже не соизволил принести извинения, а значит данное себе самой обещание — всегда ему досаждать — по-прежнему в силе. Подойдя ещё ближе, девушка не сдержала ехидной усмешки. Раз уж она собралась благодарить его за спасение, то сделать это нужно как следует. С этими мыслями она швырнула цветочный букет прямо в окно.

День выдался тёплым и пасмурным. Уставшая после изнурительной тренировки Лу Цайхуа прислонилась к старому дереву. Однажды под его сенью она заснула на плече лучшего друга, а теперь предавалась лёгкой печали. Точно слезинки, с ветвей упало несколько высохших листьев, птицы затянули тоскливую песню и солнце окончательно скрылось за пеленой плотных туч.

Утром, когда бескровное небо едва налилось сияющим золотом, Цайхуа проводила Шанъяо в дорогу. На прощание юноша крепко обнял её и, пообещав писать каждый день, улетел вместе с наставником обратно в Каймин. Сегодня *все* учителя из других школ покидали Тайшань. Настало время прибытия других просветлённых, которые будут делиться иными, *новыми* знаниями.

Чтобы ненадолго заглушить тяжёлую грусть, она до боли в суставах оттачивала все знакомые ей боевые техники. И лишь когда закружилась голова, девушка решила сделать небольшой перерыв. Однако стоило прислониться к стволу этого дерева и обратить взор к серому небу, как внутри всё сжалось в комок. Горло будто сдавил тугой узел, а на глазах навернулись невольные слёзы. Цайхуа только успела привыкнуть к Шанъяо, наставникам Шуаю и Чжао, как они уже покидают её. Даже противный Чэньсин не останется здесь. Осознания, что *юноша в алых одеждах больше не будет с ней драться*, Цайхуа заметно поникла.

— Без еды унывать не годится, — раздался оживлённый голос Юцин.

Девчонка поставила на колени подруги тарелку и села рядом. Песочное печенье в форме цветков лотоса излучало аромат волшебства. Отправив в рот сразу две штуки, Юцин пробубнила:

— Пока я о тебе не позабочусь, так и будешь голодной ходить?

Цайхуа тепло улыбнулась. Она и в самом деле постоянно забывала о голоде, пока Юцин не бралась это исправить. Если вспомнить, именно цветочная фея всегда приносила ей поесть или же отводила в столовую.

— Ты чудо.

Рассыпчатое тесто оставляло на языке мягкую сладость, османтусовый вкус заглушал горечь последних событий. Впереди была неизвестность, но прямо сейчас, наслаждаясь изумительной выпечкой и компанией подруги, она наконец-то ощутила спокойствие. Всё будет хорошо. Обязательно.

— Знаешь, я больше не хочу быть лекарем, — поделилась Юцин.

Услышав подобное заявление, Цайхуа удивилась.

— Да? Но ведь Гуньи наверняка жива, раз её не было в той сожжённой деревне. Ты же, вроде как, вылечить её собиралась.

— Жива она или нет, я не знаю. Гуньи давно мне не пишет, и я не должна хвататься за связь с ней, — цветочная фея вздохнула. — Благодаря ней я ступила на путь совершенствования, научилась двигаться к целям, мечтать. Гуньи подтолкнула меня к тому, чтобы я стала просветлённой, помогла мне сделать правильный выбор. Пришла сюда я ради неё, но дальнейший путь должен быть только моим. Недавно я поняла, что жизнь ради кого-то — уже прошлый этап. Настало время сделать что-то и для себя. Я хочу понимать свои желания. А насчёт Гуньи... Если найду её, то попрошу ребят из Чунгао помочь. Это намного логичнее, чем самой становиться целителем.

— И в какую школу ты собралась на следующий год?

— В Каймин. Я поняла, что мне нравится общаться с природой. Сначала я объясняла свою любовь к цветам тем, что хочу готовить лекарства из них, но это был самообман. Я просто люблю этот мир, и мне хочется стать его частью.

Цайхуа понимающе кивнула. Внутренняя сила этой девчонки не переставала её поражать. Пережив сильнейшее потрясение, цветочная фея не позволила себе впасть в отчаяние. Напротив, она нашла в обступившей её густой мгле правильный путь, что в её ситуации мог сделать не каждый. Юцин превзошла себя и свои идеалы, поднялась на новую ступеньку развития. Такой подругой Цайхуа могла только гордиться.

После того, как представители школы Чуныцзе растворились в облачной дымке, настал черёд просветлённых из Ли покидать гору Тайшань. Небосвод окрасился алым, точно пропитался кровью.

Сереброволосый мужчина задумчиво гладил кота, весь его облик выражал тихую скорбь. Ученики выстроились за ним в ровный квадрат и тоже молчали, словно разделяя боль своего почтенного наставника Чжао. Взгляд Цайхуа невольно остановился на юноше, который прижимал к себе букет колокольчиков. Он летел быстро, но она не могла не заметить тепло в его серых, стального оттенка глазах.

Впереди её ждал целый год обучения. Следующим летом состоится испытание, на котором она должна показать свои самые сильные стороны. Если школа Ли откроет для неё свои двери, Цайхуа вернётся домой на Лунхушань. Но всё это лишь размытое будущее. Кто знает, что может случиться? У неё есть только настоящий момент, и она проведёт его с пользой.

Комментарии:

Напоминаю, что имя Цайхуа переводится как «талант».

Глава 18. Кратко. (Автор развлекается, не принимайте близко к сердцу)

Цайхуа: *активно наносит ущерб Чэньсину бамбуковой роще* Подскажите психолога, я не могу разобраться в себе.

Тай Циньюэ: чуть не убила главную героиню, простите! Впредь мне не стоит быть такой злокой.

Мао Шуай: мне не с кем пить чай 23 года, но тут я неожиданно вспомнил что у меня есть ученик.

Шаньяо: этот «маленький негодник» идёт заваривать чай любимому учителю.

Чэньсин: *потирает ушибленный лоб* Колокольчики? Колокольчики!

Лунху Чжао: *гладит кота* Я когда-нибудь уже вспомню то, что забыл?

Юцин: если ты грустишь, обязательно покушай.

Лао Тяньшу: обо мне говорят почти в каждой главе, но когда же я сам выйду на сцену?

Глава 19. Если бы мир всегда наполняла любовь, в нём бы не было войн, разрушений и боли

Тай Чэнсянь всегда мечтал стать бессмертным. В те времена, когда не существовало ни просветлённых, ни демонов, эта идея любому показалась бы совершенно нелепой. Однако он, вдохновлённый и мечтательный юноша, искренне верил, что сможет достичь невозможного. Янтарные глаза его, по-детски наивные, излучали особенный свет: помимо доброты и участия в них можно было разглядеть непоколебимую твёрдость. Чэнсянь словно с самого начала знал, что его ждёт великое будущее, и именно это читалось в его мягком и уверенном взгляде. Вместо того, чтобы поддаться сомнениям и отказаться от своей невероятной мечты, он вышел за рамки привычного порядка вещей, и открыл в себе иные возможности.

О детстве Тай Чэнсяня известно немного. Говорят, он родился в простой крестьянской семье. Потому ли, что с раннего утра до позднего вечера мальчик трудился в полях и садах, или потому, что сердце его было расположено к возвышенным чувствам, Чэнсянь полюбил этот мир всем своим естеством. Просыпаясь с музыкой ветра, что гармонично вливалась в пение птиц, он торопился поделиться рассказом о собственных снах с цветами и травами, а провожая заходящее солнце, старался запомнить каждый момент, проведённый под куполом неба. Ни родители, ни старшие братья не могли дать ему то, что он испытывал вне стен их деревянного дома. Всепоглощающая любовь Тай Чэнсяня принадлежала лишь первозданной природе, что заставляла сердце его трепетать от восторга. Не ощущавший себя частью мира людей, но слившийся своё бытие с дыханием гор и цветущих долин, он был рождён, чтобы однажды стать божеством.

Тай Чэнсянь знал, что ему не хватит и нескольких жизней, чтобы увидеть красоту мироздания. А умереть, не успев познакомиться с каждым растением, зверем и камнем на этой земле, он себе позволить не мог. Ради своего путешествия длиной в бесконечность он попытался создать эликсир бессмертия.

Покинув дом в юном возрасте, Чэнсянь восемь лет провёл в странствиях и стал непревзойдённым целителем. Тем не менее, знаний о свойствах редких трав было недостаточно для приготовления эликсира. Более того, он понял, что его попросту невозможно создать. К тому времени объявились демоны, мир наводнила неудержимая тьма, и Тай Чэнсянь, заложив основы ведения боя, стал мастером в новом искусстве. Защищая себя от демонических полчищ, он внезапно обнаружил циркуляцию ци в своём теле, что стало для него решающим событием.

Тай Чэнсянь стал первым просветлённым, открывшим законы управления энергией. Для быстрого её накопления он избрал путь непорочности, который лежит в основе базовых техник нынешней школы Чуныцзе, расположенной на горе Лаошань. Когда ему удалось получить и силу природы, Чэнсянь обрёл истинное могущество.

Всё живое было обречено на страдания. Там, где демоны оставляли следы тёмной ци, погибали растения, и земля на этом проклятом месте вскоре становилась безжизненной. Каким бы ни был Тай Чэнсянь сильным, он не мог в одиночку спасти мир от гнёта демонических тварей. Однажды, глядя на свой окровавленный меч и тлеющие угли, оставшиеся от его родной деревни, он ощутил себя совершенно беспомощным. Всю свою жизнь не нуждавшийся в людях, в тот день Чэнсянь оказался раздавлен обрушившимся на

него одиночеством. Он неожиданно понял: мир — это не только природа, но также и люди вокруг. Вместе с осознанием этой простенькой истины, с пониманием того, что он не один живёт на земле, на его плечи опустилась ответственность за жизнь человечества. Тай Чэнсянь стал сильнейшим из людей, и в тот день, обернувшийся для него настоящим кошмаром, он решил жить исключительно ради других. Чэнсянь получил слишком многое. Настало время отдавать. А стоило ему отказаться от идеи собственного бессмертия, он вдруг обрёл его.

Взяв в ученики четверых доблестных юношей, обладавших высокими нравственными качествами, Тай Чэнсянь отправился с ними в новое странствие. Бессмертный хотел в кратчайшие сроки передать ученикам все свои знания, а поскольку в одном направлении развитие происходит гораздо быстрее, чем в нескольких сразу, он обучал каждого из них лишь одному искусству. Так, изо дня в день, под руководством учителя оказывая помощь нуждавшимся, Лунху Ли вскоре освоил боевые искусства, Мао Каймин научился использовать силы природы, Лао Чуньцзе преуспел в накоплении огромного количества ци благодаря пути непорочности, а Лофу Чунгао стал прекрасным целителем.

Через несколько лет молодые люди основали свои собственные школы, а Тай Чэнсянь, взяв ещё одну ученицу, уединился на вершине горы, что ныне зовётся Тайшань.

Шли годы, и просветлённых, вышедших из стен четырёх великих школ, становилось всё больше, однако зло уже глубоко пустило в человеческий мир свои корявые корни. Ни конца, ни края не было мгле, опустившейся на города и деревни, крики и стоны людей терялись в издевательском демоническом смехе, реки крови струились по улицам. Куда ни взгляни, всюду были разбросаны кости, и запах смерти давно пропитал собой воздух. Когда надежда на спасение пропала окончательно, Чэнсянь принял решение стать небожителем. Это был единственный способ обрести колоссальную мощь, способную поменять местами небо и землю. Он пожертвовал своей мечтой. Отказался от мира, чтобы спасти его.

— Тай Чэнсянь вознёсся и изгнал демонов в Мрачный чертог. Теперь же, когда они снова вырвались на свободу, нам остаётся ждать помощи новых богов, — закончил историю уличный сказитель.

В толпе, состоящей преимущественно из паломников, слышались одобрительные возгласы. Усевшись за столики группами, мужчины и женщины в пыльной, местами потёртой одежде щелкали тыквенные семечки и внимали словам почтенного старца. Несмотря на то, что он рассказывал эту легенду не в первый раз, она до сих пор не утратила своей привлекательности. Люди разных возрастов и сословий были готовы слушать её снова и снова, и в те моменты, когда выразительный голос сказителя заполнял внутренний дворик трактира, всех их объединяло трепетное благоговение перед Тай Чэнсянем, первым небожителем среди земных бессмертных и основоположником пути совершенствования. Рассказы о нём стирали с его имени пыль минувших столетий, и великий бог, продолжая жить в трепещущих от восторга сердцах, незримо одаривал их благодатью.

Стоявшая неподалёку девушка задумчиво опустила ресницы. Одета в чёрные мужские одежды, издавека она напоминала собой прекрасного юношу из благородной семьи, не достигшего ещё совершеннолетия, а потому обладавшего тонкими, не огрубевшими чертами лица. Изящные пальцы крепко сжимали обшитую шёлком продолговатую коробочку, на дне карих глаз плескалась усталость. Хотя внешний облик девушки выражал почти ледяное спокойствие, одного взгляда в её сторону было достаточно, чтобы понять её истинный характер. За маской безмятежности скрывался жаркий огонь, грозивший опалить любого,

кто проявил бы по отношению к ней непочтительность.

Её волновала не столько история Тай Чэнсяня, с которой она успела ознакомиться в различных трактатах, сколько личность его ученицы. Увы, за какую бы книгу она ни бралась, в каждой из них о Юйчжоу было написано всего несколько строк: «Погибла, защищая учителя. Явилась во снах к ученикам Тай Чэнсяня с просьбой возвести храм в его честь, а также создать новую школу. Главой пятой школы, где можно одновременно обучаться четырём великим искусствам, она назначила дальнего родственника Тай Чэнсяня. Юноша по фамилии Тай, обучавшийся на горе Маошань, смиренно принял судьбу и построил дворец Истины как символ ученической преданности». Цайхуа проходила мимо трактира, когда седой старец начал рассказывать легенду о Тай Чэнсяне. В надежде узнать что-то новое, девушка решила ненадолго здесь задержаться, однако ничего интересного о Юйчжоу так и не услышала.

Год пролетел незаметно. Лу Цайхуа бы решила, что прошло всего несколько дней с тех пор, как Шаньяо вернулся в Каймин, если бы не триста шестьдесят его писем. Кроме них в её однообразной жизни ничего нового не было и только по ним она могла судить о количестве прожитых дней.

Чтение писем для Цайхуа было равнозначно глотку свежего воздуха. Каждый вечер она цеплялась за лист желтоватой бумаги, точно за спасительную ивовую ветвь, способную вытащить её из водоворота удушающей серости. Не сказать чтобы письма Шаньяо были слишком уж интересными, но, по крайней мере, они могли унести Цайхуа в мир далёкой и неизвестной ей горы Маошань.

Представители всех школ просветлённых вместе с учениками должны были вот-вот прибыть на Тайшань. Грядущее испытание для желающих поступить в Ли, Чунгао, Чуньцзе и Каймин совпадало с ежегодным праздником Цисицзе, и поэтому этот столь ожидаемый день будоражил воображение молодых просветлённых с удвоенной силой. С какой стороны ни взгляни, для многих решится судьба: кто-то покинет стены Чэнсянь, а кто-то обретёт любовь, если, конечно, найдёт в себе смелость признаться избраннику в чувствах. В конце концов, большинство из них были рады, что можно будет расслабиться и ночь напролёт танцевать, пить вино и просто наслаждаться жизнью.

Школа Чэнсянь напоминала сегодня растревоженный улей. Ученики и наставники, напрочь забыв об обязанностях, всюду готовились к празднику. Даже самые спокойные и тихие места на горе, безлюдные в обычные дни, теперь пестрели одеждами разных цветов. Просветлённые стремились украсить все деревья подряд, пытались найти применение каждому пустому участку земли, чтобы в этом году Цисицзе стал ещё более незабываемым, чем в прошлом. Было очевидно: до позднего вечера суета не покинет стен школы. В подобной обстановке Лу Цайхуа не могла спокойно готовиться к испытанию, а так как участвовать в организации праздника ей не хотелось, девушка решила спуститься с горы. О том, что в городе Тай будет не менее шумно, она даже не думала.

Оживлённый гомон заполнил все улицы. Со счастливыми улыбками люди стекались в храмы, чтобы попросить небожителей даровать им семейное счастье, а затем устремлялись в различные лавки. Простолюдины и знать, паломники и нищие — все стремились приобрести что-то особенное для своих любимых людей. Сегодня сердца миллионов горели огнём светлых чувств, и город Тай преисполнился необыкновенной атмосферой любви и тепла.

Все в этот день были равны. Подобно беззаботным богам из Небесного царства, и

жители, и гости священного города забыли о прошлом и будущем, о старых проблемах и распрях друг с другом. Все мечтали о том, чтобы как можно скорее открыть свои души любимым.

Как же хорошо, подумала Лу Цайхуа, провожая взглядом двух раскрасневшихся девушек. Обе прижимали к груди обёрнутые лентами свёртки. *Если бы мир всегда наполняла любовь, в нём бы не было войн, разрушений и боли.*

Поддавшись этой чарующей предпраздничной атмосфере, Цайхуа утратила бдительность. В это мгновение кто-то вплотную подкрался к ней сзади, а затем чужие ладони осторожно коснулись глаз девушки, полностью закрывая обзор.

Ошарашенная Лу Цайхуа уже собиралась проучить наглеца, опробовав на нём все освоенные за год обучения навыки, однако вдруг замерла. Кончики пальцев слегка задрожали, когда она уловила исходящий от незнакомца аромат. Осенние листья.

— Шанъяо!

Без раздумий она кинулась на шею лучшего друга и сжала его в крепких объятиях. Одним богам было ведомо, как сильно Цайхуа скучала по нему. По его тёплой улыбке, что сияла сейчас на его красивом лице, по карамельным глазам, светящимся добром и уверенностью, и просто по его присутствию рядом. Рядом с ним ей тепло и спокойно. Какие бы отношения у них ни сложились в дальнейшем, Шанъяо навсегда останется её личным солнышком.

— Я тоже рад тебя видеть, — парень мягко потрепал её по макушке и отстранился, чтобы разглядеть подругу внимательнее.

Кроме того, что волосы её теперь достигали до талии, и сама она, как в их первую встречу, была одета в чёрные мужские одежды, в её образе не изменилось ничего. Разве что взгляд стал серьёзнее, словно она начала понимать непростые законы этого мира.

— Что ты здесь делаешь, да ещё в таком виде? Неужто решила кому-то в чувствах признаться? — заметив алую коробочку в её руках, он хитро улыбнулся.

— Не хочу привлекать внимание, вот и оделась так, — пожалала плечами девушка. — Мне не хотелось участвовать в подготовке к Цисицзе, поэтому я спустилась сюда и заодно решила купить лучшей подруге подарок, — она бережно провела пальцами по шёлковой ткани.

На самом деле просветлённая не собиралась тратить с трудом накопленные деньги, которые ей выдавали в школе за выполнение различных поручений, но желание хоть ненадолго растопить заледеневшее сердце Юньжи было сильнее. Выбор Лу Цайхуа пал на кисть: изящную, будто точёный девичий стан, и очаровывающую своей простотой. Она должна ей непременно понравиться.

— А ты откуда тут взялся? — наконец озвучила свой вопрос Цайхуа. — Разве ты не должен сейчас быть на Тайшань?

— Должен. Но я решил поискать что-нибудь в подарок одному человеку. Раз уж я тебя нашёл, не составишь мне компанию?

Щёки Шанъяо слегка покраснели. Точно луч заходящего солнца скользнул по нефритовой коже и тут же исчез. Юноша чуть слышно закашлялся, прикрывая лицо рукавом, и, взяв просветлённую за руку, повёл её в сторону одной из ювелирных лавок.

От внимания Цайхуа не укрылось смущение друга. Бурный восторг, недавно захвативший её целиком, начал стремительно гаснуть. Может ли так получиться, что Шанъяо любит кого-то? Нет, сейчас не стоит думать об этом.

Выгнать все мысли из головы оказалось на удивление просто, и всё же на душе остался странный осадок. Они действительно *давно не виделись*, но их встреча прошла столь сумбурно и скомкано, что просветлённая не успела как следует прочувствовать момент долгожданного воссоединения с другом. К тому же он сразу её потащил за подарком для «одного человека». Шанъяо вёл себя так, будто они с Цайхуа не расставались и вовсе. Неужели он совсем по ней не скучал?

— Ты чего хмуришься? — заметив в глазах подруги промелькнувшую тень, он чуть сильнее сжал её пальцы и не удержался от озорного смешка. — Ещё брови сдвинь посильнее, и тогда будешь вылитый Чэньсин.

— Бессовестный!

Упоминание о юноше в алых одеждах заставило её немедленно вспыхнуть. Цайхуа было стыдно за своё поведение по отношению к нему, да и ненависть в душе давно покрылась дымкой забвения, однако *какое-то чувство по-прежнему не давало покоя*. Была ли это обида или что-то другое, Лу Цайхуа не могла сказать точно, но сейчас, при мыслях о их скорой встрече с Чэньсином, это чувство всколыхнулось в груди с новой силой.

— Ладно-ладно, — Шанъяо поспешил сменить тему. — Готова к испытанию?

— Пожалуй. Надеюсь, ещё успею потренироваться вечером.

— Э, нет, — не обращая внимания на недовольство прохожих, он неожиданно остановился прямо посреди толпы. — Всё, что можно было сделать, ты сделала. Один вечер ничего не изменит. Пообещай, что хорошенько отдохнёшь сегодня.

И правда, ведёт себя, как ни в чём не бывало. Заботится, окутывая душу уютom, но не позволяет себе ничего, что бы вышло за рамки дозволенного. С трудом оторвавшись от его завораживающих карамельных глаз, она быстро кивнула и первая шагнула за порог маленькой лавки.

Внутри было душно. Свет, пробивавшийся сквозь маленькое резное окно, был неярким, но его было достаточно, чтобы заставить тысячи ювелирных изделий разных форм и размеров сверкать подобно небесным светилам. Казалось, здесь были сосредоточены драгоценности всего мира, и теперь, переливаясь в приглушённых лучах вечернего солнца, они поражали своей красотой и настойчиво манили к себе. Цайхуа была равнодушна к любого рода украшениям, но в этот раз она не могла не признать: все эти серьги, браслеты, диадемы и бусы достойны называться настоящими произведениями искусства.

После долгих и, вероятно, очень мучительных размышлений Шанъяо сделал свой выбор — Достоинo небожителя, — одобрила Лу Цайхуа лежащий на его ладони браслет.

На серебряной нити сияли хрустальные бусины с застывшими внутри лепестками магнолии. Украшение оказалось настолько прекрасным и утончённым, что девушка ощутила укол лёгкой ревности. Тот человек, кому предназначался подарок, наверняка будет счастлив.

На гору Тайшань ребята возвращались на мече Шанъяо. Оружие с золотой рукоятью, инкрустированной мелкими изумрудами и цитринами, было способно уместить на лезвии ещё двоих человек, но Цайхуа предпочла стоять к Шанъяо вплотную. Дело было не в том, что она не смогла бы сама удержать равновесие — за последние месяцы она довольно часто летала по поручениям с другими соучениками — просто сейчас она была не способна отказать себе в удовольствии вдоволь насладиться теплом лучшего друга.

Прижавшись щекой к его широкой спине, она думала, что хотела бы его полюбить. Шанъяо был искренним и очень хорошим. Рядом с ним Цайхуа чувствовала себя живой, и за год переписки она поняла, что вряд ли сумеет найти кого-то столь же доброго и

понимающего. Тем не менее, каким бы чудесным человеком он ни был, Лу Цайхуа не ощущала в животе тех пресловутых бабочек, о которых пишут во всех любовных романах. У неё было много времени, чтобы обдумать свои чувства к нему. Поначалу ей казалось, что это и правда любовь. И она всей душой хотела бы этого, вот только... Скорее Цайхуа относилась к Шанъяо, как к старшему брату.

Прошёл целый год, однако нового она о нём не узнала. Шанъяо почти ничего не писал о себе. Одну половину письма он посвящал Цайхуа, во второй же неизменно делился историями о своём дорогом наставнике Мао. Как ни странно, теперь она знала о Мао Шуае так много, словно общалась именно с ним, а не с другом.

Перед мысленным взором до сих пор стоял образ бессмертного просветлённого, прославившегося своей потрясающей выдержкой и безграничным спокойствием. Он просыпался прежде, чем светлел горизонт, в одиночестве пил чай, а затем до рассвета практиковался с мечом. Мао Шуай сливался с утренним ветром, клинок в его руках был подобен вспышкам ослепительных молний, и каждый листок покорялся его сокрушительной и одновременно притягательной силе. Его ценили и почитали все жители горы Маошань, у него не было недостатка в любви, но в глазах этого уважаемого мастера всегда таилась тоска.

Шанъяо был единственным во всей школе Каймин, кто заметил отпечаток уныния в сердце своего дорогого учителя. Но всё, что он мог сделать — наблюдать за практически неуловимой переменной настроений мужчины и пытаться хоть как-то скрасить его одиночество. В большинстве случаев Мао Шуай отказывался от компании юноши, но иногда он соглашался выпить с ним чаю. Бессмертный позволял ученику болтать всякий вздор, а сам подолгу смотрел на неподвижные звёзды. Мириады жемчужных осколков неизменно озаряли собой небеса, неизменна была и печаль в его непостижимой душе. В такие мгновения атмосфера вокруг него наполнялась странным теплом, невыразимо горьким и причиняющим боль. И всё же это было тепло. Как бы тяжело ему ни было, Мао Шуай не мог изменить природную мягкость собственной ауры.

— Не забыть мятежной юности, не избыть никогда душевных страданий, — повторял вечерами Шуай. Эти слова, впитавшие всю его боль, являлись заменой слезам.

Для всех он был мудрым бессмертным, чья сила могла сдвинуть горы и осушить океаны. Никто даже не думал, что он может быть слабым и уязвимым перед лицом неумолимой судьбы.

Цайхуа решила прислушаться к совету Шанъяо и набраться сил перед испытанием. К счастью, большинство учеников школы Чэнсянь, как и новоприбывшие просветлённые, уже готовились ко сну. На горе стало более-менее спокойно, а тихая заводь, которую успела полюбить Цайхуа, была и вовсе безлюдной. Купали в тёмной воде свои ветви деревья, ранние сумерки укрыли окрестности полупрозрачной завесой. Ароматом трав и цветов полнился остывающий воздух, в котором также угадывалась едва различимая предпраздничная нотка. Стоило сделать долгий и медленный вдох, как на языке ощущалась неуловимая сладость, безмятежная радость рождалась в груди, и где-то на задворках сознания шёпоту листьев вторил чей-то ласковый голос: «Ты справишься...»

Оставив на берегу стопку одежд, девушка зашла в воду. Сверху вниз глядя на дно, она ощущала себя вольной птицей, летящей над бескрайними земными просторами. Вода смывала с тела дневную усталость и напряжение. Освобождая от страхов усталую душу,

вместе с остатками мыслей над поверхностью заводи поднимался туман, и Лу Цайхуа, наконец, расслаблялась.

Почти каждый день, за исключением тех, когда она оправлялась от травм, Цайхуа усердно трудилась. И всё же, несмотря на старания, она не могла похвастаться блестящими результатами. Девушка могла быть уверена только в одном: она наконец-то научилась себя защищать, но во всём остальном не сдвинулась с места. Новые техники давались с трудом, изученные ранее приёмы требовали бесконечных повторений, а буйство эмоций продолжало временами разрывать её сердце. В отличие от Юцин, успевавшей помимо учёбы читать любовные романы, а иногда и тайком пробираться на кухню с целью приготовить что-нибудь вкусное, Цайхуа могла думать исключительно об испытании. От того, как она справится с ним, зависела её дальнейшая жизнь.

Цайхуа было по-настоящему страшно. Но, как и сказал ей Шаньяо, всё, что она могла сделать, она уже сделала. Оставалось дожидаться утра и скрепя сердце отправиться в бой. В конце концов она воин, а значит трудности не должны её испугать.

В воде, едва достигавшей её подбородка, Лу Цайхуа могла передвигаться без страха. За проведённый здесь год она научилась даже нырять, исследуя под собой каменистое дно. Ощущая под ногами опору, она выпускала воздух из лёгких и с головой уходила в таинственный мир, где звуки становятся чуть приглушёнными и ставший призрачным свет прорезает холодные сумерки тонкими нитями.

Плывать Цайхуа до сих пор не умела. В прочем, нужды в этом не было. Тихая заводь — спокойное и безопасное место. Просветлённой достаточно, что она может бродить на небольшой глубине, погружаясь в свои ощущения и наблюдая за мелкими рыбками.

Вынырнув у противоположного берега, Лу Цайхуа чуть не захлебнулась от неожиданности. У самой кромки воды сидел юноша в алых одеждах. С ног до головы перепачканный, он усердно высаживал в землю синие орхидеи. Свет фонаря отражался в серых глазах загадочным блеском, на красивом лице застыло подобие глупой улыбки. Он выглядел столь застенчивым и незащищённым, что Цайхуа на миг растерялась. Тот, кто напал на неё год назад на пути к обители бессмертных, и этот парень, сажающий цветы на берегу тихой заводи, казались ей людьми из разных миров.

Пока Чэньсин не заметил её, просветлённая торопливо нырнула обратно и, несмотря на то, что вода замедляла движения, постаралась отойти как можно дальше. Сердце бешено колотилось в груди, и Лу Цайхуа пришлось применить всю силу воли, чтобы заставить его успокоиться. Подобно осеннему ветру, поднявшему в небо ворох засушенных листьев, нежданная встреча разворошила старую память. Воспоминания о бое с Чэньсином не отпускали её до тех пор, пока не наступила глубокая ночь.

Наконец, решив, что Чэньсин успел бы раз десять, а то и все двадцать, вернуться в свой крошечный домик, Лу Цайхуа вышла из воды. Как назло, её одежды успели пропитаться росой, а воздух остыл. Продрогшая насквозь и проклиная Чэньсина за его внезапное здесь появление, она выдохнула облачко пара. Если бы не он, а точнее её нежелание пересекаться с ним, Цайхуа бы давно нежилась в своей тёплой постели. Теперь же она, злая и страшно замёрзшая, вынуждена брести домой в темноте.

Когда, не сдержавшись, она вслух обругала Чэньсина, что-то большое и бесформенное прилетело ей прямо в лицо. А спустя пару мгновений, потребовавшихся ей для осознания произошедшего, шокированная Лу Цайхуа разглядывала упавшее на неё одеяло. Взятшееся неизвестно откуда и невероятно мягкое, оно излучало тепло.

Примечание автора:

Цисице — китайский день влюблённых. Как День Святого Валентина, только со своими особенностями.

Чэньсин: *сравнил счёт* 1:1

Глава 20. Этот достопочтенный глава отвратителен!

Сконцентрироваться на дыхании, равно как и справиться с тревогой, плавно перерастающей в панику, не удавалось. Казалось, кончики пальцев прижигают калёным железом, а в кожу по всему периметру тела вонзаются тысячи игл. Чем сильнее Цайхуа пыталась подавить это чувство, тем явственнее ощущалась подступающая к горлу тошнота, и тем быстрее билось сердце. Здравый смысл ещё не покинул девушку, безостановочно увещевая её успокоиться, но, как она ни пыталась послушать его, всё было тщетно. Судорожно вздохнув, Цайхуа перевела взгляд на Юцин. Раз уж самой не получилось погрузиться в медитацию, то она хотя бы посмотрит, как это делает её подруга.

В последнее время цветочная фея стала намного спокойнее. Возможно, это было последствием духовных практик школы Каймин, которым девчонка каждый день обучалась, или, быть может, она просто стала взрослее. Так или иначе, Юцин, облачённая по случаю праздника в нарядное платье, сейчас сосредоточенно медитировала. Она была похожа на очаровательный цветок, выросший в тени высоких деревьев и непреклонно излучающий аромат безмятежности. Розовый шёлк одеяния выделялся ярким пятном на ковре сухих листьев, алые губы оттеняли бледность лица. Если дело действительно в техниках школы Каймин, Цайхуа бы не отказалась выучить их. Вдруг они помогут начать себя контролировать?

Испытание началось сравнительно недавно. Сначала отбирали желающих поступить в Чунгао: просветлённые должны были показать свои навыки в изготовлении редких лекарств. Далее делали выбор наставники из школы Чуныцзе, и только потом из Каймин и Ли. Поэтому у Лу Цайхуа и Юцин было время отправиться в лес и посвятить себя медитации не менее, чем до полудня.

Точно защитный барьер раскидистые кроны деревьев поглощали все звуки. Праздничное оживление, опустившееся сегодня на гору Тайшань, взволнованные крики и восторженный смех не доносились до слуха.

Лес словно был другим миром. Окутанный таинственной дымкой, утопающий в запахах хвои и сосновой смолы, он впитывал и растворял без остатка все суетные мысли. Зыбкий полумрак размывал границы реальности, в прохладном воздухе витал призрак давно ушедших времён. Идеальное место для медитаций. Тем не менее, все попытки Лу Цайхуа сосредоточиться не увенчались успехом.

Наконец, девушка рывком поднялась и приняла боевую стойку. Тот факт, что она до сих пор не может взять себя в руки, раздражал Цайхуа. Но больше всего её злило, конечно, пустое времяпровождение. Погружаться и дальше в пучину ненавистной ей паники Лу Цайхуа не хотела, а потому выход оставался один: усмирить бурю чувств уже проверенным способом.

В момент, когда кулак Цайхуа почти коснулся коры, её окликнул Шаньяо. Появившийся как всегда неожиданно, он перехватил запястье девушки и произнёс с мягким укором:

— Побереги силы.

Заглянув ей в глаза, юноша вдруг усмехнулся и извлёк из поясного мешочка молочно-белую склянку.

— Это травяные пилюли. Помогут успокоиться, — ответил Шаньяо на вопросительный взгляд Цайхуа. — Забирай, мне они всё равно не нужны.

Просветлённая смутилась. В груди разлилось давно знакомое тепло, тотчас отозвавшееся в сердце умиротворением. Зачем ей нужны какие-то пилюли, когда рядом с ней находится тот, кто способен её успокоить одним своим существованием? И всё же она не стала отказываться. Когда пальцы девушки крепко сажали пузырёк с лекарством, Шанъяо наконец-то отпустил её руку.

— Считай, что это мой тебе подарок на Цисицзе.

— ...

Если б не подбежавшая к ним цветочная фея, Лу Цайхуа наверняка бы умерла от переизбытка эмоций. Ей было сложно понять, что именно она почувствовала, но разбираться в этом желания не было. Во-первых, бессмысленно, а во-вторых, разве не собиралась она очистить свой разум от мыслей?

— Те самые пилюли? — восторженно прошептала Юцин.

В глазах, обрамлённых густыми ресницами, зажгётся огонь любопытства.

— Я много читала о них. В их состав входит одно из самых редких...

— О, привет, Цин-Цин, — перебил девчонку Шанъяо и одарил её самой обворожительной улыбкой, на которую был только способен.

Не ожидавшая такого обращения, Юцин залилась густой краской и бессознательно отступила назад. *Цин-Цин...* Так её не называла даже собственная мать. Между просветлёнными вмиг воцарилась мёртвая, почти удушающая тишина, нарушаемая лишь отчаянным стуком двух смущённых девичьих сердец. Улыбка Шанъяо же стала неестественно шире.

— Так! — первая пришла в себя Цайхуа. Отвесив другу крепкую оплеуху, она раздражённо нахмурилась. — Ты зачем сюда пришёл вообще?

— За что?! — возмутился Шанъяо. — Я ведь не тебя Хуа-Хуа назвал.

Получив очередной удар в бок, он вскинул руки в примирительном жесте и рассмеялся:

— Ладно-ладно, я вас не просто так искал. Скоро начнётся испытание для поступающих в мою школу. Поторопись, — кивнул он Юцин.

Цветочная фея уже собралась что-то ответить, как вдруг из-за деревьев вышли два просветлённых в алых одеждах. Один из них, высокий мужчина средних лет, торопливо шагал впереди. Волосы его были забраны в высокий пучок, и без того грубые черты лица исказила гримаса недовольства. Чёрные, как ночь, глаза просветлённого излучали столько неприкрытой надменности, что не оставалось сомнений: он мнит себя божеством.

Колючий взгляд мужчины зацепился за Лу Цайхуа ровно настолько, чтобы заставить её почувствовать себя выброшенной на берег рыбой. С подобной беспомощностью она столкнулась пару лет назад, когда этот человек, не постеснявшись использовать мощную технику, вышвырнул её за дверь своей школы.

Лунху Ифэй, великий мастер боевых искусств, ставший главой Ли будучи смертным, вызывал у неё отвращение. Несмотря на то, что он редко показывался на людях, слава о его жестокости гремела на весь мир. Поговаривали, будто он позволял своим сильнейшим ученикам убивать более слабых. Но если это и было правдой, никто не осмеливался вмешиваться в дела школы Ли. Так или иначе, ученики Лунху Ифэя были лучшими по части сражений с демоническими тварями.

— А он симпатичный, — прошептала Юцин.

— Что?! — опешила от такого заявления девушка. — Этот достопочтенный глава отвратителен!

— Да я не про него, а про того парня. Вроде ты с ним в прошлом году подралася неудачно.

Только сейчас Цайхуа заметила плетущегося сзади Чэньсина. Выражение его лица было мрачнее обычного, однако во взгляде плескалось беспокойство с ноткой лёгкой растерянности. Было похоже, что глава школы сказал ему нечто из ряда вон выходящее, и теперь все усилия его были направлены на усвоение новой информации.

Мысленно девушка согласилась с заявлением Юцин. Конечно, ей не хотелось принимать этот факт, но даже будучи хмурым Чэньсин не терял своего обаяния. А если вспомнить улыбку, с которой он в прошлом году сидел в своём крошечном домике, то хочешь не хочешь, всё же придётся признать его красоту. Высокий и стройный, с бледной, точно сияющей кожей и длинной, чуть растрёпанной чёлкой, не скрывающей выразительных глаз. Интересно, сколько девушек признаются ему сегодня в любви? Испугавшись собственных мыслей, просветлённая поспешно перевела взгляд на Шанъяо и улыбнулась. Натянута и как-то по-глупому.

Чэньсин не взглянул в сторону Лу Цайхуа. Проходя мимо, он задел её плечом и, как ни в чём не бывало, отправился дальше за Лунху Ифэем.

— Ты! — неожиданно взорвалась просветлённая.

Сдерживать взрывную смесь из эмоций больше не было сил. Как обычно, Чэньсину удалось довести её раздражение до высшей точки кипения. Гнев разлился внутри огненной лавой, рассудок слегка помутился, а стенки души вновь обожгло странное чувство, природа которого ей до сих пор была непонятна.

— Ну что, не передумала насчёт Ли? — поинтересовался Шанъяо, провожая взглядом просветлённых в алых одеждах. Оба, надо заметить, ни разу не обернулись.

— Нет, — пропыхтела Лу Цайхуа.

— А жаль. Я скучать буду.

— Не соскучишься. С тобой *она* будет! — девушка указала на цветочную фею и тут же получила от неё осязаемый шлепок по плечу.

Если задуматься, Цайхуа в самом деле не знала, почему ей так хочется попасть в школу боевых искусств. Неведомые силы тянули её туда ещё с детства. Она всегда восхищалась смелыми воинами, способными уничтожить несколько десятков демонов одним взмахом меча. Но сильнее всего ей хотелось *стать* таким воином: бесстрашным, могущественным и, прежде всего, неуязвимым. Он желала этого на бессознательном уровне. Ей не было дела до грозного главы школы Ли, да и до всех просветлённых горы Лунхушань в целом. Главной мечтой девушки было обучение техникам и боевым навыкам, которые она могла получить только там.

— Ладно, вы идите. Я чуть позже приду, — сообщила Лу Цайхуа после недолгих раздумий.

Благодаря недавней вспышке гнева, позволившей выпустить пар, ей удалось избавиться от навязчивой паники, однако нормальная циркуляция ци в организме неизбежно нарушилась. Стоило как можно скорее привести духовные каналы в порядок, чтобы избежать неприятных последствий в дальнейшем, а в особенности во время испытания.

Шанъяо понимающе кивнул. Не обращая внимания на протесты Юцин, красной, как лепестки цветущей хайтан, он подхватил её под локоть и потащил за собой к месту всеобщего сбора.

Оставшись одна, Цайхуа долго вертела в руках пузырёк. Белый фарфор вдруг напомнил

ей о демонической чашке, из-за которой её дважды чуть не убили. К сожалению, ей больше не выпадало возможности пробраться тайком в обитель бессмертных. Поэтому о назначении загадочного артефакта ей только предстояло узнать. Вздохнув, Цайхуа убрала склянку с пилюлями в маленький поясной мешочек, который для неё сшила Юцин.

Духовная энергия бурлила внутри подобно неукротимым горным потокам, и девушка поспешила усесться прямо на землю.

Скрестить ноги, приняв медитативную позу, сомкнуть веки так плотно, чтобы перед мысленным взором простиралась одна лишь крошечная мгла, прислушаться к биению сердца и замедлить дыхание. Вдох-выдох. Ощущения становятся яркими.словно под куполом чёрного неба взрываются огни фейерверков, чувства настигают внезапно, и вскоре всё тело заполняют их разноцветные искры. А после всё затмевает ослепительный свет. Ци похожа на белое пламя: его языки непокорны и излучают тепло. Пламя пульсирует, предаваясь безумному танцу, не подчиняется разуму. В попытке вырваться из духовных каналов наружу, оно приобретает различные формы, но вскоре его удаётся загнать обратно в нижний даньтянь и усмирить.

Цайхуа пришла в себя как раз вовремя, чтобы услышать раздавшийся за спиной сухой треск. Последним, что она увидела, когда обернулась на звук, был ствол летящего в её сторону дерева. Мгновение, и тьма вновь раскрыла для неё свои ледяные объятия.

Чужое воспоминание было тоскливым и мрачным. В том, что это не сон или дурное видение, Лу Цайхуа убедилась, когда взглянула на свои руки. Как и тогда, в воспоминании Юйчжоу, они были прозрачными и слабо мерцали по контуру призрачным светом. Пламени двух факелов, установленных слева и справа от массивной двери, не хватало, чтобы осветить полностью всё помещение. Но от одного взгляда на стены, каменные и местами покрытые мхом, становилось понятно, что она, Лу Цайхуа, очутилась в подземелье.

Прислонившись спиной к ледяному металлу двери, на полу сидел мальчик. Белоснежные одежды ребёнка, расшитые по краю хризантемами, свидетельствовали о его принадлежности к клану Лао. На бледном лице застыло выражение смиренной покорности, аура возвышенного одиночества окружала хрупкое тело. Подобно заиндевевшей скульптуре, он недвижно сидел на полу, пока за дверью, наконец, не послышался чей-то взволнованный голос:

— Наставник, вы же обладаете божественной силой. Почему бы вам просто их всех не убить?

Мальчик медленно поднялся с колен. Тонкие, чуть дрожащие пальцы смяли ткань рукава, однако лицо его по-прежнему оставалось непроницаемым, как у бумажной куклы.

— Лофу Чунгао верно сказал, — раздался ещё один голос, более резкий и грубый. — Если вы создадите для них другой мир, вам придётся уравновесить его.

— Наставник, если вы создадите два мира, в один из них вам нужно будет уйти. вы ведь теперь не человек, а божество. Неужели вы правда покинете нас? — третий голос звучал мягко и нерешительно, будто говоривший с каждой новой озвученной мыслью сомневался всё больше, стоит ли ему вообще это делать.

Когда, наконец, заговорил четвёртый мужчина, мальчик в белых одеждах испуганно ахнул, и сразу поспешил прикрыть рот ладонью.

— Мысли великого наставника Тай непостижимы для скудного людского ума. Если он так решил, значит на то есть причины.

Последняя фраза, тихая и непреклонная, подвела итог разговора. Словно неведомый автор обобщил одним предложением всё вышесказанное, и поставил в конце жирную точку. Недолгое молчание нарушил пятый мужчина, о личности которого Лу Цайхуа давно догадалась.

— Лао Чуньцзе, ты единственный, кто способен помочь мне, — устало вздохнул Тай Чэнсянь. — Из всего вами сказанного важно лишь то, что мне нужно создать два взаимоисключающих мира: Мрачный чертог и Небесное царство. Я бы даже сказал, не создать, а отделить от мира людей. Но для этого мне потребуются два артефакта. Чуньцзе, у тебя я попрошу невинную душу, обладающую огромным количеством ци. Насколько я знаю, твой сын идеально подходит под эти два требования.

— Мой сын? Но...

— Ты сам отказался от своей духовной энергии, когда решил обзавестись потомством, — перебил грубый голос. — Лао Ян впитал не только всю твою ци, но и ци твоей женщины. Не отрицай, сейчас он сильнейший из нас.

— Лунху Ли прав, — обратился Лофу Чунгао к Чуньцзе. — Ци этого ребёнка хватит на две жизни. К тому же ты его как монаха воспитываешь. Чем не невинная душа?

Прислонившись спиной к холодной двери, мальчик в белых одеждах медленно сползал по ней до тех пор, пока нижняя половина его исхудавшего тела не оказалась плотно прижатой к каменным плитам. С раскинутыми в стороны руками и ногами он ещё больше напоминал бумажную куклу: несчастную и всеми забытую. В широко распахнутых светлых глазах искрился тревожный огонь, а где-то в глубине бездонных зрачков, там, куда не проникали свет и тепло, разлилась пустота.

— Почту за честь помочь божественному наставнику Тай, — севшим, точно заржавевшим голосом ответил Лао Чуньцзе.

Исполненные почти физической болью слова дались ему с величайшим трудом.

— Это честь и для Ян-Яна.

Послышался шорох одежд, а затем всё снова стихло. С гулким эхом с потолка срывались капли воды. Застоявшийся воздух насквозь пропитался запахом плесени, фигура самого светлого ребёнка на свете отбрасывала удивительно чёрную, неровную тень. Затхлая сырость начала заполнять собой душу мальчика.

— Для второго артефакта нужна самая тёмная душа, какую вы только найдёте. Я позволяю вам использовать *любые* методы, — Тай Чэнсянь многозначительно подчеркнул предпоследнее слово. — У нас не так много времени. Ещё есть вопросы?

Мальчик заплакал. Лицо его сохранило прежнее равнодушное ко всему выражение, и только влажные дорожки от слёз свидетельствовали о его пронзительной боли.

Цайхуа резко открыла глаза. Для того, чтобы прийти в себя полностью, ей потребовалось немало времени. Чувствительность возвращалась к конечностям мучительно медленно, в голове, точно заполненной едким туманом, царил кавардак, взор затмевала полупроницаемая тьма, что постепенно оборачивалась золотистыми искрами. И только когда сознание прояснилось окончательно, Лу Цайхуа обнаружила себя придавленной деревом.

— Вот же...!

Как следует выругавшись, она с горем пополам вылезла из-под ствола старой сосны и побрела по тропинке. Тело оставалось размякшим и слабым, что вызывало у неё вполне

обоснованные опасения, да и всё произошедшее, включая падение дерева и чужое воспоминание, мягко говоря, озадачило девушку. Больше всего её, конечно же, волновала сосна. И тому была простая причина: просто так среди бела дня деревья не падают. Очевидно, кто-то захотел навредить ей. Но с какой целью? Если это была попытка убийства, то весьма неудачная. Злоумышленник должен был по крайней мере убедиться в том, что она осталась жива и довести до конца своё грязное дело. С другой стороны, он мог быть слишком занят, чтобы возиться с ней. А может просто боялся оставить следы.

«Кто-то хочет ослабить меня, чтобы я не прошла испытание?» Мысль показалась Лу Цайхуа вполне разумной, однако никаких доказательств она не имела. Оставалось и дальше строить теории, пока не возникнет возможность проверить их.

Так, слегка пошатываясь, она добралась до тренировочного поля. Плотное кольцо просветлённых обступило со всех сторон небольшое дощатое возвышение, предназначенное для поединков и обнесённое хлипкой оградой. По одну сторону от этой импровизированной арены стояли старшие просветлённые школы Ли во главе с Лунху Ифэем. Затмевая собой само солнце, он открыто лущился самодовольством.

Стоило Цайхуа влиться в толпу, как со всех сторон на неё обрушился оглушительный гомон. Взволнованные просветлённые что-то кричали и устраивали мелкие потасовки. Иногда слышались чьи-то надрывные всхлипы, в раскалённом от полуденной жары воздухе стоял запах крови.

— Вот ты где! — появившаяся как нельзя кстати Юцин крепко схватила подругу и потащила её к полю боя. — Я тебя обыскала уже!

Цайхуа с благодарностью улыбнулась, глядя на то, как цветочная фея уверенно расталкивает сгрудившихся зевак. На душе стало теплее. В конце концов, пока с ней остаются друзья, она может двигаться дальше.

— Я пропустила твоё испытание. Прости.

— Не страшно. Ты и так сто раз видела, как я возвращаю к жизни растения. Сегодня мне пришлось оживить мёртвое дерево. Ничего сверхъестественного.

Когда девушки добрались до ограды, площадку для боя огласил мощный голос Лунху Ифэя:

— Раз больше нет желающих испытать свою силу, я объявляю испытания...

— Стойте! — больше ни о чём не задумываясь, Цайхуа торопливо запрыгнула на возвышение и поклонилась. — Уважаемый наставник, я бы хотела пройти испытание.

Лунху Ифэй, не ожидавший её здесь увидеть, скривился, как от зубной боли. В чернильно-чёрных глазах вспыхнул недобрый огонь, однако Лу Цайхуа, полностью сконцентрировавшаяся на своих ощущениях, не заметила этого. Внутри всё скрутило от страха, сердце забилось с бешеной скоростью, отдаваясь в висках яростным стуком. Момент, которого она ждала целый год, наконец наступил!

— В таком случае, покажи, на что ты готова ради поступления в Ли. Справишься с моим учеником, и я приму тебя.

Если Лу Цайхуа и сохранила где-то в затаённых уголках души решимость, то когда на площадку вышел ученик Лунху Ифэя, от неё не осталось и капли. Нервно сглотнув, просветлённая наблюдала за тем, как огромный, крепко сложенный парень с усмешкой разминает запястья. И с этой ходячей горой мышц ей предстоит сражаться?! И дереву ясно, что он одним ударом отправит её в полёт до самых небес!

— За нанесённый вашему здоровью ущерб глава школы Ли ответственности не несёт.

Подпишите согласие, — прошебетала на ухо незнакомая девушка, протягивая окончательно опешившей Лу Цайхуа золотую тушечницу и документ.

Цайхуа едва подавила истерический смех. Отказ от ответственности, значит? Этот достопочтенный глава *действительно* отвратителен!

Цвета вокруг сделались неестественно яркими, как в лихорадочном сне. Окунув дрожащий палец в чернильницу, она неуверенно приложила его к листу бумаги и снова скользнула по сопернику взглядом. Тот, словно почувствовав страх Цайхуа, расплылся в гадкой улыбке. От его мускулистого тела исходила опасность, в тёмных глазах плясали злые огни. Когда палец парня потянулся к тушечнице, девушка начала задыхаться от паники. Не столь важно уже, что она не вернётся домой в этом году. Больше всего на свете она боялась теперь расстаться с собственной жизнью. И если дело завершится только переломом костей, она обязательно вознесёт молитвы всем известным богам!

— Наставник Ифэй, не считите за наглость, — ко всеобщему удивлению на площадку запрыгнул Чэньсин. — В отличие от вашего ученика, я ни разу не принимал участия в испытаниях. Позвольте мне сделать это сейчас.

Не дожидаясь ответа, юноша первым сунул палец в чернильницу и уверенно приложил его к бумаге рядом с отпечатком Лу Цайхуа. Толпа же, с нетерпением ожидавшая кровавого зрелища, взорвалась недовольными криками. Образ Чэньсина, не являвшегося горой чистых мышц, явно не вписывался в их представления о захватывающем бое, и многие начали расходиться. Однако те, кто знал, каким безжалостным он может быть в поединке, всё же остались.

— Да будет так, — скрипнул зубами Лунху Ифэй. — Объявляю бой на мечах!

Пытаться осознать происходящее Цайхуа уже не пыталась. Крепко сжав рукоять, она медленно вытащила из ножен клинок и неуверенно на него посмотрела. В отличие от духовного оружия Чэньсина, меча с узким чёрным клинком, её собственный меч не излучал светлой ци и до сих пор не подчинялся ей. При подобном раскладе Лу Цайхуа не победить.

— Сражайся, как умеешь, — будто прочитав её мысли, бросил Чэньсин. И просветлённая, сделав долгий и медленный вдох, заняла боевую позицию.

Это было похоже на танец. Стремительный, лёгкий и чувственный. Юноша в алом, двигаясь со скоростью молнии, почти не вкладывал ци в свои выпады. Девушка в чёрном уверенно отражала удары, не успевая перейти в нападение, но и не позволяя ранить себя. Сыпались во все стороны искры, солнце играло на лезвиях яркими бликами. Иногда, когда Чэньсин подходил к ней почти что вплотную, Лу Цайхуа кожей ощущала жар его тяжёлого дыхания. Когда он отдалялся, чтобы подготовиться к новой атаке, всё внутри трепетало от восторга и страха. Невольно любуясь высокой и изящной фигурой Чэньсина, она не могла не заметить спрятанных звёзд в его серых, стального оттенка глазах. Точно укрывшись завесой из туч, они продолжали сиять, привлекая своим загадочным светом.

Цайхуа бы хотела сражаться с ним вечно, но этому, увы, не суждено было сбыться. Совершенно внезапно, не выдержав боя с духовным оружием, её меч покрылся сеточкой трещин и разбился на тысячи мельчайших осколков. Сердце пропустило удар.

— Я...

Ещё не вполне понимая, что именно случилось прямо сейчас, Цайхуа взглянула на покрытые металлической пылью ладони и беспомощно пролепетала:

— Я проиграла, да?

— Бой не закончился, — отчеканил Чэньсин и отбросил в сторону меч.

Подняв руки перед лицом, он сделал несколько медленных выпадов. Девушка ответила на каждый из них и даже попыталась провести контратаку, но тело больше не слушалось. Движения стали неровными, колени начали мелко дрожать. Чэньсин быстро оценил её состояние и, нанося очередной весьма предсказуемый удар, попытался её подбодрить:

— Ну ты хотя бы научилась защищаться.

Лу Цайхуа вконец растерялась. Широко раскрыв глаза, она наблюдала за тем, как кулак юноши стремительно летит ей в лицо. Ещё два цуня, и её нос будет разбит. Пожалуй, в этот момент свершается карма: Чэньсин оплатит ей за тот внезапный прошлогодний удар, и душа его успокоится. Пусть будет так.

Заметив, что девушка встала, как вкопанная, и больше не предпринимает попыток заблокировать его удары, Чэньсин резко замер. Так и не достигнув цели, кулак опустился.

А затем произошло нечто странное. Вверх по позвоночнику пробежал холодок, время будто бы замерло. Повинуясь охватившей её ужасающей панике, Цайхуа раскрыла объятия и камнем упала на парня. Пригвоздив его к земле своим телом, она крепко зажмурилась, и в тот же миг над их головами со свистом пролетела стрела. Два юных сердца забились быстрее.

— Потрясающе! — Лунху Чжао передал лук главе школы Ли и восторженно зааплодировал. — Просто чудесно! Я забираю этого ученика!

Примечание автора:

«Цин-Цин», «Хуа-хуа», «Ян-Ян» — все эти обращения («удвоение» имени) свидетельствуют о близких отношениях между людьми. Речь может идти как о родственниках, так и о возлюбленных.

Хайтан — китайская яблоня, цветущая красными цветами.

逸飞 (Ифэй) — по отдельности иероглифы переводятся как «побег» и «летать».

Глава 21. Я всё ещё верю, что он однажды вернётся

Три бессмертные девушки в бледно-розовых платьях исполняют танец цветов. Алые губы изогнуты в смущённых улыбках, воздушная ткань движется в такт изящным движениям, в чарующей песне гуциня тонут их мимолётные взгляды. Казалось, вовсе не в музыке рождается этот изумительный танец. Каждый просветлённый сейчас был уверен: именно движения трёх девичьих тел создают вокруг себя и эту мелодию, и атмосферу чувственного волшебства.

Взмах рукавов, и тонкие руки синхронно поднимаются вверх. Свет бумажных фонариков ложится на кожу тёплыми бликами, в мягких сумерках чудится, что запястья этих трёх девушек выточены из самого дорого нефрита. Прежде, чем в груди зрителей разливается сладостный трепет, шёлк одежд вновь скрывает молочно-белую кожу. Густые ресницы танцовщиц стыдливо опущены, но все созерцавшие их изысканный танец не могли не заметить, что девушки ничуть не смущаются. Прекрасно осознавая свою красоту, они с наслаждением впитывали каждый восторженный взгляд.

Лишь одному Мао Шуаю не было дела до них. Заняв место как можно дальше от танцевальной площадки, он пытался найти среди нескольких десятков гостей серебряного мужчину в алых одеждах. По традиции, ученики и учителя праздновали Цисице отдельно друг от друга. Юношам и девушкам предоставлялась полная свобода действий, разумеется, в рамках приличий, а уважаемые наставники увеселялись в обители бессмертных. И хотя здесь собрались все знакомые Шуаю мужчины и женщины, нужного ему человека он так и не смог отыскать. Зато, похоже, его самого кто-то успешно нашёл. И этот кто-то очень настойчиво потянул его за рукав.

— Наставник.

Мао Шуай повернулся на зов. Ещё до того, как он услышал этот неуверенный, в противоположность действиям, голос, мужчина сразу понял, кто явился по его душу. Кому же ещё, кроме как своему приставучему ученику, он мог позволять подобные вольности?

— Ты забыл, где должен находиться?

Шанъяо смущённо потупился, но наставник Мао успел уловить в его взгляде тот самый огонь обожания, который ему мозолил глаза почти шестнадцать лет их знакомства. Не сказать чтобы мужчине был неприятен восторг Шанъяо, да и кто в юности не восхищался собственным наставником? Просто иногда, глядя в эти карамельные, полные искреннего восторга глаза, он терялся.

Много лет назад он спас жителей одной деревеньки. Местечко было захолустным настолько, что в конце концов в нём остались одни старики да калеки. Однако, несмотря на то, что вся молодёжь давно разбежалась в поисках обеспеченной или, по крайней мере, не голодной жизни, в поселении осталась молодая семья: мать с отцом да маленький сын. Так получилось, что стоило ребёнку увидеть Мао Шуая, и он больше ни на шаг не отходил от него. Прекрасный бессмертный, с тёплой, как лучи весеннего солнца, улыбкой навсегда покорила детское сердце.

— Мама, папа, я хочу стать таким же, как этот уважаемый дядя, — заявил малыш, дёргая за рукав «уважаемого дядю» и затем обращаясь уже к нему самому. — Ты ведь заберёшь меня к себе на гору, да?

Всего за полдня мальчик так привязался к бессмертному с горы Маошань, что рука его

ни на миг не отпускала полы его бирюзовых одежд. В искрящихся счастьем глазах читалась привязанность, и Мао Шуай, в конечном итоге решил, что это судьба. Благодаря своей непосредственности и очаровательному детскому упрямству Шаньёо стал учеником одного из самых уважаемых просветлённых.

Мао Шуай сделал медленный вдох. Ожидая, пока юноша обоснует причину своего пребывания здесь, он ощутил знакомую беспомощность, граничащую с чувством вины. Испытывать это просто не было сил, и мужчина недовольно пристукнул пальцами по столу.

— Этот ученик не желает принимать участие в сомнительном веселье, — тихо ответил Шаньёо. — Если наставник не возражает, я бы хотел тихонько посидеть рядом.

В любой другой ситуации Шуай бы позволил юноше остаться, но на эту ночь у него были другие планы. И Шаньёо, появившийся очень некстати, в них совершенно не вписывался.

Взглянув на раскрасневшееся, по всей видимости, от быстрого бега лицо ученика, Мао Шуай смягчился.

— Наставник не возражает, если ученик сначала принесёт ему книгу. «*Яды от трёх тысяч болезней*». Как найдёшь, возвращайся, и мы вместе насладимся праздничным чаем.

— Наставник, но разве есть такая книга? — заподозрил неладное Шаньёо.

Мао Шуай демонстративно нахмурился:

— Неужели подвергаешь сомнению слова наставника?

Разумеется, он выдумал это название, вот только Шаньёо совсем не обязательно об этом знать. Цель мужчины была довольно проста: под благовидным предлогом избавиться от юноши. А к моменту, как тот убедится в отсутствии книги с таким нелепым названием, Мао Шуай наверняка успеет встретиться с Лунху Чжао. И ученика не обидит, прогнав его подальше от себя, и наедине побеседует с другом. А если Шаньёо всё же вернётся под конец Цисицзе, то Мао Шуай совершенно не против выпить с ним чаю. Как говорится, а почему бы и нет?

— Этот ученик не смеет.

Со струн гуциня сорвалась особенно яркая нота. Птицей упорхнув в тёмное небо, она затерялась в мелодии звёзд. В тёплом свете фонариков улыбка Шаньёо казалась торжественной, и сам он будто излучал особую ауру. Мощную, яркую, с ноткой неуловимой тревоги, и одновременно полную счастья. Ветер всколыхнул волосы юноши, и Мао Шуай потянулся, чтобы убрать непослушную прядь с его лба.

Внезапно Шаньёо схватил наставника за руку и, вложив в его ладонь что-то прохладное, на одном дыхании выпалил:

— С праздником, учитель Шуай!

Мужчина озадаченно посмотрел на оказавшийся в его ладони браслет с застывшими в бусинах лепестками магнолии, а когда поднял взгляд, Шаньёо уже и след простыл. Улыбнувшись, Мао Шуай покачал головой и решительно поднялся из-за стола. Пора осуществить задуманное.

На поиски Чжао ушло не так много времени. Шуай быстро понял, что в обители бессмертных друга можно не ждать, и, руководствуясь смутным предчувствием, отправился в сторону бамбуковой рощи.

Сереброволосого бессмертного он обнаружил на берегу тихой заводи. Лежащий в окружении пронзительно синих, как ясная небесная гладь, орхидей, Лунху Чжао медленно осушал горшочек с вином. Этой ночью поляну заливал яркий свет фонарей, что позволяло

разглядеть лицо мужчины в мельчайших деталях. В его глазах, как обычно, отражались огни всей вселенной, но даже они были не в силах затмить ту глубокую боль, что плескалась сейчас в его взгляде.

Мао Шуай ещё долго не мог сдвинуться с места. С одной стороны, он был ошарашен, что Лунху Чжао, истинный поклонник чая и здорового образа жизни, самозабвенно пил алкоголь, а с другой... Целый год Шуай жаждал с ним встречи, детально продумывая каждую возможную беседу, однако все заготовленные фразы начисто стёрлись из памяти. Внутри осталась одна пустота и отчаянно бьющееся от волнения сердце.

— Уважаемый, что же ты стоишь? Я давно жду, когда ты решишься составить мне компанию.

Голос Чжао гармонично вплетался в доносящуюся издали музыку, но для Мао Шуая замолкли все звуки мира, померкли все краски. Он слышал его одного, видел лишь огонь его алых одежд.

Вздвогнув, Шуай неуверенно подошёл с сереброволосому мужчине. Ладони мелко задрожали, когда тот к нему повернулся и, окинув внимательным взглядом, похлопал по траве рядом с собой:

— Садись.

Шуай окончательно пришёл в замешательство, но всё же послушался. Осторожно примостившись рядом с Чжао, он постарался взять себя в руки и, наконец, решился спросить:

— Ты меня знаешь?

Лунху Чжао сделал ещё один приличный глоток. Повертев опустевший наполовину горшочек в руках, он, с совершенно неуместной широкой улыбкой, ответил:

— Нет, и что с того?

Сердце точно прижгли раскалённым железом. *Он знал.* Как и год назад, как и два, и теперь уже все двадцать четыре, он *прекрасно знал, что Лунху Чжао забыл его.* И тем не менее позволил себе эту глупую надежду. Каждый раз, когда они с ним встречаются, история повторяется вновь. Ничего не изменится, Чжао никогда не вспомнит его, и, пожалуй, давно пора принять этот факт.

В праздничную ночь Цисицзе Мао Шуай неожиданно понял: *больше нет смысла бороться.* Он в одиночку пытается выстроить давно разрушенный мост, и Чжао даже не знает о том, как это трудно. Захлёбываясь в собственной боли, Шуай каждый день бьётся с волнами отчаяния, не позволяет им затянуть себя на самое дно. Он хватается за жалкие обломки, что остались от совместного прошлого, и в попытке их склеить ранит себя ещё больше. Итог неизменен: измождённый борьбой Мао Шуай остаётся ни с чем.

— Славные цветочки, — отметил Лунху Чжао, не догадываясь о мыслях своего собеседника. — Мой неблагодарный ученик впервые подарил мне что-то, что по-настоящему трогает сердце. Странно, но эти цветы вызывают желание плакать. Есть в этом что-то особенное.

Он снова поднёс горшочек к губам и собирался было сделать глоток, как внезапно резкий голос Шуая заставил его замереть:

— Разве можно столько пить?

— А почему нет? — рассмеялся мужчина. — Чай ещё никому не повредил.

— Чай?...

Мао Шуай вдруг с запозданием обнаружил, что в воздухе, напоенном ароматом цветов,

нет даже намёка на запах вина.

— Ну да. Глупо считать, что в горшке из-под вина может быть только вино, не находишь? Весьма утомительно снова и снова заливать воду в чайник. Проще сразу налить, сколько нужно, и наслаждаться без перерывов.

Пустив по воде мелкую рябь, ветер подхватил печальную мелодию эрху и понёс её дальше к вершине горы. Там, спрятавшись за туманной завесой, продолжал свою одинокую песню гуцинь. И всё же, звукам не суждено было встретиться. Обитель бессмертных располагалась далеко от бамбуковой рощи, и всё, что оставалось старенькому двухструнному эрху — смириться с разделявшим их расстоянием. Ему не услышать песни гуциня и не понять его скрытых чувств.

Едва сдерживая подступившие к глазам жгучие слёзы, Мао Шуай изо всех сил впился зубами в язык. Чжао был единственным человеком, способным вывести его из равновесия. Сумев это сделать однажды, он снова и снова заставлял его испытывать спектр всевозможных эмоций. Но *сейчас* Мао Шуай просто обязан взять себя в руки. Не важно, как ему больно, не важно, что он всем естественным противится этому, *он должен забыть Лунху Чжао. Отпустить его навсегда.*

В момент, когда Мао Шуай принял решение, всё вокруг замерло. Прекратилось на миг дыхание звёзд, свет фонарей задрожал и померк, остановились воды ручья и застыли деревья. В оглушительной тишине поздней ночи сердце Шуая истошно кричало. Внутри всё разрывалось от боли.

Взяв за руку Чжао, он положил ему на ладонь холодный браслет. Подобно лепесткам магнолии, навечно запертым в бусинах, его разбитые чувства отныне схоронены в недостижимых глубинах души.

— Меня зовут Мао Шуай. С праздником Цисицзе.

Прими этот прощальный подарок, и быть может однажды ты меня вспомнишь, добавил он про себя.

Не один Мао Шуай испытывал боль в этот чудесный праздник влюблённых. Шанъяо, притаившийся в колючих зарослях и наблюдавший всё это время за действиями своего дорогого наставника, сверлил Лунху Чжао почти ненавидящим взглядом. Но больше всего он ненавидел себя. Карамельные глаза давно блестели от слёз, и, когда Мао Шуай отдал Чжао браслет, юноша беззвучно расплакался.

Лу Цайхуа мечтательно вздохнула. Буря эмоций, настигших её в конце испытания, уже улеглась, но внутри ещё оставалось сладкое послевкусие первой победы. Конечно, речь шла не о битве: вряд ли ей доведётся одержать верх над Чэньсином в ближайшие несколько лет. Однако, поступив в школу Ли, она *победила Лунху Ифэй*. И одна мысль о том, что её мечта наконец-то сбылась, заставляла её позабыть обо всём.

Очевидно, этот препротивный глава её недолюбливает. А с учётом того, сколько раз Ифэй гнал её прочь, можно даже сказать, что он ненавидит её. В какой-то степени Лу Цайхуа его понимала: раньше она действительно не заслуживала быть его ученицей. Если бы он принимал таких, как она, слабых и посредственных просветлённых, вряд ли бы его школа прославилась. Естественно, Лунху Ифэй попытался не дать ей сегодня пройти испытание. Но мог ли он знать, что Лу Цайхуа сумеет себя показать?

И всё же ей ещё расти и расти. Исход испытания получился таким благодаря Чэньсину и учителю Чжао. Первый помог ей избежать боя с тем внушительным парнем, который

несомненно переломал бы ей кости, второй же заставил её проявить интуицию, что охарактеризовало Цайхуа как способного воина. «*Не имеет значения, насколько ты хорошо атакуешь врага, если не можешь себя защитить*». Эту строчку из руководства по базовым техникам она поняла только в момент, когда её чуть не настигла стрела. Уметь себя защищать — значит чувствовать мир и во время любого сражения помнить: смерть может прийти откуда угодно. Цайхуа ощутила опасность, и, благополучно её избежав, доказала Лунху Ифэю, что достойна идти по пути школы Ли.

В самом деле трудно сказать, что именно было на уме Лунху Чжао, когда он стрелял в неё. Хотел ли он ей навредить или просто проверял её способности — возможно навсегда останется загадкой. Смущало Цайхуа также и то, что не успеет она прижать Чэньсина к земле, стрела наверняка бы попала в него. Думал ли учитель Чжао о том, что мог легко поранить своего ученика? Размышлять об этом всё не хотелось. Так или иначе, чудаковатый учитель и его ученик сыграли важную роль в её сегодняшней победе над самодовольством Лунху Ифэя. Пока что ей этого хватит.

Подставляя лицо тёплому свету фонариков, Лу Цайхуа улыбнулась. Впервые за всю свою жизнь она сумела проникнуться атмосферой Цисицзе, отпустить все тревоги и просто расслабиться. Этой ночью просветлённые танцевали и пели, этой ночью пела и душа Цайхуа.

Растворившись в праздничном гомоне, девушка скользила рассеянным взглядом по счастливым улыбкам. Разбившись на группы, ученики всех школ просветлённых организовывали и принимали участие в различных состязаниях: многие предпочитали демонстрировать навыки в танцах и игре на музыкальных инструментах, но не было недостатка и в тех, кто желал потягаться с другими в количестве съеденных лакомств и выпитого алкоголя.

Засмотревшись на группу парней, споривших, кто кого перепьёт, просветлённая не заметила, как к ней подбежала Юцин. Чрезвычайно взволнованная, с покрасневшим личиком и съехавшей на бок причёской цветочная фея стиснула её в крепких объятиях.

— Ты не поверишь! — пропищала она, обрушивая на Лу Цайхуа весь свой необъятный восторг. — Я феникс! Представляешь? Самый настоящий феникс!

— А? — не поняла Цайхуа.

— Одна девушка из Чуньцзе может определить, какая ты духовная сущность! То есть, какой духовной сущностью ты можешь стать, если...

— О, — перебила её Цайхуа.

Внезапная мысль заставила сердце забиться быстрее.

— Слушай, ты не знаешь, где Шаньяо?

Внутри натянулась тугая струна, по сосудам разлился страх предвкушения. Конечно, она уже давно решила, что тем огненным лисом из её видений был не Шаньяо, но подтвердить это она ничем не могла. И теперь, кажется, у неё появилась такая возможность.

Юцин недоумённо наморщила свой маленький носик:

— А Шаньяо тут причём? *Он* с наставником Мао Шуаем. А *ты* идёшь со мной.

Не успела девушка опомниться, как цветочная фея схватила её под руку и потянула за собой.

Следуя за подругой по усеянной лепестками дорожке, Цайхуа то и дело оглядывалась по сторонам. Всеобщее веселье окончательно вскружило ей голову, и она, забыв о Шаньяо, огненных лисах и бесплодных догадках, во всю улыбалась.

Свет бумажных фонариков окутывал фигуры людей загадочной аурой, проникал в

лёгкие вместе с ароматами сладостей и согрелвал изнутри. Где-то на задворках сознания родилась надежда на чудо. И это ожидание чего-то прекрасного, удивительного и заставляющего кровь закипать захватило её полностью.

Вдруг взгляд её зацепился за женщину, одиноко сидящую под раскидистой сливой. Белое платье расшито золотыми узорами, ветер играет прядями длинных волос, губы подобны лепесткам алой розы. Несравненно красивая, словно богиня, и ледяная, как вода из горных источников, Тай Циньюэ задумчиво водила ладонью по ножнам чужого меча.

Атмосфера вокруг главы школы излучала тоску, причём настолько гнетущую, что проходящие мимо ученики старались её обходить за несколько чжанов. Само её присутствие здесь вначале пугало ребят, но вскоре, осознав, что ей нет до них дела, все понемногу расслабились. Главное, не мельтешить у неё перед носом, а уж за остальное они ответственности не несут. Если наставнице Тай не по душе их веселье, пришли к согласию ученики, пусть она отправляется в обитель бессмертных. *А им сегодня можно всё.* Ну... почти всё.

— Эй, не знаешь, что за меч в руках главы школы? — поинтересовалась Лу Цайхуа.

— О-о, — многозначительно улыбнулась Юцин и, сбавив темп, продолжила шёпотом, — насчёт этого ходят интересные слухи. Говорят, Тай Циньюэ — возлюбленная Мао Синдоу, и он, невзирая на то, что она его сотни раз отвергала, решил доказать свою любовь к ней. Много лет назад он отдал ей свой меч, стал главой школы Каймин, а затем приказал ученикам отвезти себя в какую-то даль. Если ему удастся вернуться живым, ей наверняка придётся принять его чувства.

Цайхуа не нашла, что ответить. Тай Циньюэ давно осталась позади, но её образ не покидал сознания девушки. Одинокая женщина в белых одеждах с глыбой льда вместо сердца. От каждого слова её веет холодом, лицо скрыто непроницаемой маской, взгляд тёмных глаз заставляет чувствовать себя неуютно. Неужели кто-то способен её полюбить?

— Протяни руку, — чей-то голос оборвал поток мыслей Лу Цайхуа.

Недоумённо хлопнув ресницами, она наконец-то обратила внимание на стоящую перед ней девушку в воздушном белом платье. Несмотря на то, что внешне незнакомка была совершенно посредственной, она завораживала своим особым внутренним светом. В ауре её было что-то мистическое, проникновенный взгляд устремлялся в самую душу.

— Ну же, — подтолкнула подругу Юцин. — Не задерживай очередь.

Цайхуа тут же выполнила просьбу девушки в белом и сосредоточилась на своих ощущениях. На мгновение ей показалось, как нити чужой ци проникают в систему духовных каналов, опутывают органы дикой лозой, вызывая в них странное жжение. Цайхуа уже собиралась выдернуть руку из прохладной ладони ученицы школы Чуньцзе, как та изрекла:

— Огненная лисица. Ещё совсем маленькая.

От неожиданности Лу Цайхуа замерла. Детёныш огненной лисицы приходил к ней во сны, чтобы поделиться исцеляющей силой и разогнать беспросветную тьму. Цайхуа хотела бы знать, кто стоит за его появлением. Быть может, как и эта девушка из школы Чуньцзе, Цайхуа могла чувствовать форму души того человека. Однако она была далека от разгадки, а полученный от просветлённой в белом ответ лишь ещё больше запутал её.

— Прости, а тебе не встречался ещё один огненный лисёнок? — с надеждой спросила Лу Цайхуа.

— К сожалению, нет, — покачала головой ученица школы Чуньцзе.

подавив разочарованный вздох, Цайхуа сообщила подруге, что хочет ненадолго остаться

одна. И дело было вовсе не в том, что она слишком расстроилась. Просто на неё накатила усталость, от переизбытка разных эмоций цвета стали ярче, а границы предметов размылись, будто во сне. Для того, чтобы прийти в себя и продолжить веселье, ей нужно было срочно побыть в тишине.

Дорожка из известняка привела девушку к обрывистому берегу озера. Его зеркальные воды, напоенные зыбким сиянием небесных светил, напоминали синюю магму. Обжигающе холодную, с вкраплениями серебряных искр и невероятно манящую. Над поверхностью водоёма одинокими странниками блуждали огни светлячков, под тяжестью чужих желаний срывались с небес мелкие звёзды.

На одном из камней, свесив вниз ноги, примостился юноша в алых одеждах. Время от времени он делал глоток из сосуда с вином, а затем, тяжело вздыхая, продолжал изучать озёрную гладь. Парень сидел спиной к Цайхуа, однако, взглянув на его ровную спину и идеально прямые чёрные волосы, забранные в хвост на затылке, она быстро поняла, кто он такой.

Дыхание сбилось. Не подчиняясь воле Лу Цайхуа, поток ярких чувств опалил изнутри каждую клеточку тела, с головой погрузил в тот момент, который она уже успела забыть. Все ощущения, возникшие в сердце, когда она повалила Чэньсина на землю, запылали в ней с новой силой. Будто осадок поднялся со дна души Цайхуа, и теперь она снова проживала финальный фрагмент своего испытания. Едва уловимая бегущая по позвоночнику дрожь, свист летящей в спину стрелы, молниеносный прыжок и падение: достаточно долгое, чтобы заметить, как приятно Чэньсин пахнет цветами. Он словно был раскалённым углём. Стоило ему прикоснуться к Лу Цайхуа, и её сухая душа вспыхнула в мгновение ока.

Она вспомнила вдруг, как Чэньсин отбросил в сторону меч, когда её собственный развеялся по ветру металлической пылью. Он не был обязан так поступать, а с учётом того, что однажды она его ранила в рукопашном бою, нарушив все правила и обнажив оружие, Чэньсин вполне мог ей отомстить. Но он не только не стал этого делать, а, напротив, приложил все усилия, чтобы не дать Цайхуа проиграть. Она могла ненавидеть Чэньсина сколько угодно за его поведение в их первую встречу, но факты оставались фактами — ничего дурного по отношению к ней он больше не делал.

Повинуясь смутному порыву, Лу Цайхуа присела с ним рядом.

— Чего один тут сидишь?

Чэньсин повернулся. В холодном сиянии небесных светил его лицо казалось безжизненным. Взгляд пустой и потерянный, в уголке плотно сомкнутых губ застыла крошечная капля вина.

— Спасибо тебе, — неуверенно продолжила девушка. — Я тронута тем, что ты решил мне помочь.

Уставившись на свои дрожащие пальцы, она размышляла о том, как много недопонимания возникло между ними в самом начале знакомства. Цайхуа до сих пор считала его виноватым, однако она не могла не признать: она *тоже* ответственна за их неудавшиеся отношения.

— Прости, — неожиданно выдал Чэньсин. — Я не хотел сломать твой меч.

Лу Цайхуа ждала чего угодно, но, определённо, не извинений. Сбитая с толку она некоторое время разглядывала его аристократический нос, изящный и тонкий, как у статуи бога войны. Юноша успел сделать ещё пару глотков, прежде чем она заговорила вновь:

— Это был меч моего наставника. Возможно, он немного расстроится.

Сообразив, что сказала что-то не то, девушка прикусила язык. Между просветлёнными в то же мгновение повисла неловкость, грозившая стать осязаемой и обрушиться на голову бестактной Лу Цайхуа грудой камней.

— По крайней мере твой наставник жив, — мрачно усмехнулся Чэньсин.

Цайхуа в ответ недоумённо вскинула брови:

— А твой разве мёртв? Лунху Чжао ведь ...

Чэньсин стиснул зубы. Ветер растрепал его чёлку, спадавшую ровными прядями по бокам ото лба, на щеках выступил нежный румянец. Он был похож на котёнка, взъерошенного и недовольного, но не утратившего своего особого очарования.

— Моим наставником был и навсегда останется Лао Тяньшу. Учитель Чжао никогда не сможет его заменить. К слову, о твоём первом вопросе: разве я могу веселиться, когда мой мёртвый наставник не может себе такого позволить?

Быстрым движением он снял с запястья алую ленту, что не раз привлекала внимание Лу Цайхуа, и, чуть помедлив, протянул её девушке. На алой, точно пропитанной свежей кровью ткани чёрными нитями было вышито: «Превзойти себя самого».

— Эта лента принадлежит Лао Тяньшу. Ему, в свою очередь, она досталась от отца. «Превзойти себя самого» — нечто вроде девиза, который могли знать лишь они двое. Поэтому я так резко отреагировал, когда увидел у тебя на листе эту надпись. Я был уверен, что ты как-то связана с ними, и если б это было действительно так, то возможно я бы узнал, где мне искать своего наставника. Я всё ещё верю, что он однажды вернётся.

Глаза Цайхуа широко распахнулись. Сердце зашлось в бешеном ритме, горячая кровь прилила к голове. Не отпуская конец алой ленты и, тем самым, заставляя Чэньсина подняться следом за ней, она взволнованно вскочила на ноги.

— Что ты знаешь об отце Лао Тяньшу? — голос её задрожал.

В памяти всплыл образ Лао Чжуаньцзэ, упомянувшего однажды о том, как он скучает по сыну. Как его зовут и куда он пропал, Цайхуа могла только догадываться, но теперь в голове почти сложилась картина, способная перевернуть с ног на голову всё, чем она когда-то жила. Её собственный мир поменяется, обретёт незнакомую и в то же время цельную форму.

Почувствовав её состояние, Чэньсин взволнованно выпалил:

— То, что Тяньшу его ни разу не видел. До конца своих дней он искал его, но так и не нашёл.

Цайхуа прикрыла глаза.

— *Мой наставник*, — она сделала судорожный вдох, чтобы затем громко и торжественно крикнуть, — *отец Лао Тяньшу!*

От переизбытка эмоций, она шагнула вперёд и в тот же миг поскользнулась. Само время затаило дыхание, замедлило свой стремительный бег.

Чэньсин стоит у самого края обрыва. Лу Цайхуа, неловко взмахнув рукавами, летит на него.

Примечание автора:

Эрху (二胡) — старинный китайский струнный смычковый инструмент; своего рода двухструнная скрипка.

Гуцинь (古琴) — китайский 7-струнный щипковый музыкальный инструмент.

Напоминаю, что огненная лисица — это красная панда, которая также зовётся малой пандой или кошачьим медведем.

Глава 22. Будто апрельское солнце растопило остатки прочного льда

Цайхуа невольно затаила дыхание. Мир вокруг стал расплывчатым, зыбким, как поверхность зеркального озера. Сделаешь неосторожный выдох, и звёзды начнут колебаться, дрожать. Размажут по небу свой призрачный свет, а затем, не удержавшись на нём, сорвутся вниз в неизвестность.

Миг длиной в бесконечность. Тёплые руки Чэньсина сжимают её в крепких объятиях. Глаза непроизвольно замуриваются, когда она окончательно теряет под ногами опору. В ушах свистит ветер, и всё, что ей остаётся, — вдыхать запах цветов, уткнувшись лицом в шею юноши.

Они падают вниз, но у Лу Цайхуа нет сил думать об этом. Тело размякло, сердце отбивает в груди стремительный ритм, а в голове, подобно весеннему пуху, хаотично парят обрывки воспоминаний. *Девушка в белом и юноша в алом* падают в озеро, но в какой-то момент обоим начинает казаться, что они летят в никуда.

Она поскользнулась по собственной глупости. Год назад, когда она чуть не свалилась в тихую заводь, её спас Лунху Чжао. Теперь же её спасает его ученик. В чём заключается это спасение, она сказать не могла, — ведь они оба вот-вот окажутся в холодной воде — но по крайней мере он крепко её прижимает к себе, и это внушает доверие. На душе отчего-то теплеет. Будто апрельское солнце растопило остатки прочного льда.

— Не дыши.

Голос Чэньсина спокойный. Уверенно проникая в сознание, он окружает его защитным непроницаемым коконом, и девушка окончательно теряет связь с настоящим. Прямо сейчас существует тепло этого парня, и она, Лу Цайхуа, полностью в нём растворяется.

Ощущая, как Чэньсин чуть сильнее её прижимает к себе, Цайхуа в последний раз успевает вдохнуть.

Раздаётся оглушительный всплеск. *Юноша в алом и девушка в белом*, рухнув в зеркальное озеро, оставляют после себя высокий столб брызг. Хрустальные капли разлетаются в разные стороны, равнодушно блестят в свете звёзд и луны.

Над головой смыкаются тяжёлые воды, и Цайхуа, наконец, понимает, *в чём именно заключается это спасение*. Она ведь совершенно не умеет плавать!

Обжигающий холод проникает под кожу вместе со страхом. Она открывает глаза лишь затем, чтобы, увидев перед собой беспроглядную тьму, снова закрыть их. Биение чужого сердца — единственный ориентир в этой пугающей бездне, и Лу Цайхуа сама обнимает Чэньсина. Так крепко, как только возможно, и так же отчаянно, как утопающий, схватившийся за протянутую ему руку помощи.

Кажется, подобное когда-то случилось. Стоит об этом задуматься, и в памяти тотчас вспыхивают события прошлого. Как наяву Лу Цайхуа наблюдает усмешку женщины в чёрном плаще. Демоническая техника не позволяет ей шевельнуться, отвратительно вязкая ци струится по духовным каналам, а затем наступает та самая тьма, которую Цайхуа боится больше всего. Эта тьма напоминает ей одиночество, что ещё долго преследовало её после смерти родителей. Но в тот день, на обходе, ей не было страшно. Ведь перед тем, как провалиться в холодную бездну безвременья, она успела почувствовать *поймавшие её теплые руки*.

Она снова в долгу у Чэньсина. Цайхуа не хочет быть слабой или, по крайней мере, *не желает* таковой *казаться*. Тем не менее парень, которого она привыкла ругать по каждому поводу, снова ей помогает. Это задевает Лу Цайхуа, но, вопреки желанию от него отстраниться, её продрогшее тело прижимается к нему с новой силой. На сотни ли вокруг простирается мрак, Чэньсин же — её последний лучик надежды.

— Может, уже отпустишь меня?

Приглушённый голос Чэньсина вернул её в реальность. Девушка незамедлительно распахнула глаза, и сразу пожалела об этом: надо было прикинуться мёртвой! Может тогда бы удалось избежать того позорного положения, в котором она очутилась. Дрожащая не то холода, не то от подступившей паники Цайхуа лихорадочно пыталась придумать, каким образом ей лучше *слезть* с Чэньсина. Желательно так, чтобы не растерять остатки достоинства. И как она вообще умудрилась повиснуть на нём?

Чэньсин, неизвестно когда успевший вылезти из озера, уже давно не обнимал Цайхуа, однако её собственные руки и ноги продолжали обхватывать его горячее тело. Несмотря на то, что вода была ледяная, кожа юноши не только не охладилась: она излучала настоящий жар! Неужели алкоголь и впрямь согревает?

В конце концов, ничего не придумав, девушка просто разомкнула конечности и медленно сползла вниз на песок. Стыд.

— Спасибо...

Чэньсин не ответил, продолжая молча стоять перед ней. В это мгновение Лу Цайхуа была готова поклясться, что внутри неё разгорелся настоящий костёр. Кровь прилила к голове, окрасив щёки в рубиново-алый, мысли сбились в невообразимый клубок. «*Но я же не пила ничего алкогольного*», — мелькнула запоздалая мысль, и тут же растаяла в лаве эмоций. Связь с настоящим начала истончаться, тело, охваченное внутренним пламенем, раскалялось сильнее. *Подобное* смущение она испытывала первый раз в жизни.

Девушка тихо сидела, уставившись на ноги парня, пока её, наконец, не посетила идея. Цайхуа уже не думала, что делает. Глупо улыбнувшись, она развязала поясной мешочек и вытащила из него белую склянку. Кто бы мог подумать, что ей так скоро пригодятся подаренные другом пилюли. Как там Шаньяо сказал, *помогут успокоиться*? Определённо это именно то, что ей нужно!

Опустошив одним махом пол пузырька, — чем больше, тем лучше, верно? — она убрала его обратно в мешочек и прислушалась к своим ощущениям. Словно прохладный бальзам пролился на разум. Прошло всего пару мгновений, и чувства безвозвратно угасли. На душе стало спокойно, как если бы в ней наступил зимний день. Тихий, морозный и ясный.

Пилюли оказались чудесными, за что она скажет Шаньяо большое спасибо. Но позже. Сейчас же ей стоит поблагодарить за спасение стоящего рядом с ней молодого человека в алых и чрезвычайно мокрых одеждах.

С той безразличной улыбкой, с какой едва знакомые люди друг друга приветствуют, просветлённая встала и в упор посмотрела на парня: слегка покрасневшего, с прилипшими к лицу волосами и старательно отводящего взгляд. В любой другой ситуации Цайхуа бы смутилась, или, возможно, даже рассердилась, но теперь ничто не могло нарушить воцарившееся внутри неё стойкое, непоколебимое умиротворение.

— Идём ко мне, буду возвращать тебе долг.

Фраза сорвалась с губ так же естественно, как птицы взмывают поутру в небо. Цайхуа не вложила в неё особого смысла, и поэтому ей было донельзя странно наблюдать за сменой

оттенков на лице просветленного. От мертвенно бледного к синему, а затем почти к пурпурному. Интересно, чего он себе навывдумывал?

Не успел Чэньсин развернуться и уйти куда подальше от этой странной девчонки, как она крепко схватила его за руку и с той же безмятежной улыбкой произнесла:

— Уверена, у тебя нет запасной одежды. Я дам тебе свою, и мы будем в расчёте.

Опешившему Чэньсину оставалось лишь пойти за девушкой. К сожалению, он не имел под рукой волшебных пилюль, способных привести его в чувство, а потому в сознании его воцарился ещё больший бардак, чем у Лу Цайхуа немногим ранее. Мало того, что Чэньсин не мог понять себя самого, так ему ещё нужно осмыслить намерения просветлённой, с которой он смог пообщаться нормально только сегодня. О, небожители, что вообще происходит?!

— Ты, главное, не переживай, — участливо похлопала его по плечу Цайхуа. — Моя одежда мужская. Тебе подойдёт.

К счастью, девушка выбрала самую короткую дорогу к своей бамбуковой хижине. Поднявшись по тропе через лесную чащу, они остались незамеченными. В прочем, если бы кто-то их и увидел, мокрыми с головы до ног и держащимися за руки, вряд ли бы это вызвало удивление. В ночь Цисицзе и не такое бывало.

Когда они добрались до нужного домика, небесное полотно расцвело яркими всполохами. Разноцветные искры с весёлым потрескиванием осыпались на землю дождём, воздух, пропитанный запахом сладостей, тотчас заполнился клубами дыма и восторженным визгом девчонок. Праздничный фейерверк был потрясающим, и, хотя разум Лу Цайхуа был не подвластен эмоциям, она не могла не отметить:

— Красиво.

— А? — не расслышал Чэньсин.

Было действительно шумно. Грохотало так, словно в Небесном царстве разразилась война. Точно чей-то обратившийся в руины дворец ронял по одной колонны, ступени и крыши. Цайхуа не собиралась повторять уже сказанное, однако вразумительных доводов, почему этого делать не стоит, она не нашла. Вдохнув, просветлённая приподнялась на носочки и, случайно коснувшись губами уха Чэньсина, совершенно спокойно сказала:

— Кра-си-во.

Чэньсин отреагировал странно: резко дёрнулся в сторону и покраснел. Это слегка озадачило Лу Цайхуа, но вместо того, чтобы размышлять над причинами его поведения, она затолкала юношу в хижину и громко захлопнула дверь за собой.

Очень скоро Чэньсин, вконец растерявшийся, сидел на одной из кроватей со стопкой чёрных одежд на руках. Не будь в его крови алкоголя, он наверняка бы смутился или, быть может, разозлился на себя и всю ситуацию, глупую настолько, что хотелось смеяться и плакать одновременно. Но теперь все вспышки эмоций неизбежно сходили на нет, а происходящее постепенно начинало казаться нормальным. Он ведь и правда не раз спасал эту девушку, тогда почему бы в качестве оплаты труда не забрать у неё немного одежды? Тем более она сама предложила.

— Переодевайся давай, — ровным тоном приказала Лу Цайхуа. — В мокром я тебя отсюда не выпущу. Заболеешь ещё, а потом я виновата буду.

Просветлённая зажгла восковую свечу. Крохотное пламя озарило пространство вокруг мягким светом, таким же красновато-оранжевым, как поздний летний закат. Загустевшая тьма отступила, и на смену ей пришёл полумрак. Приятный глазу, с лёгким запахом мистики и согревающий душу.

Хотя большую часть комнаты укрыла размытая тень, света было достаточно, чтобы Лу Цайхуа смогла лучше разглядеть лицо Чэньсина. Прямая линия губ, плотно сжатых и тонких, выдаёт его сдержанность, брови, подобные изящным росчеркам туши, недоверчиво хмурятся. Кожа бледная, словно у божества: холодного и отрешённого от этого мира. И Цайхуа была готова поверить в холодность этого парня, в его безразличие к людям и жизни, если бы не огонь в этих серых глазах. Стоит в них заглянуть, и сердце вмиг охватит настоящий пожар. Во взгляде Чэньсина полыхает уверенность, но за стеной её безудержной мощи скрывается едва различимый оттенок отчаяния.

— Красивый, — вынесла вердикт Цайхуа.

И на всякий случай добавила:

— Красивый, как фейерверк.

Просветлённый вполне ожидал, что эта девчонка выдаст *что-нибудь эдакое*. Чэньсин не мог об этом судить однозначно, но её активные действия, которые в прошлом он успел ощутить на себе, вызывали подобные мысли.

Нет, он вовсе не считал Цайхуа ненормальной. Изначально, конечно, юноша думал, что у этой вспыльчивой девушки проблемы с головой. И если её удар кулаком на вступительном испытании он мог списать на своё неумение нормально общаться с людьми, то попытка нападения с мечом в рукопашном бою заставила его пожалеть, что он вообще с ней связался. Тогда ему было очень обидно, и он еле сдержался, чтобы не преподать ей урок. И только в столовой, когда Цайхуа нарочно забрала последнюю маньтоу, он неожиданно понял: она просто ребёнок. Резкий и грубый, но яркий, как огонёк, и живой. Чэньсин понял её, потому что и сам был таким: раненым мальчиком, недополучившим в детстве любви.

В Цайхуа он увидел своё отражение. Это его раздражало, но в большей степени всё же притягивало. И было в ней что-то ещё, *что-то*, что зацепило его с момента первой их встречи, и с тех пор не отпускало.

Чэньсин не мог предсказать поведение Лу Цайхуа. Он лишь предполагал, что она найдёт повод подражаться с ним или, в конце концов, разведёт костёр на полу, чтобы согреться, и спалит всю хижину, но подобных слов он совершенно не ждал. А посему переспросил:

— Что?

— Ты красивый, — кратко пояснила Лу Цайхуа, решив, что он не понял, о чём идёт речь.

Ещё какое-то время она внимательно наблюдала, как просветлённый краснеет. Чэньсин, обычно высокомерный и мрачный, вдруг показался совершенно простым. И это девушке очень понравилось. Она не вполне понимала, зачем вообще с ним разговаривает, но спокойствие в её душе было столь велико, что почти не имело значения: говорить или молчать, и если говорить, то чём.

— Ну? Ты будешь раздеваться или как? — поторопила его Цайхуа.

Неожиданно просветлённая осознала, что ей становится холодно. Поначалу девушка не обращала внимания на дискомфорт, который ей приносили намокшие одежды. Однако, постояв без движения всего ничего, Цайхуа быстро почувствовала, как холод медленно проникает вглубь тела. Следовало как можно скорее выпроводить Чэньсина из дома и наконец-то заняться собой.

На сей раз Чэньсин быстро нашёлся с ответом:

— Может сначала отвернёшься?

— Все парни такие стеснительные? — поинтересовалась девушка, припоминая похожий диалог с лучшим другом.

Тогда просьба Шанъяо, с учётом того, что она уже видела его голым по пояс, слегка удивила её. Но теперь всё встало на свои места. Кажется, парни ничем не отличаются в этом смысле от девушек: столь же застенчивые существа, стремящиеся несмотря ни на что отстоять свою честь.

— А ты *многих* мальчиков заставляла раздеться?

Голос Чэньсина слегка изменился, будто бы стал холоднее, однако Лу Цайхуа не придавала этому никакого значения. Отвернувшись, просветлённая потёрла ладони в тщетной попытке согреть их и переключила внимание на пламя свечи.

Огонь горел ровно, не колыхаясь и вселяя уверенность в будущем. Насколько доставало сил, тёплый свет разгонял окружающий мрак, преследовал тьму, чтобы пылать до тех пор, пока не окончится время его ничтожно маленькой жизни.

Однажды свеча догорит. Погаснет огонь, оставит после себя струйку сизого дыма, что быстро развеется по ветру. Но *сейчас* пламя живёт. Продолжает сражаться со мглой, указывать путь всем нуждающимся и согревать их теплом.

— Слушай, — снова подал голос Чэньсин. — Ты ведь сказала, что твой наставник — отец Лао Тяньшу. Для меня это важно. Мой наставник всю жизнь искал отца, и когда он наконец-то нашёлся, я просто обязан увидеться с ним. Я хочу всё узнать, хочу выполнить свой ученический долг. Поэтому... Ты можешь отвести меня к нему?

— Без проблем. Он живёт в поселении у горы Лунхушань, нам как раз по дороге.

Чэньсин замер. Сердце болезненно сжалось и забилось быстрее, дыхание на миг прервалось. Одна мысль, что нужный ему человек, столь далёкий и загадочный, все эти годы был совсем рядом, обдала сознание крутым кипятком. Судьба не смеялась над ним очень давно. Так давно, что он успел позабыть, каково это чувствовать себя настолько раздавленным.

Неосознанно Цайхуа обернулась. Взору предстала крепкая мужская спина, ничем не прикрытая, с прилипшими к ней прядями мокрых волос. Резкие тени очерчивали каждую мышцу, влажно блестящую в свете свечи, широкие плечи плавно вздымались и опускались подобно могучим прибрежным волнам. Это тело, излучавшее столь притягательную природную силу, вполне могло считаться прекрасным, если бы не одно но:

— Откуда у тебя синяки?

Вся спина юноши была усеяна багровыми отметинами, неестественно выделявшимися на его бледной коже. Казалось, будто посреди снежного поля вдруг расцвели дикие маки. Нежданные и приносящие боль.

Чэньсин быстро накинул верхние одежды Лу Цайхуа, оказавшиеся ему слишком тесными, и, так и не сумев плотно запахнуть полы рубахи, сухо ответил:

— Лунху Ифэй запретил мне сражаться с участниками испытания. Ради тебя я нарушил запрет, за что и получил от него пару палок.

Сунув в руки Лу Цайхуа свои мокрые одеяния, он с мрачной улыбкой добавил:

— Ты всё ещё должна мне. Поэтому, будь добра, высуши это и принеси рано утром.

Сказал, как отрезал. И, небрежно хлопнув дверью, вышел из хижины.

Ученики были слишком очарованы фейерверком, чтобы обратить внимание на неизвестно откуда взявшегося в их рядах небритого мужчину в поношенной, местами

прожжённой одежде. Тем не менее все, кто всё же заметил его и узнал, спешили поднять руки в приветственном жесте и глубоко ему поклониться. Мужчина легко кивал головой и, не отрывая взгляда от женской фигуры, сидящей вдали под раскидистым деревом, продолжал пробираться через толпу. Искры тревоги мерцали в зелёных, цвета бамбуковых листьев глазах. И эта тревога усилилась, когда женщина в белом, заметив его, бросила на землю его единственный меч.

Оружие бесшумно упало в траву, сама Тай Циньюэ, что есть сил, побежала. От далёкого прошлого, от мужчины, которого она уже не ждала, и прежде всего от себя. Маска, защищавшая её от внешнего мира, вдруг покрылась сеточкой трещин, и сердце заполнил всепоглощающий страх.

— Циньюэ!

Как быстро бы она ни бежала, он постоянно её догонял. Как бы хорошо Тай Циньюэ ни пряталась, Мао Синдоу всегда её находил. И, стоило ей о нём позабыть, как он снова напоминал о себе, втаптывал в грязь её самолюбие. Рядом с ним она становилась той самой маленькой девочкой, брошенной всеми и не умевшей скрывать свои чувства. А ещё она всей душой ненавидела Мао Синдоу за то, что спустя *столько лет* он не понял, чего она *действительно хочет*.

— Циньюэ! — мужчина схватил её за руку.

Закутанный в поношенный плащ из холстины, с волнистыми волосами, свободно струящимися по широкой спине, с выражением невыносимых страданий на лице, всё ещё мужественном, но болезненно бледном, рядом с ней он был похож на крестьянина, отчаянно молившего богиню о помощи. И она, эта богиня, холодная и неприступная, точно ледяная скала, не удостоила его даже взглядом.

— Я люблю тебя.

Три тихих слова растворились в шёпоте листьев, обжигаяще горячей волной пронеслись по кронам деревьев и, достигнув самой вершины Тайшань, ударили молнией прямо в сердце Циньюэ.

— Я сделал всё возможное, чтобы стать достойным тебя. Я стал бессмертным и главой школы Каймин. Я один, без меча и духовной энергии, прошёл тысячи ли до Тайшань, — взволнованно продолжил Синдоу. — Неужели после всего, что я сделал, я всё ещё не достоин тебя? *Кто* тогда тебе нужен? Если я и правда тебе безразличен, почему ты хранила мой меч? Циньюэ, если я недостаточно хорош для тебя, я готов на сто лет уйти в медитацию, чтобы стать небожителем. Тогда ты...

— *Хватит!* — женщина не заметила, как её голос сорвался на крик. — Замолчи, пока я тебя не ударила!

Ей совершенно не было дела, насколько Синдоу силён, является ли главой школы Каймин или простым просветлённым. Однако он ещё с юности вдолбил себе в голову, что должен стать достойным бессмертным, бесстрашным главой школы Каймин, способным всех превзойти. Всякий раз, когда сердце Циньюэ было готово открыться, он исчезал из её жизни на долгие годы. Обещал любить вечно, а после бросал, оставляя одну в полной растерянности. Всё, что ей оставалось: думать, что он выбрал себя и своё совершенствование.

Тай Циньюэ надела самую холодную маску из всех, что ей были доступны и, повернувшись к нему, прошептала:

— *Ты правда не понял?*

Ночной ветер неожиданно обернулся шквалом эмоций, праздник влюблённых превратился в настоящий кошмар. Чем дальше она продолжала смотреть в эти глаза, полные любовной тоски, чем крепче сжимал он её дрожащую руку, тем больший гнев заполнял её изнутри. Она не представляла, что творится в голове у Мао Синдоу, и если б это напрямую её не касалось, ей было бы всё равно.

Выдержка, которой гордилась Циньюэ, маска безразличия, приросшая с годами к лицу, ледяная стена, защищавшая от боли этого мира — всё рядом с Синдоу осыпалось горсткой тёплого пепла, сгорало в пламени его всепоглощающих чувств.

Рядом с ним она становилась собой. Ощущать себя слабой было противно, и если б он это заметил, если бы только увидел, как страшно ей снимать маску, обнажать перед ним свою душу, всё бы сложилось иначе. Но он всегда уходил. Сдирал с неё заживо кожу и, забыв обо всех обещаниях, исчезал, как последние лучики солнца перед наступлением ночи.

— *Ты правда не понял, что меня не волнует, кто ты?*

Возводить новую защитную стену намного сложнее, когда сердце ещё не оправилось от кровоточащих ранений. И всё же ей удавалось относительно быстро нацепить очередную безликую маску, стать холоднее, чем прежде, давить на корню все эмоции. Бессмертная поклялась, что больше никогда не позволит ему так с собой поступить. Ни за что не откроется, не повторит той ошибки, когда она, беззащитная, в момент собственной слабости получила жестокий удар.

Мао Синдоу и правда не понял, *насколько ей больно*. И боль, что копилась годами, прямо сейчас обернулась потоком пылающей лавы. Ещё пару мгновений, и от защиты Циньюэ ничего не останется.

— Решил доказать свои чувства и *поэтому бросил* меня?! — из глаз неожиданно брызнули слёзы. — Ты...

Мужчина ошарашенно смотрел на ту женщину, которую долгие годы безуспешно пытался понять. Непостижимая богиня, всегда его отвергавшая, предстала перед ним в совершенно иной ипостаси. Дрожащая и плачущая, словно ребёнок, она наконец-то раскрыла перед ним своё настоящее «Я», позволила ему ощутить всю свою боль.

Просветлённая хотела сказать что-то ещё, однако Мао Синдоу просто не дал ей этого сделать. Притянув Циньюэ к себе, он накрыл её губы своими. В этот поцелуй, нежный и чувственный, столь желанный и горький, он вложил обещание: *«Я больше никогда тебя не оставлю»*.

Яркой луне суждено навсегда оставаться в окружении звёзд.

Примечание автора:

Напоминаю, что имя Синдоу переводится как «звёзды», а Циньюэ как «яркая луна». Вряд ли кто-то догадался об этой парочке, когда я писала значения имён в предыдущих главах, но теперь эта маленькая тайная раскрыта.

Глава 23. Лишь она одна способна очистить от зла этот мир

— Похоже, добром всё это не кончится, — заявил мужчина в поношенном сером халате. Дрожащее, словно в предчувствии чего-то ужасного, пламя свечи вместе с тревогой отражалось в его тёмных глазах. — Ладно бы одна моя деревня сгорела! За последние годы *столько* сожжённых земель повидал. Ох, небожители... Смотрите, как бы и до вас нечистые не добрались. То ли ещё будет?

Мужчина обвёл сидящих за столом многозначительным взглядом и, тяжело вздохнув, залпом осушил чашу вина. Напиток был дешёвым и неприятным на вкус, однако мужчины, собравшиеся пасмурным вечером в этом тесном трактире, за неимением лучшего продолжали его распивать. Спиртное для них было единственным способом отвлечься от жизненных тягот. И всё же, как бы сильно они ни старались уйти от проблем, суровая реальность их снова настигла. Бездомный странник, заглянувший на ночлег в город Иу, напомнил о том, что все так старательно пытались забыть, поднял со дна затуманенной памяти каждого тот самый вопрос, заставлявший дрожать по ночам от страха за будущее.

— Не мели чепухи! — недовольно поморщился один из завсегдатаев трактира: торговец из соседней лавки с невыразительным, слегка покрасневшим лицом. — С чего бы им на нас нападать? Рядом же гора Лунхушань. Пусть попробуют — прилетят просветлённые да прикончат гадов.

В ответ раздалось пару саркастичных смешков. Мужчины переглянулись между собой, как если бы им было доступно некое знание, возвышавшее их над обычными смертными, и промолчали. Отозвался один лишь старик, всё это время лузгавший семечки и не вступавший в беседу.

— Просветлённые, — скрипучий, будто заржавевший от времени голос чуть дрогнул. — Разве им есть до нас дело? Будь это так, от нечисти давно бы ничего не осталось. Мы, простой народ, живём лицом к лицу с этими тварями, не подозреваем о том, что они среди нас. Мы умираем, а они забирают наши тела и дома, проживают за нас нашу жизнь, отбирают всё самое ценное. Вопрос времени, когда этот мир перейдёт под их власть. А что же просветлённые? Заперлись в своих школах и пытаются стать божествами. Но нам-то что с этого? Боги давно нас забыли. Двумя-тремя станет больше — ничего не изменится. Тёмные же времена наступают, друзья. Эх, тёмные...

— Города наши демонам, а горы просветлённым. Для обычных людей места нет, — горько заключил гость города Иу и с чувством поставил на стол опустевшую чашу.

Молчание сгустилось над головами мужчин тяжёлыми тучами. Пламя свечи было бессильно разогнать всепоглощающий мрак, что затопил их сердца. Оно не могло сжечь все липкие страхи, мешавшие двигаться дальше.

Когда-то давно люди стремились духовно развиваться, но теперь единственным, что занимало умы, стало желание выжить. Никто не хотел умирать, но и способов бороться со злом не осталось. Всё, что могли сделать эти мужчины — приходить вечерами в трактир и запивать горьким пойлом свои беспокойные мысли. Надежда на то, что не сбудется их самый страшный кошмар, с каждым днём иссякала подобно воде в высыхающем озере.

Никто не замечал женщину в чёрном плаще, достаточно долго стоявшую на пороге заведения. И хотя верхнюю половину лица её скрывал широкий капюшон, по морщинкам,

образовавшимся в уголках алых губ, было легко догадаться, что она уже не молода.

Передёрнув плечами, будто от отвращения, женщина сделала крошечный шаг и вновь замерла. Удушающая паника сковала движения, заставила на миг позабыть, зачем она вообще забрела в это гадкое место. В нос ударил запах спиртного, и перед глазами, как наяву, встали события далёкого прошлого: грязный трактир на окраине чужого села, зловонные тела скалящих зубы мужчин и нестерпимая боль, раздиравшая душу.

Схватившись за дверной косяк, женщина сделала медленный вдох. Пальцы мелко дрожали. Всё верно, она пришла сюда для того, чтобы восстановить справедливость, чтобы отомстить за то зло, что ей причинили люди и демоны. Наставник с горы Лаошань даровал ей имя *Гуньи*. Мог ли он знать, что его ученица, ставшая настоящим позором школы Чуньцзе, однажды будет вершить *правосудие*. Её плоть и кровь оскверняет тёмная ци, но лишь она одна способна очистить от зла этот мир.

Поплотнее закутавшись в плащ, Гуньи прошла вглубь помещения и заняла свободное место рядом со стариком. Движения женщины казались уверенными, в то время как сердце сжималось от страха, настигавшего её всякий раз, стоило ей оказаться в компании незнакомых мужчин. Из всех сил подавляя желание встать и убежать отсюда подальше, она тихо кашлянула и произнесла низким, ничего не выражающим голосом:

— Господа, неужели вы забыли, как сильно пострадали наши предки до вознесения Тай Чэнсяня? Неужели родители вам не рассказывали, как просветлённые с горы Лунхушань замучили до смерти сотни невинных людей?

В то же мгновение в её сторону повернулись десятки голов. Подобно островкам звёздного неба, проглядывавшим сквозь пелену облаков, в их затуманенных взглядах мелькал интерес. Одинокая женщина села за стол к незнакомцам и как ни в чём не бывало ведёт любопытные речи — такого не случалось давно.

— Было ли это взаправду, нам никогда не узнать, — откликнулся торговец тканями. — Разве можно верить легендам?

— Без причин легенды не придумывают, — возразил странник. — Но к чему ты говоришь это, женщина?

Гуньи заставила себя улыбнуться. На кону стоит будущее целого мира, и успех её плана зависит от того, насколько гладко пройдёт разговор. Из-за ошибки, допущенной в прошлом году, она вынуждена вступить в игру раньше положенного. Но тянуть больше нельзя. Если не уничтожить угрозу, все старания обратятся в ничто, осыплются пеплом на алтарь утраченной юности.

— К тому, что просветлённые не заслужили того, что имеют. Сейчас безопасно только в горах, которые они себе незаконно присвоили. Нам нужно восстание! — женщина решительно ударила кулаком по столу.

Чаши с вином и тарелки обиженно звякнули, в глазах пьяных мужчин вспыхнул огонь.

— Не силой возьмём, так количеством. Но для начала нужно ослабить мерзавцев. Слышала, новые ученики школы Ли будут проезжать завтра мимо вашего города.

Глава школы Каймин вернулся! Едва на горизонте забрезжил рассвет, как эта новость облетела Тайшань. Вместо привычного «доброе утро», ученики приветствовали друг друга возбуждённым вопросом: «Ты видел вчера Мао Синдоу?» и, следуя примеру старших, стекались в столовую, куда легендарный бессмертный должен был заглянуть.

Мало кто помнил, что двадцать пять лет назад он был лишь серой тенью своего

младшего брата. Шуаю, преуспевшему в естественных техниках, прочили блестящее будущее и должность главы школы Каймин. Он сиял, как подсвеченный солнцем горный хрусталь, затмевая своими успехами всех, кроме Лунху Чжао и Лао Тяньшу. Внимание многих было приковано к этой ослепительной троице, подарившей надежду на то, что мир наконец-то изменится, сбросит оковы демонической власти. Никто не мог даже представить, что будущий глава школы Ли вдруг сойдёт с ума, подобный небожителю Лао Тяньшу бесславно погибнет, а Мао Шуай, потеряв волю к жизни, запрётся в горных глубинах.

Когда вера в светлое будущее, казалось, была безвозвратно потеряна, о себе заявил Мао Синдоу. Ранее ничем не примечательный юноша потом и кровью добился признания: в одиночку сражаясь против полчищ демонических тварей, он обрёл земное бессмертие и вскоре стал главой своей школы. Постепенно он начал воплощать в жизнь все то, чего ожидали от «ослепительной троицы». Ученики с горы Маошань теперь могли тягаться по силе с лучшими представителями школы Ли, а ежедневный патруль близлежащих городов заставил демонов отступить.

Мао Синдоу провёл в странствии долгие годы. За это время многое успело случиться. Количество погибших во время обходов стало снова расти, школы Чунгао и Ли, будто сговорившись последовать примеру собратьев с горы Лаошань, практически перестали поддерживать связь с внешним миром до наступления отборочных испытаний в Чэнсянь, осталась загадкой смерть просветлённой из школы Чэнсянь, умершей в прошлом году от чашки безобидного, на первый взгляд, чая. Тай Циньюэ не смогла ничего изменить, и поэтому все просветлённые с нетерпением ждали, какое решение примет бессмертный Синдоу.

— Не время расслабляться, — грозно заявил просветлённый.

Вошедшая в столовую девушка вздрогнула, очевидно решив, что гнев Мао Синдоу обращён на неё. Она была единственной опоздавшей, пропустившей по меньшей мере половину собрания. В алых одеждах, которые были ей велики, с растрёпанными волосами и покрасневшимся от бега лицом она казалась до смешного нелепой. Убедившись, что взгляд наставника Синдоу направлен не в её сторону, девушка облегчённо вздохнула и попыталась протиснуться поближе к подруге.

— Ситуация критическая, — продолжал Мао Синдоу. — Я видел своими глазами сожжённые города и деревни. Почти во всех поселениях буйствует нечисть. У демонов однозначно есть план, и если мы не возьмём под контроль ситуацию, то точно погибнем. Нам следует бросить все силы на подготовку к войне. Поэтому вам, господа из Чуньцзе, стоит на время покончить с затворничеством и снова заняться боевыми искусствами. То же касается и школы Чунгао. Каждый из нас просто обязан уметь себя защищать в это тяжёлое время. Что скажете?

Толпа взорвалась одобрительными возгласами, многие подняли мечи в знак готовности к грядущему бою. Только старик Лофу Чжи, глава школы Чунгао, чуть побледнел, да Лунху Ифэй демонстративно закатил глаза.

— Ифэй, — обратился к последнему Мао Синдоу. — Прошу тебя лично заняться вопросом боевой подготовки ребят из Чуньцзе и Чунгао.

Тонкие губы изогнулись в усмешке, глаза надменно прищурились. Весь вид главы школы Ли выражал неприязнь. У всех, кому довелось испытать на себе прескверный характер Ифэя, не оставалось сомнений, что он вот-вот спросит: «Ты кем себя возомнил?»

Однако этого не произошло. Пусть Лунху Ифэю были чужды правила хорошего тона, он

всё ещё обладал здравым смыслом, на что и рассчитывал Мао Синдоу. Конечно, за действиями главы школы Ли зачастую стояла личная выгода. Сложно было сказать, какую цель он преследовал на этот раз, но Синдоу отчаянно хотелось поверить в его благие намерения. В конце концов, перед лицом всеобщей опасности не ему одному придётся принести в жертву гордость и отказаться от своих интересов.

Как бы там ни было, Лунху Ифэй со скрещенными на груди руками нарочито медленно произнёс:

— Хорошо.

Напоследок Мао Синдоу дал обещание, что вернётся в Чэнсянь сразу же после того, как разберётся с делами школы Каймин.

— Шуай прекрасно справляется с моими обязанностями, а *здесь я нужнее*, — добавил он, обращаясь скорее к Циньюэ, чем к кому-либо ещё.

Ветер, напоенный ароматом приближавшейся осени, ворвался в столовую лишь для того, чтобы унести с собой все звуки жизни. Тишина опустилась на сердца просветлённых тяжёлым осадком, морозным инеем покрыла собой всё вокруг.

Одной фразы Мао Синдоу было достаточно, чтобы заставить всех замереть в ожидании приближавшейся бури. И дело было даже не в том, как двусмысленно прозвучали слова бессмертного Мао. Сам того не ведая, этот мужчина поставил под сомнение полномочия главы школы Чэнсянь. Окажись на её месте Лунху Ифэй, не сдержавший сейчас ехидной усмешки, и драки было бы не избежать.

Лицо Тай Циньюэ приобрело мертвенно-бледный оттенок. От стройной фигуры, облачённой в расшитое золотом платье, повеяло холодом. Усилием воли сохраняя достоинство, женщина медленно встала из-за стола и объявила:

— Собрание окончено.

Одарив Мао Синдоу презрительным взглядом, точно таким же, как у Лунху Ифэя, просветлённая твёрдо шагнула в толпу. Словно рассекающий воду клинок она заставила всех расступиться, и, гордо подняв подбородок, первая покинула столовую.

Вслед за наставницей Тай поторопились уйти и все остальные. Этим вечером гости горы Тайшань вместе со счастливыми, успешно прошедшими отборочные испытания, возвращались обратно, а потому им требовалось как можно скорее собраться в дорогу. Те же, кто продолжал учиться в Чэнсянь, спешно умчались на утренние занятия. Помещение опустело в мгновение ока, и только пустые котлы да горы немытой посуды напоминали о том оживлении, что здесь недавно царило.

— Так и знала, что ты опоздаешь, — сокрушённо вздохнула Юцин и протянула подруге несколько паровых пирожков. — Если бы не я, ты так бы и уехала голодной. И кто теперь за тобой будет приглядывать?

Цайхуа неопределённо качнула головой и без особого энтузиазма вонзилась зубами в хлебную мякоть. Не сказать чтобы настроение было плохим, но и замечательным его назвать язык не поворачивался. Конечно, Цайхуа была рада предстоящей поездке, но мысли о том, что она целый год проведёт без Юцин и Шаньяо, отзывались в груди ноющей болью.

Финальным штрихом в картине смазанных чувств стало неудавшееся утро. Будь на то её воля, она предпочла бы заснуть вечным сном, лишь бы не испытывать мучительный стыд, возникавший мгновенно, стоило вспомнить о празднике. Тем не менее, ей всё же пришлось столкнуться с реальностью, в полной мере ощутить свой вчерашний позор и, вдобавок ко всему прочему, опоздать и на завтрак, и на собрание.

— А ты чего меня не разбудила? — мрачно пробубнила Лу Цайхуа.

Только сейчас она обратила внимание на неприглядный облик подруги. Подол её любимого платья был безбожно помят, тушь под глазами расплылась, а некогда аккуратно уложенные тёмные локоны напоминали птичье гнездо.

— Прости, я не дошла до нашей хижины, — устало зевнула цветочная фея. — Так танцевала, что ноги не слушались, вот и осталась ночевать с другими девчонками. А ты никак тоже повеселилась вчера?

Проигнорировав её выразительный взгляд, Лу Цайхуа ускорила шаг и в который раз за день прокляла прошлую ночь. Уж чего-чего, а с пьяным Чэнсином и волшебными пилюлями она больше не свяжется.

Последнее утро в бамбуковой роще. Кто знает, когда Цайхуа снова пройдёт по этой тропинке, вдохнёт с наслаждением аромат влажной земли. Подобно драгоценным камням искрятся на солнце капли росы, изумрудная зелень сверкает оттенками счастья, безмятежно щебечут синицы, незаметно порхая среди побегов бамбука. Всё это кажется сном: уютным и несравненно прекрасным.

Тайшань заняла особое место в сердце Лу Цайхуа, проросла в нём дивным цветком, впитавшим в себя все печали и радости. Именно здесь она справилась с первыми трудностями, встретила настоящих друзей и ненадолго обрела душевный покой, к которому неосознанно стремилась всю свою жизнь. Её переполняет желание затеряться навсегда в облаках, что неизменно укрывают обитель бессмертных, раствориться в сизом тумане и плавном течении времени, позабыть о прошлом и будущем.

Каждый прожитый день на этой горе имеет свой особенный запах, вызывает в душе непонятную, едва различимую боль. Но боль эта кажется родной и привычной. Она стала неотъемлемой частью повседневных забот, и Лу Цахуа больше не верит, что без неё можно жить дальше. В школе Чэнсянь она нашла нечто важное: потерянную часть самой себя, что навеки останется с ней, и которую она до сих пор не сумела понять.

Рано или поздно всему приходит конец. Течение жизни незаметно уносит вперёд, не позволяет нигде задержаться надолго. Остановившись на время у одного островка, стоит бросить все силы на то, чтобы взять от него самое лучшее, разгадать его тайны и получить новый опыт. Не успеешь — вини себя одного, а бурный поток унесёт тебя в новые дали.

Оставив позади множество неразрешённых загадок, она должна двигаться дальше, навстречу открытиям и испытаниям. Теперь Лунху Чжао — её новый наставник, а школа Ли, наконец, распахнула для неё свои двери. Хотя Цайхуа и не знает, когда снова вернётся сюда, в одном она уверена точно: все секреты Тайшань она забирает с собой, чтобы однажды раскрыть их.

— Цайхуа!

Нехотя вынырнув из омута мыслей, девушка обернулась на голос и не сумела сдержать тёплой улыбки.

Улыбаясь в ответ, к ней быстрым шагом приближался Шанъяо. Как и всегда, он излучал неповторимые волны спокойствия.

— Я тебя еле узнал, — юноша окинул подругу смеющимся взглядом. — Чью одежду украла на этот раз?

Он даже не подозревал о том, что случайно заставил Лу Цайхуа окунуться в воспоминания о прошлой ночи, когда она, ко всему безразличная и капельку сонная, оставила сушиться на улице алые одежды Чэньсина, совершенно забыв о своих. Стоило ли

удивляться тому, что на утро она обнаружила страшную и очевидную истину: единственной пригодной для ношения одеждой оказались не брошенные на пол мокрые тряпки, а почти высохшие чужие штаны и халат.

Несмотря на то, что Цайхуа было стыдно вспоминать своё поведение, изменившееся после принятия чудесных пилюль, в конечном итоге она пришла к выводу: у произошедшего есть большой плюс. Теперь ей принадлежат одеяния её новой школы. Пускай они и были ей велики, в них Цайхуа ощущала себя очень комфортно. Но также это обстоятельство её раздражало. С чего ей вообще нравится то, во что каждый день облачался Чэнсин?

— Ничью, — недовольно буркнула девушка. — Я в Ли буду учиться. Разве мне не положено это носить? — она помахала рукавом перед носом Шаньбяо и вдруг замерла.

Сегодня юноша выглядел как-то иначе. Его аура по-прежнему лучилась особенной мягкостью, ветер привычно играл с непослушными прядями волнистых волос. Но что-то в нём всё равно изменилось. Неуловимо, но так, что сердце сочувственно сжалось. Приглядевшись, Лу Цайхуа поняла, что глаза друга слегка покраснели, лицо почти незаметно опухло, как будто он...

— Ты что, плакал? — вырвалось у Лу Цайхуа.

— Ничего подобного, — рассмеялся Шаньбяо и сунул ей в руки талмуд, который до этого держал за спиной. — Всю ночь в библиотеке бессмертных просидел. Такое, знаешь ли, не проходит для организма бесследно.

Надпись на потёртой обложке гласила «Тёмные артефакты. Полная опись». Цайхуа моментально забыла о беспокойстве за друга. Дрожащими от волнения пальцами она раскрыла книгу на последней странице и принялась изучать перечень артефактов.

Девушка уже успела смириться, что никогда не узнает историю о демонической чашке, из-за которой дважды чуть не погибла, однако совершенно неожиданно на неё свалилась удача. Кровь прилила к голове, конечности точно обожгло раскалённым железом. Неужели тайна будет раскрыта?

В момент, когда Цайхуа обнаружила надпись «чаши жертвенной крови», сердце застучало с удвоенной силой. Хватило одного взгляда на выведенные чёрной тушью иероглифы, чтобы понять: это оно!

— Шаньбяо, ты такой потрясающий! — не удержалась от восторга просветлённая.

— Смотри-смотри, не отвлекайся.

Увлечённая поиском нужной страницы Лу Цайхуа не придавала значения тому, как странно прозвучали слова просветлённого. Четыреста двадцать один, четыреста двадцать два и...

Внутри что-то оборвалось и с глухим стуком упало. Страница, содержащая в себе описание демонических чашек, просто отсутствовала. Слово её здесь и не было.

— Страница *вырвана*, — ответил Шаньбяо на растерянный взгляд Цайхуа. — Ты только не расстраивайся. Главная зацепка — та женщина, которая тебя пыталась убить. Если по-прежнему хочешь во всём разобраться, придётся действовать напрямую. Но будь осторожна, не позволяй ей причинить тебе вред. Ты знаешь то, что знать не должна, поэтому так просто она от тебя не отстанет.

Поддавшись внезапному порыву, он крепко прижал подругу к себе и прошептал:

— Я очень хочу тебя защитить. Но, сама понимаешь, меня рядом не будет. Пообещай, что найдёшь на эту роль кого-то ещё.

Цайхуа закрыла глаза. Тихая грусть окутала тело вместе с волнами спокойствия. Ей

придётся прожить целый год без лучшего друга, без его светлой улыбки и крепких объятий.

Уткнувшись лицом в шею Шанъяо, она старалась запомнить всё до мельчайших деталей: исходящий от его мягких волос аромат ранней осени, родное тепло, защищавшее от бед этого мира, и безмятежность, которую Цайхуа всегда рядом с ним ощущала. Он — её личное солнышко, и сколько бы лет ни прошло, это всегда будет так.

Попроси он её, и она без раздумий доверила бы ему свою жизнь. Но, увы, их дорогам суждено всегда расходиться. Цайхуа может лишь радоваться непродолжительным встречам с Шанъяо и благодарить всех богов за такого чудесного друга, безвозмездно и искренне проявлявшего заботу о ней.

Она его любит. Пусть совершенно не так, как положено в любовных романах, но по-настоящему сильно. Она любит его как старшего брата, и это глубокое чувство навечно останется жить в её сердце.

— Береги себя.

Тихий голос растворился в шёпоте листьев. Шанъяо ушёл, оставив после себя свет надежды и щемящую душу тоску.

Я буду скучать.

Простояв в одиночестве ещё какое-то время, девушка наконец-то заметила пропажу подруги. Похоже, цветочная фея ушла в тот момент, когда Шанъяо окликнул Лу Цайхуа. Кто знает, поступила она так из вежливости, позволив им с другом остаться наедине, или попросту не хотела предстать перед юношей в неряшливом виде. Впрочем, сейчас это не имело значения. Ей тоже стоит вернуться и отдохнуть перед дорогой.

Так и не справившись с чувством тоски, Лу Цайхуа добралась до бамбуковой хижины. Она уже собиралась взяться за ручку двери, когда кто-то внезапно потянул её за рукав.

Незаметно подкравшийся сзади Чэньсин, полураздетый и недовольный, произнёс всего одно слово:

— Отдай.

Примечание автора:

Напоминаю: Гунъи (公义) — правосудие.

Глава 24. Рано или поздно всё подходит к концу

Полы рубахи распахнуты, открывая взору гладкую кожу. Рельефные мышцы словно высечены из самого дорого нефрита, снежно-белого и блестящего. Не двигайся они в такт неторопливому дыханию юноши, можно было подумать, что его тело — каменное изваяние: холодное, но несравненно прекрасное.

И всё же эти упругие мышцы мерно взываются, будто не в силах сдержать заключённую в них несокрушимую мощь. Подсвеченные солнцем, чётко очерченные, они намертво приковывают взгляд. Аристократическая бледность придаёт им особый оттенок изящества, что мягким ореолом окутывает всё стройное тело Чэньсина. И пусть он ещё не добился бессмертия, его можно поставить в один ряд с небожителями.

— Эй, на что уставилась?

На самом деле Чэньсин не нуждался в ответе. Заметив потерянный взгляд Цайхуа, он сразу всё понял и, проклиная себя за беспечность, поспешил запахнуть полы рубахи.

Стоило ему отпустить рукав просветлённой, как та воспользовалась его замешательством и спешно юркнула в хижину. Парень не успел и слова сказать — дверь непреклонно захлопнулась у него перед носом. Ехидно щелкнула задвижка, лишая последней возможности забрать у девчонки одежду, а потом наступило затишье. Внезапное и напряжённое.

Оглушенная биением собственного сердца, Лу Цайхуа медленно осела на пол и уткнулась носом в колени. Образ полуобнаженного тела никак не выходил из головы, заставляя испытывать странное чувство. Точно жидкая магма медленно расплзлась по сосудам. Заставляя их пылать изнутри, она обдавала жаром конечности и испепеляла дотла все разумные мысли.

Цайхуа похлопала себя ладонью по лицу. А затем ещё и ещё, пока в распалённом рассудке не родилось понимание собственных чувств.

Ну естественно! Наверняка она, глядя на это стройное тело, испытала прилив жгучей зависти. Ведь оно слишком прекрасно, чтобы оставаться к нему равнодушной. К тому же, как раз по этой причине Цайхуа иногда жалела о том, что родилась девчонкой: такого рельефного пресса у неё самой нет и не будет. Лишь из-за зависти у Лу Цайхуа перехватило дыхание и покраснело лицо. *Определённо* из-за неё.

Теперь, когда всё встало на свои места, Цайхуа облегчённо вздохнула. За иллюзорной завесой спокойствия скрывалась тревога, но девушка упрямо не замечала её. Не столь важно, как точно она угадала природу своего поведения. Главное, ей удалось прийти в себя, так что кидать камни в мирные воды сознания просто не было смысла.

— Ты чего такая? — голос Юцин, наблюдавшей всё это время за лучшей подругой, заставил ту вздрогнуть.

Просветлённая ещё не успела придумать ответ, когда в дверь постучали.

Чэньсин, придерживая одной рукой полы рубахи, второй продолжал барабанить по деревянной поверхности. Он был смущён даже больше, чем Лу Цайхуа. Но вместе с неловкостью, сковавшей движения, парень испытывал необъяснимый душевный подъём. Возможно именно это непонятное ощущение, тёплое, как лучи весеннего солнца, не позволило ему вернуться ни с чем. Он пришёл сюда за одеждой, и без неё ни за что не уйдёт. Тем более, Цайхуа всё равно выйдет отсюда — близилось время их отправления на

Лунхушань.

Чэньсин упорно стучал в дверь до тех пор, пока из окна вдруг не высунулась чья-то рука. Воздушный рукав оттенка цветущего персика сильно помят, тонкие пальцы сжимают мужской алый халат и штаны.

Цайхуа недоумённо уставилась на вереницу повозок, в которые забирались ученики школы Ли. Когда дело касалось дальних расстояний, просветлённые старались перемещаться на мечах: так, до горы Лунхушань, с остановками на перекус и ночлег, они могли долететь всего за несколько дней — это было намного быстрее, чем путешествие в экипаже, и, ко всему прочему, безопаснее. Только так, скрывшись за облачной дымкой, можно было избежать и демонов, и непредвиденных дорожных происшествий, и лишнего внимания со стороны обычных людей. Но в этот раз почему-то всё было иначе.

— Чего стоите-то? — из окошка деревянной повозки высунулась голова учителя Чжао. — Залезайте, пока ваше место не занял мой кот.

Сказано это было таким назидательным тоном, что невольно складывалось впечатление: сереброволосый мужчина даёт по-настоящему ценный совет. И если ему не последовать как можно скорее, у Цайхуа и Чэньсина не останется шансов разместиться в повозке. Наглый кот, размером с приличную тыкву горлянку, попросту растянется на всю скамью, не оставив и цуня свободного места. Прогнать же обнаглевшее животное не сможет никто.

— Почему мы не полетим? — одновременно задали вопрос девушка в чёрном и юноша в алом и, чуть смутившись, также синхронно друг от друга отвернулись.

Стоящая за их спинами цветочная фея не сдержала весёлой усмешки.

— У тебя нет оружия, мальчик мой, а ты ещё задаёшь такие вопросы, — обратился бессмертный к своей новой ученице. — А ты, что же, — он перевёл взгляд на Чэньсина, — готов всю дорогу тащить его на мече? И не смотри на меня так, это не мои проблемы. Если б летели, с ним возился бы ты.

Лунху Чжао решил не рассказывать о своём споре с главой школы Ли. В основном потому, что его самолюбие было задето. Бессмертного, привыкшего поступать именно так, как ему заблагорассудится, и не считаться с мнением других просветлённых, пусть они хоть сто раз будут главами всех школ вместе взятых, впервые ограничили в действиях. Если б об этом узнали его подопечные, самолюбие учителя Чжао вконец бы покрылось глубокими трещинами.

— Я с учениками улетаю в Ли. Надо начинать тренировки, а не болтаться неделю без дела, — нахмурился он в ответ на заявление Лунху Ифэя, что в этом году они будут использовать транспорт.

— Если ты это сделаешь, я вас оттуда вышвырну. Лети сам, если хочешь, но эти малявки обязаны подчиняться слову главы, — высокомерно процедил Лунху Ифэй. — Я не позволю тебе вносить хаос в их дисциплину.

Чжао собирался демонстративно запрыгнуть на меч и улететь, послав Ифэя с его глупыми требованиями далеко и надолго, однако в душу успело закрасться плохое предчувствие. Бессмертный мог игнорировать всё, что угодно, но только не свои ощущения, которые обычно имели свойство сбываться. Охваченный беспокойством за учеников, он, скрепя сердце и наступив на собственную гордость, принял решение остаться с ними.

— И почему я всё ещё твой ученик? — недовольно фыркнул Чэньсин и первый

запрыгнул в повозку, позволив двум девушкам проститься наедине.

Пальцы Юцин коснулись плеча лучшей подруги так невесомо и осторожно, как тополиный пух оседает на землю: на пару мгновений и лишь для того, чтобы снова взлететь. Цайхуа обернулась.

Несгибаемому оптимизму девчонки могли позавидовать даже самые стойкие на свете деревья. Какой бы ни творился хаос вокруг, каким жестоким и беспощадным ни был бы ураган — она твердо стояла с поднятой вверх головой и уверенным взглядом в счастливое будущее. А в том, что оно *будет* таким, Юцин не сомневалась никогда.

Непоседливая, чрезмерно болтливая и впечатлительная — незнакомцам она казалась поверхностной и недалекой, однако Лу Цайхуа была одной из немногих, кто знал: за раздражающей всех жизнерадостностью девушки стоит тяжёлое прошлое. Полное глубокой печали и невыплаканных слез, оно научило её не сдаваться, упрямо идти к намеченной цели и наслаждаться каждым прожитым днём.

Но в этот момент цветочная фея была какой-то другой. Подозрительно тихой и нерешительной. Такой, какой Цайхуа её ещё ни разу не видела.

Непроницаемое облако закрыло солнечный диск, грузно повисло над головами людей, впитав в себя тяжесть их чувств. Полупрозрачным покрывалом на всё живое вокруг легла серая тень. Лишившись первоначальных цветов, ярких, как свет долгожданного счастья, трава и деревья, ручьи и цветы напоминали собой обложки оставленных книг: поблёкших и покрытых навечно слоем забвения. Но даже если бы мир сейчас погрузился в кромешную тьму, утратил вконец свои краски, Лу Цайхуа бы осталась спокойна.

Она ещё утром успела до дна испить чашу грусти. Попрошавшись с Тайшань и безмятежными деньками бытия, просветлённая приняла происходящее с ней в настоящем, как данность. *Рано или поздно всё подходит к концу.* Рвутся крепкие связи, отдаляются близкие люди, несмотря на все клятвы быть рядом до скончания века. И хотя порой начинает казаться, что зыбкий покой будет длиться всегда, сердце по-прежнему ощущает привкус обмана. Ни на миг не остановится речной поток, жизнь не перестанет круто меняться. Остаётся смириться и с интересом открывать очередной горизонт.

— Как-то не верится, что мы расстанемся, — натянуто улыбнулась Лу Цайхуа.

Юцин продолжила молча стоять, глядя под ноги и беспокойно комкая край рукава. Цайхуа стало капельку стыдно: если девчонка так сильно переживает из-за скорой разлуки, а ей самой нет до этого дела, разве может она себя называть хорошей подругой? В то же время Лу Цайхуа не хотела притворяться расстроенной и лить фальшивые слёзы — это было бы хуже, чем не проявлять эмоций вообще.

Она ничего не могла поделать с собой. На смену печали пришло предвкушение необычных событий. Возвращение на Лунхушань, необходимость взаимодействий с противным главой школы Ли, новый, пускай и слегка сумасшедший, наставник и его таинственный ученик — всё это успело полностью завладеть чувствами девушки. Остальное же попросту перестало её волновать.

— Мы обязательно увидимся, — на всякий случай добавила Лу Цайхуа. — В конце концов, моя школа ближе всего к *Маошань*.

Юцин резко вскинула подбородок. Агатовые глаза блестели от слез, в то время как на губах играла улыбка. Широкая и очень искренняя.

Как больно бы ни было снова оставаться одной, цветочная фея не могла позволить себе предаваться печали. Хотя бы потому, что в прошлом году она дала себе обещание стать

независимой, свободной от любых привязанностей, что в результате заставляют страдать.

Рано или поздно всё подходит к концу. Кого-то терять — почти то же самое, что вырывать из груди своё сердце. Нестерпимая боль заставляет забыть, как дышать, раздирает на части рассудок, парализует конечности. И если потом внутри остаётся хоть что-то живое, ты будешь отчаянно его защищать. Уберечь последний лучик надежды и веры в людей, не сломаться, ступив на сторону тьмы — вот главный смысл существования. И тогда единственным выходом может стать одиночество.

Но как бы мы ни старались остаться одни, люди продолжают стучаться в дверь нашей жизни. А тех, кто успел в ней занять своё место, сможет прогнать лишь судьба. Воспротивиться этому почти невозможно. Мы можем только встречать новых людей, стараясь не привыкать слишком сильно к теплу их улыбок, а когда придёт время, без сожалений этих незваных гостей отпускать.

Обняв подругу так крепко, насколько это было возможно, Юцин прошептала:

— Позаботься о себе, хорошо? Не забывай о еде, не броди по ночам и не оставайся одна. Постарайся подружиться с Чэньсином. Он хоть и странный, но кажется надёжным. Вы теперь соученики, а в дороге у тебя будет достаточно времени чтобы наладить с ним отношения. И не забывай мне писать, ладно? Успехов тебе, Цайхуа.

Юцин прикрыла глаза и отстранилась. Не проронив ни единой слезинки, она в последний раз улыбнулась подруге и поспешила к месту сбора учеников школы Каймин.

Поездка, казалось, длилась целую вечность. За пять дней, исполненных невообразимой тоски, не произошло ничего особенно значимого. Только причуды учителя Чжао, к которым Лу Цайхуа ещё не в полной мере привыкла, временами оживляли их путешествие. Сереброволосый бессмертный, очевидно утомлённый поездкой сильнее, чем оба его ученика вместе взятые, периодически забирался на крышу повозки.

— Я пошёл дышать ветром, — сообщал он совершенно внезапно, независимо от того, шёл ли на улице дождь или палило нещадное солнце.

Наказав ученикам следить за питомцем, он вылезал прямо в окно и возвращался обратно спустя долгое время: с умиротворённой улыбкой и счастливым блеском в глазах, как если бы провел целый день за беседой со старым другом.

Чаще всего Лунху Чжао сидел, уткнувшись в книгу. А поскольку в эти моменты он никогда её не листал, у Цайхуа сложилось впечатление, что он либо читает одну и ту же страницу подряд тысячу раз, либо вообще не делает этого.

Иногда Чжао ни с того ни с сего начинал сочинять четверостишья, что, надо отметить, получалось у него очень неплохо. Правда слова были пронизаны такой невыносимой печалью, что после прослушивания всего нескольких строк на душе становилось уныло и серо. Любимой темой поэзии Чжао была горечь разлуки, и описывал он её в таких ярких красках, словно сам пережил нечто подобное. Но в этом Лу Цайхуа сомневалась. Лунху Чжао не был похож на того, кто мог бы поддерживать с кем-либо крепкую связь, а, утратив её, слишком сильно страдать.

Ещё одной странностью сереброволосого бессмертного, которую не могла понять Цайхуа, была его привычка просить для кота отдельную комнату, когда они останавливались на постоялом дворе. Сам же учитель заказывал чай на двоих и, пожелав им с Чэньсином всего, чего можно, вместо общепринятого «спокойной ночи», закрывался на ключ.

С Чэньсином же, вопреки первоначальным опасениям, взаимодействовать оказалось

достаточно просто. А если быть точнее — не приходилось вообще. В повозке он, отодвинувшись от Цайхуа как можно дальше, обычно спал или с грустным выражением лица созерцал меняющийся за окном пейзаж. Цайхуа успела привыкнуть к парню и, решив последовать совету Юцин, сделала пару попыток разговорить его. Однако Чэньсин всегда упорно молчал. К концу поездки, раздраженная то ли его к ней безразличием, то ли опротивевшей скукой, она выдала в отношении просветлённого гневную речь:

— Ты что, только когда выпьешь, общительным становишься? *Как* можно быть таким унылым? Посмотри на себя, да на твоём лице собрались все тучи этого мира. Увидит кто — всю радость жизни растеряет.

Чэньсин промолчал и на этот раз. Пропустив мимо ушей все слова девушки, он продолжил недвижно сидеть со скрещенными на груди руками.

Не получив никакого ответа, Лу Цайхуа разозлилась сильнее. Точно в огонь плеснули щедрую порцию масла. Адское пламя охватило сознание, рождая в нём всего одно желание: несмотря ни на что заставить Чэньсина ответить. И пожалеть о своём к ней отношении.

Поддавшись порыву, она выдала первое, что ей пришло в голову:

— И сколько можно убиваться по старому наставнику? Очнись, твой *нынешний* наставник не менее прекрасен. Пока ты держишься за прошлое, новая жизнь не начнётся и ничего не изменится. Прекращай мучить себя и других!

Поймав на себе взгляд Чэньсина, испепеляющий и вместе с тем очень болезненный, Цайхуа поняла, что слегка переборщила с упрёками. Однако её возмущение достигло предела. Все нормы и правила потеряли значение, внутри, на углях бесстрашия, продолжало танцевать и разгораться сильнее то самое пламя. В конце концов, *она ведь* не страдает из-за потери родителей! А он, притом, что старше её на несколько лет, ведёт себя, как маленький мальчик.

Цайхуа уже приготовилась к схватке: словесной ли, рукопашной — не так уж и важно. Однако весь её пыл был остужен холодным и тихим, как осенняя морось, словом...

— Отстань.

Отвернувшись, Чэньсин продолжил наблюдать за сменяющимися друг друга деревьями. Такими же однотипными, как каждый из дней его жизни.

В какой-то степени он понимал возмущение Лу Цайхуа. Просветлённый и сам не хотел продолжать хвататься за прошлое, но всякий раз, когда он позволял себе хоть немного расслабиться, в груди разливалось горькое чувство вины. Чэньсин не мог себе разрешить улыбаться, пока самый близкий его человек был обречён на страдания.

Возможно, он отпустил бы его, если б Лао Тяньшу не оставил намёков на своё возвращение. В то, что душа бессмертного была заточена в мече, который и отнял его жизнь, Чэньсин перестал верить давно. Смерть наставника была покрыта таинственной дымкой, которую юноша был не в силах развеять, но кое-что всё же оставалось ясным, как день: Лао Тяньшу что-то придумал, нашёл способ вернуться к нему. Иначе бы не позволил себе так рисковать.

Чэньсин не мог объяснить отчётливое, никогда не покидавшее его ощущение своей связи с наставником — для этого ему не доставало некоего ключевого знания — он просто чувствовал, что до тех пор, *пока жив он сам, Тяньшу не исчезнет*, не бросит его одного. Иногда, когда он с головой уходил в размышления об их совместном прошлом, Чэньсину начинало казаться, что он сходит с ума и страдает от раздвоения личности. Тем не менее, все факты продолжали указывать: Тяньшу ещё даст о себе знать. А если это случится — нет

смысла начинать новую жизнь и связывать себя с другими людьми.

Словно прочитав его мысли, учитель Чжао оторвался от книги и рассмеялся.

— Не достоин я зваться наставником.

Он положил локоть на оконный проём и, подперев подбородок ладонью, продолжил с грустной улыбкой:

— Не знаю, кто его наставлял, но, похоже, этот бессмертный навечно остался жить в его сердце. Мне там не место. Да и смирился я с тем, что собственный ученик меня никогда не признает.

Взгляд глаз, цвета вечернего неба, устремился к проносящемуся за окном пейзажу. На щеках мужчины проступили едва заметные ямочки, придавшие его лицу юношеское очарование, и вся его аура будто стала теплее. Но это тепло, окутавшее всех сидящих в повозке, несло в себе ощутимый оттенок печали.

Почему-то только сегодня Лу Цайхуа обратила внимание, как красив Лунху Чжао. Несмотря на свой истинный возраст, внешне он оставался привлекательным молодым просветлённым. Свободный, как шаловливый утренний ветер, с неизменным румянцем на вдохновлённом лице, он завораживал своей непредсказуемостью и простым отношением к жизни. Он жил здесь и сейчас, не заботясь о том, что подумают и скажут о нём посторонние.

Луч солнца, заглянувший в повозку, запутался в серебре длинных волос учителя Чжао. Он никогда не убирал их даже в простую причёску. Словно тем самым давал миру понять: «Я живу по своим собственным правилам».

Скользнув взглядом по его белоснежной руке, Лу Цайхуа на миг задержала дыхание. Алый рукав съехал вниз, обнажил запястье мужчины с надетым на него знакомым браслетом. Прозрачные бусины с заточёнными в них лепестками магнолии. Подарок Шаньбяо.

Растерянная от неожиданности Лу Цайхуа отвернулась. В конце концов, поступки её лучшего друга, пускай и столь нелогичные, её не касаются. И всё же... С чего бы Шаньбяо дарить на праздник подарок чужому наставнику?

На землю опустились влажные сумерки, когда слева от дороги зажглись огни города Иу. Сегодня просветлённые должны были остановиться в нём на ночлег.

Прислушиваясь к тревожному цокоту лошадиных копыт, Цайхуа невольно поёжилась. Это был один из самых обычных дней, проведённых в дороге, но под вечер его атмосфера стала другой, неуловимо зловещей. Казалось, что ветви деревьев, цеплявшие крыши повозок, пытались сообщить просветлённым о неизбежной опасности. Ветер принёс запах гари и обрывки людских голосов, настороженно мякнул кот учителя Чжао и девушке окончательно стало не по себе.

В этот момент экипаж резко замер. Испуганно заржали кони, впереди послышались крики и металлический звон.

Лунху Чжао вмиг посерьёзnel. Померкла беспричинная улыбка, взгляд сделался жёстким, почти ледяным.

— Оставайтесь здесь.

Убедившись, что Цайхуа и Чэньсин действительно не собираются за ним последовать, мужчина покинул их тесный транспорт и растворился в сгустившейся тьме.

Просветлённая закусила губу. Подобно проявившимся на бумаге словам, написанным невидимой тушью, предчувствие чего-то ужасного стало отчётливым, обрело свою форму. С губ сорвался невольный вопрос:

— Что там такое?

— Засада, — мрачно отозвался Чэньсин. — Возможно, нам не удастся так просто уйти.

— Откуда ты знаешь?

Ответ не потребовался. До слуха тут же донесся отчетливый шум негодующей оравы мужчин, что надвигалась на вереницу повозок несокрушимой стеной. Вооружившись ножами и вилами, с покрасневшими от возбуждения лицами они без раздумий перешли в наступление.

Цайхуа с замиранием сердца посмотрела в окно. Оставалось лишь уповать, что учитель вернётся как можно скорее и не даст их в обиду разбушевавшимся смертным.

Внезапно взгляд её зацепился за чью-то фигуру, стоящую у края дороги с зажжённой свечой. Стоило присмотреться внимательней, как по спине пробежал холодок. Часто дыша, просветлённая наблюдала за тем, как женщина в чёрном плаще слегка откинула назад капюшон и, улыбнувшись краешком губ, алых, как поздний закат, скрылась под сенью деревьев.

Лу Цайхуа крепко зажмурилась в попытке привести себя в чувство, однако всё тело продолжало мелко дрожать. Душу захлестнуло волной обжигающей паники.

В том, что это была *та самая* женщина, которая дважды чуть не убила её, Цайхуа не сомневалась. Возможно, именно её приближение она и ощущала весь этот вечер. Шаньбяо был прав: пока одна из них не умрёт, эта злодейка продолжит делать попытки убить её. А раз так, стоит начать *действовать первой*.

— Эй, не бойся ты так, — впервые за неделю Чэньсин обратился к ней сам. — Если на нас нападут до того, как вернётся учитель, будем сражаться. Ты же воин, ну! Чего расклеилась?

Цайхуа широко распахнула глаза и, впившись ногтями в колени, произнесла севшим голосом:

— Помнишь обход в городе Тай? Я только что видела женщину, которая напала на меня тогда.

Чэньсин, явно не ожидавший такого поворота событий, обомлел. В прошлом, вместе с Лао Тяньшу, ему уже доводилось пережить подобное нападение со стороны обыкновенных селян. Поэтому к сегодняшней засаде он отнёсся спокойно. Но если в этом была замешана та самая женщина, обладавшая мощной демонической аурой, дела принимали дурной оборот. Это были просто догадки, но что если она в самом деле задалась целью убить Цайхуа?

Тогда нападение толпы разгневанных мужчин вполне объяснимо. Им удалось задержать просветлённых, а дальше дело за малым. Погонится ли Лу Цайхуа за врагом, бесстыдно пытавшимся её выманить, или останется в повозке, которую рано или поздно окружит рассвирепевшая толпа — исход будет один. А это значит, что ни в коем случае ей нельзя позволять оставаться одной. Как и нельзя оставить в живых такую опасную женщину, владеющую демоническими техниками и готовую пойти на любые уловки ради убийства его соученицы.

— Одолжишь?

Выскочив на улицу, Цайхуа решительно протянула руку к мечу просветлённого. Однако тот никак не отреагировал на просьбу. Лишь в серых глазах мелькнул отблеск удивления. Но когда она, взвинченная уже до предела, развернулась, чтобы уйти, Чэньсин крепко схватил её за руку.

— Что надо?! — вспыхнула девушка. — Я здесь ни за что не останусь! Пойду, и точка!

— Совсем глупая что ли? — искренне возмутился Чэньсин. — Куда собралась без оружия?

Не дожидаясь её возражений, он легко поднял просветлённую на руки и поставил перед собой на свой меч.

В ушах свистит ветер, сердце заходится в бешеном ритме, болезненной пульсацией отдаётся в висках. Тепло рук Чэньсина, крепко сжимающих талию, медленно заполняет каждую клеточку тела, но его не достаточно, чтобы до конца растопить сковавший Лу Цайхуа лёд тревоги.

Впереди мелькает фигура женщины в чёрном плаще. словно неуловимая тень, она быстро бежит от дерева к дереву, исчезает и вновь появляется, освещённая дрожащим пламенем свечи. Следы тёмной ци, что она после себя оставляет, источают мертвенный холод и притупляют органы чувств.

Гуньи наслаждается этой игрой, петляет по знакомым тропинкам, стараясь запутать врагов и ослабить их бдительность. Впрочем, юноша в алых одеждах её мало волнует. Самое главное — заполучить эту девчонку, оказавшуюся в неподходящее время в том месте, где её не должно было быть. Никто, кроме Гуньи не должен знать о демонических чашах. А тех, кто узнал, пусть и случайно, ждёт неизбежная смерть.

Женщина намеренно замедляет движение, позволяя нагнать себя, и низко смеётся, когда Лу Цайхуа срывает с неё капюшон.

— Ты!

Чем дальше просветлённая смотрит в лицо этой женщины, тем более знакомым оно начинает казаться. Цайхуа будто смотрит на написанный тушью портрет, залитый водой и размытый. Изображённый на нём человек — давний знакомый, чьё имя давно стёрлось из памяти. Разводы на полотне напоминают о нём, но не позволяют увидеть целиком всю картину.

Чёрные, как сама бездна глаза смотрят насмешливо, морщинки в уголках алых губ становятся глубже, когда она улыбается. На вид ей лет сорок. Быть может, чуть меньше.

Гуньи делает стремительный выпад, однако Чэньсин опережает её. Закрыв собой Лу Цайхуа, он легко отбивает удар и атакует. Просветлённый делает всё, чтобы не подпустить к девушке незнакомку в плаще, однако та отчего-то больше не пытается ей навредить. Лишь победно сверкает глазами и уворачивается от каждой атаки, изредка нападая в ответ.

Совсем рядом раздаются крики мужчин. Резкие, дикие, они напоминают звуки демонической вакханалии. Пространство вокруг вмиг озаряется светом десятков огней. Внутри что-то обрывается и замертво падает, в воспалённом сознании проносятся обрывки странных видений, будто когда-то давно случалось нечто похожее. Из-за деревьев, подобно прорвавшей плотину воде, высыпает толпа взбешённых селян. Увидев Лу Цайхуа, безоружную и до смерти напуганную, они направляют на неё свои вилы.

— Защищайся! — Чэньсин реагирует быстро и кидает ей меч.

— А ты?

Она неуверенно отбивает первый удар, не в силах оторвать взгляд от парня. Даже без оружия он не уступает женщине в чёрном плаще, однако Лу Цайхуа всё равно беспокоится. Незнакомка владеет тёмными техниками, а значит не так уж проста.

— За себя переживала бы!

Сложив руки в печать, он использует один из своих лучших приёмов, однако женщина как ни в чём не бывало смеётся и тенью ускользает вглубь леса.

Цайхуа остаётся одна. Ещё толком не пришло осознание, что происходит, как на неё обрушивается град хаотичных ударов. Толпа окружает плотным кольцом, и девушка едва успевает орудовать чужим мечом с тонким, но удивительно тяжёлым лезвием. Любое промедление, как и попытка сбежать будут стоить ей жизни.

Глаза затуманены жаждой крови. Молодые и старые лица, смешавшись в пёструю массу, искажены в жутком оскале. Все они словно потеряли рассудок.

Защищаться уже почти невозможно, но Лу Цайхуа не решается перейти в наступление. Да, она одна противостоит дикой толпе, однако эти мужчины — обыкновенные люди, не способные ни на что, кроме неумелого размахивания ножами да вилами. Они не причинят ей вреда, если ей удастся взять себя в руки и начать двигаться немного быстрее. Но если *она* нанесёт им удар, они не смогут себя защитить.

Ноги едва не подкашиваются, когда плечо вдруг взрывается болью. Какой-то мужчина, пока она отбивала другую атаку, нанёс ей глубокую рану. Ткань одеяний мгновенно пропитывает тёплая кровь, в воздухе пахнет отчаянием. Единственный способ выйти отсюда живой — использовать любую боевую технику, но она не может позволить себе *навредить простым смертным*. Она просветлённая, они — обыкновенные слабые люди. Цайхуа должна сдерживать силу, что не дана от природы другим, и сражаться с ними на равных.

Плечо нещадно болит, подрагивающая от напряжения кисть почти не способна удерживать меч. Прямо сейчас её разорвут на куски. Пусть так, но Лу Цайхуа ни за что *не причинит вреда этим людям*, не воспользуется преимуществом, которого они все лишены. Ведь одна мысль о подобном вызывает в душе инстинктивный протест и пятнает достоинство. В глазах стоят жгучие слезы. Женщине в чёрном плаще удалось всех обмануть.

Цайхуа ожидает, что тело вот-вот пронзит смертельная боль, однако ничего не происходит.

Совершенно внезапно рядом проносится алая тень. Проходит всего пару мгновений, и толпа рослых мужчин без сознания валится с ног.

А затем на плечи ложатся тёплые руки. Отчаянно крепко Чэньсин прижимает к себе дрожащую девушку и гневно шепчет ей на ухо:

— Дура.

— А не надо было бросать меня!

Она больше не сдерживается и, уткнувшись лицом в его горячую шею, громко рыдает.

Глава 25. Протяни руку, и снова ощутишь на губах вкус весеннего солнца, окунёшься в родное тепло

Когда слёзы закончились, девушка начала возвращаться в реальность. Жар, исходящий от тела Чэньсина, и едва уловимый запах цветов действовали на неё успокаивающе. Объятия юноши надёжно защищали от сгустившийся тьмы, служили мощным барьером между ней и кошмаром, который она ещё долго не сможет забыть.

Стоит перекошенным лицам селян с блестящими от гнева глазами предстать перед мысленным взором, как изнутри снова бьёт мелкая дрожь. Заледеневшими пальцами Лу Цайхуа ещё крепче сжимает одежду Чэньсина, цепляется за его широкую спину, как утопающий в отчаянной попытке спастись.

Плечо раздирает невыносимая боль, но она не обращает на это внимания. В который раз её чуть не убили, и сегодня от этой мысли впервые становится страшно. Лавина новых эмоций наполняет душу чудовищной тяжестью. Мир стал другим. Незаметно для всех, но ощутимо для Цайхуа. Неизменным остаётся лишь то, что её защищает парень в алых одеждах.

Пальцы Чэньсина пугаются в её волосах, невесомо скользят по спине, и в какой-то момент Цайхуа замечает, что тело её внезапно расслабилось. Она готова стоять так до бесконечности долго, обнимая просветлённого и растворяясь в его удивительной ауре, в которой ей чудится что-то знакомое и даже родное.

— Стой здесь. Я скоро вернусь, — совершенно некстати раздаётся над ухом.

Когда Чэньсин отстраняется, девушке на мгновение кажется, будто она потеряла что-то в значительной степени важное, некую часть самой себя, без которой невозможно существовать полноценно. Холод накрывает её с головой, в душе становится пусто.

На залитой лунном светом поляне она осталась одна в окружении обездвиженных человеческих тел. Тишина обволакивает листья деревьев и их узловатые ветви, налётом безмолвия покрывает неестественно бледные лица мужчин. И если б не затихающие в отдалении звуки шагов, Цайхуа вновь потеряла бы связь с реальным миром.

Тонкими иглами в кожу впивается страх. Она не может понять, что её пугает сильнее: одиночество или эти мужчины, когда угодно способные встать и на неё наброситься. Воздухом, впитавшим в себя их полубезумные крики, уже невозможно дышать. Каждый вдох становится пыткой, как если бы в тело один за другим вонзались ножи.

Задержав дыхание, Лу Цайхуа срывается с места. Под ногами точно разливается кипящая магма, что заставляет бежать всё быстрее. И только когда ей удаётся догнать юношу в алом, она, наконец, останавливается.

Лунный свет, сегодня особенно яркий, призрачными бликами ложится на поверхность воды. Мелодично журчит неглубокий ручей, склонившийся над ним просветлённый зачем-то опустил в его неторопливый поток свой рукав.

— Зачем пришла? Я же просил подождать, — проворчал просветлённый. — А если бы ты заблудилась?

— Я побоялась, что эти люди очнутся, — тихо оправдалась Лу Цайхуа.

Силуэт парня чёрный. Он словно окутан тёмной энергией, однако ци, исходящая от него волнами, пронизывает душу теплом.

Чэньсин усмехнулся:

— Им повезёт, если они смогут очнуться к утру.

Хотя Цайхуа не видит лица просветлённого, она готова поклясться, что он улыбается. Самодовольно и мрачно.

Неожиданно её настигает желание взглянуть на эту улыбку. Цайхуа непроизвольно делает пару шагов в сторону юноши, а затем застывает от боли, что пронзает плечо с новой силой. От неё нет спасения, и прежде чем Цайхуа удаётся хоть немного прийти в себя, к ней вплотную подходит Чэньсин.

В воспалённом сознании рождается паника, когда руки парня начинают развязывать пояс.

Её пояс!

— Ты что...?!

Она не успевает закончить. Чэньсин просто встаёт ей за спину и молча спускает одежду с её поврежденного плеча.

Цайхуа задыхается. Сердце бешено бьётся, превращая и без того горячую кровь в раскалённую лаву. Первым делом она пытается от него отстраниться, но Чэньсин не позволяет этого сделать. Удерживая её в одном положении левой рукой, он молча ждёт, когда она прекратит вырываться.

Спустя какое-то время Цайхуа замечает, что парень не совершает ничего непристойного. В тот же миг, когда она замирает, плеча касается мокрая ткань, и девушка наконец-то догадывается, чего он хотел.

— Стой спокойно, а? Я обработаю рану.

— А раньше не мог сказать? — обиженно бурчит Цайхуа.

Щёки пылают. Ей ужасно неловко не столько из-за своего поведения, сколько от непрошенных мыслей, заполонивших сознание подобно привередливым демонам и подчинивших себе её волю. Впрочем, Лу Цайхуа не вела бы себя столь опрометчиво, зная она об истинных намерениях юноши. В конце концов, мало ли что у него на уме? Да и кто вообще будет спокойно стоять, пока человек противоположного пола его раздевает?

— Сказал бы, если б знал, что ты такая бесстыдница. И о чём только думаешь? — вздыхает Чэньсин, продолжая смывать кровь с её кожи.

Цайхуа уже собирается разразиться гневной тирадой, однако плечо снова взрывается болью. Нестерпимой настолько, что вместо ругательств с губ срывается стон.

Ладонь парня с зажатым в ней рукавом останавливается.

— Потерпи ещё немного. Я почти всё, — голос Чэньсина вдруг кажется более низким и приглушённым.

Он прикрывает глаза, а затем нагибается над оголённым плечом и медленно дует на рану. Чэньсин знает, что это не облегчит страдания девушки, но странное чувство, что разгорелось внутри трепещущим пламенем, заставляет его продолжать делать вещи, лишённые здравого смысла.

Мгновение растягивается в вечность. Подчинившись инстинктивным порывам, он словно выполняет древний обряд, способный разрушить все стены, размыть все границы между его собственным миром и сердцем Лу Цайхуа. Парень не может и уже давно не пытается понять, зачем ему это надо. Он просто чувствует, что это жизненно важно для его опустошённой души, необходимо, как воды ручья, к которым мечтает припасть измученный жаждою странник.

Просветленная вздрагивает, когда губы Чэньсина как бы невзначай касаются её плеча.

Так осторожно, как если бы на него опустилась легкокрылая бабочка. Хотя прикосновение длится крохотный миг, его вполне достаточно для того, чтобы окончательно вскружить девушке голову. Она заставляет себя думать о том, что это случайность, что юноша в алом наклонился сильнее чем нужно, не сумев в темноте правильно определить расстояние. Но отчего-то в это не хочется верить.

Чэньсин отстраняется и медленно проводит пальцами по повреждённой коже, направляя в неё поток светлой ци. Знакомое тепло заполняет собой сеть духовных каналов, расслабляет и наделяет живительной силой каждую клеточку тела. Растворившись в своих ощущениях, Лу Цайхуа с запозданием порывается ухватиться за мысль: когда-то с ней уже происходило нечто похожее. Но она, эта мысль, подобно упавшей звезде оставляет в сознании лишь мерцающий росчерк. Он стремительно гаснет и не приводит к разгадке.

— Как тебе это удалось? — ошарашенно шепчет просветленная, когда боль исчезает вместе с причиной, её вызывавшей.

Не в силах поверить в случившееся, она проводит рукой по плечу и обнаруживает, что на нём не осталось и следа от полученной травмы.

— Было дело, учился в Чунгао, — небрежным тоном отвечает Чэньсин. — Выучил там кое-какие полезные техники.

Также небрежно он накидывает ей на плечо ткань рубахи и отворачивается.

Увлечённая раздумьями Лу Цайхуа не замечает перемен в его настроении.

Она никогда не слышала о технике, способной полностью исцелить человека. Более того, если подобная техника и существует, наверняка она тайная и с кем попало лекари из школы Чунгао ей не поделятся. Не может быть, чтобы Чэньсину её так просто доверили. Для этого ему необходимо было учиться у них по меньшей мере с раннего детства, а судя по его боевым навыкам, всю свою жизнь парень провел в школе Ли. Как тогда вышло, что он в совершенстве владеет техниками двух разных школ? В конечном счёте, не мог же Чэньсин проходить обучение в двух местах одновременно.

Так или иначе, ей следует поблагодарить его. Несмотря на то, что их отношения своими попеременными вспышками то неприязни, то внезапной симпатии напоминали качели, он вновь её спас. Рискнул жизнью, ввязавшись в совершенно его не касающееся предприятие по поимке врага. К слову, об этом...

— А что стало с той женщиной? — поинтересовалась Лу Цайхуа, потуже затянув пояс на талии.

— Я её ранил, но у неё получилось сбежать.

И снова этот безразличный голос, лишенный всяких оттенков и задевающий даже сильнее, чем если бы он был просто холодным.

Не дожидаясь, пока девушка скажет что-то ещё, он одним махом перепрыгнул ручей. Это действие не несло в себе скрытого смысла, но просветлённой вдруг показалось, что таким образом он возвёл между ними двумя незримый барьер.

Сердце захлестнуло волной раздражения. Цайхуа не могла дать отчёта своему недовольству. Она просто испытывала его каждый раз, стоило Чэньсину начать выражать по отношению к ней безразличие.

Девушка без труда пересекла водный поток и поравнялась с Чэньсином. Но ощущение, что он продолжает от неё отдаляться, находясь по другую сторону невидимой грани, почему-то стало сильнее.

— Откуда ты знаешь, куда нам идти?

Попытка завязать разговор провалилась. Чэньсин продолжает идти по тропинке, не обращая на Лу Цайхуа никакого внимания. Будто её здесь и нет, будто его недавняя забота о ней — не более чем глупый и далёкий от реальности сон.

Она до сих пор не может прийти в себя. Слишком много событий, выходящих за рамки обыденности, произошло с ней всего лишь за вечер. Встреча с врагом, битва на грани жизни и смерти, а после внезапная нежность от человека, чувства к которому она не может понять.

Чэньсин всё также молча шагает вперёд, когда Цайхуа вдруг принимает решение. Пускай их мало что связывает, она хочет знать, насколько важна для него. Сама эта мысль в любой другой момент показалась бы ей страшно нелепой, но не сейчас. Эмоции слишком сильны, чтобы позволить ей здраво мыслить.

Пора. Девушка намеренно спотыкается и, крепко зажмурившись, отдаётся на волю судьбы. Если Чэньсин её не поймает, значит ему в самом деле до неё всё равно, но если...

Прежде, чем она успевает додумать мысль до конца, практически у самой земли её подхватывают тёплые руки. А затем прямо над ухом раздаётся гневное:

— А если бы я тебя не поймал?

— Что всё это значит? — недобро сверкнул глазами сереброволосый бессмертный.

Ифэй рассмеялся. Пламя десятков огней осветило лицо с искривленной, лучащейся самодовольством улыбкой. Стоило ему запрыгнуть на меч и взмыть в небо, как следом за ним моментально последовали и все остальные учителя школы Ли вместе с учениками. Внизу остались одни новобранцы, схлестнувшиеся в схватке с озверевшими селянами, да Лунху Чжао.

— То и значит, — соизволил ответить глава. — Это первое задание для новичков. Если они с ним не справятся, значит никто из них не достоин обучения в Ли. А ты летишь с нами. Это приказ.

Чжао невольно сжал кулаки. Не сказать чтобы его удивило поведение Лунху Ифэя, не раз отправлявшего учеников на верную смерть. Заставляя их калечить друг друга до потери сознания и совершать невозможное, он воспитывал в тех, кто это выдерживал, настоящий воинский дух. Можно сказать, Ифэй проводил жесткий отбор, в результате которого с ним оставались самые лучшие воины. Пускай их было немного, они являлись сильнейшими, и Лунху Чжао мог это принять. Но сейчас на душе отчего-то было тревожно. Казалось, он упускает нечто значимое, необходимое для переосмысления всей ситуации.

Внезапно что-то тяжёлое с возмущённым шипением прыгнуло ему прямо под ноги. *Двадцать три*. Его любимый и чрезвычайно нахальный питомец. Что он здесь делает?

Подхватив на руки ошаренного от окружающего хаоса зверя, Чжао вдруг побледнел. Плохое предчувствие, мучившее его всю дорогу, вспыхнуло в груди с новой силой. Если Двадцать три оказался с ним рядом, значит за ним никто не следил.

— Мне наплевать на тебя и на твои приказы, — процедил Лунху Чжао. — Я не оставлю здесь своих учеников. Ни одного из них.

Ифэй ответил не сразу. Во взгляде, прикованном к чему-то вдаль, где обрывалась вереница повозок, мелькнуло нечто похожее на облегчение с примесью мрачного торжествования. Он улыбнулся. На этот раз шире и абсолютно расслабленно, как настоящий преступник, чей злобный план пришёл в исполнение.

— Как скажешь, — неожиданно легко согласился Ифэй и махнул рукой подчинённым, призывая их следовать за собой.

В мгновение ока просветленные в алом растворились во мраке ветреной ночи. Всего за пару часов они достигнут горы Лунхушань и спокойно отправятся спать. Лишь новые ученики по приказу главы будут сражаться со смертными, пускай и слабыми, но превышающими их по численности и источающими лютую ненависть. Очевидно, здесь не обошлось без тёмной ци. И если демоны научились так влиять на людей, настраивая их против просветленных, этому миру действительно скоро конец.

Прижав к себе кота, Чжао запрыгнул на меч и взлетел. Открывшаяся сверху картина у кого угодно вызвала бы ужас: новые ученики, окружённые разъяренной толпой, изо всех сил старались спасти свою жизнь. Скопление людей вокруг них было плотным настолько, что они едва успевали наносить ответные удары. О том, чтобы взмыть вверх, не было речи. Если так продолжится дальше, силы юных просветлённых иссякнут, и бунтовщики попросту задавят их массой.

Тем не менее, Лунху Чжао оставался спокоен. Творившийся внизу беспредел его ничуть не волновал. Не обнаружив в толпе своих учеников, он обвел взглядом окрестности и уже было собирался отправиться в лес, как под ним раздалось душераздирающее:

— Учитель, прошу, помогите!

Обычно никто ни о чём не просил его. Более того, ученики школы Ли, все поголовно, обходили его стороной. Привыкший заботиться об одном только Чэньсине, Чжао также игнорировал младших. И вовсе не потому, что он обижался или испытывал взаимную к ним неприязнь. Просто они были ему безразличны. В конце концов, большинство из них рано или поздно погибнет из-за собственной слабости. Так стоит ли тратить на них свои чувства?

Лунху Чжао не вмешивался в жизнь школы Ли и методы воспитания Лунху Ифэя, а тот, в свою очередь, позволял ему и Чэньсину существовать обособленно, не подчиняясь общепринятым правилам. Это устраивало обоих мужчин.

Но сейчас кто-то впервые обратился к нему с просьбой о помощи. Вместе с дымом и запахом крови в непроницаемо чёрное небо взлетело ещё несколько дрожащих голосов:

— Учитель, мы же умрём так!

— Учитель, пожалуйста!

— Учитель...!

Чжао вздохнул. Судя по состоянию этих ребят, они не протянут и до полуночи. А для него обездвигить толпу вооружённых селян было легче простого. Для этого не обязательно знать особые техники, нужно просто быть опытным воином, коим не являлся никто из младших просветлённых. Впрочем, если кто-то из них и обладал потенциалом, он всё равно бы погиб в этом бою.

Бессмертный кинул последний встревоженный взгляд в сторону леса и с очередным тягостным, почти что страдальческим вздохом опустил на землю. В тот же миг как пчёлы на мёд со всех сторон к нему слетелись селяне.

Кот на руках зашипел и попытался сбежать, когда искаженные злобою лица приблизились непозволительно близко, но Лунху Чжао не позволил ему это сделать. Как можно крепче он прижал зверя к груди и лениво замахнулся мечом. Этого действия было достаточно, чтобы поднявшейся ударной волной с ног смело первый ряд взрослых мужчин. И это было только начало.

Напрочь позабыв обо всём, Чжао улыбнулся. В глазах цвета вечернего неба плясали озорные огни, и сам просветлённый точно вернулся в те времена, когда каждый бой он воспринимал как развлечение. И чем сильнее были враги, тем большее удовольствие он

получал.

Лунху Чжао никогда не проигрывал, поэтому схватки с кем бы то ни было ему быстро наскучили. Всего раз за целую жизнь ему встретился достойный соперник, но ни имени, ни даже его размытого образа к своему сожалению Чжао не помнил.

Это было очень давно. Тот человек обладал удивительной внутренней силой, и одна только мысль о нём заставляла сердце дрожать.

За плотным туманом забвения скрывалось что-то ещё, *нечто большее*, чем Чжао мог предположить. Оно обладало неповторимым запахом счастья, которое со времён своей юности он больше никогда не испытывал. Лишь орхидеи, пронзительно синие, как предрассветное небо, напоминали ему о том чувстве и одновременно позволяли забыть безвозвратно утраченное, жизненно важное *нечто*.

Сереброволосый бессмертный медленно выдохнул и сорвался на бег. Тело исполнено лёгкости, сам он — порыв шквального ветра, что способен сбить с ног любого противника. Чжао стремительно движется среди десятков людей, и душу мгновенно охватывает волна наслаждения. От кончиков пальцев до самого сердца с лёгким покалыванием распространяются искры восторга. Он неуловим и прекрасен, и осознание этого его вдохновляет сильнее.

Пускай ему не составляет труда опрокинуть на землю всех этих смертных, мужчина всюду упивается техникой, что на горе Маошань зовётся «дыханием ветра». Мало кто знает о том, что он ей владеет, ведь Чжао её крайне редко использует.

Вполне вероятно, именно по этой причине «дыхание ветра» сейчас ему дарит такие же яркие, как и двадцать четыре года назад, ощущения, когда он впервые его применил. Каким бы скучным ни казался бой, с этой потрясающей техникой Чжао приближался к состоянию близкому к счастью.

Освободившись от оков гнетущей тоски, душа воспаряла до запредельных высот, и просветленный физически мог ощутить, как где-то рядом бьётся сердце забытого им человека. В такие моменты их разделял последний рубеж, истончённый, как грань между ночью и утром, неодолимый, как стык двух разных миров. Казалось, протяни руку, и снова ощутишь на губах вкус весеннего солнца, окунёшься в родное тепло.

Но Лунху Чжао не может достичь его. Он не в силах найти даже след его тени. Однако само чувство этой волнующей близости стоит всех перенесённых страданий. В этом и заключается суть «дыхания ветра».

Сереброволосый бессмертный приходит в себя, когда отовсюду раздаются полные радости крики:

— Учитель такой потрясающий!

— А можно учиться у вас?

— Вы использовали природную технику?

Хотя на лица юных просветленных легла тень измождения, глаза их светятся от восхищения.

Многие ранены и с трудом стоят на ногах, облокотившись на воткнутое в землю оружие, кто-то, потеряв много крови, лежит без сознания среди точно таких же обездвиженных тел. И пусть в воздухе всё ещё витает отчаяние, безжизненным пеплом оседающее на просветлённых, атмосфера вокруг Лунху Чжао становится тёплой и радостной.

Несмотря на пережитый ужас, трясущиеся от напряжения руки и ноги и боль от ранений, эти дети находят в себе силы смеяться. Они спасены! Учитель, имени которого они

даже не знают, стал для них настоящим героем, обладающим сверхъестественной мощью, примером для подражания.

Сердце бессмертного дрогнуло. Первый раз за долгие годы кто-то столь искренне им восхищается и просится в ученики по собственной воле. Первый раз за долгие годы с ним разговаривает кто-то, кроме Чэньсина, нового ученика и Лунху Ифэя.

Чжао растерян. Сердце, впитавшее в себя тепло чужих голосов, бьётся быстрее. Он неловко улыбается и, бесшумно отправив меч в ножны, прячет ладонь в мягкой шёрстке кота. Тот едва слышно урчит, и этот низкий звук расслабляет, освобождает сознание от беспорядочных мыслей.

Как раз в этот момент из-за деревьев выходит Чэньсин. Следом за ним, чуть поодаль, неуверенно шагает Лу Цайхуа. Одним своим видом они напоминают учителю Чжао котят, заплутавших в лесу и этим фактом страшно удручённых. Несмотря на то, что из леса они всё-таки выбрались, на лицах их по-прежнему написано выражение полной потерянности, и это забавляет бессмертного.

— Мои драгоценные мальчики, где же, позвольте спросить, вас носило?

Голос учителя холоден, однако в душе он вздыхает от облегчения. Оба ученика живы-здоровы вопреки его плохому предчувствию, и это не может не радовать. Правда *им* об этом знать не обязательно. Он слишком сильно за них волновался, а потому они просто обязаны объяснить своё исчезновение, и, ко всему прочему, понести наказание за неисполнение требования оставаться в повозке.

Лу Цайхуа и Чэньсин переглядываются. Оба не могут решить, рассказывать ли наставнику о своём приключении. Юноша в алом, скрестив на груди руки, отводит взгляд первым, девушка в чёрном в то же мгновение заливается краской.

Чжао по-своему истолковывает их поведение и с хитрой улыбкой выражает своё недовольство. Такое наигранное, что всем вокруг кажется, будто учитель испытывает совершенно противоположное чувство.

— Ну вы, конечно, выбрали время. Я человек понимающий, но всё же *этим* заняться вы могли бы и позже.

Цайхуа и Чэньсин одновременно давятся воздухом.

— Учитель!!!

— Учитель!!!

Глава 26. Прочный фундамент дал трещину, в глубины души закралась пустота

Остаток пути до горы Лунхушань Цайхуа провела в угрюмом молчании. Несмотря на то, что ночное происшествие близ города Иу обошлось без жертв, на сердце было тягостно.

Время от времени Цайхуа вспоминала битву в лесу. Тогда, окружённая жаждущей крови толпой, просветлённая была преисполнена непоколебимой решимости никому не вредить, однако сейчас она не могла объяснить своих действий. Внезапное чувство заботы о простых смертных, когда в первую очередь ей следовало думать о своей безопасности, не поддавалось здравому смыслу. В тот день Цайхуа *впервые* его ощутила, и когда всё закончилось, оно бесследно расселось, как предрассветная дымка.

И всё же Цайхуа не могла избавиться от мысли, что что-то в ней изменилось. Ей будто открылась какая-то новая, неизведанная грань её «Я», о которой раньше она не догадывалась. Сверкнув заманчивым светом и оставив после себя таинственный след, эта часть Цайхуа миг обесценила всё, чем та раньше жила.

В неподходящий момент прочный фундамент дал трещину, в глубины души закралась пустота. Оставалось двигаться дальше, но только куда, если прежние ориентиры потеряли значение?

— Эй, а побыстрее нельзя? У нас не так много времени.

Чэньсин дёрнул её за рукав. В серых глазах полыхал огонь нетерпения, однако Лу Цайхуа была слишком подавлена, чтобы обратить на это внимание.

Тем не менее, последняя фраза Чэньсина звучала разумно: времени у них действительно было немного. В поселение, в котором раньше жила Цайхуа, они въехали в полдень, а вернуться в Ли им предстояло до наступления сумерек. Учитель Чжао и так неохотно отпустил Цайхуа и Чэньсина, пригрозив удвоить обоим нагрузку за пропуск дневных тренировок. Поэтому не подлежало сомнению, что за опоздание их ждёт ещё более суровое наказание.

— Не волнуйся, мы уже пришли, — скрестив на груди руки, девушка кивнула в сторону до боли знакомой деревянной двери.

Вместо безудержной радости, которую Лу Цайхуа испытывала большую часть дороги домой, сердце вдруг охватил липкий страх. Подобно вьюнку он уверенно опутывал тело, сдавливал сильнее с каждым мгновением и высасывал последние силы.

Жизнь с наставником Чжуаньцзэ и Юньчжи вдруг показалась ей выцветшим бессмысленным сном. Всё вокруг напоминало иллюзию: и низкие домики с изогнутыми чёрными крышами, и чисто выметенные улочки, и даже знакомые лица селян, поздравлявших её с возвращением.

Цайхуа словно оказалась на границе двух разных миров. Первый, который она недавно покинула, оказался пустым миражом. Ключ от второго же она пока не нашла. А единственным человеком, не утратившим для Цайхуа своей значимости, оказался Чэньсин. Сейчас, когда она снова вернулась в призрачный мир своего прошлого, он один был настоящим.

Обернувшись, точно в попытке найти хоть немного поддержки, она посмотрела Чэньсину в глаза. Однако тот не заметил в её взгляде испуга. Продолжая теребить кончик намотанной на руку ленты, юноша погружался всё глубже в размышления о прошлом Лао

Тяньшу. Тайна, мучившая его столько лет, вот-вот будет раскрыта. Разве мог он думать о чём-либо ещё?

И тогда Лу Цайхуа улыбнулась. В конце концов, она ждала этого дня целый год. Так почему бы не задвинуть свой страх вместе с необъяснимыми чувствами в дальний угол души и не вернуть себе хоть немного прежнего буйства эмоций?

Медленно выдохнув, Цайхуа пинком распахнула деревянную дверь и что есть сил закричала:

— Я дома!

Воссоединение с семьёй оказалось не менее тёплым, чем она ожидала. Стоило увидеть родные, почти не изменившиеся за год лица Юньчи и наставника, как все страхи рассеялись. Пусть прошлое и кажется ей чужим и обманчивым, люди, которых она наконец-то увидела, продолжают согревать её сердце лучами безусловной любви.

Ни наставник, ни названная сестрица её сегодня не ждали, что было заметно по их неловким движениям. Оба были людьми достаточно сдержанными и не привыкшими обнажать своё сердце даже перед самыми дорогими людьми. Им было легче заранее подготовить себя к событиям будущего, продумать каждый свой шаг и выбрать подходящие фразы для всех возможных бесед. А в момент, когда другие начинали тонуть в океане внезапных эмоций, они без труда управляли его штормовыми волнами.

Однако в этот раз всё было иначе. Лу Цайхуа, вопреки их ожиданиям, вернулась домой всего год спустя, и теперь они, изо всех сил пытаясь скрыть чувства, теряли контроль над своим телом: Юньчи, обычно собранная и хладнокровная, уронила кисть прямо на почти законченный пейзаж, а старый наставник едва не запутался в подоле собственного одеяния.

— Я так надеялась, что ты научишься хорошим манерам, но, видимо, зря. Как была невоспитанной, так и осталась, — посетовала Юньчи.

Было сложно понять, имела она ввиду появление Лу Цайхуа, сопровождаемое грохотом резко распахнутой двери, или же объятия, с которыми просветлённая, как и всегда, бесцеремонно на неё накинулась. Ясно было одно: несмотря на подчеркнуто равнодушное выражение лица, Юньчи была искренне рада видеть подругу. Цайхуа поняла это по потеплевшему взгляду её обычно холодных, как вековой лёд, глаз.

— Не будь такой строгой, Чжи-эр, — рассмеялся Лао Чжуаньцзэ. — Раз даже я не смог образумить эту девчонку, никто другой и подавно не сможет.

— Вот-вот, — гордо подняла подбородок Лу Цайхуа. — Меня ничто не исправит.

— Вообще-то исправит. Могила, — приподняла уголки губ Юньчи в обжигающе холодной усмешке.

Цайхуа уже собралась возмутиться и по привычке толкнуть подругу в бок локтем, когда Лао Чжуаньцзэ обратил внимание на всё это время молчавшего юношу. Неловко переминаясь с ноги на ногу, Чэньсин продолжал стоять у двери с опущенной вниз головой.

— А это, стало быть, твой...?

— Я друг Цайхуа, — отозвался Чэньсин.

— Просто знакомый, — одновременно с ним ответила девушка.

Оба обменялись недовольными взглядами и под добродушный смех наставника Чжуаньцзэ отправились за ним в гостиную.

За чашкой чая пожилой учитель обсуждал с молодыми людьми последние события мира просветлённых. И хотя в разговоре принимали участие все, у Чэньсина создалось впечатление, что в комнате находятся лишь Лу Цайхуа да её старый наставник. Девушка

оживлённо делилась событиями, приключившимися с ней в школе Чэньсянь, и щедро сдобривала их описаниям своих ощущений. Лао Чжуаньцзэ же внимательно слушал и, задумчиво поглаживая белоснежную бороду, иногда задавал ей вопросы.

Сперва Чэньсин старался поддержать беседу, однако в скором времени понял, что это бессмысленно. Зато теперь ему стало ясно, почему сидящая слева от него девушка с идеально ровной спиной и непроницаемым выражением лица была молчалива и говорила только тогда, когда к ней обращались. С самого начала она знала, что внимание Лао Чжуаньцзэ будет обращено к одной Лу Цайхуа. Недаром она была его любимой ученицей.

Сизый дым, поднимавшийся от курильницы для благовоний, принимал замысловатые формы и окутывал фигуры людей тончайшим покрывалом спокойствия. Воздушная ткань на окне вбирала в себя энергию солнца и пропускала в помещение уже приглушённый, лишённый былой живительной силы свет. Деревянная мебель и расставленные по всей комнате горшки с цветами создавали здесь особую атмосферу уюта и безмятежности, но главным её атрибутом, казалось, являлась Юньчжи.

Хотя её аура и источала неестественный холод, она была мягкой и будто бы сотканной из нитей иного, волшебного мира. В льдистых глазах отражалась уверенность с едва заметной ноткой превосходства над миром, и в то же время, при взгляде на Лу Цайхуа и наставника, в них мелькала почти неуловимая нежность. Простое серое платье и деревянная шпилька, вставленная в высокий пучок, вовсе не портили девушку, а, напротив, подчёркивали её утончённость и естественную красоту. Юньчжи была необычной и напоминала небожительницу, спустившуюся в этот мир для того, чтобы пройти испытание. Именно такое впечатление сложилось о ней у Чэньсина, пропустившего через себя её морозную и, вместе с тем, неукротимую энергию.

Заметив, что просветлённый довольно долго её изучает, Юньчжи усмехнулась и выбрала подходящий момент, чтобы привлечь к нему всеобщее внимание.

— К слову, а ты здесь зачем?

Голос бесцветный, взгляд пронзает насквозь и устремляется в совершенно иную реальность. Если сравнить её с Лу Цайхуа, то Юньчжи — воплощение чистой энергии инь, когда Цайхуа, напротив, — жаркое, но от того не менее манящее пламя.

— Чэньсин хочет узнать кое-что у наставника, — ответила за просветлённого Лу Цайхуа и ободряюще ему улыбнулась.

Когда лучистые глаза Лао Чжуаньцзэ обратились к Чэньсину, тот ощутил, как внутри него что-то с глухим стуком упало.

Не может быть.

Точно такие глаза, полные удивительной доброты и смирения, были у его дорогого наставника. Увидеть их снова, но на лице незнакомого ему человека, оказалось мучительно больно.

И если раньше Чэньсин сомневался в предположении Лу Цайхуа, не желая верить в столь поразительное совпадение, сейчас у него не осталось и толики сомнений: Лао Чжуаньцзэ действительно отец Тяньшу.

Изо всех сил пытаясь сдержать волнение, юноша снял ленту с запястья и молча передал её Чжуаньцзэ.

— Откуда она у тебя? — неожиданно севшим голосом произнёс пожилой просветлённый.

Дрожащими пальцами он поднёс ленту к лицу и внимательно изучил каждый вышитый

на ней иероглиф. Испещрённое морщинами лицо сохраняло спокойствие, однако слёзы уже проложили влажные дорожки на его щеках.

«Превзойти себя самого». Девиз его семьи.

— Эта лента была у моего наставника с детства. Он всегда мечтал вас найти, — тщательно подбирая слова, ответил Чэньсин. — До конца своих дней он помнил об отце, имени которого даже не знал. И как его ученик, я посчитал своим долгом вас отыскать. Теперь, когда я здесь, я очень хочу услышать вашу историю. Прошу от всего сердца за себя и за наставника.

Чжуаньцзэ осторожно, как если бы опасался, что лента внезапно исчезнет, обвёл пальцами каждый из четырёх иероглифов, а затем тихо спросил:

— Его имя... Какое ему дали имя?

— Моего наставника звали Лао Тяньшу.

— Значит, Тяньшу. Какая ирония.

Пожилой просветлённый прикрыл глаза и надолго погрузился в молчание. Его серебристые волосы, ниспадающие на плечи волнами, такого же оттенка одежды, расшитые по краю витиеватым узором и бледная огрубевшая кожа, казалось, окончательно утратили краски.

Когда спустя время, за которое сгорела бы палочка благовоний, Юньчжи наполнила все чашки свежесваренным чаем, старый наставник наконец-то пришёл в себя и неторопливо начал рассказ.

Родился и вырос Чжуаньцзэ на горе Лаошань в семье, принадлежавшей прославленному клану Лао. Поскольку просветлённые школы Чуньцзе практиковали путь воздержания, позволяющий им в кратчайшие сроки накапливать огромное количество энергии и вследствие легко осваивать сложные техники, вполне естественно, что при создании семьи они лишались всей своей ци. Однако энергия чаще всего не рассеивалась, а передавалась ребёнку. Так Чжуаньцзэ унаследовал от обоих родителей огромную силу, которая позволила ему без усилий подняться на вторую ступень совершенствования ещё в самом начале обучения.

Отчасти благодаря собственным усилиям, но в основном из-за полученной от матери и отца светлой ци он быстро стал одним из лучших учеников школы Чуньцзе. Пока его сверстники тратили месяцы на медитации, чтобы достичь необходимого для освоения новых техник уровня, просветлённый уже оттачивал их и практически на равных со старшими боролся с последствиями демонических козней. Для того, чтобы стать непревзойдённым талантом этого мира, ему, в свои восемнадцать, оставалось добиться бессмертия.

Но пока что Чжуаньцзэ оставался простым просветлённым, остановившемся на третьей ступени своего совершенствования. И, ко всему прочему, в школе Чуньцзе он был такой не один.

Цюй Сяолин, ранее приглашённая ученица из Каймин и впоследствии оставшаяся на горе Лаошань, ничем не уступала Чжуаньцзэ. Причём окружающих она сражала не только своей впечатляющей мощью, но также и удивительной красотой.

Касалось ли дело учёбы или количества спасённых людей, оба не привыкли проигрывать, а потому очень быстро стали врагами. На протяжении нескольких лет они упорно трудились лишь для того, чтобы опередить своего оппонента. Но в конечном итоге вражда, заставившая их развиваться быстрее, чем кто бы то ни было, как очень часто бывает, переросла в нечто большее.

— Я осознал, что люблю её, совершенно случайно, — тепло улыбнулся старый наставник. — Дело было на Цисицзе. Сяолинь вместе с другими соучениками отправилась на праздник в Чэнсянь. Я же вместе с наставником и несколькими учителями остался на горе Лаошань, чтобы в случае нападения демонов защитить нашу школу. Дел, как и всегда, было много, но в тот день мои мысли постоянно возвращались к ней. Пускай Сяолинь и была первой красавицей, сердце её несмотря ни на что оставалось холодным. Всех, кто на него претендовал, она отвергала, причём весьма изощрённо. Бросала вызов и обещала выйти замуж исключительно в том случае, если потенциальный жених сможет её победить. Исход, как вы понимаете, был для всех одинаковый, так как в Чуньцзе почти не уделяют внимания техникам боя. Боевые искусства практиковали одни мы с ней. Так вот, парни проигрывали, а затем она их подвешивала вверх ногами к ветвям плодовых деревьев. Однажды она даже показала мне «сад женихов»: на деревьях болталось около десяти человек, и многие из них были приглашёнными учениками из других школ.

— Я уже восхищаюсь, — ударив ладонью по столу, хохотнула Лу Цайхуа.

— Потрясающая женщина! Наставник, почему Вы о ней никогда не рассказывали?

— Сейчас рассказывает. Помолчи и слушай дальше, — осадил Юньчи и недовольно сверкнула глазами.

— Пока она оставалась в Чуньцзе, я был спокоен, — тихо посмеиваясь, продолжил пожилой просветлённый. — Все желающие удачу испытали и повторять свой позор не хотели. Но в Чэнсянь, где на празднике должна была собраться большая часть юных просветлённых, обязательно нашлись бы те, кого победить ей было б не под силу. Именно в тот момент, когда я представил, что потеряю её, ко мне и пришло осознание собственных чувств.

В ночь Цисицзе Сяолинь неожиданно вернулась на Лаошань и без стука ворвалась к Чжуаньцзэ в комнату. В ответ на немой вопрос юноши, в высшей степени ошарашенного и ожидавшего объяснений, просветлённая уверенно направила на него остриё меча и заявила:

— Сегодня праздник влюблённых. На Тайшань собралось много парней, но у меня нет настроения с ними сражаться. Зато *твой* вызов я охотно приму. И только попробуй не победить меня.

Сяолинь вовсе не переоценила свою красоту. По рассказам старших соучениц она знала, что на ежегодном праздновании Цисицзе многие просветлённые ищут себе спутников на тропе совершенствования. Раньше в ночь Цисицзе Цюй Сяолинь оставалась в Чуньцзе однако на этот раз её наставница решила развлечься, и девушке не оставалось ничего, кроме как последовать за ней.

Её появление в школе Чэнсянь однозначно бы привлекло внимание молодых людей. Обыкновенная просьба не приставать к ней, как Сяолинь поняла ещё в ранней юности, не помогала отбиться от навязчивых поклонников. А сражаться с ними всю ночь не входило в её планы. Тем более, любой парень из Ли мог победить её с двух-трёх ударов.

Цюй Сяолинь была чуть ли не паталогически честной и, к тому же, всегда держала своё слово. Именно поэтому, чтобы не становиться заложницей собственных правил, она решила раз и навсегда разобраться с проблемой. Без разрешения наставницы девушка покинула гору Тайшань и в полночь прилетела в школу Чуньцзе.

Поединок двух просветлённых длился почти до рассвета. Пусть Сяолинь и была согласна проиграть Чжуаньцзэ, поддаваться ему она не собиралась. Они сражались на равных, напоминая собою две тени одного человека. Точность и скорость движений, боевые

техники и даже их хитрые манёвры были похожи, как две капли воды.

Единственным преимуществом юноши оказалась выносливость. Но стоило ему нанести уставшей Сяолинь свой победный удар, как и он сам свалился на землю без сил.

В ту праздничную ночь оба вдруг поняли, что их погоня за идеалом бессмысленна. Сяолинь и Чжуаньцзэ сильно устали от такой жизни, а открыв в ней новое чувство, без раздумий решили себя посвятить только ему.

Близился выпускной экзамен, сдав который ученики школы Чуньцзе были вольны делать всё, что им вздумается. Договорившись покинуть после него Лаошань и жить вместе до конца своих дней в какой-нибудь глухой деревеньке, Цюй Сяолинь и Лао Чжуаньцзэ впервые ощутили себя по-настоящему счастливыми.

— Вместо того, чтобы готовиться к испытанию, мы наслаждались обществом друг друга. Вместе готовили, читали глупые книжки и устраивали ночные побеги к берегу моря. Это было лучшее время.

Лао Чжуаньцзэ залпом допил оставшийся чай и усмехнулся.

— Никто из нас даже не думал, что счастье продлится недолго, а моё имя окажется настолько пророческим.

В конце выпускного экзамена для каждого из просветлённых, независимо от его результатов, проводили дополнительное испытание. Оно позволяло довольно точно определить объёмы энергии в духовных каналах учеников.

По количеству ци за Чжуаньцзэ с небольшим отрывом шла Сяолинь. Тем не менее, именно победителю в этом небольшом испытании и была предначертана злая судьба.

— Сразу после экзамена меня позвал к себе глава школы и посвятил в страшную тайну нашего клана. Раскрывать подробности заранее он не стал, но в общих чертах кое о чём рассказал. Возможно, в столь тёмные времена, это знание пригодится и вам. В недрах горы Лаошань спрятан источник тёмной ци, которую из поколения в поколение сдерживают лучшие ученики школы Чуньцзе. Обладатели колоссальных объёмов духовной энергии пожизненно заперты вместе с этим источником. И к тому времени, как иссякают их силы, в школе отбирают нового преемника. Десятки лет назад им должен был стать я...

Старый наставник с благодарностью кивнул Юньджи, налившей ему новую чашку горячего чая, и с интересом взглянул на Чэньсина. И без того белая кожа просветлённого приобрела мертвенно бледный оттенок, делающий его похожим на призрака. Очевидно, услышанное повергло Чэньсина в шоковое состояние.

— А что случилось потом? — нетерпеливо спросила Лу Цайхуа, даже не глядя в сторону соученика.

— А потом, — ответил старый наставник, — я рассказал обо всём Сяолинь, и мы вместе решили бежать. Даже вещи собирать не стали. Всё бросили, как есть, запрыгнули на мечи и отправились, куда глаза глядят.

Обнаружив, что за ними не отправили погоню, Чжуаньцзэ и Сяолинь несказанно обрадовались. Им даже в голову не приходило, что здесь что-то не так. Спустя пару месяцев скитаний по миру они наконец-то осели в лесной деревеньке, сыграли скромную свадьбу, а через год Сяолинь родила.

День рождения сына Чжуаньцзэ мог бы назвать одним из самых счастливых, если б до того, как он успел дать ребёнку имя, в их крохотный домик не вломились посланники главы школы Чуньцзе.

На мольбы обоих родителей не отбирать у них сына эти люди не обращали внимания.

Лишь один из них, сжалившись, позволил Чжуаньцзэ намотать младенцу на руку алую ленту с вышитыми на ней иероглифами, и дал обещание, что когда ребёнок станет чуть старше, он расскажет ему об отце.

— Спустя годы я понял, что если бы смирился с судьбой и отказался от счастья с Цюй Сяолинь, то стал бы бессмертным. Но ради этого, даже зная, что будущее вне стен школы Чуньцзе превратится в настоящую пытку, я не остался бы на горе Лаошань. Пускай я не знал своего сына, я рад, что подарил ему жизнь. Пожалуй, это самое лучшее, что мне когда-либо довелось совершить, — пожилой просветлённый откашлялся. — Я жалею о том, что не догадался о замысле главы школы. Он отпустил нас не просто так. Мы с Сяолинь обладали огромным количеством ци, и, как только он понял, что наш ребёнок вберёт в себя всю нашу энергию, этот жестокий человек сменил тактику действий. Дождался, когда родится малыш, и отправил за ним подчинённых

В тот день душа Чжуаньцзэ, не выдержав удара судьбы, разбилась на тысячи мельчайших осколков. Всё, чем он жил, в одночасье сгорело в смертоносном огне. Чёрная сажа, что осталась от чувств и надежд, навсегда оставила в сердце свой отпечаток, въелась в кости и отравила сознание болью.

Казалось бы, хуже быть не могло. Им оставалось справиться с этой бедой, взять себя в руки и вместе двигаться дальше. Однако лишённое духовной энергии тело Сяолинь внезапно начало слабеть.

Попытки накопить светлую ци для его поддержания оказались тщетными. Организм не смог справиться с потрясением, и медитации лишь усугубляли его состояние. Подобно цветку, отдавшему все силы на то, чтобы распустить лепестки, Цюй Сяолинь медленно увядала на глазах Чжуаньцзэ.

Спустя несколько месяцев измождённая болезнью и горем Сяолинь умерла. С тех пор сердце просветлённого наполнила беспросветная тьма. Сплетаясь с тоской, она разрывала его изнутри и заставляла кричать по ночам. Настоящее обернулось кошмаром, грозящим затопить собой и грядущие дни, а прошлое напоминало сон. Слишком хороший и безмятежный, чтобы быть правдой.

Чжуаньцзэ с рождения был обречён на страдания. Судьба уготовила ему два ужасных пути, и было трудно сказать, какой из них был наихудшим: оба заканчивались потерей всего, чем он дорожил.

Спустя несколько лет после трагедии Чжуаньцзэ отправился в странствие.

Не справившись с особой ответственностью, которую на него возложили, он причинил вред своей школе и свёл в могилу любимую женщину. Когда Чжуаньцзэ осознал это, в его сердце пустило корни чувство вины. Постепенно оно становилось сильнее и, вместе с тем, помогало ему не сдаваться.

Убийство демонических тварей для Чжуаньцзэ стало единственным способом искупить вину перед школой, погибшей женой и сыном, которому в юности предстояло заточение в горе Лаошань.

Чжуаньцзэ обошёл все места скопления демонов. Не выдерживая их яростной мощи, он много раз оказывался при смерти, но всё равно не отступал. Несмотря на внутреннюю пустоту, он прекрасно воспитал Юньжи и Цайхуа, напоминавшую ему своим воинственным нравом Цюй Сяолинь, и сделал всё, чтобы поставить их на ноги. До сего дня Чжуаньцзэ так и не понял, удалось ли ему себя превзойти и получилось ли у него заслужить хоть немного прощения за те роковые ошибки.

Он ни во что больше не верил. И всё же с годами в израненном сердце просветлённого затаилась *надежда*, что сын его однажды найдёт. Он не позволял себе даже думать об этом, однако эта надежда продолжала его согревать своим слабым, дрожащим огнём.

Теперь же она безвозвратно угасла.

Тяньшу погиб восемнадцать лет назад. Лао Чжуаньцзэ не дождался его.

Примечание автора:

Теперь вы наконец-то можете оценить заложенный в имена Тяньшу и Чжуаньцзэ смысл!

专责 (Чжуаньцзэ) — особая ответственность.

天数 (Тяньшу) — предопределение.

А вот и перевод имени Сяолин (小林) — маленький лес.

Глава 27. Испытания каждому даются по силам

Поражённый услышанным Чэньсин пришёл в себя лишь тогда, когда старый наставник вернул ему ленту.

— Она твоя.

Алая полоска ткани с вышитым на ней девизом послушно легла на ладонь. Слегка подрагивая вместе с напряжёнными пальцами юноши, она казалась живой, способной понять всю его боль и заглушить её неувлимым теплом.

Это тепло — единственное, что осталось Чэньсину от Лао Тяньшу. На протяжении долгих восемнадцати лет оно согревало его замёрзшую душу, вынуждало слой льда, образовавшийся на её хрупких стенках в день смерти наставника, понемногу оттаивать. И теперь, когда всё внутри разрывалось от боли за самого дорогого ему человека, алая лента в руке впитала в себя его горе.

Лао Тяньшу никогда не рассказывал о своём обязательстве быть заточённым в горе Лаошань. Всего раз он обмолвился фразой, что ему нужно вернуться в школу Чуныцзе по одной крайне важной причине. О том, *что* из себя представляет эта причина, Чэньсин узнал только сейчас. И это знание едва не заставило его разрыдаться.

— Учитель..., — тихо прошептал просветлённый, пряча в ладонях лицо лишь затем, чтобы, сделав медленный вдох, стереть с него выражение скорби и представить всем собеседникам лёгкую полуулыбку. Вымученную и одновременно гордую.

— Мой учитель жил с осознанием, что на него скоро ляжет эта ответственность. Он знал, что до конца своих дней будет один без надежды увидеть солнечный свет и людей. И всё равно не отчаивался. Он просто продолжил бороться со злом. Мой учитель старался успеть сделать больше хорошего, спасти как можно больше людей, прежде чем навсегда потерять связь с внешним миром. Его ждала крошечная тьма, тёмная ци бы пронзала насквозь его тело и причиняла невыносимую боль. Но вместо того, чтобы наслаждаться своей недолгой свободой, он до последнего жил ради людей. Это и погубило его. И именно это меня в нём восхищает.

Парень с трудом смог сдержать подступившие слёзы. Смерть наставника оставила в сердце Чэньсина глубокую рану, и прямо сейчас она снова начала кровоточить.

Тяньшу был для него самым светлым, самым прекрасным человеком на свете. Взвалив на себя непосильную ношу, он проявлял заботу о каждом, кого встречал на пути. Испытания Лао Тяньшу принимал со смиренной улыбкой, и, отдавая себя без остатка неравной борьбе с тёмными силами, искренне верил, что однажды все будут счастливы.

Однако Чэньсину до остальных не было дела. Всё, чего он хотел, — так это светлого будущего для своего дорогого наставника. Лао Тяньшу, просветлённый, который думал о себе в последнюю очередь, заслуживал счастья больше, чем кто-либо ещё. Кто же мог знать, что уже изначально он был обречён.

Самому чистому бессмертному в мире, почти небожителю, сопереживавшему даже цветку, чьи лепестки были побиты яростным ливнем, предстояло страдать за весь мир.

Чем в большей степени человек превосходит других, будь то неудержимая мощь или моральные качества, тем тяжелее судьба, что ему уготована. Испытания каждому даются по силам. И Лао Тяньшу получил их сполна.

— Мой сын, — старый наставник с мольбой взглянул на Чэньсина. — Каким он был?

Юноша медленно выдохнул в попытке восстановить духовное равновесие. Однако горькое чувство с лёгким, едва уловимым привкусом сладости, уже полностью завладело душой.

Аромат благовоний, купаясь в лучах предвечернего солнца, проникал в воспалившийся разум дымкой воспоминаний. Прошлое сплеталось с реальностью в алую нить, что связала его с Лао Тяньшу *вопреки самой смерти*. Сейчас она разделяла их полупрозрачной завесой, но Чэньсин всё равно смог ощутить незримое присутствие наставника рядом с собой.

Лао Тяньшу... *Каким же он был?*

Хрупким и нежным, как первый весенний цветок, но вместе с тем достаточно стойким, чтобы противостоять калёному ветру. Когда на мир опустилась беспросветная мгла, в глазах его горела уверенность, что затмевала солнце и звёзды, а улыбка окутывала согревающим душу теплом и дарила надежду.

Лао Тяньшу отличался невероятной наивностью. Будучи сам исполненным света, он искал его и в других. Просветленный не допускал мыслей о том, что чужие сердца могут насквозь быть пропитаны тьмой. И если ему приходилось в итоге столкнуться с такими людьми, в том, что с ними случилось, он винил исключительно демонов и тёмную ци.

Упрямый до глупости Лао Тяньшу следовал своим идеалам, даже если они становились причиной его нестерпимых мучений. Он редко позволял себе расслабляться, отдых считал пустой тратой времени, и часто забывал поесть. Возможно, если б не забота учеников, Тяньшу умер бы раньше от истощения.

Он никогда не выражал свои чувства словами, предпочитая молчать с лучезарной улыбкой в любой ситуации. О том, что у Тяньшу на душе, можно было судить лишь по поступкам. Впрочем, с этим у Чэньсина никогда не было сложностей. Каждое действие выдавало его с головой, и Чэньсин, научившись внимательно за ним наблюдать, читал чувства учителя, как раскрытую книгу.

Лао Тяньшу почти не умел себя защищать. Сколько он ни пытался освоить боевые искусства, тело продолжало противиться сложным движениям, а рука не поднималась нанести вред живому, будь то человек или обычное дерево. Этот просветлённый был рождён для созидания, и отнюдь не для разрушения. И хотя жестокость и грязь этого мира порой вынуждали его применять свою скрытую силу, он оставался собой: прекрасным цветком с незапятнанными лепестками. С мечом в руке или без, просветлённый руководствовался исключительно совестью.

Лао Тяньшу не являл собой совершенство, и всё же никто не мог с ним сравниться. Время, проведённое с наставником, стало лучшим периодом в жизни Чэньсина, единственным живым огоньком посреди беспроглядной тоски.

Восемнадцать лет назад, он, несмышлёный пятилетний ребёнок, не представлял, что недавно нашедший его просветлённый скоро исчезнет.

Вечерами он сидел рядом с наставником и слушал песню, которую они сочинили вдвоём. Чэньсин наслаждался чарующим голосом Лао Тяньшу и не догадывался, насколько важен для него этот бессмертный. Окутанный его неповторимым теплом, Чэньсин иногда замечал, как сердце в груди бьётся быстрее обычного и отчего-то болезненно.

Понять свои чувства Чэньсин смог только после смерти учителя. Всё встало на свои места, когда он коснулся осколков меча, спрятанных в вещах Лао Тяньшу. Боль, что ему довелось тогда испытать, была сравнима с пыткой тысячи порезов. Каждая клеточка тела, изнывая от безутешного горя, кричала вместе с ним в унисон. И если бы не надежда, что

наставник вернётся, Чэньсин бы ушёл вслед за ним.

В тот день, сидя в луже собственной крови, опустошённый и совершенно раздавленный, он смотрел на осколки меча, на письмо с печатью души Лао Тяньшу, и уговаривал себя продолжить бороться.

Не важно, сколько десятилетий пройдёт. Чэньсин всё равно будет ждать его. И пусть изнутри его кости разъедает отчаяние, пусть встреча с отцом его дорогого учителя не помогла подобраться к разгадке, *он не согласен сдаваться*.

Раньше его путеводной звездой была алая лента, теперь же ему придётся искать другой ориентир. Каким бы он ни был, Чэньсин отыщет его и проложит дорогу к Тяньшу, куда бы они ни вела. За ним он пойдёт хоть в логово демонов, хоть в Небесное царство.

Чэньсин так долго говорил о наставнике, что у всех собравшихся в комнате создалось впечатление, будто он знал его целую жизнь.

— Почему этот Тяньшу искал только отца? А как же мать? Она ведь, вообще-то, его родила, — раздражённо спросила Лу Цайхуа, когда они уже вышли из дома.

После рассказа наставника девушка прониклась к Цюй Сяолинь особенным чувством. Нечто похожее она часто испытывала, когда зажигала палочки благовоний у портретов родителей. Словно тушь, растекающаяся по мокрой бумаге, всё естественно заполняла светлая грусть. Эхом в груди отдавалась щемящая боль, но любовь, смешавшись с почтением и благодарностью, почти без труда её приглушала.

Цюй Сяолинь вызывала у неё восхищение. Небольшая история, в которой женщина играла второстепенную роль, всколыхнула в душе Цайхуа веру в себя и одновременно зажгла пламя гнева.

Цюй Сяолинь добилась высот исключительно благодаря своим многолетним стараниям. Являясь ученицей школы Чуныцзе, где учителя не обучают своих подопечных навыкам боя, она самостоятельно освоила боевые искусства. Конечно, сравниться с просветлёнными с горы Лунхушань Сяолинь не могла, но всех остальных эта женщина превосходила по силе. Её ждало прекрасное будущее, если бы только она не отказалась от него в пользу любви.

И этот выбор не был бы плох, если б Цюй Сяолинь полюбила другого. Связав жизнь с Чжуаньцзэ, она собственноручно подписала себе приговор.

Удивительная, с какой стороны ни взгляни, и заслуживающая уважения женщина, в конечном итоге, казалось, была рождена для того, чтобы дать жизнь Тяньшу. Она умерла, похоронив вместе с собой тысячи неосуществлённых возможностей, а её прославленный сын никогда не думал о ней. Именно это и злило Лу Цайхуа.

— Вообще-то, — поспешил оправдать своего наставника Чэньсин. — О ней ему никто не рассказывал.

В ответ Цайхуа закатила глаза. Но стоило слегка приподнять голову к небу, как по позвоночнику пробежал холодок. Будто бы обескровленная, половина небесного купола приобрела мертвенно-бледный оттенок, и края облаков чуть заметно подкрасились розовым. Вот-вот наступит закат!

Словно прочитав её мысли, Чэньсин запрыгнул на меч, легко поднял Цайхуа и опустил перед собой.

— Если опоздаем, Чжао в порошок нас сотрёт, — предупредил юноша её возмущения.

Однако Лу Цайхуа всё же выразила своё недовольство. Для вида. С силой наступила Чэньсину на ногу, чтобы запомнил, как следует: *так просто* хорошего отношения он от неё не добьётся. И хотя Цайхуа *уже* к нему относилась, как к другу, показывать это она не

желала. Даже если он весьма неплохой человек. Даже если ей нравится ощущать тёплые ладони Чэньсина на своей талии.

Чёрный клинок вмиг взмыл к облакам, расстелившимся над землёй разрозненными лоскутами. Порывы холодного ветра нещадно били в лицо, заставляя крепко зажмуриваться, трепали одежды, грозя изорвать их в мелкие клочья. Но как бы сильно они ни препятствовали двум просветлённым, меч неуклонно продолжал свой полёт к горе Лунхушань.

Земля, укрытая бархатом зелени, домишки, размером с человеческий ноготь, тончайшие нити дорог — в масштабах целого мира всё потеряло свой прежний смысл. То, что когда-то казалось большим и значительным, теперь слилось с окружением в сплошной разноцветный ковёр, покрылось туманом забвения.

Есть лишь бескрайнее небо да эта гора, подобная огромному спящему зверю. Лента реки огибает её скалистые пики, тысячелетние сосны насыщают воздух запахом хвои и неизменно над хижинами просветлённых возвышается пагода. Меж горных ущелий разливается аромат бесконечности. Стоит насладиться им раз, и суетные мысли навсегда покинут сознание, а сердце заполнит величие первозданной природы. *Такова* атмосфера горы Лунхушань, забирающей все прежние смыслы, но взамен отдающей нечто более ценное — ощущение бытия.

Просветлённые приближались к реке, когда Чэньсин почувствовал неладное. Спина покрылась мурашками, и в то же мгновение откуда-то сбоку раздался едва различимый угрожающий свист.

Всё, что Чэньсин успел сделать, — столкнуть Цайхуа с лезвия и прыгнуть в противоположную сторону. Миг промедления одному из них стоил бы жизни.

Цайхуа, с ностальгией разглядывавшая знакомые виды, не поняла, что случилось. Опора внезапно ушла из-под ног, небо с землёй поменялись местами и вскоре тело обожгло резкой болью. Какое-то время девушка не то что не могла выразить своё негодование, — ей попросту не удавалось дышать. А когда лёгкие наконец-то заполнились воздухом, и тьма перед глазами рассеялась, всё стало ясно.

В нескольких чжанах от неё и Чэньсина в землю вонзилась стрела. С точно таким же золотым оперением, что и в день итоговых испытаний на горе Тайшань.

Владелец стрелы не заставил себя долго ждать. Заведя руки за спину, с притворной улыбкой на холёном лице, к Лу Цайхуа подошёл глава школы Ли. Неторопливо, как хищник, уверенный в том, что жертве уже не спастись.

— Вот так значит новенькие выражают почтение, — бесцветным голосом произнёс Лунху Ифэй. — Пропускают собрание и вынуждают главу явиться к ним лично.

— Я вас не просила являться, — огрызнулась Лу Цайхуа.

Тело всё ещё ныло после падения, да и настроение оставляло желать лучшего. Во-первых, несмотря на то, что Чэньсин действовал из благих побуждений, оказаться расплющенной на земле было не слишком приятно, а во-вторых, попытки Лунху Ифэя доставить ей неприятности начинали порядком раздражать просветлённую. *В конце-то концов, что ему надо?!*

Девушка встала и, отряхнув от пыли одежду, с вызовом посмотрела на главу школы Ли.

Мужчина усмехнулся. Взгляд глаз с чуть приподнятыми вверх уголками заледенел окончательно.

— Просила или нет, но тебе нужно сразиться со мной. Так велит правило школы.

— Какое ещё правило?! — наконец подал голос Чэньсин.

Шестое чувство подсказывало: ситуация ухудшается, и если не попытаться сделать что-то сейчас, потом может быть поздно.

Хотя Чэньсин и успел сгруппироваться во время падения, прыгать с такой высоты ему не приходилось ни разу, а потому он очень некстати подвернул левую ногу. Если бы не цингун, которым он овладел в совершенстве, всё бы закончилось переломом. И пусть просветлённый его избежал, из-за режущей боли он не смог сразу подняться и помочь Цайхуа.

Однако, когда над той нависла угроза в лице непредсказуемого Лунху Ифэя, Чэньсин побежал к ней без промедлений. Лишь бы быть рядом, а дальше уж будет, что будет.

— *Новое* правило, — Ифэй резко достал из ножен оружие, отправляя его в бесшумный полёт. — И только попробуй вмешаться.

Меч главы школы, вонзившись в землю на треть, угрожающе преградил юноше путь, и тому не оставалось ничего, кроме как отступить. Сколь сильно бы его ни сжигало пламя тревоги, в настоящий момент ему отводилась лишь роль наблюдателя.

Тем временем Лунху Ифэй растянул губы в присущей ему гадкой ухмылке и обратился к просветлённой:

— К обучению допускаются те, кто смогут выдержать шесть моих ударов.

Ну разумеется, ведь тех, кто не выдержит, ждёт быстрая смерть!

Ещё не до конца осознавая, что именно происходит, Цайхуа заняла боевую позицию. Аура главы школы Ли обладала подавляющей мощью, и как бы ни силилась девушка выдавить из себя хоть каплю уверенности, всё было тщетно.

Она могла злиться, каждой клеточкой тела его ненавидеть и представлять, как втоптывает гордость этого человека в болотную грязь. Но, оказавшись с ним один на один, Цайхуа поняла, что не сможет воплотить в жизнь ни одну из фантазий. И вовсе не потому, что ей не хватает духа на это. Просто по сравнению с ним она действительно слишком слаба.

Осознание собственной слабости перед лицом просветлённого, за плечами которого имеется свыше тридцати лет опыта ведения боя, ударило Лу Цайхуа намного сильнее, чем последовавшая следом атака. Кулак Лунху Ифэя прилетел ей прямо живот, вынуждая согнуться почти пополам.

Кончики пальцев заледенели от страха, ноги будто бы намертво прилипли к земле, а в голове воцарилась звенящая пустота. *Да кто она вообще такая, чтобы тягаться с ним?*

Новый удар пришёлся прямо в лицо. Цайхуа удалось инстинктивно уйти от этого выпада, но костяшки пальцев Ифэя всё же задели правую щёку.

Боль и отчаяние внезапно заполнили всё естество, цепями опутали руки и ноги, лишая возможности ударить в ответ. Лунху Ифэй — непревзойдённый боец на этой горе, а она не достойна стать его тенью. Применить какую-то технику, броситься в бой или начать защищаться — всё до смешного бессмысленно. Что бы ни делал котёнок, как бы отчаянно он ни царапался, ему не одержать победы над тигром. В глазах свирепого хищника он будет казаться глупцом.

Исход этого боя был предрешён изначально. Лу Цайхуа снова переоценила себя, поверив, что может соперничать с этим безжалостным монстром.

Всё кончено. Кулак главы школы летит в нижний дантянь, чтобы разорвать изнутри её органы. Такая никчёмная, за восемнадцать лет жизни ничего не добившаяся, она не вправе учиться на горе Лунхушань.

Лу Цайхуа сдалась.

Девушка уже успела зажмуриться в полной готовности умереть здесь и сейчас, когда окрестности огласил металлический звон. Звук, чистый, как горный хрусталь, прошёлся волной по макушкам деревьев, заставляя их трепетать. *Нечто подобное когда-то случилось.*

Лунху Ифэй едва успел призвать меч, отражая внезапную атаку учителя Чжао.

Возникший из ниоткуда серебряволосый мужчина приветственно улыбнулся главе школы Ли. А затем знаком попросил его подождать: мол поединок продолжится, но для начала нужно сделать кое-что важное.

— Двадцать четыре, пойдёшь погуляй.

Сняв с одеяний повисшего на них котёнка, взлохмаченного и шаловливого, просветлённый кивнул Лунху Ифэйю и в то же мгновение обернулся порывистым ветром.

Два клинка схлестнулись в яростной схватке. Закатное солнце играло на лезвиях рыжими всполохами, две алые тени кружились в неистовом танце. Столь завораживающий бой мог произойти лишь между истинными мастерами.

Палочка благовоний не сгорела бы и на треть, когда меч Лунху Чжао оказался приставлен к горлу Ифэя.

— Многоуважаемый глава, я оставляю за вами право уйти, и тогда о том, что здесь случилось, никто не узнает, — почтительно произнёс серебряволосый бессмертный.

За тем, как лицо главы школы постепенно меняет оттенки от ярко-красного до болезненно белого, Чжао наблюдал с интересом. Казалось, он воспринимает своего оппонента как нашкодившего ребёнка, который наконец получил своё наказание. И пусть мужчины были примерно ровесниками, одного взгляда на них было достаточно, чтобы почувствовать: Чжао действительно опытнее.

У Лунху Ифэя не было выбора, кроме как сдаться. Взглянув в молодое лицо учителя Чжао с неприкрытым презрением, он запрыгнул на меч и в скором времени затерялся за кронами сосен.

Неужели всё обошлось?

Готовая плакать от облегчения Лу Цайхуа уже собралась благодарить Лунху Чжао, когда его меч плашмя ударил её прямо по голове.

— За что?!

Было не столько больно, сколько обидно. От собственного учителя, к которому она успела проникнуться тёплыми чувствами, *такого* она не ожидала.

— Неверный вопрос.

Глаза цвета вечернего неба прищурились, выражение лица стало серьёзным. Столь стремительная перемена в настроении просветлённого повергла Лу Цайхуа в состояние лёгкого шока, из-за чего она пропустила новый, более жёсткий удар.

Щёки обожгли невольные слёзы, в душе начала подниматься волна бессильного гнева.

— Учитель, если вам хочется сразиться со мной, подождите, пока я дорасту до вашего уровня!

Остановив рукой собиравшегося вмешаться Чэньсина, бессмертный сделал ещё один выпад. Попытка увернуться обратилась полным провалом, и меч вновь обрушился на Лу Цайхуа.

— Думаешь, у тебя есть столько времени? — голос учителя, обычно спокойный и мягкий, вдруг зазвенел от возмущения. — Хочешь заранее ко всему быть готовым? Не смей меня! Трудности будут ждать тебя в самый неподходящий момент, и сейчас я — твоя *новая*

трудность.

Навыки Чжао не оставляют Лу Цайхуа ни малейшего шанса уйти от атаки. Она — его ученица, однако это обстоятельство отнюдь не смягчает сердце бессмертного. Напротив, оно будто бы зачерствело, позволяя учителю без зазрения совести бить свою подопечную.

— Раз так, оставили бы меня сражаться с главой!

Голос срывается на полный отчаяния крик. Саднящая боль туманит сознание, руки и ноги не слушаются, замедляя и без того недостаточно быстрые движения девушки. Граница реальности размыта слезами, но окончательно потерять связь с окружающим миром Цайхуа не дают хлёсткие удары меча.

— В отличие от него, я не собираюсь тебя убивать. Моя цель — преподать тебе первый урок.

Сдвигаются к переносице тёмные брови, недовольство искрится во взгляде. Учитель теряет терпение, что отражается на скорости каждого выпада, и медленно чеканит сквозь зубы:

— Не важно, насколько силён или слаб твой противник. Ты не должен его *ни жалеть, ни бояться*. В бою имеет значение всего одна жизнь — твоя. И за неё нужно бороться до последнего вздоха!

Очередной выпад Чжао заставляет Лу Цайхуа упасть на колени. Изящный клинок беспощаден: он не собирается ждать, когда просветлённая возьмёт себя в руки и встанет, и настигает её снова и снова.

Слёзы горячим дождём орошают ладони и землю, от унижения и жгучей обиды хочется выть, пока в лёгких не закончится воздух. *Лунху Чжао... Да как ты посмел?!*

Стоя под градом ударов, Цайхуа ощущает, как кровь превращается в жидкую магму и закипает. Внутри точно начинает извергаться настоящий вулкан. Его взрывная волна заставляет девушку резко подняться и, сжав кулаки, с ненавистью посмотреть на учителя. Влажная пелена перед глазами мешает как следует его разглядеть, но просветлённую это не останавливает.

Игнорируя десятки новых ударов, с криком, исполненным жажды мести, Лу Цайхуа атакует бессмертного. Выпады девушки хаотичны, ни один из ударов не достигает намеченной цели, а все знакомые техники моментально превращаются в мешанину нерациональных движений. Правда это её не волнует. Как бы ни был хорош Лунху Чжао, она просто обязана ударить его хоть один раз, дать ему знать, какую боль он ей причинил.

— Понял наконец?

Сереброволосый бессмертный неожиданно улыбается и убирает меч в ножны. Это не останавливает Лу Цайхуа, вот только Чжао не позволяет к себе даже приблизиться. Ладонь мужчины окутывает сияние ци, и в тот же миг девушка падает на спину, сбита с ног мощной атакой.

— Урок окончен. Когда усвоишь его полностью, поймёшь, что делать, — голос учителя Чжао рассеивается вместе с порывами ветра.

Цайхуа силится встать, однако тело отказывается ей подчиняться. Пропитанное болью насквозь, горящее, как от огня, оно словно врастает в холодную землю, сливается с ней в одно целое, чтобы насытиться её живительной мощью. Каждый вдох приносит страдания, *от вида вечернего неба тошнит*.

В поле зрения мелькает Чэньсин. Девушка мысленно просит его подойти и побыть рядом с ней, однако это не происходит. Скользнув по ней ничего не выражающим взглядом,

просветлённый уходит вслед за учителем.

Внутри всё обрывается. Мир вокруг меркнет, оставляя Лу Цайхуа наедине с собственным учащённым дыханием. Наружу рвётся пронзительный крик, и просветлённая, захлёбываясь в новом потоке безудержных слёз, тратит на него последние силы.

Примечание автора:

Пытка тысячи порезов (линч́и, досл. «смерть от тысячи порезов») — особо мучительный способ смертной казни в Китае путём отрезания от тела жертвы небольших фрагментов в течение длительного периода времени.

Цингун — совокупность техник, позволяющих мастеру боевых искусств передвигаться с поразительной скоростью, высоко прыгать, бегать по вертикальным поверхностям.

Глава 28. Его имя сладкое, словно забытое прошлое, и одновременно горькое, как тоска

Заглядывая под каждый куст, попадающийся на пути к побережью, Чжао искреннее сетует, что в этом году вместо взрослого кота решил принести в дом котёнка. Двадцать четыре такой же забавный, как и его другие собраты, однако найти этого зверя намного труднее. На самом деле, Чжао давно бы от него оказался, если б не странное правило, которое он когда-то давно установил себе сам: каждый год заводить по коту. Бессмертный не помнит, зачем ему это. Он знает лишь то, что от этого зависит вся его жизнь.

— Двадцать четыре! — снова позвал просветлённый.

В ответ — тишина. Бесшумно кивают макушки деревьев, поздравляя его с возвращением в родные места, ласковый ветер играет прядями серебристых волос.

Все чувства обострены до предела, и чем дальше он движется по горной тропе, тем сильнее ощущает чьё-то присутствие.

Алая тень беззвучно скользит за ним по пятам. Ей не нужно скрываться, чтобы остаться никем незамеченной, ведь её темп почти превышает скорость человеческой мысли. И Чжао бы тоже не обнаружил её, если б не был одним из немногих, кто в совершенстве владеет той же особенной техникой.

Сереброволосый бессмертный делает нарочито медленный выдох и оборачивается, перехватывая занесённую для удара руку Чэньсина.

— Лунху Чжао!

Лицо юноши приобретает тот же оттенок, что и его одеяния. Глаза, будто затянутые свинцовыми тучами, вот-вот начнут метать молнии. Трудно понять, что Чэньсина разозлило сильнее: провалившаяся попытка незаметно подобраться к учителю или причина, которая вынудила его на это пойти. Так или иначе, его сердце уже очень давно не горело столь всепоглощающей яростью.

— В чём дело, мой мальчик? Совсем страх потерял?

Юноша не отвечает. Вырвавшись из хватки учителя, он награждает его испепеляющим взглядом.

Чэньсин смутно чувствует, что эмоции, которые он в себе так долго удерживал, окончательно вышли из-под контроля. Теперь, даже при сильном желании, слишком поздно себя останавливать. В затуманенном разуме не осталось и капли здравого смысла.

С годами чувства к Лао Тяньшу превратились для него в адскую пытку. Достаточно было услышать его имя из чужих уст, как просветлённый выходил из себя. Все вокруг напоминали о безвозвратной потере Тяньшу, в то время как сам Чэньсин всей душой верил в его возвращение, и это сводило с ума.

Чтобы сохранить равновесие на обрыве неуёмных эмоций и двигаться дальше, Чэньсин заплатил высокую цену: возвёл между собой и окружающим миром непроходимый барьер, лишил себя всех человеческих радостей, с головой погрузившись в учёбу и тренировки. В конечном итоге он стал нелюдимым отшельником. Так, больше ничто не могло разбудить в нём прежнюю бурю эмоций.

Всё изменилось с появлением в жизни просветлённого Лу Цайхуа. Сама о том не догадываясь, ещё в их первую встречу, она вывернула наизнанку душу Чэньсина.

Возникшие по отношению к ней противоречивые чувства ежедневно раздирали на части

сознание. Он сопротивлялся им до последнего, пока сегодня не увидел Цайхуа опустошённой и сломленной. В момент, когда она, обессиленная, упала на землю, что-то надломилось внутри него. Жгучая ярость затмила рассудок, и просветлённый утратил контроль над собой.

— За что ты так с ней?

Чэньсин вытащил меч и направил его на учителя. Рука чуть дрожала от напряжения, однако в серых глазах читалась уверенность, граничащая с жадной отменой.

— Пожалуй, я проигнорирую твоё неуважение, — Лунху Чжао скрестил на груди руки. — Но если ещё раз посмеешь со мной так разговаривать, я за себя не ручаюсь.

Увы, слова Чжао не возымели никакого эффекта. Оглушённый желанием сразиться с учителем, Чэньсин перешёл в нападение.

Он не давал себе отчёта о происходящем и даже не пытался понять, *почему*, то, что учитель сделал с Лу Цайхуа, его столь сильно задело. Просто в душе внезапно открылась старая рана. Боль прошлого влилась в настоящее, изменив его изначальную суть, и ноги сами принесли юношу к Чжао.

— Как ты можешь быть таким жестоким со своими учениками?!

Сереброволосый бессмертный избил свою ученицу, нанёс её гордости непоправимый урон. Сможет ли она с этим справиться, останется ли той же вздорной и открытой девчонкой, занявшей в его сердце особое место? Если с ней что-то случится, Чэньсин никогда не простит Лунху Чжао. И сейчас он поквитается с ним за её муки.

— Мне перед тобой отчитаться? Я буду учить вас именно так, как сочту нужным.

Бессмертный легко уклонился от выпада, так и не обнажив в ответ свой клинок. Сведённые к переносице брови, казалось, говорили о том, что учитель слегка раздражён. Однако, напротив, он пребывал в беспокойстве за напавшего на него юношу: *таким* он видел Чэньсина впервые.

— Ты чокнутый!

Не взирая на боль в поврежденной ноге, просветлённый бросил все силы на то, чтобы нанести Лунху Чжао *хотя бы один*, пусть даже слабый, удар.

— Чэньсин, я предупреждал.

Сереброволосый бессмертный в мгновение ока очутился у юноши за спиной и, не приложив и капли усилий, уложил его на лопатки.

— Такой же никчёмный, как твой предыдущий наставник, — без тени насмешки произнёс Лунху Чжао.

Окинув ученика сочувственным взглядом, он без труда пресёк его очередную попытку продолжить сражение. Для этого было достаточно наступить ему на ногу.

— Ты даже не знаешь, кто он такой, а смеешь так говорить! — выкрикнул юноша, когда боль отступила.

Обида за Лао Тяньшу стала последним, что он испытал, прежде чем разум заволокла зловещая дымка.

Его. Наставник. Не. Никчёмный.

В последний удар Чэньсин вкладывает всю свою мощь, всю безысходность, что сопровождает его с раннего детства.

Вот только меч не достигает шеи учителя.

Вдох. Сереброволосый бессмертный выбивает оружие из рук ученика, а затем неохотно использует свою любимую технику. Выдох. Усеянный с головы до ног ссадинами, Чэньсин

снова лежит на земле.

Боль, пропитавшая каждую клеточку тела, возвращает сознанию ясность. В уголках глаз собираются слёзы.

— Мне нет дела до того, кем он был, — наконец отвечает учитель. — Раз он погиб, значит был ни на что не годным слабаком. И ты такой же слабак, если до сих пор не можешь справиться с чувствами. Неужели не понял? Они мешают тебе развиваться! Если не научишься ими управлять, они сведут тебя в могилу! Мой драгоценный ребёнок, предупреждаю в последний раз: если подобное повторится, я вместо Лунху Ифэя выставлю тебя с этой горы. А теперь я сделаю вид, что ничего не случилось. Можешь не благодарить.

Отвернувшись, Чжао устало прикрывает глаза и просит богов вразумить его нерадивого подопечного.

Сознание медленно погружается в вязкий туман, сотканный из забытых кошмаров, но Лу Цайхуа не пытается с этим бороться. В мире, вмиг опустевшем и утратившем краски, её ничто не удерживает.

Хотя слёзы закончились, они не забрали с собой нестерпимую горечь, что разъедает стенки души. Ненавистное чувство беспомощности снова вернулось, опутало тело паутиной отчаяния, и, точно ядовитый паук, высосало из него последние силы.

Разум отравлен осознанием собственной слабости. Лу Цайхуа до последнего верила, что *со временем* станет лучшим воином во всей Поднебесной. Но *времени не осталось*, а настоящее так и не приблизилось к идеальному образу, существовавшему в её голове. Она опоздала.

На поведение девушки часто влияло её убеждение в том, что она обладает непревзойдённым талантом. Выжить в пожаре, не пощадившем её родную деревню, добиться успеха на пути совершенствования, без труда овладев сложными техниками, которые большинство её сверстников осваивали долгие годы — восемь лет назад она действительно была одарённой.

Гордая и самоуверенная Лу Цайхуа привыкла к тому, что обучение ей даётся легко. И даже когда в школе Чэнсянь она пришла к выводу, что для её дальнейшего роста как просветлённой требуется не столько талант, сколько ежедневная работа над собой, она не перестала витать в сладких грёзах о будущем.

Подобно молодому побегу, разглядевшему в водах ручья отражение могучего дерева, Лу Цайхуа видела себя почти небожительницей: непобедимой и с грозным оружием в сильных руках. Она не задавалась вопросом, воплотится ли эта иллюзия в реальность. Рано или поздно, как ей казалось, это просто случилось бы.

Сейчас же, когда лёд на озере правды растрескался, девушка увидела свой истинный облик. Непреодолимо далёкий от совершенства, которого она мечтала добиться, и жалкий до боли.

Никчёмной и слабой Лу Цайхуа, не успевшей достичь тех же высот, что и ровесники, — взять того же Шаньёо — предстоит пройти испытания в мире, где выживает сильнейший. Нет более речи о славе и спасении мира, ведь в первую очередь ей теперь нужно не дать себе умереть.

«Однажды обязательно наступит момент, когда ты отчаешься. Покажется, что ни с чем тебе больше не справиться, и силы покинут тебя. И только сумев себя превзойти, ты сможешь двигаться дальше».

Так говорил её старый наставник. Эти слова навсегда отпечатались в памяти девушки, однако понять их глубинную суть она пока не смогла.

Превзойти себя самого. Что же, в конце концов, это значит?

Даже сквозь пелену беспроглядного мрака, отрезавшего её от внешнего мира, Лу Цайхуа ощущает, как по щекам льются обжигающе горячие слёзы. Тело, будто опущенное в раскалённую магму, взрывается болью, ещё более резкой, чем прежде. Пустота пульсирует вместе с ноющим сердцем, перед мысленным взором мелькают золотистые искры.

Превзойти себя самого. Это значит стать другим человеком, изменившим способ мышления и саму свою суть. Преодолеть страхи и слабости, выйти за рамки привычного, отказавшись от прежнего образа жизни — только так можно сдвинуться с места.

На первый взгляд — просто, на деле же — почти невозможно.

Цайхуа слишком устала для этого. Попытки закончились, её слабое тело стало пустой оболочкой, и рядом нет никого, кто мог бы его наполнить теплом.

Хотя просветлённая не привыкла на кого-то рассчитывать, от мысли о собственном одиночестве внутри всё сжимается.

На языке вертится имя. Сладкое, словно забытое прошлое, и одновременно горькое, как тоска. Цайхуа шепчет его снова и снова в надежде, что *тот человек* вернётся за ней, согреет в объятиях и уже никогда не отпустит. Но вместо него её обнимает лишь пустота.

Она лежит без сознания, растворяясь во мраке безоблачной ночи. Слёзы тускло блестят в лунном свете, боль иссушает разум по капле, лишая воспоминаний о прожитой жизни. А затем тела касается что-то влажное и ледяное.

Снег. Холод, пронизывающий до самых костей. Порывистый ветер уносит в небесные дали чей-то душераздирающий крик. Тело ещё не остыло, и снежинки, коснувшись раскрасневшейся кожи, мгновенно превращаются в капли воды.

Образы слишком размыты. Они сменяют друг друга вспышками молний, не оставляя Лу Цайхуа даже шанса понять их. Чьи они — неизвестно, но вызванная ими душевная боль настолько сильна, что просветлённая принимает её, как свою.

Наваждение исчезает в то же мгновение, стоит над её головой раздаться мягкому голосу:

— Ты справишься.

Золотистые искры неистово кружатся, источая призрачный свет. Проходит не так много времени, прежде чем они собираются вместе и принимают знакомую форму.

Детёныш огненной лисицы.

Опустившись к ней на живот, он внимательно смотрит на Лу Цайхуа. Любовь, безнадёжная и бесконечная, читается в его немигающем взгляде. Светлая ци, что окружает зверька, проникает вглубь её тела, исцеляя его и заполняя собой сеть духовных каналов. От шерсти, цвета расплавленного золота, исходят волны тепла. Рядом с ним ей хорошо и спокойно.

— Цайхуа, ты должна двигаться дальше. Возьми себя в руки, а я постараюсь всегда быть рядом с тобой. Давай вместе преодолеем все испытания и обретём то, к чему стремится душа. Держись. Ты намного сильнее, чем кажется.

Пусть Цайхуа не узнаёт этот голос, в одном она уверена точно: это *тот самый* родной человек, которого она желала увидеть.

Он всё же пришёл. Представ перед ней в образе зверя, согрел неповторимым теплом и подарил ей надежду.

Детёныш огненной лисицы прикрывает глаза. Невесомо касаясь её пушистыми лапами, он подходит к лицу просветлённой, чтобы оставить на нём поцелуй. Нежный, как первые весенние листья.

Лу Цайхуа не представляет, кто он такой, но в голове крутится мысль, что она знает его целую жизнь. Они накрепко связаны нитью судьбы, и кем бы он ни был, духовной сущностью или живым человеком, она ни за что его не отпустит.

— Не уходи.

Она хочет обнять его, но руки ловят лишь пустоту. Зверёк исчезает, рассыпается искрящейся пылью, оставляя после себя эхо тёплого голоса:

— Я буду рядом.

Цайхуа приходит в себя, когда солнце уже высоко стоит над горизонтом. Беспокойная ночь осталась далеко позади, невыносимый кошмар бесследно рассеялся.

Её переполняет спокойствие, что помогает иначе взглянуть на события прошлого вечера. Хотя Цайхуа пострадала, она получила ценный урок, ставший новой ступенью на пути к совершенству.

Всё именно так. Чтобы приблизиться к своему идеальному «Я», следует перенести в настоящее его поведение и взгляды на жизнь. Иначе никогда не получится преодолеть этот иллюзорный барьер между ним и собой.

Пришло время всё изменить.

В памяти всплывают слова учителя Чжао: *«Урок окончен. Когда усвоишь его полностью, поймёшь, что делать»*.

Разглядывая облака, лёгкие, как штрихи быстрой кисти, Лу Цайхуа вполне ясно осознаёт, что хотел донести до неё сереброволосый бессмертный.

Раньше она не причиняла вред слабым, даже если это могло стоить ей жизни, и не пыталась себя защитить из-за страха перед чужой сокрушительной мощью. Теперь же она готова это исправить и начать всё сначала.

Никаких больше страхов и неоправданных жертв. Ничто не сломает её внутренний стержень, не заставит Лу Цайхуа вновь вернуться на дно разбитых надежд.

Поднявшись с земли, просветлённая с удивлением замечает, что её тело в полном порядке. На коже нет и следа от вчерашних побоев, а духовные каналы заполнены светлой энергией. Это обстоятельство сбивает девушку с толку, пока она, наконец, не вспоминает свои ночные видения.

Таинственный зверь, посещающий сны Цайхуа всякий раз, когда ей угрожает опасность, исцелил её снова.

Кто же ты?

Она тихо вздыхает и качает головой с грустной улыбкой.

В прочем, не важно. Просто спасибо за то, что не бросаешь меня.

Осмотревшись и сопоставив увиденное со своими воспоминаниями о горе Лунхушань, просветлённая побежала к реке. Именно к ней вчера вечером они направлялись с Чэньсином. А с учётом того, что год назад она видела, как с расположенного посреди неё островка взлетел Лунху Чжао, не оставалось сомнений, что учителя искать нужно там.

Остановилась Лу Цайхуа у самой воды, бесшумно омывающей илистый берег.

Влажный воздух полнится ароматом хвойных деревьев, напоминая те годы, когда просветлённая только мечтала попасть сюда. Открывшийся вид рождает в душе чувство возвышенного, ветер, несущий прохладу наступающей осени, вселяет уверенность.

Изумрудные пики горы отражаются в реке размытыми пятнами, что не способны передать в полной мере их неземное величие. От островка, недвижно застывшего в водном пространстве, поднимается тонкий столб дыма.

Осталось преодолеть не больше пятнадцати чжанов. И просветлённая с лёгкостью бы сделала это, если б не одно постыдное «но»: она совершенно не представляет, как нужно плавать.

Что ж, вот и настал этот день, когда ей придётся этому научиться.

Лу Цайхуа с опасением посмотрела под ноги. Ледяная волна, захлестнув носки тонких сапог, утянула с собой всю решительность девушки. Вверх по позвоночнику пробежали мурашки. Неужели у неё и правда нет выбора?

— Помочь?

Ей даже не нужно оглядываться, чтобы понять, кому принадлежит этот голос. Лу Цайхуа не собирается поддаваться эмоциям, однако обида настигает её прежде, чем она успевает это заметить.

Чэньсин. Оставил её вчера страдать в одиночестве, а сейчас, когда у неё всё замечательно, предлагает ей помощь. И как вообще совесть позволила?

В прошлом он сделал для неё достаточно много. И если б вчера он не бросил её, просветлённая признала бы в нём своего близкого друга.

Сейчас же Лу Цайхуа не намерена связываться с ним. Этого парня для неё больше нет.

Вспышка гнева придала ей безрассудную смелость, и просветлённая без лишних раздумий прыгнула в воду. С разбега и настолько уверенно, словно делала это всю свою жизнь.

Первые пару мгновений Чэньсин ошарашенно смотрит, как неумело барахтающуюся в реке Цайхуа уносит течением. Несмотря на то, что он знает насколько упрямой бывает эта неугомонная девушка, *такого* он от неё точно не ждал.

Чем яростнее Лу Цайхуа сопротивляется природной стихии, тем быстрее та её поглощает. Мертвенный холод проникает под кожу, вызывает в конечностях крупную дрожь, однако просветлённая не хочет сдаваться. Ей нужно добраться до учителя Чжао несмотря ни на что.

В момент, когда ноги окончательно теряют опору, просветлённую накрывает волной удушающей паники. Цайхуа делает вдох, но вместо необходимого воздуха лёгкие заполняет вода.

Неведомой силой её тянет на дно. Тело опутывает незримая сеть, сотканная из зловещих волокон, и просветлённой начинает казаться, что прямо под ней вот-вот разверзнется бездна.

Жидкая тьма со всех сторон обступает Лу Цайхуа, лишая движения и поднимая в душе липкий страх. Скоро она потеряет сознание.

А потом чьи-то сильные руки вытаскивают её из воды.

Цайхуа отчаянно кашляет, не решаясь поверить, что всё обошлось. Может ли быть, что в своей прошлой жизни она заслужила милость Небес, раз они постоянно ей помогают?

— Какая же ты всё-таки глупая, — низкий голос Чэньсина заставляет девушку вздрогнуть.

Цайхуа, наконец, замечает, что юноша её обнимает. До такой степени крепко, будто боится, что она может исчезнуть.

Поддавшись порыву, Чэньсин утыкается носом ей в шею и едва слышно вздыхает.

Вопреки ожиданиям парня, просветлённая не предпринимает попыток ударить его или скинуть с меча. Она просто молчит, не в состоянии справиться с чувствами, объявшими душу огнём.

Когда дыхание Чэньсина невесомо касается кожи, тело вдруг обдаёт всепоглощающим жаром. Она невольно прикрывает глаза, ощущая себя маленькой льдинкой, брошенной в неукротимое пламя. Во рту становится сухо, сердце стучит гулко и часто.

Цайхуа неминуемо плавится в его горячих руках, забывая о том, как дышать. Они стремительно приближаются к острову, однако ей нет до этого дела. Все её мысли сейчас занимает один человек. Единственный, на чьи прикосновения её тело *так* отзывается.

Нос Чэньсина скользит вверх по её шее, вызывая волну сладкой дрожи, и замирает у самого уха.

Девушка ждёт, что он извинится за свой вчерашний поступок, и уже готова простить его, однако с губ просветлённого срываются совершенно другие слова:

— Спускайся. Прилетели.

На голову словно обрушился ледяной водопад. Цайхуа широко распахнула глаза и резким движением оттолкнула Чэньсина.

— Ты!

Задыхаясь от возмущения, она отобрала у юноши меч и со скоростью ветра побежала вперёд по единственной протоптанной на этом острове тропке.

С двух сторон её обступают ароматные травы высотой в человеческий рост. Вдыхая их запах, девушка постепенно себя успокаивает и вспоминает, зачем она здесь. Цайхуа прилетела на этот крошечный остров, чтобы показать учителю Чжао свою готовность двигаться дальше. Это её главная цель, а со всем остальным она будет разбираться потом.

Рукоять оружия с чернильно-чёрным клинком согрелась в ладони, а сердце, напротив, покрылось корочкой льда. Лу Цайхуа спокойна и собрана. Она готова начать новый бой.

Взору открывается залитая солнцем поляна. На крыльце бамбуковой хижины, окружённой деревянными столами и стульями, лениво развалился упитанный кот. Приоткрыв один глаз, похожий на жжёный янтарь, он окидывает гостью скучающим взглядом и вновь засыпает.

— Я тебя ждал, мой дорогой, — Лунху Чжао с улыбкой выходит из дома.

На голове у бессмертного цветочный веночек, щёки окрашены нежным румянцем. Он похож на наивного юношу, ещё не познавшего превратности жизни, и только взгляд, задумчивый и печальный, выдаёт его истинный возраст.

Меч учителя мелодично звенит, высвобождаясь из серебряных ножен, и атакует Лу Цайхуа с радостным свистом.

Девушка без колебаний отражает первый удар. Не важно, насколько силён Лунху Чжао. Она использует в этом сражении все свои знания и не допустит того, чтобы ей навредили.

Улыбка бессмертного становится шире. Он осыпает свою ученицу дождём новых ударов, каждый из которых сильнее предшествующего. И хотя Чжао уверен, что Цайхуа справится с этим, он всё же старается сдерживать свою безграничную мощь.

Девушка чувствует, что учитель использует лишь малую часть своих потенциальных возможностей. К счастью, это обстоятельство никак не задевает её. Она просто рада тому, что преодолела свой страх и теперь может биться на равных с сильнейшими этого мира.

Начало изменениям положено. Впереди её ждёт полный опасностей, но оттого не менее привлекательный путь.

Два клинка, серебристый, как свет блуждающих звёзд, и матово-чёрный, словно беспроглядная ночь, схлестнулись в последний раз с жалобным звоном. Порхают вокруг осенние бабочки, цветы в венке Лунху Чжао источают едва уловимый аромат волшебства.

— Мой драгоценный мальчик, ты хорошо усвоил урок.

Глава 29. Изнанка светлого образа оказалась ужасающе грязной

Чэньсин, всё это время наблюдавший за боем, незаметно подошёл к просветлённой. Клинки учителя и ученицы оставались скрещёнными, когда юноша, будто случайно задев пальцы Лу Цайхуа, перехватил рукоять своего меча.

Прикосновение длилось мгновение. И девушке хотелось бы верить, что оно ей почудилось, вот только чувства подтверждали обратное. Сердце, обернувшись огненной бабочкой, взволнованно затрепетало в груди, лицо обдало лихорадочным жаром.словно обжёгшись, Цайхуа резко отдернула руку и отошла от Чэньсина на безопасное для неё расстояние.

То, что она начинала испытывать к юноше, всерьёз её беспокоило. Прежде девушка не сильно задумывалась об их отношениях, так как они просто не складывались. Казалось, Цайхуа и Чэньсина разделяет непреодолимая пропасть. Ей, импульсивной и прямолинейной, было трудно понять просветлённого, чьи помыслы являлись загадкой. Но чем дольше он рядом с ней оставался, тем сильнее Цайхуа сомневалась: так ли уж много между ними различий? Пусть Чэньсин замкнутый и молчаливый, его действия говорят красноречивее слов. В душе юноши полыхает огонь, и Цайхуа, ощущая в нём нечто родное, больше не может его игнорировать

— Вы оба, — нарушил неловкую паузу серебряноволосый бессмертный. — Зайдите-ка в дом. Надо поговорить.

Жилище учителя Чжао в полной мере отражало царивший в его душе хаос. На полу, устланном увядшей травой и засохшими листьям, на уставленных склянками полках и даже на его измятой постели лежали коты. Всех возможных цветов и размеров они мирно дремали под пение птиц. Солнечный свет, пробиваясь сквозь щели в бамбуковых стенах, тёплой пылью оседал на разбросанных всюду листах писчей бумаги. Вела на крышу деревянная лестница, прямо под ней располагалось рабочее место бессмертного.

— А вот и чай, — радостно потирая ладони, Чжао уселся за стол.

Привыкшая к странностям учителя Цайхуа безучастно наблюдала за тем, как тот сгребает со стола гору ненужной посуды, а затем ловко разливает по чашкам ароматный напиток. Окружающий беспорядок ничуть не беспокоил мужчину. Более того, Чжао находил его очень уютным и вдохновляющим. Лишь здесь, среди десятка котов и поражающей своим разнообразием утвари, он мог расслабиться полностью.

— Ифэю приспичило отправить меня на обход, — начал бессмертный, когда ученики сели напротив. — Вернусь я только к завтрашнему вечеру. Но это не значит, что теперь вы можете делать всё, что захочется. У меня есть для вас пара заданий.

Залпом опрокинув в себя содержимое чашки, Чжао принялся шарить рукой под столом.

Пока учитель что-то искал, Цайхуа тоже решила выпить свой чай. Однако сразу же пожалела об этом: напиток, остывший и перезаваренный, обволок язык вяжущей горечью.

Тем временем Чжао протянул ученице потрёпанный свиток:

— Эту технику я написал вместе с кем-то из школы Каймин. Думаю, тебе она будет очень полезна. Как вернусь, покажешь мне, чему научился. И учти, замечу ошибку — побью. А ты, — обратился мужчина к Чэньсину, — продолжай работать над мантрой усмирения чувств. И повтори по сто раз все свои техники. Если завтра сможешь стоять на ногах, я тебя

тоже побью, даю честное слово.

Чжао потянулся за чашкой Чэньсина, к которой тот благоразумно решил не притрагиваться, и с наслаждением её осушил.

— Ах, да, мальчик мой, — спохватился мужчина, когда его взгляд зацепился за рваный порез на рубаше Лу Цайхуа. — Сходи к ответственному за снабжение нашей горы, пусть подберёт тебе одеяния. Негоже ученику этой школы в чём попало расхаживать.

Цайхуа, с головы до ног мокрая и ощутимо замерзшая, обрадовалась возможности переодеться сильнее, чем наконец-то сбывшейся мечте. Да, теперь ей дозволено носить алые одежды школы Ли, но какой в этом прок, если она заболит? Ей стоит как можно скорее найти человека, о котором сказал Лунху Чжао, но перед этим Цайхуа должна кое с чем разобраться.

— Учитель. А где я буду жить?

— Что за глупый вопрос? С Чэньсином, конечно.

— ...

Сердце пропустило удар. А затем, одолеваемое противоречивыми чувствами, забило с неистовой силой. Тело будто облили кипящей смолой, мысли смешались в липкую кашу, но Лу Цайхуа не забыла: она всё ещё зла на Чэньсина.

— Учитель, Вы меня извините, но *с ним* я не хочу иметь ничего общего, — уверенно отчеканила просветлённая.

Лунху Чжао от удивления перелил чай через край. Жидкость растеклась по столу тёмной лужицей, намочив рукав просветлённого, несколько капель упало на пол.

— Думай хоть, прежде чем говорить подобные вещи. Не знаю, что вы не поделили, но этот мальчишка из-за тебя вчера подрался со мной. В том, что он оказался побитым, есть и твоя вина. И вообще, забыл уже, сколько всего он для тебя сделал? Ай-я, да ты благодарить меня должен за то, что я вас вместе поселил!

Не желая верить услышанному, девушка перевела взгляд на Чэньсина. До этого момента она избегала смотреть в его сторону, но теперь, увидев ссадины на неприкрытых одеждой частях тела парня, Цайхуа не смогла отвести от него глаз. Выходит, она была не права. Чэньсин не бросал её, а просто решил заступиться, и эта мысль вдруг вызвала в ней жгучее чувство стыда.

Смущённая девушка и иронично приподнявший бровь юноша продолжали смотреть друг на друга, пока не раздался голос бессмертного:

— Всё, мои драгоценные мальчики, выметайтесь отсюда. И не забудьте о тренировках!

После того, как они покинули хижину, Чэньсин достал меч и, указав на него, поинтересовался у соученицы:

— На этот раз не будешь отвергать мою помощь?

Щёки покраснели сильнее. Стараясь не думать, как глупо она сейчас выглядит, Цайхуа спрятала в ладонях лицо и позволила юноше поднять себя на руки. А когда ноги коснулись меча, поспешно шагнула вперёд. Лишь освободившись от объятий Чэньсина, она могла спокойно вздохнуть и привести мысли в порядок.

— Ты не против, что я с тобой буду жить? — решила спросить просветлённая.

— А у меня есть выбор?

Голос Чэньсина звучит слишком ровно, чтобы понять, что он чувствует. И это заставляет девушку беспокоиться вновь.

Меч стремительно летит над рекой. В её зеркальной поверхности Лу Цайхуа видит

события, о которых предпочла бы забыть. Юноша в алом прижимается к девушке в чёрном, и та, не в силах справиться с охватившим её пламенем чувств, полностью им отдаётся.

Воспоминания настолько отчётливы, что Цайхуа теряет связь с реальностью. Наваждение длится мгновение, но этого достаточно, чтобы девушка, потеряв равновесие, неловко качнулась и...

Чэньсин не даёт ей упасть. Снова оказавшись в плену его жарких объятий, просветлённая испуганно замечает, как её тело начинает гореть. Цайхуа не обращает внимания на смех просветлённого. Всё, чего она хочет, — поскорее спуститься с меча и убежать от этого парня и связанных с ним переживаний.

К счастью, долго ждать не пришлось. Преодолев ещё несколько чжанов, оружие медленно спланировало к расположенному на холме домику. Со всех сторон окружённый густым хвойным лесом он напоминал одинокого странника, что утратил надежду отыскать нужный путь. Покатая крыша его сплошь поросла мхом, у крыльца примостился самодельный очаг.

Хотя внешний вид хижины не вызвал ничего, кроме жалости, внутри она оказалась довольно уютной и чистой. Единственная комната была разделена ширмой на зоны: большую, предназначенную для работы и отдыха, и маленькую, где стояла огромная деревянная бочка.

— Здесь живёт тот, кто отвечает за снабжение школы? — осведомилась Лу Цайхуа.

— Здесь живу я.

Просветлённая потеряла дар речи. Беспомощно оглянувшись по сторонам, она на всякий случай отступила к двери.

— Тогда зачем ты меня сюда притащил? Мне же нужно сходить за одеждой.

Чэньсин не торопился с ответом. Открыв дверцы шкафа, он достал из него стопку алых одежд и только затем произнёс:

— Нет необходимости.

Глаза просветлённого лучились особенным светом, когда он отдавал одеяния девушке. Уголки его губ приподнялись в смущённой улыбке, во взгляде промелькнула робкая радость.

— Я носил их, когда мне было пятнадцать. Думаю, тебе будут как раз. Не беспокойся, они чистые.

Оставив растерянную Лу Цайхуа наедине с её сумбурными мыслями, парень вышел из дома.

И что это было?

В последнее время Чэньсин вёл себя, как её близкий друг. И хотя Цайхуа успела привыкнуть к тому, что в нужный момент он всегда приходит на помощь, чрезмерная забота с его стороны сбивала девушку с толку. В прочем, это ей не помешало обрадоваться. Ещё в школе Чэнсянь она поняла, насколько приятно носить одежды Чэньсина. Теперь же Лу Цайхуа сможет ходить в них всегда.

Переодевшись, она осмотрелась в поисках зеркала. Увы, кроме кровати, стола, размещённого у резного окна, расписанного хризантемами шкафа и стеллажа в помещении ничего больше не было.

Внимание просветлённой вдруг привлёк портрет незнакомого юноши, притаившийся на полке за палочками благовоний. Выющаяся длинная чёлка обрамляла лицо, изящное и одухотворённое, серые глаза наполнились нежностью. Окружённый ореолом любви и печали, он напоминал божество. Слишком светлое для мира, который успел причинить ему боль.

Завороженная его красотой Лу Цайхуа не сразу заметила покоившиеся рядом с портретом письмо и осколки меча. Пожелтевший конверт был запечатан при помощи незнакомой ей техники, а один из осколков ржавым налётом покрывала засохшая кровь. Когда она потянула к ним руку, фрагменты клинка вспыхнули мягким мерцающим светом.

В тот же миг чьи-то пальцы перехватили запястье. Чэньсин снова подобрался к ней незаметно.

— Не трогай.

Любопытство Лу Цайхуа мгновенно угасло, стоило ей уловить в голосе юноши болезненные нотки. Возможно, этот меч для него многое значил, поэтому она не решилась спросить, почему он вдруг засиял. И хотя девушка не хотела беречь душевные раны Чэньсина, она не могла не указать на портрет:

— Это...?

— Это Лао Тяньшу.

Пребывание у лика наставника, казалось, причиняло ему невыносимую боль. Словно не желая её больше испытывать, он потянул просветлённую к выходу:

— Идём, ты голодная со вчерашнего дня.

Все эти годы Чэньсин жил ради Лао Тяньшу. Обучение в Ли, визиты на соседние горы и даже развитие навыков приготовления пищи — всё это было нужно ему, чтобы научиться защищать и заботиться о Лао Тяньшу, когда тот вернётся.

Восемнадцать лет пролетели, как миг, а наставник по-прежнему не напоминал о себе. И пусть Чэньсин верил в его возвращение, в душе, точно колючий сорняк, проросло ощущение собственной бесполезности. Без Тяньшу всё становилось бессмысленным. Никому не было дела, насколько искусный воин Чэньсин и хорошо ли он умеет готовить.

С тех пор как наставник погиб, в нём никто не нуждался. И только рядом с Лу Цайхуа он вновь смог почувствовать себя нужным и значимым.

Усадив просветлённую на крыльцо, парень поставил ей на колени поднос с довольно внушительной миской лапши. В его алых одеждах, взъерошенная и немного растерянная, она вызывала в Чэньсине желание спрятать её от целого мира, защитить от всех возможных опасностей.

Ещё толком не сознав свои чувства, он наслаждался их пьянящим теплом. Впервые за долгие годы на сердце Чэньсина стало легко и спокойно.

— А почему не в столовой? — с набитым ртом поинтересовалась Лу Цайхуа.

— А тебе что, не нравится?

— Нравится, нравится, — поспешила заверить его просветлённая. — Просто спросила.

И лишь когда она закончила трапезу, Чэньсин наконец-то ответил:

— Не доверяю местной еде. И тебе не советую.

После обеда девушка спустилась с холма, чтобы найти уединённое место для тренировки. Убедившись, что поблизости нет домов просветлённых, она расположилась в тени раскидистых сосен. Хвойный аромат действовал на неё успокаивающе, и уже после непродолжительной медитации Цайхуа смогла сосредоточиться полностью.

Свиток учителя Чжао был испещрён мелкими символами. Подобно хаотично расползшимся по поверхности насекомым, они не образовывали ровные строки, и чтобы понять их, девушке пришлось затратить немало усилий. Однако оно того стоило. С техникой, которую ей наказал разучить Лунху Чжао, она выйдет на новый этап совершенствования. Оставалось только её отработать.

Поднявшись с ковра сухой хвои, Цайхуа встала в стойку и закрыла глаза.

Ци тонкими нитями пронзает пространство вокруг. Границы тела стираются, и сеть духовных каналов находит своё продолжение в потоках внешней энергии. Нечто похожее она испытала, когда повторяла технику Мао Шуая. Но вместо того, чтобы впустить в себя силу природы, Цайхуа сливается с ритмом трёх незнакомых сердец.

— Эй, новенькая! — раздаётся слева от девушки. — Ты кем себя возомнила? Будешь пропускать занятия, пока к тебе не придут с приглашением?

— В следующий раз ты обязана явиться на них, — второй голос звучит за спиной, и по сравнению с первым буквально сочится угрозой.

Цайхуа не открывает глаза. Она вошла в состояние, в котором сможет использовать новую технику, и чтобы его сохранить, ей следует оставаться спокойной. Она не позволит этим самодовольным парням испортить свою тренировку.

— Утром была интересная битва, — ехидно смеётся третий из них. — Но ты не расстраивайся. Мы поможем тебе восполнить упущенное.

Не успели слова прозвучать до конца, как ученики школы Ли одновременно атаковали Лу Цайхуа.

Выдох. Время замедляет свой ход. Ци неторопливо опутывает тела просветлённых, позволяя девушке оценить их сноровку и силу. Цайхуа не представляет, как они выглядят, но отчётливо слышит каждый их вдох, чувствует каждый шаг, заставляющий хвою разлетаться в разные стороны.

Девушка легко уходит от каждого выпада. Какими бы сильными они ни являлись, Цайхуа не проиграет. Она — быстрая тень, способная от них ускользнуть лишь затем, чтобы нанести ответный удар. Техника учителя Чжао удивительно мощная, и сейчас Лу Цайхуа им покажет, как хорошо она её выучила.

Стук сердец становится громче. Напрягая мысленный взор, просветлённая отслеживает каждое действие юношей. Прежде чем они успевают ударить её, Цайхуа встаёт в защитную стойку и в то же мгновение проводит контратаку. А затем, пользуясь замешательством учеников школы Ли, бьёт прямо в их жизненно важные точки. Она недостаточно опытна, чтобы убить таким способом, но этого хватит, чтобы противники потеряли сознание. Большого ей и не нужно.

Девушка открывает глаза и с удовольствием разглядывает распластавшихся на земле просветлённых. *Она одержала победу.* Осознание этого заставляет душу Лу Цайхуа искриться всепоглощающим счастьем.

Она действительно победила.

Сама.

Глубина бочки была идеальной. Погрузившись в воду до подбородка, Цайхуа с наслаждением вдыхала аромат мыльной пены. Точно такой же запах был у Чэньсина. Едва уловимый, но заполняющий сердце нежными лепестками цветов.

Вместе с напряжением девушку покинули и все ненужные мысли. Более ничто не смущало её, не вызывало желание провалиться под землю. Она спокойна и собрана, и отношения с другими людьми не заставляют её беспокоиться.

Получая удовольствие от омовения, она снова и снова прокручивала в голове момент своей первой победы над учениками из Ли. Пульсация ци в духовных каналах, сладкое ощущение своего превосходства, а после блестящий и такой долгожданный триумф. Освой

Цайхуа эту технику ранее, она ни за что не сдалась бы в бою с Лунху Ифэем.

К слову, о нём...

— Чэньсин, — громко позвала просветлённая и, не дожидаясь ответа, продолжила, — мне кое-что кажется странным. Почему Лунху Ифэй так просто ушёл, когда наш учитель его победил? Он же глава, разве ему не плевать на чужие условия? Или учитель Чжао здесь на особом счету?

Сперва из-за ширмы не доносилось ни звука, но когда Цайхуа снова окликнула юношу, тот, наконец, отозвался.

— Можно и так сказать, — голос Чэньсина звучал неуверенно, как если бы он испытал крайнюю степень смущения. — В нашей школе есть правило: если кто-то побеждает главу, его признают новым лидером. А Чжао очень силен. Я бы сказал, во всём клане Лунху ему не найдётся достойных соперников. Если говорить напрямую, он представляет собой угрозу для власти Ифэя. И они оба прекрасно знают об этом.

— Выходит, наш учитель этим радостно пользуется?

Лу Цайхуа задумчиво подула на пену. Вот значит как. Защищая её, учитель угрожал главе школы Ли, и кроме как отступить, у того не было выбора. Попробайся Ифэй навредить Цайхуа, серебряно-волосый бессмертный публично бы рассказал о его поражении, вызвав для подтверждения на поединок. Тогда Лунху Ифэй лишился бы поста главы школы, а это в его планы отнюдь не входило.

— Именно. Чжао сходит с рук очень многое, и всё потому, что он намного сильнее Ифэя. Думаю, ты уже успела заметить: наш учитель игнорирует правила школы и живёт ото всех обособленно. Глава закрывает глаза почти на всего его причуды, лишь бы только Чжао не трогал его. Но не думай, что у учителя полностью развязаны руки. Если Ифэй сильно захочет, он найдёт способ расправиться с ним. В конце концов, он ведь убил прошлого главу нашей школы.

Лу Цайхуа ошарашенно выдохнула:

— Убил?!

— Да.

Сделав короткую паузу, юноша продолжил рассказ.

Предыдущий глава был одним из немногих, кто имел репутацию сильнейшего просветлённого. У него было много последователей, под его руководством школа боевых искусств процветала. Поэтому, когда Хо Ифэй, на тот момент ещё не вступивший в клан Лунху, бросил вызов главе, всех это лишь рассмешило.

Вот только во время их поединка в пору было лить слёзы. Внезапно ослабевший глава школы Ли не смог отразить первый удар. Ифэй пронзил его сердце мечом и благополучно занял освободившийся пост. А все, кто выступили против него, в одночасье исчезли.

Это было предупреждением. Поэтому выжившим ученикам и наставникам осталось лишь молча склониться перед новым главой. Так Лунху Ифэй всего за несколько дней подчинил себе гору Лунхушань.

Девушка с трудом осознавала услышанное. Школа Ли занимала в душе Цайхуа особое место и представлялась ей обителью достойнейших из просветлённых. Доблестные воины в алом, практикующие боевые искусства ради защиты людей. Она восхищалась ими с тех пор, как поселилась у подножия горы Лунхушань, и даже не представляла, что на её лесистой вершине могло произойти преступление.

Изнанка светлого образа оказалась ужасающе грязной. Школа Ли больше не

соответствовала тем идеалам, которых стремилась достичь Цайхуа.

— Но зачем всё это Ифэю? — потерянно прошептала она.

— Хороший вопрос, — отозвался Чэньсин. — Вряд ли он провернул это ради одной жажды власти. Честно говоря, я считаю его ещё более чокнутым, чем учителя Чжао. *Поступки Ифэя непредсказуемы и нелогичны.* Но кто знает, какими мотивами он руководствуется. Так или иначе, расслабляться нам точно не стоит.

Погружённое в ночной полумрак помещение казалось ещё более уютным, чем днём. Танцевали на стенах размытые тени, услаждали слух всплески воды. Лениво наблюдая за пламенем десятков свечей, Цайхуа потеряла счёт времени, однако это не вызывало у неё беспокойства. Пока за окном мерцают далёкие звёзды, она может позволить себе не проводить каждый миг с пользой.

Чэньсин, отправившийся приводить себя в порядок сразу же после Лу Цайхуа, не торопился выбираться из бочки. Все его вещи аккуратно висели на ширме, и от нечего делать Лу Цайхуа решила снять с неё алую ленту.

«*Превзойти себя самого*». Проведя пальцами по иероглифам, девушка тихо вздохнула. Хотя эта вещь и принадлежала Лао Тяньшу, в его существование ей верилось слабо. Юноша, несравненно прекрасный и обладающий удивительной силой, жил лишь в легендах да на портрете, скрытом в доме Чэньсина. Идеальный герой, созданный неведомым автором, чтобы поддерживать в людях веру в добро, — вот каким видела его Лу Цайхуа. Разве мог быть на свете такой человек?

— Насмотрелась?

Полураздетый Чэньсин тенью скользнул к ней за спину и ухватился за ленту. На его левом запястье Лу Цайхуа вдруг обнаружила шрам: продольный и очень глубокий. Но спросить о его происхождении она не успела. Замотав след своего тяжёлого прошлого лентой, алой, как свежая кровь, Чэньсин с размаху плюхнулся на постель.

Подобного развития событий Цайхуа не ждала. Она была уверена в том, что Чэньсин ей уступит кровать. Но теперь, когда реальность разошлась с её ожиданиями, просветлённая разозлилась.

— А мне где спать?

Губы Чэньсина тронула озорная улыбка. Заняв удобную позу, он нарочито вежливо предложил:

— Бочка свободна. Если хочешь, можешь спать в ней.

Насмешливый взгляд просветлённого становится последней каплей в чаше терпения девушки. Задыхаясь от гнева, Цайхуа в один шаг сокращает разделяющее их расстояние.

— Разбежалась.

Скрестив на груди руки, она прыгает на свободную половину кровати и отворачивается. *Она никуда не уйдёт.* И если Чэньсин не собирается ей уступать, пусть продолжает лежать здесь, пока не помрёт от смущения. Ей же до этого просто нет дела.

Примечание автора, (добавленное уже по завершении книги):

Ай-я (哎呀) — данное китайское междометие обычно переводится на русский как «Ай-яй!», но я не удержалась от того, чтобы написать, как оно слышится на самом деле (āi yā). Данное восклицание можно услышать в основном тогда, когда человек испытывает удивление, раздражение или даже отвращение.

Глава 30. Сладкий сон неожиданно обернулся кошмаром

Пространство заполнено бесчисленным множеством звёзд. Купаясь в их золотистом сиянии, Цайхуа ощущает спокойствие. Границы тела размылись, и она, слившись в единое целое с этим расшитым нитями ци полотном, отпускает сознание в свободный полёт.

Она слышит стук сердца. Чужого или её — понять невозможно. Совпадающей с ритмом дыхания, он расслабляет и создаёт атмосферу уюта.

Помятые крылья души расправляются в звёздном тепле, уже ставшем родным. Попытки вспомнить его обладателя, как и всегда, ни к чему не приводят. Но Цайхуа не расстраивается: ей достаточно знания, что о ней кто-то заботится. Неведомый призрак снова проник в её сон, чтобы наполнить его этим исцеляющим душу теплом.

Внезапно свет исчезает. Словно на солнце вдруг набежала зловещая туча, всё вокруг потемнело, и кожу обдало мертвенным холодом. Золотистые искры растворились в непроницаемом мраке, оставив после себя пустоту. Растущая с каждым мгновением, она постепенно насыщается страхом. Ледяной воздух густеет, всё шире разевает свою клыкастую пасть безысходность. Задыхаясь от ужаса, Цайхуа резко открывает глаза. И возвращается в реальность.

Сладкий сон неожиданно обернулся кошмаром.

Прежде чем ей удаётся прийти в себя, Цайхуа долго смотрит перед собой в темноту. Свечи погасли, а сияния звёзд недостаточно, чтобы осветить помещение крошечной хижины.

Наконец, когда дыхание становится ровным, Цайхуа переводит взгляд на другую половину кровати. Вопреки ожиданиям, Чэньсина там нет.

Она не хочет гадать, почему он ушёл. Однако мелькнувшая на задворках сознания мысль, что ему рядом с ней неуютно, раздражает Лу Цайхуа. В прочем, делать поспешные выводы она больше не хочет. Возможно, Чэньсин просто решил прогуляться.

Захватив с собой одеяло, девушка выходит из хижины и облегчённо вздыхает. Долго искать не пришлось. Чэньсин сидит на крыльце и, подперев подбородок ладонью, разглядывает иссиня-чёрное безлунное небо.

— О чём думаешь? — любопытствует Лу Цайхуа.

Присев рядом с Чэньсином, она накрывает его и себя одеялом. Юноша вздрагивает и награждает её растерянным взглядом.

— Холодно, — объясняет она и, в подтверждение, дышит на свои уже замёрзшие пальцы. Тёплое облачко пара мгновенно поднимается вверх, чтобы бесследно исчезнуть с остатками сна.

Чэньсин улыбается. Уровень его совершенствования позволяет поддерживать в теле тепло. И хотя юноше ни капли не холодно, он не даёт Цайхуа это понять. Она впервые о нём позаботилась, и просветлённый не хочет разрушать этот момент, столь незначительный и одновременно трогательный.

— Я вспоминаю наставника, — вскоре отвечает он на вопрос Цайхуа.

Обычно Чэньсин не говорит о своих чувствах с другими, и уж тем более не обсуждает Лао Тяньшу. Отношения с ним — его сокровенная тайна, в которую юноша не планирует никого посвящать. Воспоминания о самом дорогом человеке хранятся в сокровищнице его закрытого наглухо сердца, и посторонним не суждено насладиться их красотой, что

причиняет Чэньсину мучительно сладкую боль.

Но с Лу Цайхуа всё иначе. С момента их первой встречи мысли о ней не дают парню покоя. Чем сильнее он хочет избежать с ней общения, тем крепче сплетаются нити их судеб, и, в конечном итоге, ему остаётся признать: теперь эта взбалмошная девушка стала неотъемлемой частью его бытия.

Просветлённый готов ей открыть свою драгоценную тайну. Она первая после Лао Тяньшу, кому он не против довериться.

— Чэньсин, — неуверенно начинает Лу Цайхуа и не находит в себе силы продолжить.

В ночной темноте растворяются их защитные маски. Пусть Цайхуа не видит лица просветлённого, ей без труда удаётся почувствовать и пропустить через себя его боль.

Она сразу догадывается, о каком из наставников Чэньсин говорит. Лао Тяньшу, следующий за ней по пятам невидимым призраком, остаётся для юноши самым желанным и родным человеком. Лу Цайхуа не представляет, что связывает этих двоих, однако преданность Чэньсина наставнику, мёртвому уже почти двадцать лет, вызывает у неё недовольство.

Память о Лао Тяньшу мешает Чэньсину жить полноценно. Не позволяя наставнику раствориться в безвременье, он платит слишком высокую цену. Все силы юноши уходят на то, чтобы поддерживать существование Лао Тяньшу в своей памяти. Взамен же его не ждёт ничего, кроме безразличия мира, от которого он сам отказался. И это не нравится девушке.

Прежде чем она разглядела в душе его своё отражение, Чэньсин страшно её раздражал. Непредсказуемый, мрачный, ни капли на неё не похожий — таким он казался ей раньше. Угроза, что Чэньсин излучал, практически сводила с ума, и необъяснимая жажда её устранить руководила каждым поступком Лу Цайхуа.

Чэньсин предстал перед ней закрытым моллюском, чью раковину она стремилась раскрыть лишь для того, чтобы найти в ней его безобидную плоть и, наконец, успокоиться.

И однажды это случилось. Рядом с ней Чэньсин стал другим человеком: открытым для чувств и готовым ими делиться. Душа просветлённого горела пламенем жизни, спалившим дотла его прежний образ и грозившим расплавить волю Лу Цайхуа.

Необщительный юноша, скрывающий боль за маской безразличия к миру, казалось бы, исчез навсегда. Но не прошло и нескольких дней, как Чэньсин снова замкнулся в себе. Стоило ему вспомнить наставника, и створки его непроницаемой раковины неумолимо захлопнулись, вернув его на дно прошлой жизни.

Вместо того, чтобы спать рядом с ней, он в одиночестве предаётся отчаянию. Разве оно того стоит?

Не представляя, о чём она думает, юноша с полуулыбкой обращается к Лу Цайхуа:

— Ты что-то хотела?

Сердце пропускает удар.

— А? Да...

Девушка делает вдох и решается.

— Чэньсин, может тебе пора его отпустить? Мне кажется, он бы хотел именно этого. Чтобы ты был свободен и счастлив.

Этого хочет и сама Цайхуа. Отчего-то ей *больно* видеть, как он продолжает хвататься за прошлое. И чтобы Чэньсин стал окончательно тем *живым* человеком, каким он был рядом с ней в последнее время, она произносит эти слова. Тихо, но очень уверенно.

Цайхуа даже не думает, что они могут ранить Чэньсина. Тем временем улыбка юноши

меркнет, и он отворачивается.

Звёзды висят очень низко. Скопление их так велико, что кажется, будто небо не выдержит, и они прольются на землю ярким дождём. Таинственно мерцая в ночи, они очаровывают своей неземной красотой. И всё же им не сравниться с сиянием глаз Лао Тяньшу. Придёт время, и Чэньсин снова впитает в себя без остатка их мягкий свет, направленный на него одного.

Отпустить Лао Тяньшу? Ни за что. Сколько бы жизнью ему ни предстояло прожить, в каждой из них он будет искать его. Красная нить прошла испытание жизнью и смертью. Пронзая пространство и время, она соединяет их души, что отчаянно стремятся друг к другу. Лао Тяньшу непременно вернётся. Чэньсин никогда от него не откажется, не променяет на счастливую жизнь. Да и может ли она быть счастливой, если в ней нет *его*?

Чэньсин смиренно принимает боль ожидания. Она — наказание за его былую никчёмность. В последний год своей жизни Лао Тяньшу перенёс немало страданий, однако Чэньсин не смог их с ним разделить. За это он будет винить себя до конца своих дней.

Юноша вдруг ощущает, что наставник как никогда близко к нему. Ритм сердца сбивается, на глазах блестят слёзы. Задыхаясь от нахлынувших эмоций, он почти физически чувствует, как его щёки накрывают родные изящные пальцы, и мягкий голос шепчет на ухо слова утешения.

Ждать осталось недолго. Скоро Чэньсин обнимет наставника, так крепко, насколько возможно, и больше никогда не отпустит. Он будет жадно ловить каждый взгляд, исполненный нежности, вдыхать аромат и наслаждаться теплом его тела, отдавая взамен себя целиком. Чэньсин сделает всё, чтобы Лао Тяньшу навсегда забыл о страданиях. И если потребуется, отдаст жизнь за него.

Чем дальше просветлённый молчит, тем сильнее путаются мысли Лу Цайхуа. Ей редко удавалось понять окружающих, а с головой погрузиться в их чувства — почти никогда. Однако сейчас она ощущает, как боль Чэньсина по капле насыщает собой её тело, вынуждает сердце биться быстрее. Девушка едва подавляет желание забыть обо всём и обнять его.

Просветлённый, что сидит рядом с ней, — один из самых несчастных на свете людей. Осознание этого заставляет её покраснеть от стыда: по ошибке приняв его отчуждённость от мира за самолюбие, она не раз задевала душевные раны Чэньсина. И даже страдая от боли, он ей помогал. Если задуматься, Чэньсин всегда был рядом с Лу Цайхуа, когда она в этом нуждалась, и дважды спасал её от преждевременной смерти. А что же она? ...

Цайхуа крепко зажмуривается. Ей потребовалось так много времени, чтобы понять: Чэньсину она обязана многим. И, если честно, она совершенно не против начать возвращать ему долг, пусть это даже займёт целую вечность.

Девушка открывает глаза, чтобы в тот же момент перевести взгляд на Чэньсина. Внутри полыхает огонь, испепеливший остатки здравого смысла, и она не пытается его подавить. Опасаясь упасть в бездну неизведанных чувств, она не заметила, что уже давно в ней находится. Пусть Цайхуа не готова признать это, она собирается действовать. Потому что желание обнять этого юношу сильнее всех её страхов.

— *Его* я не отпущу никогда, — неожиданно отвечает Чэньсин, прежде чем Цайхуа успеет сделать хоть что-то.

Порыв холодного ветра уносит слова просветлённого вместе с собой, однако в душе навсегда остаётся их тяжёлый осадок.

Скинув с себя одеяло, Чэньсин резко встаёт и направляется к лесу.

От этой девушки ему лучше держаться подальше. Душу будто окатили студёной водой, когда он вдруг осознал: рядом с ней он больше не может хранить верность наставнику. Поддавшись мимолётным влечениям, он забыл о Лао Тяньшу, предал его в своих мыслях.

Самый дорогой для него человек скоро вернётся, и Лу Цайхуа рядом с ними не место. А чувства, что она в нём разбудила... Совесть не позволит ему сохранить их, ведь сколько он ни пытался себя заверить в обратном, они куда глубже, чем простой интерес.

Но что бы он ни испытывал к Лу Цайхуа, это не имеет значения, ведь он давно сделал выбор. Его сердце навсегда принадлежит Лао Тяньшу, и только за ним Чэньсин готов следовать до конца своих дней.

Цайхуа смотрит просветлённому вслед, пока его окончательно не поглощает ночной полумрак. Она пребывает в растерянности, и вместе с тем изнутри её обжигает обида.

Вспомнив наставника, Чэньсин снова замкнулся, предпочёл в одиночестве терпеть свою боль. Но просветлённая не готова с этим мириться. В конце концов, она задолжала ему целых две жизни, а потому сделает всё, чтобы помочь Чэньсину начать всё с начала.

Но сперва ей стоит немного остыть. Так как случайно она сломала ступеньку, по которой со злости ударила левой ногой.

Остаток ночи Цайхуа не спала. Ворочаясь на холодной кровати, она до самого утра пыталась прогнать мрачные мысли. Теперь же, взъерошенная и обессиленная, она буравила взглядом изображение Лао Тяньшу. Вот только нежный, как лепестки весенних цветов, сероглазый бессмертный продолжал изучать волны любви несмотря на её недовольство.

На тренировку в таком состоянии идти не хотелось. И сейчас, в попытке отвлечь себя от желания разорвать на кусочки портрет этого милого юноши, она снова потянулась к осколкам меча. Однако ничего не случилось. Холодный металл остался безжизненно тусклым даже после попытки пропустить через него потоки духовной энергии. И лишь когда распахнулась дверь хижины, осколки начали слабо светиться.

— Ифэй отправляет нас на обход. Встретимся в деревне у южного склона, — голос холодный и равнодушный.

Не удостоив Лу Цайхуа даже взглядом, он прошёл в помещение, чтобы зажечь благовония у портрета Лао Тяньшу и после молча выйти наружу.

Девушке пришлось спускаться самой. В прошлом ей довелось много раз ходить по этой дороге, поэтому, зная её наизусть, Лу Цайхуа двигалась достаточно быстро. И всё же по скорости она не могла сравниться Чэньсином, который предпочёл лететь на мече. Так, мысленно проклиная его заодно с Лунху Ифэем, очевидно что-то снова задумавшим, Лу Цайхуа вошла в свою родную деревню.

Хотя всё произошло слишком внезапно, Цайхуа не ощущала тревоги. Словно так и должно было быть. Бессонная ночь, а затем, вместо обычного учебного дня, задание от главного убийцы учеников школы Ли.

Чэньсина нигде не было видно. Пройдя несколько улиц с растущим внутри раздражением, девушка вновь прокляла его скверный характер. Всё же хорошо начиналось! Так почему она должна терпеть его безразличие и делать вид, что ей ничуть не обидно?

Цайхуа непременно выскажет юноше всё, что о нём думает. То обнимает и кормит вкусной лапшой, то оставляет одну в лесной хижине и избегает. *Порядочные* люди себя так не ведут!

Как назло, Цайхуа была очень голодной, что лишь сильнее распаляло огонь её гнева. В

конечном итоге просветлённая бросила поиски и решила пойти к Юньчи и наставнику Лао. Должно быть, они уже завтракают. И именно это нужно сейчас Цайхуа: бесплатная трапеза в компании близких людей, способных заполнить теплом её опустошённую душу.

Дверь открыла Юньчи. Цайхуа было кинулась к ней обниматься, однако выражение лица её заставило девушку умерить свой пыл. Бледнее бумаги, с искрами ужаса в льдистых глазах, Юньчи была сама не своя.

В сознание мгновенно закралось предчувствие чего-то ужасного.

— Что случилось? — схватив её за руку, Цайхуа с беспокойством огляделась по сторонам.

Ничего необычного она не заметила. Всё те же светлые стены, в залитом солнцем гостевом помещении, в котором Юньчи обычно работала, стоят тот же стол и круглый стеллаж. Разве что из комнаты наставника вдруг донёсся удушающий кашель.

— Юньчи? — голос Цайхуа задрожал.

Губы сжаты в плотную линию, дыхание глубокое, ровное. Юньчи, как и всегда, достаточно сдержана. Не позволяя панике захватить себя окончательно, она указывает взглядом на дверь Чжуаньцэ и произносит всего одно слово:

— Наставник.

И Цайхуа всё поняла. Ещё в прошлом году его здоровье серьёзно ухудшилось. И хотя в их последнюю встречу просветлённой казалось, что он в полном порядке, на деле Чжуаньцэ балансировал на грани жизни и смерти.

— Ему стало хуже? Почему?

Цайхуа собиралась войти к наставнику в комнату, но Юньчи, крепко схватив её за рукав, не дала сделать и шагу.

— Тёмная ци.

— *Что* тёмная ци? — вырвавшись из цепких пальцев подруги, Цайхуа начала терять контроль над собой.

Тело покрылось испариной, руки и ноги потяжелели. Вязкий туман проникает под кожу, чтобы лишить её ощущений, и Лу Цайхуа, на миг потерявшая связь с внешним миром, слышит один только звон в голове. А после надежда разбивается на тысячи мелких осколков, что ранят стенки души, заставляют их кровоточить.

— Вчера вечером ко мне пришла женщина. Вроде обычная, в чёрном плаще...

Внутри всё холодеет. Женщин в чёрном плаще может быть много, но Лу Цайхуа не сомневается: речь идёт *о той самой*, что не раз пыталась забрать её жизнь. Волнами от неё исходит тёмная ци, и старый наставник, чтобы нейтрализовать её действие, наверняка потратил много духовной энергии. Что не могло обойтись без последствий.

Напряжённо кусая губу, Цайхуа слушает дальше.

Женщина в чёрном плаще зашла в дом без спроса. Алые губы растянулись в довольной улыбке, когда она поняла, что Юньчи её не боится.

Лучи заходящего солнца, отразившись в глазах тёплыми бликами, ничуть не согрели взгляд девушки. Посмотрев незнакомке в лицо, Юньчи недовольно приподняла правую бровь.

Впрочем, неприветливость девушки не задела Гуньи. К её внутренней силе женщина отнеслась с уважением и, больше не медля, положила перед ней вырванную из книги страницу.

— Говорят, в каллиграфии тебе нет равных. Сделай мне точную копию. Только

подправь кое-где содержание.

Озвучив просьбу, Гуньи положила на стол ещё один лист, испещрённый неровными символами.

Юньчжи не обдумала толком её предложение, как незнакомка исчезла.

Вернулась Гуньи уже следующим утром. Отказавшись платить за работу, она улыбнулась и произнесла всего одну фразу:

— Взамен я сохранию тебе жизнь.

Цайхуа игнорирует последнюю часть рассказа. Мысли вертятся вокруг той самой страницы, которую Юньчжи не описала детально, и просветлённая в конце концов перебивает подругу:

— Что было в листе? Можно подробнее?

Юньчжи не задаёт лишних вопросов. Она хорошо знает Лу Цайхуа, чтобы понять ход её мыслей. Если та заострила на чём-то внимание, значит это действительно важно.

— Там были изображены две обычные чашки. Причём способ их применения достаточно жуткий. Сначала они заполняются кровью, потом...

Договорить она не успела. Входная дверь распахнулась и на пороге показался Чэньсин. Не менее взволнованный, чем Лу Цайхуа, он громко позвал её:

— Ты! Где тебя носит? Я обнаружил скопление тёмной энергии.

Цайхуа ещё не осмыслила, что происходит, как юноша в алом схватил её за рукав и потянул на выход из дома.

— Поговорим, как вернусь! — кричит Цайхуа, когда они отходят на несколько чжанов.

Пульс отдаёт в голове, от напряжения ломит в конечностях. Подобно пушинке, опустившейся в середину реки, она по случайности оказалась в самой гуще событий. Подхваченная их бурным потоком, без единой возможности выбраться, сейчас она может быть лишь наблюдателем. Беспомощным и бесполезным.

Старому наставнику плохо, тайна демонических чашек раскрыта не до конца, а впереди ждёт бесконечная тьма, с которой Цайхуа не готова бороться. Всё произошло слишком быстро, смешалось в вязкую кашу, что склеила мысли и вызвала у неё тошноту.

— Здесь, — сообщает Чэньсин и вынимает из ножен клинок.

Цайхуа растерянно смотрит на заброшенный дом, хозяева которого умерли два года назад. Похоронное убранство его со временем приобрело грязно-жёлтый оттенок, пробуждающий в ней панический страх. Лишённые жизни деревья уткнулись ветвями в затянутое тучами небо, сухая трава склонилась под натиском осеннего ветра.

Обычно она избегала смотреть в сторону этого места. А уж о том, что здесь может быть пристанище демонов, она даже не думала. Так или иначе, в прошлом году из-за них здесь погибло много людей, чему Цайхуа не придавала значения. И за это она себя никогда не простит.

Перед тем, как зайти внутрь, Цайхуа и Чэньсин обмениваются беспокойными взглядами. Оба готовятся к худшему и, сделав медленный вдох, толкают скрипучую дверь.

Вперёд.

Потяжелевшая от скопления демонической ци темнота мгновенно притупляет органы чувств. Воздух пропитан запахом смерти, повсюду слышатся звуки чужого дыхания.

Потеряв ориентацию в пространстве, девушка невольно хватает Чэньсина за руку. А после на обшарпанных стенах вдруг вспыхивают десятки огней. Освещённые пламенем лица приветливо улыбаются им, однако в глазах их сверкает жажда убийства. Демоны, занявшие

людские тела, окружают Цайхуа и Чэньсина плотным кольцом, каждый из них предвкушает пролитие крови.

— Это вас, значит, мне нужно убить? — голос, смутно знакомый Лу Цайхуа, звучит из глубины помещения, где на обитом бархатом стуле сидит старший демон.

Тело, что он захватил, некогда принадлежало мужчине среднего возраста. Начавшие сесть у висков длинные волосы рассыпаются по широким плечам, могучее тело скрывает расшитый серебристыми нитями плащ. Исходящая от него аура зла почти осязаема, и Лу Цайхуа страшно представить, сколько веков прожил этот демон.

Девушка бегло оглядывается по сторонам. Место похоже на оружейную, но пыльные полки, увешанные мечами и луками, также набиты старыми свитками, склянками и прочим непонятого назначения хламом. Похоже, этот заброшенный дом стал для демонов складом, где они хранили награбленное.

— Нет, так не пойдёт, — продолжает тем временем демон.

Заняв удобную позу, он скользит насмешливым взглядом по жаждущим крови собратьям и, наконец, отдаёт им приказ:

— Парня не трогать. С девчонкой же можете делать, что захотите.

Последние слова главного демона тонут в неистовом визге толпы.

Хотя демоны не намного сильнее людей, справиться с ними — непростая задача. Точно рой растревоженных пчёл, они бешено выются вокруг Цайхуа. Пока Чэньсин отбивает удары, она концентрируется на своих духовных каналах и пытается применить новую технику. Однако она бесполезна — повсюду лишь неподвластная ей тёмная ци.

Кровь приливает к вискам, закипает подобно вулканической лаве. В попытке увернуться от четырёх атак одновременно, она получает сзади мощный удар и давится воздухом. Оглушённая безумными криками, ещё не до конца осознавшая, что происходит, Лу Цайхуа наблюдает за тем, как к ней приближаются острые лезвия.

Ворваться в логово демонов, не позвав на подмогу, было глупой ошибкой. Но ещё более глупо было идти сюда безоружной.

Она снова в шаге от смерти. Холодный металл, что вот-вот войдёт в тело, отражает всполохи пламени. И Цайхуа, замороженная его красотой, отдаётся на волю судьбы. На этот раз она сделала всё, чтобы себя защитить. Что будет дальше — от неё не зависит.

Внезапно её обнимают сильные руки. Закрыв Цайхуа своим телом, Чэньсин крепко зажмуривается в ожидании режущей боли.

Девушка широко раскрывает глаза, ощущая, как пальцы немеют от ужаса.

Почему всё происходит именно так?

Почему всё так глупо?

Почему?

Если с Чэньсином что-то случится, она...

В помещении неожиданно становится тихо. Время будто на миг останавливается, а затем, под звуки падения орудий убийства и тел, к просветлённой летит сияющий меч. Перерезав глотки всех нападавших, он лег рукоятью в заледеневшую от страха ладонь Цайхуа. Так легко и уверенно, словно проделывал это бессчётное количество раз.

Глава 31. Учитель и ученик снова вместе

Тёмная ци копилась столетиями. Рождённая людскими пороками, она постепенно сгущалась и обретала разумную форму. Так, одержимые жаждой убийства и источавшие мертвенный холод, в мире возникли первые демоны.

Непримиримая ненависть к людям, казалось, была с ними всегда. Они жили ей с первых мгновений своего появления. Земля, пропитавшись мольбами о помощи, стала ареной для боя, свободная жизнь — желанной наградой. Всего один род мог остаться под небом: демонический, либо людской, — и дети тьмы не собирались сдаваться.

После изгнания в Мрачный чертог, проклиная Чэнсяня и просветлённых, демоны всё же сумели пробить брешь меж мирами. Однако вернуть себе прежнюю форму они не могли. Бесплотные сгустки, невидимые для обычных людей, чтобы выжить, питались их тёмной энергией и завладевали телами. В мире, который являлся их домом, демонам не было места, но они упорно продолжали бороться: с людьми, просветлёнными и даже друг с другом.

В обществе демонов именами не пользовались. Однако верховного все называли Ван Сы. Очевидно, боялись настолько, что желали ему страшной смерти, и на то были причины. Он уничтожил сотни сородичей, чтобы доказать право на власть, превратил их существование в настоящий кошмар, заставляя вариться в котле своих безумных страстей. Лишь Тао Янь, ненавистный всеми помощник верховного демона, прекрасно его понимал: Ван Сы делал всё, чтобы заполучить источники тёмной энергии и уничтожить заклятых врагов — просветлённых.

Когда появился Лао Тяньшу, их надежда на будущее, казалось, угасла. Бессмертный цветок с незапятнанными лепестками нанёс демонам непоправимый урон, заставил отчаяться и с позором бежать. Один только Ван Сы выступил против него, используя как оружие тех, кого просветлённый отчаянно хотел защитить.

Это было несложно.

Смерть Лао Тяньшу демон помнит в таких ярких красках, как если бы это случилось вчера. Стояло морозное утро. Дымом сгоревших надежд тучи укрыли бескровное небо, и заиндевелые ветви деревьев застыли от ужаса. Холод пробирал до костей, однако бессмертный в белых, как снег, одеяниях его словно не чувствовал. Охваченный жаром отчаяния, бессильный унять боль просветлённой, о которой когда-то заботился, он молча стоял перед ней. В момент, когда Лао Тяньшу передал ей старенький свиток, Ван Сы улыбнулся. План приведён в исполнение.

Дело за малым. Пока женщина в чёрном отвлекает бессмертного, демон использует особую технику. Она может лишить своего создателя жизни, впитав его ци без остатка, но если душа Лао Тяньшу после её применения развеется по ветру, Ван Сы готов на это пойти.

Он — сильнейший из демонов. Лао Тяньшу — почти божество. В этом мире им не ужиться друг с другом, делить на двоих это небо они больше не могут. Кто-то один обязательно должен погибнуть.

«Лао Тяньшу, ты пожалеешь, что не вознёсся».

Образованный тёмной энергией шар летит к просветлённому. Однако прежде чем успеет коснуться его, расщепить душу в пыль и без остатка сжечь память о дорогих сердцу людях, ослепительно сияющий меч пронзает насквозь грудь мужчины.

Небо уронило слезу. Не выдержав холода смерти, она обернулась снежинкой и плавно

осела на алые губы. Вместе с лёгкой улыбкой на них навсегда застыли слова: «..., однажды мы увидимся снова».

Багровыми цветами расцвели на снегу капли крови, облачённые в траур деревья согнулись под натиском ветра. Стылый, словно вырвавшийся из преисподней, он завывал от отчаяния и уносил за собой чужой пронзительный крик.

Демон не смог сдержаться смеха. Меч, самовольно покинувший ножны, успел спасти душу хозяина. Убив его прежде, чем это сделал Ван Сы, он победно обратил рукоять к небесам. Однако ему невдомёк, что заточённого в нём Лао Тяньшу уничтожить теперь проще простого.

На тело бессмертного опускаются снежные хлопья. Подобно ритуальным деньгам, сброшенным на землю богами, они знаменуют собой безысходность.

Ван Сы собирается с силами. Сквозь пелену снега до него доносится безудержный плач. Маленький мальчик, обычно шагавший в ногу с учителем, ненадолго отстал, и эта ошибка для него обернулась потерей.

Демон упивается трагедией мальчика. Утративший волю, этот ребёнок ослаб, и светлая ци не способна защитить его сердце от тьмы. Этим Ван Сы и воспользуется. Он сохранит мальчику жизнь, чтобы в будущем тот сам захотел с ней расстаться.

Ван Сы с удовольствием вынимает оружие из мёртвого тела, скользит по потускневшему лезвию пальцами. И вдруг замирает. Вопреки ожиданиям, он ощущает в нём душу ученицы Лао Тяньшу. Сам же бессмертный исчез, затерялся в рое снежинок, что оборачивались каплями слёз на его остывающем теле.

Куда подевался Лао Тяньшу?

Внезапно его посещает догадка. Совершенно безумная и бесконечно прекрасная. Ван Сы не может её проверить сейчас, но что если меч Лао Тяньшу — артефакт, открывающий путь к перерождению?

Души просветлённого не оказалось в оружии. И вопреки законам этого мира она не обратилась в духовную сущность.

Значит ли это, что Лао Тяньшу отыскал себе другое вместилище?

Ван Сы едва стоит на ногах. Неудержимая радость переполняет его естество, колючими искрами врезается в тело. Из горла вырывается сдавленный хрип, и древний демон, не смея больше задерживаться, отправляется в путь.

Вернётся Лао Тяньшу или нет — не имеет значения. Лишь бы подтвердилась догадка, и тогда они, демоны, обретут прежнюю мощь.

— Мой господин, — спустя год обратился к нему Тао Янь. — Никто из убитых мечом не возродился. Ни в физической форме, ни в человеческом теле. Для демонов этот меч бесполезен.

Ван Сы, считавший, что артефакт поможет его соплеменникам без усилий переселяться в людские тела, в тот день был готов спалить дотла все деревни, иссушить озёра и реки, расколоть небеса и втоптать в грязь само солнце.

Для демонов меч Лао Тяньшу по-настоящему был бесполезен. Даже попытка его обратить против заклятых врагов не увенчалась успехом. Оружие, связанное с хозяином узами верности, не подчинялось кому-либо ещё. Один Лао Тяньшу мог заставить его ринуться в бой.

Теперь, когда меч сияет в руках у девчонки, которую Ван Сы собирался убить, у него не остаётся сомнений.

— Учитель и ученик снова вместе. Как трогательно. Ну, здравствуй, Лао Тяньшу.

Лу Цайхуа задыхается. Изнутри бьёт мелкая дрожь, сердце охвачено пламенем ужаса. Затишье длилось мгновение, чтобы затем с неистовым грохотом взорваться искрами бурных эмоций.

Из глаз хлынули слёзы. Сияющий меч, уничтоживший демонических тварей, спас Чэньсина от смерти. Одна только мысль, что *она могла его потерять*, вызывает у Цайхуа потрясение. А потому она понимает не сразу, что демон обращается именно к ней.

Какой ещё Лао Тяньшу?

Осознание приходит мучительно медленно, меч в дрожащей ладони пульсирует.

А после... Юноша падает перед Цайхуа на колени, крепко обнимает за талию и, уткнувшись носом в её одеяния, содрогается от беззвучных рыданий.

Ошарашенная Лу Цайхуа поднимает взгляд на верховного демона. В его подёрнутых дымкой зрачках мелькает насмешка.

— Не поняла до сих пор?

Демонический хохот, подобный вороньему карканью, болью отдаётся в груди. От напряжения пальцы вот-вот разомкнутся, выпустят меч, на который неожиданно откликнулось тело. Духовные каналы нашли продолжение в стали, потоки энергии слились с сокрушительной мощью оружия. Девушка сжимает его рукоять и потерянно смотрит на демона.

— Впрочем, я не обязан тебе объяснять.

Чэньсин обнимает Лу Цайхуа ещё крепче, практически до боли в костях. Воздух перед глазами густеет, тёмная ци затмевает сознание, в котором обрывками проносится прошлое.

Ни один меч не подчинялся ей прежде.

«Не беспокойся. Твой меч сам найдёт тебя».

Учитель Чжао всегда видел в ней Лао Тяньшу.

«Ты связан с последним мечом Тай Хуэя узами верности. Ни одно другое оружие не посмеет тебе подчиниться, пока есть эта связь».

И теперь меч, защитивший её и Чэньсина, согревает ладонь рукоятью. Пульсируя в такт сердцу девушки, он внимает зову её духовной энергии и делится с ней своей собственной. Цайхуа с детства мечтала познать это чувство, но вместо радости она ощущает лишь пустоту.

«Я не Лао Тяньшу. Нет! Нет-нет-нет! Это ошибка!»

Одновременно с демонической ци, что вот-вот проникнет под кожу, душу грозит затопить панический страх. Не справившись с силой древнего зла, огни факелов обращаются дымом. Едким, точно ирония жизни, и удушающим, как жестокая правда.

— В прошлый раз мы не закончили.

Ещё несколько чжанов, и демон настигнет её, совершит долгожданную месть. Однако до его отношений с Лао Тяньшу просветлённой нет дела, ведь...

— Я Лу Цайхуа!

Голос тонет в раздавшемся грохоте. Загоревшаяся потолочная балка рухнула вниз, разделяя стеной золотистого пламени прошлую жизнь и настоящее.

Огонь, испепеливший однажды её счастливое детство, вернулся. Настиг её вновь, чтобы сжечь беспроглядный кошмар вместе с призраком прошлого.

— Цайхуа!

У самого уха раздаётся знакомый ей голос. Тёплый настолько, что сердце мгновенно оттаяло.

Шанъяо.

— Слава богам, ты цела!

В карамельных глазах, смешавшись с тревогой, пляшут языки золотистого пламени.

Шанъяо высвобождает её из объятий Чэньсина и, крепко схватив за свободную руку, тащит по направлению к выходу.

Ноги подкашиваются, сознание застилает туман. Цайхуа оборачивается в попытке отыскать фигуру Чэньсина, а затем переводит беспомощный взгляд на Шанъяо и останавливается.

Без слов поняв её состояние, юноша улыбается краешком губ:

— За него не беспокойся. Он взрослый мальчик, справится как-нибудь.

Наконец, когда лёгкие наполнились воздухом, прохладным и свежим, как дыхание гор, Лу Цайхуа пришла в себя. Хотя кошмар отпустил, душу по-прежнему скребли его отголоски. Точно когти неведомой твари, они оставляли внутри рваные раны, грозившие никогда не зажить.

Поддавшись порыву, она обняла стоящего перед ней просветлённого. За время, проведённое с ним, она поняла, каково это — иметь старшего брата: пусть не родного, но самого близкого.

Шанъяо — её личное солнышко, что освещает путь во мраке сомнений. Лучи его — тонкие нити, связавшие Лу Цайхуа с этим миром. Не позволяя ей утонуть в неизвестности, они защищают от боли и заставляют искренне верить: всё будет в порядке.

— Ты откуда здесь взялся? — задала она первый вопрос, который её беспокоил.

— Тебе честно ответить?

Стоило его словам прозвучать, как девушка ощутила неладное.

Отстранившись, Цайхуа окинула друга внимательным взглядом. С виду ничего необычного. Но, задержавшись на карамельных глазах, некогда искрящихся затаённым восторгом, она обнаружила в них пустоту. Будто душа покинула тело Шанъяо, сгорела в золотистом огне вместе со смыслом всей его жизни. От тёплого и открытого юноши осталась одна оболочка. Лишённая сил и безрадостная.

— Выкладывай всё, — взволнованно попросила Лу Цайхуа.

— В прошлом году я опозорил наставника, — без предисловий начал Шанъяо. — За это Мао Синдоу и выгнал меня.

Ученики пяти школ просветлённых представляли собой образцы благонравия. Учителям даже не приходилось наказывать их, чтобы наставить на истинный путь. В стремлении достичь совершенства, обратив сердца в храм чистоты, молодые просветлённые вели себя сдержанно и не давали волю желаниям. А потому ситуация, когда их собрат вдруг нацепил женское платье и начал преследовать Мао Шуая, повергла их в шок.

Подобного на пяти священных горах не происходило очень давно. Став предметом споров и обсуждений, история покрылась налётом непристойных деталей, и в своём новом, двусмысленном виде предстала перед главой школы Каймин, недавно вернувшимся из многолетнего странствия.

Мао Синдоу не стал и раздумывать. Оскорбившись до самых глубин своей впечатлительной и непорочной души, он изгнал Шанъяо с горы. Пятнать репутацию младшего брата он не позволит даже одному из самых способных учеников его школы. И совершенно не важно, что тот — единственный подопечный Мао Шуая.

— Прости..., — только и смогла выдать Лу Цайхуа.

Шаньяо лишили крыши над головой *из-за неё*. По её вине он страдал, в одиночку проходя испытание, непосильное для других просветлённых.

Осознание ударило по ней с такой силой, что девушка едва не расплакалась. Вытаскивая Лу Цайхуа из пучины отчаяния, просветлённый оказался в ней сам. Вместе с обломками своей репутации провалился в беспроглядную бездну, где не было места любви. Никто не мог и представить, что глупая шалость обернётся для юноши подобным несчастьем.

— Я не...

— Давай не будем об этом, — перебил её юноша. — Деревня скоро сгорит. Нужно выметаться отсюда.

Словно в подтверждение слов просветлённого, за спиной Цайхуа раздался оглушительный шум. Подобный громовому раскату он заставил девушку вздрогнуть и оглянуться. Логово демонов развалилось на части, подняв клубы дыма, и языки золотистого пламени устроили на его жалких останках мистический танец.

Выскочив из горящего дома в последний момент, Чэньсин не успел толком прийти в себя. Только завидев лицо Цайхуа, мертвенно-бледное, с широко распахнутыми от страха глазами, он в тот же миг кинулся к ней. Однако она отвернулась. Заткнула за пояс сияющий меч и побежала в сторону пылающих улиц.

И как она не заметила сразу?

В воздухе кружится пепел. Точно снежные хлопья, осквернённые запахом смерти, он хоронит под собой траву и деревья. Вокруг — ни одного человека, из объятых пламенем зданий не раздаётся ни крика.

Всё произошло слишком быстро. Ноги сами несут её к дому Юньчжи и наставника. От мысли, что с ними могло что-то случиться, в груди поднимается паника.

Память пронзают звуки суона. В прошлом году, провожая покойника, они особенно сильно резали слух. Вышедшая из-под пальцев сумасшедшего старца мелодия слилась в голове Цайхуа с его хриплым смехом. В тот день, окрылённая мыслями о предстоящем походе к Тайшань, она даже не думала, что слова сумасшедшего станут пророческими.

«Здесь все умрут! Все! Все! Все!»

Золотистое пламя неистово пляшет на крышах домов.

Неужели её родная деревня исчезнет? Канёт в небытие вместе с людьми, которые ей были семьёй?

«Смерть твою вижу, молодой господин».

А после погибнет и сама Цайхуа.

«Юньчжи. Наставник. Только дождитесь меня».

Дом Юньчжи и наставника загорелся последним. Золотистое пламя дало им возможность уйти и, когда время вышло, набросилось яростным хищником на свою последнюю жертву.

Задыхаясь от быстрого бега, она спотыкается и падает в нескольких чжанах от горящего дома.

Напряжение скрутило в узел все внутренности, вынуждая Лу Цайхуа мелко дрожать. Из глаз хлещут горячие слёзы, но их не достаточно, чтобы затушить этот ужасный пожар. Душа отравлена дымом отчаяния, из горла рвётся наружу неистовый крик.

Неужели она опоздала?

— Цайхуа!

Не веря ушам, она отрывает взгляд от земли. Поддерживаемый с обеих сторон Юньчжи

и просветлённым в алых одеждах её старый наставник медленно спускался с крыльца.

Как и предполагал Чжуаньцзэ, золотистое пламя не представляет опасности для носителей светлой энергии. Однако без помощи просветлённого из школы Ли, живыми бы они отсюда не выбрались. Болезнь, усугублённая влиянием демонической ци, отняла у него последние силы и лишила возможности двигаться.

— Единственные выжившие, — сообщил сереброволосый бессмертный.

Юньчжи и наставник её не покинули. Боги снова вняли мольбам просветлённой.

От переизбытка эмоций Лу Цайхуа едва не потеряла сознание. Перед глазами всё расплылось, и если б не помощь двух юношей, наконец-то догнавших её, сама бы она не встала с земли.

— Ему помогут в школе Каймин, — Лунху Чжао кивает на почтенного старца и вместе с Юньчжи помогает тому взобраться на меч. — Мы полетели.

— А как же *наша* школа? — не удержался от вопроса Чэньсин.

Прижав к себе Цайхуа, он взволнованно смотрит на гору. Лунхушань укрыл отнюдь не туман. Сквозь сизый дым пробиваются всполохи пламени, что перекинулись на близлежащие города и деревни.

— У нас больше нет школы, — бросил бессмертный.

Сияющий меч взмыл в мгновение ока. Две мужские фигуры с белыми, как снег, волосами, растаяли среди облаков: закоптевших и полных непролитых слёз.

— Мне нужно вернуться, — тихо произносит Чэньсин, так, чтобы это услышала одна Цайхуа.

И в тот же момент её руку хватает Шанъяо:

— Летишь со мной?

Игнорируя его предложение, Лу Цайхуа обращается к лучшей подруге:

— Юньчжи, лети с ним. Я догоню.

Дорожки золотистого пламени змейками спускаются по склонам горы. Подобно вулканической лаве, они сметают на своём пути всё живое, обращают дома и деревья в серую пыль. Набирая силу с каждым мгновением, смертоносный огонь грозит опалить небеса и окутать весь мир своим удушающим дымом.

Тысячелетние сосны прощаются с жизнью. Не в силах спастись от беспощадной стихии, они молча позволяют огню пожирать свою плоть. С пронзительным треском рушится пагода. В её обгоревших руинах навсегда упокоится колокол, что со времён основания школы возвещал о начале нового дня. Под его низкий звон больше никто не проснётся, не встретит рассвет в учебном бою.

С горой Лунхушань обращаются в пепел мечты просветлённой. Лу Цайхуа всегда стремилась попасть сюда. Касаясь пальцами шершавой коры, она бы гуляла среди хвойных деревьев, училась у мудрых наставников и, наконец, однажды бы стала прославленным воином. Но всё это осталось лишь сном, недостижимо прекрасным видением, сгоревшим в погребальном костре.

Смысл жизни безвозвратно утерян. Под ногами разверзлась бездна безвременья, на небе нет ни одной путеводной звезды.

Школы Ли больше нет.

Цайхуа не представляет, что делать дальше. *Золотистое пламя* спалило дотла её настоящее, одновременно лишив и желанного будущего.

Впереди её ждёт пустота.

Они летят на мече. Сильные руки Чэньсина не позволяют упасть, однако девушке начинает казаться, что она неизбежно сорвётся в это море огня. Приковав взгляд к земле, Цайхуа напряжённо наблюдает за тем, как с душераздирающим криком звери и птицы покидают родные места.

Краткий миг облегчения, когда она видит нетронутый пламенем речной островок, вдруг сменяется ужасом.

Нет. Невозможно.

Дорога, ведущая к разрушенной пагоде, усеяна трупами. Замершие в неестественных позах, они сжимают рукояти клинков, и тёмная кровь их рекой стекает к подножью горы.

Ученики школы Ли, учителя и наставники — все до единого оказались мертвы. И золотистое пламя уже начало поглощать их тела.

Лу Цайхуа изо всех сил кусает губу.

Почему?

Сердце обжигает невыносимая боль, воздух застревает между горлом и лёгкими.

Почему это случилось?

Не в состоянии выдержать вида обугленных трупов, Цайхуа задыхается. Кожу словно ошпаривают крутым кипятком, в голове воцаряется хаос, в котором она неминуемо теряет себя.

Лу Цайхуа больше нет. Всё, чем она когда-то жила, исчезло из мира навечно.

В попытке её защитить от этого затяжного кошмара, Чэньсин накрывает ладонью глаза просветлённой и шепчет у самого уха:

— Ты не одна.

Парень едва не сходит с ума. В памяти мелькают события, случившиеся в логове демонов, и его загуманенный разум охватывает буря эмоций. Лу Цайхуа оказалась тем человеком, которого Чэньсин жаждал найти.

Он не смеет в это поверить.

Лу Цайхуа. Девчонка, которую он знает чуть больше года. Его чувства к ней — не случайность, ведь кроме Лао Тяньшу парень никого не способен любить. Наставник, приняв другое обличье, вернулся. Вдохнул жизнь в увядавшую душу Чэньсина и исцелил его глубокую рану.

Восемнадцать мучительных лет пролетели в мгновение ока.

С момента первой их встречи Лу Цайхуа вызывала в нём противоречивые чувства. Взбалмошная девушка разожгла в нём забытый огонь, и как бы сильно Чэньсин ни старался его погасить, он разгорался сильнее. Попытка возвести между ней и собой непроходимый барьер обернулась потребностью любить и заботиться. И только верность Лао Тяньшу не позволяла ему сгореть в этом огне окончательно.

Они друг друга нашли. Победив саму смерть, связанные нитью судьбы воссоединились их души.

Сердце заходится в бешеном ритме. Ци в духовных каналах кипит.

Его родной человек всё это время был рядом.

Когда они опускаются у крошечной хижины, Лу Цайхуа с трудом стоит на ногах. Тело бьёт крупная дрожь, перед мысленным взором мелькают золотистые искры.

Взгляд Чэньсина приковывает капля крови, заалевшая на её приоткрытых губах. Не в силах больше сдерживать чувства, он наклоняется к лицу Цайхуа, чтобы медленно провести

языком по её нижней губе.

Барьер между ними исчез окончательно. Не выдержав силы возрождённой любви, развеялся вместе со страхами.

Он жил ради этого дня.

Парень поддаётся порыву и жадно целует её.

Внутри разливается жар. Губы Чэньсина, нежные, как лепестки весенних цветов, заставляют забыть, как дышать. Она плавится в его горячих объятиях, и незнакомая боль, что с рождения таилась в душе, выходит наружу слезами.

Поцелуй с привкусом крови длится целую вечность.

А после золотистые искры неожиданно меркнут.

Не справившись с очередным потрясением, тело неизбежно обмякло. Тьма вновь раскрыла свои ледяные объятия, и Лу Цайхуа, отдавшись ей без остатка, потеряла сознание.

Примечание автора:

枉死 (Ван Сы) — умереть злой смертью;

讨厌 (Тао Янь) — испытывать отвращение; надоедливый, докучливый.

Глава 32. Как бы больно мне ни было, давай начнём всё сначала?

Тревожное утро окрасило небо алыми всполохами. Великий пожар, разгоревшийся ночью в сердцах просветлённых, стремился теперь испепелить облака и последние лучики робкой надежды. Гора Лунхушань пала первой, не выдержав натиска злобы, и мир навсегда потерял лучших воинов, способных его защитить.

Попытка сбежать от ночного кошмара не увенчалась успехом. В тени Вечнозелёного леса Мао Шуай скрылся от паники, охватившей всю школу Каймин, однако спастись от собственных страхов он не сумел. Неторопливо ступая по извилистой тропке, он вспоминал детали минувших событий, когда за пару часов до рассвета в его дверь постучали.

Стоило сделать шаг за порог, как решительность Мао Шуая рассеялась вместе с остатками сна. Воплощением боли, от которой Шуай решил отказаться, на него смотрел Лунху Чжао. Пристально, с той же бескрайней печалью в глазах, освещённых холодным сиянием его любимых цветов. Призрачный свет орхидей поднимался синими искрами к небу, где растворялся в бриллиантовой россыпи звёзд.

Он думал, что больше никогда его не увидит.

Медленно выдохнув, Шуай взял себя в руки и оценил обстановку. Один из незваных гостей — старец, поддерживаемый Лунху Чжао и измученной девушкой, — явно нуждался в помощи лекарей. Что было нужно второму — его ученику, неделю назад изгнанному из школы Каймин, — мужчина мог только догадываться. И лишь окинув его внимательным взглядом, Шуай осознал в полной мере, *что именно* хочет Шанъяо. Или, по крайней мере, хотел...

Он никогда не видел Шанъяо *таким*. Безжизненным, точно застывшие пики северных скал. Некогда солнечный юноша, улыбкой отвечающий на его равнодушие, утратил свой тёплый свет. В карамельных глазах больше не плещется радость, мертвенно-бледную кожу не согревает румянец смущения.

Шуай был семьёй для этого юноши. И когда Мао Синдоу принял решение выгнать Шанъяо, он не стал *даже пытаться* его защитить.

— Учитель.

Чувство вины разбивает сердце Шуая. Запах вина, исходящий от одежды Шанъяо, рисует перед мысленным взором мужчины пугающий образ. Его ученик с лицом, мокрым от слёз, в обнимку с горшком дешёвого пойла лежит у порога трактира. Слившись в серый поток, мимо проходят десятки людей, из которых никто не проявляет сочувствия. Да и кому это может быть нужно, если этого юношу бросил даже наставник.

— После всего, что случилось... Ты всё ещё зовёшь меня учителем?

Шанъяо тянет руку к Мао Шуаю, чтобы крепко схватить того за рукав. Усталость вместе с грязью впиталась в одеяния парня, отпечаталась болью во взгляде.

— *Учитель*, — настойчиво шепчет Шанъяо и отворачивается в попытке скрыть слёзы. — Школы Ли больше нет. Лунхушань и ближайшие к ней города, люди, просветлённые — все сгорели. А тем, кого спас учитель Чжао, нужна помощь. Мы летели сюда почти сутки, медлить больше нельзя.

Дальнейшие действия Мао Шуай вспоминает с трудом. Сознание, погружённое в вязкий туман, почти не отзывалось на внешний мир. Вести об уничтожении одной из пяти школ

просветлённых в момент разнеслись по горе Маошань, и Мао Шуай, оставив разбираться с воцарившимся хаосом старшего брата, поспешил уединиться в Вечнозелёном лесу. Здесь, подобно заблудшему призраку, он до самого утра пытался найти желанный покой.

Тишина прерывается щебетом птиц. Столь беззаботным и радостным, что на мгновение Мао Шуая накрывает волной безмятежности. Этого мига достаточно, чтобы мужчина слился с природой, стал частью каждой травинки и пронёсся по макушкам деревьев утренним ветром.

Питавшийся духовной энергией лес, казалось, являлся отдельным живым организмом: сосуществуя с людьми, он жил по собственным правилам. Пышная зелень оттенков, какие бывают только весной, круглый год укрывала гору Маошань. Беспечным счастьем дышали цветы, нежно журчали ручьи, наполняя собой озёра и реки, в лучах солнца купались детёныши диких зверей. И орхидеи, пронзительно синие, как небеса, бесменно свисали с ветвей и стволов, напоминая о том, чего Мао Шуаю никогда не забыть.

Внезапная мысль, что над этим чарующим местом нависла угроза, вырывает бессмертного из медитации. Одна из священных гор просветлённых обернулась руинами оборванных жизней. Какая судьба уготована *этой* горе, предсказать невозможно, однако Мао Шуай понимает: следует готовиться к худшему.

Задумавшись о будущем Вечнозелёного леса, мужчина вновь погружается в чувство вины. Головки синих цветов качаются в такт музыке ветра, словно осуждая его, а затем Мао Шуай признаётся: «Я действительно думал лишь о себе».

Все эти годы он упивался собственной болью. Возведя её в центре вселенной, он напрочь забыл о чувствах близких людей. Бессмертный жил прошлым, не замечая, что пропасть, разделявшая его с Мао Синдоу, Шаньяо и Чжао росла день ото дня. Пока Мао Шуай, жалея себя, предавался тоске об утерянной юности, эти трое нуждались в нём здесь и сейчас.

Синдоу, вернувшийся из многолетнего странствия. Шаньяо, пришедший за помощью в школу, из которой был изгнан. Чжао, навсегда потерявший свой дом. Что они чувствуют, и может ли Мао Шуай им помочь?

Поток мыслей Шуая прервала шустрая тень, кинувшаяся ему прямо под ноги. Медовая шерсть существа переливалась на солнце, играя оттенками жжёного сахара, два прищуренных глаза смотрели лукаво. Не удержавшись от искушения, Мао Шуай наклонился, чтобы погладить котёнка. Однако рука его замерла на половине пути. Мао Шуай точно знает, что в Вечнозелёном лесу не обитают подобные звери.

Сердце забило с удвоенной силой, перед глазами рассыпались искры.

Он где-то рядом.

Мужчина переводит взгляд вверх, чтобы увидеть *его* — причину душераздирающей боли, не оставлявшей Шуая даже во снах.

Воздух полнится сладостью забытого чувства. Бессмертный в алых одеждах вдыхает аромат орхидей, в прядях его белоснежных волос прячется ласковый ветер. Подставив лицо синим цветам, он наслаждается запахом счастья, покинувшим его двадцать четыре года назад, и медленно открывает глаза. На губах расцветает улыбка, на левой щеке появляется ямочка.

Точно жителей разных миров их разделяет непроходимый барьер. Преодолеть несколько чжанов — легко. Но почти невозможно воскресить в памяти Чжао облик его близкого друга.

— Не знаю, почему, — неожиданно шепчет серебряноволосый бессмертный, — но когда я слушаю аромат этих цветов, мне становится больно. Почти физически больно, так, что хочется плакать. В то же время эта боль согревает.

Мао Шуай делает шаг. Раздаётся шипение, с едва различимой ноткой обиды, а после острые зубы котёнка вонзаются в палец мужчины. Поддавшись порыву, он не заметил, как наступил зверю на хвост. И теперь, отрезвлённый видом собственной крови, бессмертный жалеет, что снова предался мечтам.

Мао Шуай отворачивается. В ночь Цисицзе он принял решение сдаться, оставить попытки вернуть Чжао память. Для него жизнь Шуая не имеет значения, его не волнует жгучая боль, гвоздями вколоченная в сердце мужчины. Алая нить, что когда-то связала их души, давно порвалась, стена между ними стала плотнее. В одиночку Мао Шуай её не разрушит, не оставит на ней даже трещины.

По щекам льются слёзы. Шуай жаждет заглянуть в цвета вечернего неба глаза Лунху Чжао, поговорить о трагедии, случившейся на горе Лунхушань. Он даже готов отдать Чжао собственный дом, чтобы тот не заботился вопросом жилья. Но вместо этого Мао Шуай делает ещё один шаг — в противоположную сторону.

Мао Шуай не бросает его по собственной прихоти. Он следует лишь воле небес.

Видеть друг друга, но находиться в разных мирах. В этой жизни больше никогда не встречаться, хотя души стремятся быть рядом. Такова их судьба.

Лунху Чжао озадаченно смотрит на спину бессмертного. По краю бирюзовых одежд Мао Шуая, расшитых серебристыми нитями, тянется цветочный узор. Орхидеи, подобные тем, чей запах он недавно вдыхал, вдруг напоминают ему ночь Цисицзе. Хотя образ размыт, Чжао не даёт ему ускользнуть: словно знает, что он — тот самый мост, ведущий к забытому им человеку.

В памяти, мутной, как озеро со стоячей водой, всплывают детали недавнего праздника. Во рту разливается терпкий вкус чая, до слуха доносится мелодия эрху. И что-то сияет в свете фонариков. Так ярко и радостно, что по духовным каналам начинает струиться тепло.

— Я вспомнил.

Чжао не замечает, как вздрагивает Мао Шуай: взгляд его прикован к браслету. Хрустальные бусины, обнимая запястье мужчины, искрятся на солнце, а заключённые в них лепестки вызывают в сердце тёплое чувство.

— Я вспомнил, — повторяет Чжао чуть громче. — Это ведь ты мне подарил этот браслет. Кажется, тебя зовут Мао Шуай?

У лепестков белой магнолии с просветлённым в бирюзовых одеждах нет ничего общего. Но стоит Чжао на них посмотреть, как перед мысленным взором появляется образ мужчины: сильного и одновременно изящного, с волнами длинных волос оттенка древесной коры и удивительно тёплым, волнующим взглядом, — и губы сами собой шепчут имя:

— Мао Шуай...

«В сражениях он словно ветер, в миру же подобен белой магнолии».

Тело будто обдало кипятком. Не до конца поверив услышанному, Мао Шуай прячет лицо в дрожащих ладонях.

Как такое возможно?

Потоки обжигающих слёз орошают собой ростки новой надежды. Душа расправляет помятые крылья вопреки голосу разума.

Лунху Чжао запомнил его. Впервые за все эти годы, он сам назвал его имя.

Шуай понимает, что воспоминания Чжао об их совместно прожитой юности, возможно к нему не вернуться. Но это уже не имеет значения. Важно одно: в памяти Чжао нашлось место для Мао Шуая.

До тех пор, пока ты зовёшь меня Мао Шуаем, я готов оставаться с тобой. Я буду стучать в твоё сердце снова и снова, пока ты, наконец, не поймёшь: я твой близкий друг, которого ты когда-то забыл.

Бессмертный вытирает лицо рукавом и оборачивается. Сердце заходится в лихорадочном ритме, когда Лунху Чжао ему улыбается. Дружелюбно и радостно, как двадцать четыре года назад.

Другого выхода нет.

— Будем друзьями?

И как бы больно мне ни было, давай начнём всё сначала?

Тело обнимает промозглая тьма. Как и всегда, она проникает под кожу, чтобы разлиться по духовным каналам, до капли впитать в себя светлую ци и остатки тепла. Однако на этот раз Цайхуа сохраняет спокойствие. В мире своего бессознательного она частый гость, а потому тьма её уже не пугает. Девушка просто привыкла к ней, как и к отчаянию, накрывшему корабль её измождённой души ужасающим штормом.

В лицо с силой бьют потоки холодного ветра. Кончики пальцев мелко дрожат, не справляясь с бурей противоположных эмоций.

Похоронив под слоем раскалённого пепла мечты, сгорела вся жизнь Цайхуа. Застрявшая в бесконечном кошмаре, она лишилась своего настоящего, утратила прошлое и потеряла путь к будущему. Но отчего-то, вопреки всем лишениям, сердце охвачено искрящимся чувством. Похожим на счастье и очень глубоким, точно пришедшим из забытого прошлого.

Лу Цайхуа ожидает увидеть *его*. Своего хранителя снов и безмолвного спутника на тропе совершенствования. Стоит ей здесь оказаться, и золотистые искры рассеют беспросветную тьму, маленький огненный лис ляжет к ней на живот и одарит своим любящим взглядом. В этот же раз он не является к ней. Девушка чувствует, что он где-то рядом, кожей ощущает тепло, исходящее от его сияющей шерсти, однако не может его разглядеть.

— Где же ты?

Стутившийся мрак пронзает призрачный свет. Не оправдав надежд Цайхуа, он исходит от незнакомой ей девушки. Облачённая в синее, расшитое хрустальными каплями платье, с жемчужными нитями в едва достающих до плеч волосах, она кажется прекрасной богиней.

Особое внимание привлекала причёска призрачной девушки. Такие короткие волосы носили лишь малые дети. При этом у незнакомки они смотрелись естественно и придавали лицу её очаровательный наивный оттенок.

В попытке разгадать сложный взгляд этой девушки, Лу Цайхуа не заметила, как та стиснула её в крепких объятиях.

— Я так скучала по вам!

Уткнувшись носом ей в шею, девушка в синем начинает рыдать. Цайхуа ощущает, как дрожат её полупрозрачные плечи, чувствует едва уловимую горечь обжигающих слёз. И, словно в ответ, в груди просветлённой расцветает печаль. Лу Цайхуа не в силах понять почему, но ей искренне жаль эту девушку.

— Кто ты?

Та оставляет вопрос без ответа. Слегка отстранившись, чтобы увидеть лицо Цайхуа, она улыбается.

Пальцы призрачной девушки нежно скользят по щеке просветлённой, мягко касаются её длинных волос. Каждый жест полон необъяснимой любви, в которой Лу Цайхуа обнаруживает тоску и страдание.

Не смея поверить, что перед ней стоит человек, которого она так долго ждала, незнакомка крепко зажмуривается. И, прежде чем снова открыть свои василькового цвета глаза, шепчет сквозь слёзы:

— Наставник, я думала, что потеряла вас навсегда. Да, знаю, это всё я виновата. Делайте со мной, что хотите: бейте, ругайтесь, но только прошу, не бросайте. Лао Тяньшу... Умоляю, больше не оставляйте меня.

Слова отдаются в голове Цайхуа громовыми раскатами. Духовные каналы опалает огнём бессильного гнева, когда она понимает: ей вновь не позволяют остаться собой. Той самой Лу Цайхуа, с детства мечтавшей стать прославленным воином, свободной, как ветер, ещё недостаточно сильной, но готовой бороться за место под солнцем.

Осознание связи с другим человеком, почти небожителем, о котором мир просветлённых до сих пор не забыл, пугает Лу Цайхуа. Ей страшно, что признав Лао Тяньшу частью себя, она станет его блёклой тенью.

— Меня зовут Лу Цайхуа!

Она не позволит Лао Тяньшу затмить своё настоящее «Я». Каким бы талантливым ни был этот бессмертный, его время прошло. Погребённый под слоем мёрзлого снега, он уступил дорогу Лу Цайхуа: пусть не бессмертной, но такой же прекрасной и отчаянно жаждущей жить.

Просветлённая с силой отталкивает призрака и просыпается.

— Доброе утро.

Голос Чэньсина мгновенно успокаивает Лу Цайхуа. Обнаружив себя у него на руках, она наблюдает, как сменяют друг друга пейзажи. Они летят на мече против ветра, то и дело ныряя в жидкий туман, и, порой, взмывая над облаками. Окаймлённые лучами осеннего солнца они навевают ей образы горы Лунхушань.

Горные склоны укрыты клубами дыма. Сквозь них, точно пытаясь достать до небес, пробивается золотистое пламя.

«Неужели...»

Вместе с телами учеников школы Ли сгорели тысячеклетные сосны, копотью покрылись обломки построек и в пепел обратились мечты.

«...это конец?»

У неё больше нет цели, нет места, куда бы стремилась душа.

«Больно».

Раствориться в щемящей тоске и плыть по течению. Это всё, что ей теперь остаётся.

— Не доброе, — бурчит в ответ Цайхуа. — Скорее ужасное.

— Ты провела без сознания сутки, — как ни в чём не бывало продолжает Чэньсин. — Сейчас мы приближаемся к школе Каймин. Твоя подруга и бывший наставник добрались туда раньше, так что можешь не беспокоиться. Что касается нас: встретимся с учителем Чжао, а там будет видно. А ещё...

Окинув девушку участливым взглядом, он добавляет:

— ...ты много плакала. Снились кошмары?

— А... да?

Цайхуа с удивлением проводит рукой по лицу, чтобы затем обнаружить на нём влажные дорожки от слёз.

— Я видела странную девушку. Очень красивую, взрослую, но похожую на ребёнка из-за причёски. Её волосы очень короткие, глаза василькового цвета. Ты знаешь её?

Чэньсин игнорирует вопрос Цайхуа, и та повторяет настойчивее:

— *Наверняка* знаешь. И кто она?

— Скоро сама всё поймёшь, — отрезает юноша в алом и ускоряется.

Чёрный клинок со свистом рассекает пространство. Сквозь туманную дымку к ним приближаются пики горы Маошань, и уже очень скоро Лу Цайхуа может на них различить небольшие строения, укрытые тенью Вечнозелёного леса.

Когда они пролетают сквозь последнее облако, Лу Цайхуа переводит взгляд на Чэньсина. На бледном лице его отпечатались тяготы прошлого дня: под глазами легли тёмные тени, между бровями показалась едва заметная складка. Но даже такой, измождённый дорогой и не желающий отвечать на расспросы, он очень нравится ей.

Внимание девушки неожиданно приковывают губы Чэньсина. В памяти в то же мгновение всплывает их поцелуй, и Лу Цайхуа давится воздухом. Тело горит, не в состоянии справиться с паникой, а кончики пальцев будто бы коченеют.

Будто прочитав её мысли, Чэньсин улыбается. Снисходительно и одновременно мягко. Это смущает Лу Цайхуа окончательно, и она прячет в холодных ладонях залитое краской лицо.

Девушка открывает глаза, только когда ноги касаются твёрдой поверхности. Наконец-то они прилетели.

Под раскидистым платаном собралась небольшая толпа. Бессмертные в бирюзовых одеждах, расшитых по краю цветочным узором, во всю обсуждали план по защите школы Каймин. Увлёкшись беседой, они ничего не замечали вокруг. Но стоило спуститься с небес просветлённым из Ли, как разговоры мгновенно умолкли. Все взгляды были обращены теперь только к этим двоим.

Сняв со спины один из мешков, Чэньсин протянул его девушке.

— Я положил сюда твои вещи, — объяснил он и, перехватив свободное запястье Лу Цайхуа, вложил ей в ладонь пожелтевший конверт. Тот самый, который она уже видела в крошечной хижине на горе Лунхушань.

Прежде этот конверт покоился рядом с портретом Лао Тяньшу. Сейчас же он слабо мерцает в такт биению сердца Лу Цайхуа. Девушка не успевает моргнуть, как конверт вдруг покрывается тысячей символов. Подобно мелким жукам, они хаотически движутся, собираясь в новом порядке и образуя печать: её замысловатый узор мягко пульсирует, вызывая в груди слабую боль, и загорается. Уничтоженный алым огнём конверт осыпается пеплом, оставляя в руке Цайхуа одинокий исписанный иероглифами лист.

— Читай, — отвечает Чэньсин на её безмолвный вопрос. Его голос дрожит, однако Лу Цайхуа не обращает на это внимания. В этот момент её волнует лишь содержание текста.

Полагаю, сперва мне следует тебя поприветствовать. Здравствуй... Лао Тяньшу? Как странно писать это письмо, зная, что оно будет прочитано мной же. Я — это ты, а ты — это я. Возможно, мы с тобой не похожи, как солнечный день и лунная ночь, но всё же душа у нас одна на двоих.

Если ты это читаешь, наверняка знаешь Чэньсина. Надеюсь, он остался таким же

жизнерадостным мальчиком, готовым на всё ради близких людей. Если вдруг он тебе докучает, прошу, не сердись. Каким бы приставучим Чэньсин ни казался, не забывай: он искренне любит тебя.

Знаешь о технике сплетения душ? Я навсегда связан с Чэньсином именно ей. Объясню на примере. Если Чэньсин вдруг умрёт, его душа найдёт новое тело, и он обязательно вернётся к тебе. С тобой точно также. Пока один из вас жив, другой будет всегда возвращаться. Иными словами, ты — это я, родившийся заново лишь для того, чтобы быть рядом с ним. В этом теперь состоит наша судьба.

Возможно, я объяснил непонятно. Так что выделю самое главное, о чём тебе следует помнить: ты живёшь в этом мире только из-за вашей связи с Чэньсином.

Пишу это письмо, ибо знаю, что скоро умру. Несмотря на бессмертие, я слишком слаб, чтобы выжить. Поэтому всё, что мне остаётся — записывать важные вещи, с которыми я разберусь уже в следующей жизни.

У меня есть две просьбы. Первая: найди чаши жертвенной крови и уничтожь их. Описание найдёшь в библиотеке школы Чэнсянь. Я пообещал их найти одному человеку, так что эта ответственность всецело лежит на тебе. Вторая просьба важнее и проще: найди оружие, которым я был убит. По крайней мере, надеюсь, меня убьют не при помощи какой-нибудь техники. И если это действительно будет оружие, я полагаю, оно вместе с кровью впитает в себя мою память. Нанеси себе им порез, и всё вспомнишь. Уверен, оружие, которым убьют меня, просто так не исчезнет. Ведь, как ни стыдно мне об этом писать, в этом мире я не последняя личность.

Скоро я уничтожу единственную запись о технике чистого пламени. В золотистом огне, который она призывает, горит тёмная ци. Если техника чистого пламени попадёт не в те руки, мир будет в опасности. И прежде всего пострадают обычные люди, чего я не могу допустить. По этой причине я не раскрываю секрет техники в этом письме. Я верю, что ты уничтожишь его после прочтения, но всё равно не хочу рисковать.

Скорее всего я не успею передать технику в школу Чуньцзе. Так что если там до сих пор существует источник тёмной энергии, ты знаешь, что делать. Техника живёт в моей памяти. Вспомни её и помоги просветлённым с горы Лаошань.

Глупо на это надеяться, но... Я бы хотел, чтобы Шимин сумела меня защитить и в будущем мне не пришлось читать это письмо. К слову, если я всё же погибну, прошу, позаботься и о Шимин. Она дорога мне.

Честно сказать, я просто не хочу расставаться с Чэньсином. На случай, если он тоже это читает, оставлю здесь несколько строк, посвящённых ему одному.

Чэньсин, мне искренне жаль, что я не увидел, как ты растёшь. Но вот мы снова вместе. Надеюсь, тебе не пришлось ждать меня долго. И ещё больше надеюсь, что будущий «Я» относится к тебе с таким же теплом, как и «Я» настоящий.

Что ж, удачи тебе, Лао Тяньшу.

Береги себя и Чэньсина.

Письмо выпадает из рук. Подобно невесомому пёрышку, оно кружится в воздухе, прежде чем его успевают поймать пальцы Чэньсина.

В глазах стоят слёзы, сердце ноет от невыносимой тоски.

— Зачем ты мне дал это письмо? — голос бесцветный, взгляд устремлён в никуда.

— Потому что ты — Лао Тяньшу.

Цайхуа делает медленный вдох, изо всех сил подавляя обиду. Она хочет услышать от

него совершенно другое. И если Чэньсин не исправится, продолжив в ней видеть того, кем она не является, в этой жизни им лучше быть порознь.

«Даю тебе последний шанс. Пожалуйста, пойми мои чувства».

— Почему ты настолько уверен, что я — это он?

— Этот конверт был запечатан душой Лао Тяньшу. Он один мог его распечатать, и раз ты это сделала, значит ты — это он, а он — это ты.

«Нет».

Лицо вновь обжигают горячие слёзы.

«За что мне всё это?»

Цайхуа не выдерживает и, сжав кулаки, кричит, что есть сил:

— Я не Лао Тяньшу! Я Лу Цайхуа! Всегда ей была, есть и останусь!

Примечание автора:

使命 (Шимин) — миссия; призвание. Знакомимся с именем нового персонажа, (появления которого я очень ждала. Это ещё одна горячо любимая мною девочка, которой, к сожалению, я отвела не так много экранного времени).

Глава 33. Жить здесь и сейчас

Вниз огромными столбами срывались потоки воды. Подобные чистой духовной энергии и нестерпимо холодные, как взгляд потерявшего смысл человека, они укрывали собой Лу Цайхуа. Лишь здесь, сидя на плоских камнях и сопротивляясь водной стихии, стремящейся раздавить её продрогающее тело, она могла перестать бороться с собой.

Водопад находил продолжение в облачной дымке, рождённой мириадами капель, и в горной реке. В его оглушительном шуме терялись слова двух человек: парня в бирюзовых одеждах школы Каймин и девушки, никогда не вступавшей в ряды просветлённых.

— Насколько вы с ней близки, что ты позволяешь себе лезть в её вещи? — Юньчи окинула парня ничего не выражающим взглядом. Однако голос, холодный и напряжённый, выдавал её недоверие.

Они были знакомы чуть больше двух дней. За этот короткий период Юньчи не удалось в полной мере понять, кем Чэньсин и Шаньёо приходятся Лу Цайхуа. И хотя первый внушал ей доверие своими поступками, намерения ученика Мао Шуая оставались загадкой. Шаньёо не казался ей плохим парнем. Просто было несколько странно видеть его рядом с лучшей подругой, не имеющей с ним ничего общего.

— Ровно настолько, чтобы я знал, кто расписывал для неё талисманы. Но с чего ты взяла, что я лез в её вещи?

Не дожидаясь, пока та заберёт коробочку с кистью, он сам вложил её в руки Юньчи: удивительно мягкие в противовес стальному характеру.

— Скажу честно, дружить я с ней не планировал. Но так получилось, что наши пути переплелись слишком тесно. Теперь, когда моя жизнь стала бессмысленной, мне всё равно, где быть и с кем.

Девушка не ответила. Лишь посмотрела на потоки воды в тщетной попытке разглядеть в них просветлённую в алом и открыла подарок, который та купила для неё на Цисицзе. Простая, но вместе с тем очень изящная кисть пришлась Юньчи по душе, как и всё остальное, что Цайхуа ей когда-либо дарила. Иначе быть не могло, ведь девушки были практически сёстрами.

Проверенную временем духовную связь Цайхуа и Юньчи, казалось, уже ничто не могло оборвать. Ничто, кроме неожиданной новости, заставившей Лу Цайхуа в одночасье отгородиться даже от самых близких людей.

С тех пор как вести о возвращении Лао Тяньшу разлетелись по Поднебесной, Лу Цайхуа не проронила ни слова. Пожалуй, с расспросами ей не докучали только ленивые. Все жители горы Маошань, ещё толком не разобравшись в случившемся, пытались добиться ответов. Точно мотыльки на огонь, они устремлялись к Цайхуа возбуждёнными толпами, стоило её алым одеждам мелькнуть в поле их зрения.

Не зная, где спрятаться от жаждущих правды незнакомых людей, девушка ощущала себя загнанным в угол зверьком. Попытки Чэньсина её защитить не увенчались успехом, и Цайхуа ничего не осталось, кроме как спрятаться в Вечнозелёном лесу. Молча отдав лучшему другу обшитую шёлком коробочку, она скрылась под сенью тысячелетних деревьев, и только сегодня Юньчи и Шаньёо сумели найти её. Сидящую под водопадом и охраняемую новым мечом, который не позволял к ней приблизиться даже на чжан.

— Пока есть возможность, не хочешь стать просветлённой? — вдруг поинтересовался

Шаньё. — Слышал от Цайхуа, что вы были единственными, кому удалось спастись от золотистого пламени, когда горела ваша родная деревня. Противостоять ему может только светлая ци. Что если. .

— Нет, — отрезала Юньчи, предупреждая его пустые догадки. — Хотя Цайхуа и наставник со мной не согласны, я знаю, — в тот день мне просто повезло. И, нет, я не хочу быть просветлённой.

Девушка выставила свободную руку вперёд, словно проводя незримую грань между собой и чуждым ей миром, к которому принадлежал парень в бирюзовых одеждах.

Шаньё хотел было что-то сказать, однако Юньчи снова опередила его:

— В погоне за бессмертием вы не замечаете, как упускаете жизнь. Я же хочу жить здесь и сейчас, а не строить грандиозные планы на будущее. До тех пор, пока я жива, я могу делать то, что мне нравится, и одновременно то, что должна. Мне этого вполне достаточно.

— Я понял тебя. Каждый выбирает свой собственный путь, — пожал плечами Шаньё. — Но что делать дальше?

Что делать дальше? Въевшийся в измятые страницы души неразрешимый вопрос терзает Шаньё с каждым днём всё сильнее. Он изгнан из школы Каймин и брошен наставником — самым дорогим для него человеком, единственным, ради которого, казалось, юноша жил. Вновь оказавшись на горе Маошань, он больше не чувствует связи с её первозданной природой. Укрытые тенью Вечнозелёного леса горные склоны равнодушны к боли Шаньё, не отвечают на просьбу о помощи и бурные воды реки, прежде усмирявшие его беспокойные мысли. Сейчас же, оставленный с ними один на один, лишённый права на счастье и утративший всё, чем дорожил, Шаньё тонет в отчаянии.

— Дальше надо с этим заканчивать.

Голос Чэньсина прозвучал неожиданно. Проскользнув мимо Юньчи и Шаньё вместе с потоками прохладного ветра, юноша в алом остановился у самой кромки воды и устремил взгляд к водопаду. Обнаружить в бурлящих потоках Лу Цайхуа не составило для него большого труда. И дело было не в парящем рядом с ней духовном оружии. *Преодолев пространство и время, несколько жизней и смерть*, парень смог её отыскать. Любые другие преграды в глазах просветлённого теперь представляли собой суший пустяк.

— Как ты нашёл её?

— Я не терял.

«И больше никогда не потеряю», — добавил Чэньсин про себя.

Попытка без боя приблизиться к Лу Цайхуа не увенчалась успехом. Просвистев в опасной близости от лица юноши в алом, новый меч просветлённой преградил ему путь.

Какого...?!

Дыхание сбилось, дрожащие пальцы потянулись к висящим на поясе ножнам.

— Да как ты смеешь?!

Жгучая смесь боли и ненависти затмила сознание прежде, чем Чэньсин осознал, что обнажил свой чёрный клинок. Образ Лао Тяньшу, лежащего в луже остывающей крови, не покинул его мысленного взора даже тогда, когда посыпались искры от столкновения двух стальных лезвий.

— Из нас двоих...

Этот меч — верный соратник Лао Тяньшу и в то же время его жестокий убийца. Давший клятву защищать просветлённого ценой своей жизни, в решающий миг он отнял его у целого мира.

— ...я единственный...

Созданный, чтобы не дать Тяньшу умереть, этот меч отобрал его у человека, что был рождён ради него одного.

— ...имею право быть рядом с ней!

Чэньсин без труда балансирует на скользких камнях. Надеясь каждый свой выпад смертоносной энергией, он словно пытается разбить меч Цайхуа на осколки. В жалобном звоне оружия ему чудится последний вздох Лао Тяньшу, и юноша окончательно теряет связь с внешним миром. Он — несущий возмездие вихрь. Его цель — уничтожить врага, с корнем вырвать даже намёки на его совместное будущее с Лао Тяньшу, и всё лишь затем, чтобы не дать повториться трагедии прошлого.

— Хватит!

Исступленный, полный безысходности крик приводит юношу в чувство. Растерянным взглядом он провожает плывущий по воздуху меч, к рукояти которого тянется ладонь Цайхуа. Смешавшись с каплями холодной воды, по её бледным щекам текут слёзы, и в потускневших глазах таится столько отчаяния, что просветленный вмиг забывает о жажде мести.

Кроме Лу Цайхуа ничто не имеет значения. Она — смысл его жизни и центр вселенной.

Вновь сократив разделявшее их расстояние, Чэньсин крепко прижимает к себе просветлённую и, ощущая, как содрогается её хрупкое тело, — не то от холода, не то от рыданий — предаётся слезам вместе с ней.

Он хочет спасти её от этой мучительной боли. И хотя путь к избавлению причинит ей не меньше страданий, Чэньсин не может от него отказаться.

— Почему ты не хочешь? Поверь, когда ты всё вспомнишь, тебе станет легче.

Девушка какое-то время молчит. Категорично, с оттенком безнадежной печали в дыхании, ставшем вдруг тихим и ровным.

— Чэньсин, нет, — Цайхуа отстраняется ровно настолько, чтобы увидеть на дне его чёрных зрачков отражение собственных страхов. — Пожалуйста, хватит об этом. Я не Лао Тяньшу. Я родилась как Лу Цайхуа и навсегда ей останусь. Что было в прошлом, не имеет ко мне отношения.

Просветлённая просто устала. Устала от бесконечной гонки за смыслами, в которой ей изначально было суждено проиграть. Теперь же, когда Цайхуа рискует упустить и себя, утратить своё настоящее «я» навсегда, тепло объятий Чэньсина становится её последней надеждой спастись. В охваченном пламенем мире, где обращаются в пепел нерушимые истины, сохраняют своё постоянство лишь их отношения. Несовершенные и иногда непростые, но в то же время удивительно искренние.

Терпевший её нелепые выходки юноша в алом позволял просветлённой оставаться собой и в ответ на обиды дарил ей тепло. Однако сейчас, как бы ей ни хотелось быть рядом с Чэньсином, она не уверена, хочет ли этого он.

— Кто для тебя по-настоящему важен? Лао Тяньшу или я?

Так и не дождавшись ответа, Лу Цайхуа обречённо вздыхает и усилием воли высвобождается из объятий Чэньсина. На то, чтобы справиться с разъедающей душу тоской, сил просветлённой уже не хватает.

Стоит Цайхуа добраться до берега, где её с раннего утра ждут Юньчжи и Шаньяо, как с губ невольно срывается:

— Как наш наставник?

Чувство вины не даёт посмотреть подруге в глаза. Не выдержав воздействия тёмной энергии, здоровье Лао Чжуаньцзэ резко ухудшилось, а после пожара в их поселении старый наставник оказался практически при смерти. Проведать его, позаботиться, посидеть в изголовье кровати, тихонько рассказывая о своих приключениях и подавая лекарство — это единственное, что Лу Цайхуа может сделать, чтобы облегчить его состояние. Однако вот уже несколько дней просветлённая избегает с ним встречи.

— Надо же, совесть проснулась? Ну так сходи сама и узнай. Его разместили в доме главы этой школы.

Юньчи раздражённо хватается девушку за руку. Хотя показывать Лу Цайхуа свои чувства Юньчи непривычно, она понимает: если не достучится до сердца подруги, в будущем та пожалеет о своём поведении.

— Цайхуа, я могу простить тебе, что угодно, но не твоё малодушие. Тебе ли не знать, как сильно наставник привязан к тебе? Ты для него значишь куда больше, чем я. И если он не увидит тебя перед смертью, я...

— Юньчи, — прервал её юноша в бирюзовых одеждах, чтобы затем красноречиво кивнуть в сторону Лу Цайхуа.

Точно изготовленная для погребального обряда бумажная кукла, Цайхуа безучастно смотрела под ноги. Слезы закончились, нити, что ненадолго связали её с этим миром, оборвались. Приговорённая быть захороненной вместе с погибшей мечтой, Лу Цайхуа не уверена, ей только предстоит умереть или она уже оболочка: пустая и всеми забытая.

— Я не хочу... Не могу.

Она не может предстать перед ним как перерождение Лао Тяньшу. Если Цайхуа это сделает, признает свою *прошлую* личность, — от *настоящей* останется одна блёклая тень. Лао Тяньшу займёт её место, вычеркнет имя Лу Цайхуа из истории совместно прожитых с наставником дней. В конечном итоге, она просто исчезнет. Канет в реке забвения, пока будет сиять бессмертная слава Лао Тяньшу.

— Я просто не выдержу, если он будет ко мне относиться, как к Лао Тяньшу. А он будет, ведь Тяньшу — его сын. Наставник всю жизнь мечтал с ним увидиться.

Цайхуа закусила губу в попытке сдержать подступившие слёзы.

— Я не хочу, чтобы Лао Тяньшу отобрал моё прошлое. Я не хочу отдавать ему друзей и наставника. Это моя жизнь, не его.

Шаньяо кивнул. Способный не просто понять её чувства, но и принять, юноша искренне сопереживал Лу Цайхуа.

— Тогда мы идём к Мао Синдоу.

Взяв просветлённую за руку, тем самым высвободив из хватки Юньчи, просветлённый в бирюзовых одеждах добавил:

— Он тебя ждёт по очень важному делу.

— Я снова выиграл.

На губах Лунху Чжао расцветает озорная улыбка, стоит ему прочесть на лице Мао Шуая растерянность, как если бы мужчина и вовсе не следил за ходом игры, а теперь, отозвавшись на исполненный радости голос, пытался понять, что происходит. Шуай нехотя отвлекается от созерцания и опускает взгляд вниз, где расположились круглые камешки. Он

проиграл, но впервые за долгое время не чувствует себя побеждённым.

«Если тебя это радует, я готов нести поражение до бесконечности».

Хотя бессмертные играют в вэйци с раннего утра, исход ведущегося на деревянном поле сражения всегда неизменен. Лунху Чжао выигрывает снова и снова, возможно даже догадываясь, что просветлённый в бирюзовых одеждах школы Каймин не заинтересован в игре. Однако оба продолжают сидеть друг против друга, не смея прервать очередную партию вэйци.

Пока серебряноволосый бессмертный собирает с доски белые и чёрные камешки, Мао Шуай смотрит в сторону соседней беседки. Черепица её двухъярусной крыши увита плющом, на потемневших от времени опорных столбах цветут орхидеи. Пронзительно синие, как глаза его близкого друга, они мерно качаются в ответ на дыхание Вечнозелёного леса.

Путаясь в листьях исполинских деревьев, ветер доносит до Лунху Чжао и Мао Шуая аромат дорогого улуна, который глава школы Каймин распивает с незнакомыми юношами. Ослепительно-белые одежды двух просветлённых, расшитые узором из цветов хризантем, указывают на их принадлежность к школе Чуньцзе. Зачем они здесь — никому неизвестно. Мао Шуай слышал лишь то, что собравшиеся в соседней беседке ждут появления Лу Цайхуа.

— Как думаешь, твоя ученица придёт? — нарушил молчание Мао Шуай.

— Ученица? — серебряноволосый мужчина озадаченно вертит в пальцах один из камней. — Ты про Чэньсина или Тяньшу?

— Про Лу Цайхуа, — вздохнул Мао Шуай. — Она ведь ещё не вспомнила прошлое. А если и вспомнит, не думаю, что её личность изменится.

Рука Лунху Чжао на миг замерла, позволяя прохладному ветру всколыхнуть ткань одеяний. Воздушный рукав поднялся над низеньким столиком, чтобы затем мягко осесть на игральную доску, и только тогда бессмертный продолжил движение. Положил камешек в выточенный из нефрита горшок, медленно выдохнул и повернулся к стоящей напротив беседке, где Мао Синдоу с гостями пил чай.

Проследив взглядом за ученицей школы Каймин, несущей к постройке сосуд с родниковой водой, Лунху Чжао сказал:

— Придёт.

И не ошибся.

Вскоре на ведущей к беседкам тропинке показалась группа молодых людей. Убирая с пути ветви деревьев и временами оглядываясь на Лу Цайхуа, впереди шёл Шаньяо. Следом за ними шагал недовольный Чэньсин, замыкала же процессию девушка в простом сером платье.

Поднимаясь по лесистому склону, Лу Цайхуа концентрировалась на своих ощущениях. По старой привычке, как на Тайшань, когда потоки духовной энергии щекотали кончики пальцев, а пронизанный ею целительный воздух дарил безмятежность богов. Здесь же, на лоне первозданной природы горы Маошань, девушка чувствовала себя по-другому. Границы тела размылись, сознание сплелось с ветвями деревьев, травой и цветами в один организм. Очень древний и всемогущий.

Очередной порыв ветра принёс с собой аромат свежего чая и заставил просветлённую зябко поёжиться, что не укрылось от взора Чэньсина.

— Лу Цайхуа!

Юноша схватил её за рукав, вынуждая остановиться.

— Надо же, ты не забыл моё имя, — едко заметила девушка.

— Цайхуа, не глупи, — проигнорировал её враждебный настрой просветлённый. — Ты ещё не настолько сильна, чтобы поддерживать в своём теле тепло. Переоденься.

Чэньсин не надеялся, что Лу Цайхуа согласится, и всё же протянул ей стопку сухих чёрных одежд, которые взял из её вещевого мешка. Без спросу, что, впрочем, его ничуть не смущало.

— О, если ты знаешь, что я не сильна, значит тебе должно быть известно и то, что Лао Тяньшу не имеет ко мне отношения!

Она не может принять заботу Чэньсина. До тех пор, пока тот не ответит на её последний вопрос, Цайхуа не желает с ним связываться. Даже если её замёрзшее тело, вопреки голосу разума, отчаянно жаждет оказаться в его тёплых руках.

Тропинка оборвалась у залитой солнцем поляны с двумя расположенными рядом беседками. У одной из них, с глиняным сосудом в руках, стояла Юцин. Взгляд её глаз, обычно весёлых, был отчего-то печален. И эта печаль, что до краёв наполнила чуткую душу, выплеснулась наружу слезами, стоило девушке заметить Лу Цайхуа. Поставив сосуд прямо в траву, просветлённая подбежала к подруге и стиснула её в крепких объятиях.

— О, Небеса, ты почему такая мокрая?!

Молчание Лу Цайхуа говорило само за себя. Уныние, беспросветное, как тьма поздней ночи, когда всё живое предаётся кратковременной смерти, угадывалось даже в дыхании девушки. Цветочная фея предполагала, что Цайхуа пришлось нелегко. А когда они наконец-то увиделись, Юцин смогла прочувствовать её отчаяние сердцем.

— Я так за тебя волновалась.

С момента их расставания не прошло и пары недель. Лу Цайхуа не должна была измениться так сильно, не могло в одночасье угаснуть упрямство, сопровождавшее её на пути к новым вершинам. И всё же перед Юцин стоял другой человек. Потускневшая, точно выцветшая на солнце картина, Цайхуа лишь отдалённо напоминала ту безрассудную и яркую девушку, которую знала Юцин.

— Цайхуа, — всхлипнула цветочная фея. — Обучение на Лунхушань — не твоя конченная цель. Ты ведь мечтаешь быть воином, но школа Ли сама по себе не поможет им стать. У тебя есть хороший учитель, а ещё упорство и смелость. Разве так важно, где заниматься? Школа Ли — просто одна из дорог к твоей цели. Теперь, когда её больше нет, выбери новую и продолжай идти дальше.

Юцин отстранилась в надежде разглядеть в глазах Цайхуа проблеск веры. Неистовая жажда жизни, что толкает на сумасбродные и одновременно смелые действия, не оставляет людей так легко. Когда все смыслы утеряны, просветлённая может рассчитывать на близких людей. Но даже если и те от неё отвернутся, Лу Цайхуа всё равно выстоит.

— Ты есть сама у себя, Цайхуа. Нет ничего важнее этого.

«Нашла».

Пока ещё крошечный, подобный новорождённой звезде, этот свет новой надежды не был способен согреть просветлённую, но позволял различить очертания будущего.

— И правда, — слабо улыбнулась Лу Цайхуа. — Мне до сих пор тяжело вспоминать те события. Но я постараюсь принять их и двигаться дальше. До этого я ведь неплохо справлялась.

— Да. И ещё, — решила добавить Юцин, пока подруга внимала словам утешения. — Ты — это всё ещё ты. Для меня существует только Лу Цайхуа, ведь я подружилась именно с ней. Лао Тяньшу погиб очень давно, у тебя же впереди целая жизнь. Я верю в тебя.

Сама о том не догадываясь, цветочная фея коснулась болезненной раны подруги. И пусть поток исцеляющих фраз не излечил её полностью, Цайхуа смогла ощутить под ногами опору.

«Я всё ещё Лу Цайхуа. Этого хватит, чтобы продолжить свой путь».

— Спасибо, Юцин. Мне было важно это услышать.

Смахнув набежавшие слёзы, девушка шагнула в беседку. Там, неспешно отпивая из керамической чашки, на неё с интересом поглядывал Мао Синдоу. Юноши с горы Лаошань же, напротив, были к Цайхуа безразличны. Оправдав репутацию школы Чуньцзе, просветлённые бесстрастно её поприветствовали и сели на свои места: с идеально ровными спинами и непроницаемым выражением лиц.

Девушке стало вдруг неудобно, как если бы она очутилась на похоронах. Вид расшитых серебрястыми нитями белоснежных одежд вызывал столь удушающее чувство тоски, что Цайхуа оглянулась: в надежде получить хоть немного поддержки от близких людей.

У входа в беседку, подобно маленькой армии, стояли друзья Цайхуа. Юньчи и Чэньсин, Юцин и Шанъяо — каждый ей улыбнулся. Даже Мао Шуай наградил Цайхуа ободряющим взглядом. Придал ей уверенности и Лунху Чжао.

«Ты со всем справишься», — прочитала она в его цвета вечернего неба глазах.

— Эти уважаемые просветлённые прибыли, чтобы сопроводить тебя в школу Чуньцзе, — без предисловий начал глава школы Каймин. — С возвращением, Лао Тяньшу. Надо сказать, твоё повторное рождение весьма неожиданно. Использовал какую-то технику?

— Я не Тяньшу, — упрямо возразила Лу Цайхуа. — Для чего я нужна в школе Чуньцзе?

Мужчина прищурился. Глядя на девушку, и близко не стоящую рядом с Лао Тяньшу по силе и личным качествам, Мао Синдоу не знал, плакать ему или смеяться. Возвращение одного из сильнейших бессмертных подарило просветлённым надежду, но тешиться ею глава школы Каймин не планировал. Для начала он просто понаблюдает за Цайхуа, а там будет видно.

— Вас ждёт наш глава, — отозвался один из парней в белоснежных одеждах. — Поскольку стало известно, что вы — перерождение Лао Тяньшу, положение дел в нашем клане стало иным. Просим вас отнестись с пониманием и посетить гору Лаошань.

Будто бы исполненный скорби голос юноши из школы Чуньцзе вызвал в теле просветлённой едва уловимую дрожь.

— Но какой в этом смысл, если я не могу вспомнить прошлое? — не сдавалась Лу Цайхуа.

— Нам приказано сопроводить вас к главе. Просим отнестись с пониманием, — монотонно повторил второй юноша.

Девушка не успела и слова сказать, как в диалог вмешался её новый учитель. Незаметно вошедший в беседку серебряноволосый мужчина похлопал Цайхуа по плечу и, со свойственной ему беззаботностью, принял решение:

— Раз Цяньсюй настаивает, мы не откажем. Чэньсин?

— Можно было не спрашивать, — отозвался юноша в алых одеждах. — Я лечу с вами.

Лунху Чжао улыбнулся чуть шире, когда в диалог вмешался Шанъяо. Враждебный взгляд Мао Синдоу больше не мог заставить его замолчать. Шанъяо отныне свободен в словах и поступках, и больше никто ему не указ. Даже его *бывший* наставник.

— А мне теперь нечего делать, — криво усмехнулся Шанъяо. — Если нет возражений, я вам составлю компанию.

Упиваясь этой горькой свободой, точно забродившим вином, что он через силу заливал в себя неделю назад, просветлённый невольно взглянул на Мао Шуая. Безмятежность, с которой мужчина продолжал сидеть за столом соседней беседки, обожгла сердце парня обидой. Но лишь на мгновение, пока тот не ошарашил главу школы Каймин заявлением:

— А я больше не оставлю своего *единственного* ученика без присмотра. Синдоу, ты можешь гнать его из своей школы сколько угодно, но он *мой* ученик. Хочешь ты того или нет, я не откажусь от Шанъяо. Я лечу с ним.

Примечание автора:

Вэйци (围棋) — логическая настольная игра, возникшая в Древнем Китае. В вэйци играют два игрока, один из которых использует чёрные камни, другой — белые. Цель игры — отгородить на игровой доске камнями своего цвета бóльшую территорию, чем противник.

Улун (乌龙) — полуферментированный чай, который по китайской классификации занимает промежуточное положение между жёлтым и красным.

我的天 — китайская фраза, звучащая дословно как «О, Небеса!» или, ещё более дословно, как «моё небо». На русский её переводят как «Боже мой», но мне захотелось написать её именно так, как говорят китайцы, не искажая смысл.

Интересный факт: некоторые реплики героев изначально звучат в моей голове на китайском языке, и только потом уже я их прописываю на русском.

谦虚 (Цяньсюй) — скромность.

Глава 34. Чувство, имя которому она не решается дать

Цайхуа запрыгнула на меч так легко, словно делала это всю жизнь. Устоять же на нём было сложнее: напор светлой ци оказался неожиданно мощным. Привыкнув к безобидной пульсации в духовных каналах при контакте с мечом, Цайхуа успела забыть о заключённой в нём силе. Теперь эта сила хлынула в тело: ещё слишком слабое, чтобы принять её всю.

— Может полетишь со мной? — беспокоится юноша в алом, мягко поддерживая её за запястье.

Кожу в то же мгновение обдаёт лихорадочным жаром, и просветлённая, закусив от досады губу, отворачивается. Лишь бы не видеть глаза, в которых уже очень давно она разглядела *некое чувство*.

— Не нужно.

А внутри снова борьба. Она хочет притвориться беспомощной, сделать вид, что не умеет летать на мече, лишь бы ещё раз оказаться в объятиях юноши в алом. Однако разум велит игнорировать *тёплое чувство*, имя которому она не решается дать. В этой борьбе нет победителей и нет проигравших. Цайхуа молча стоит на духовном оружии. Она пропустит свой ход, чтобы дать фору держащему её за руку парню.

— Я не могу сказать, кто важнее, — пользуется заминкой Чэньсин. Пока Цайхуа его не отталкивает, он должен с ней объясниться. И не имеет значения, что на этой залитой солнцем поляне они не одни.

— Для меня нет ни Лао Тяньшу, ни Лу Цайхуа. Они оба — ограниченные опытом личности. Есть только ты. Именно *ты* важна для меня.

«Серьёзно?»

«Для тебя всё так просто?»

Обида распускается в теле ядовитым цветком, отравляет все прожитые вместе с Чэньсином моменты. Лу Цайхуа наконец понимает, почему поначалу он её злил. Ей было *обидно*. С момента первой их встречи, сама о том не догадываясь, девушка чувствовала: для Чэньсина она — кто угодно, но не Лу Цайхуа.

— И кто же я?

Просветлённая переходит на шёпот. Усилием воли она сохраняет перед Чэньсином лицо. Плакать нельзя... Не рядом с ним.

— Ты — это ты, — отвечает Чэньсин. — Представь: ты стоишь у подножия горы, а я — на вершине. Ты видишь достаточно. Но этого мало, чтобы оценить всю картину, которая открывается *мне*.

Просветлённая высвобождает запястье и устремляет взгляд вверх. Часто моргая, в попытке прогнать набежавшие слёзы, она смотрит на облака. Небрежно размазанные по небесному куполу они напоминают Лу Цайхуа её чувства к Чэньсину.

— Подниматься на гору легко, а спускаться — трудно. Я хочу остаться на месте. А ты?

Не дожидаясь ответа, она в последний раз просит Юцин позаботиться о её старом наставнике и лучшей подруге, чтобы затем взмыть к облакам.

Первый полёт на мече дался просветлённой с трудом, что не укрылось от внимательных глаз Мао Шуая. Наблюдая за тем, как дрожат колени Лу Цайхуа, уже половину пути, мужчина не выдержал:

— С Шимин что-то не так? Я могу чем-то помочь?

До девушки не сразу дошло, что бессмертный обратился именно к ней. Сосредоточенная на контроле духовной энергии она не следила за тем, где находятся остальные члены команды. И только когда Мао Шуай повторил свой вопрос, Цайхуа поняла: она одна летит рядом с ним.

— Шимин — это кто?

Смутно знакомое имя вызывает у неё беспокойство. Цайхуа интересно узнать, о ком идёт речь, но отчего-то внутри всё сжимается, как перед бурей.

— Твой меч. В нём живёт душа ученицы Лао Тяньшу, так что у них одно имя.

— Значит, это она, — выдыхает Лу Цайхуа, не скрывая своего потрясения.

В сиянии лезвия ей чудятся василькового цвета глаза. Полные горечи невосполнимой утраты они молили Цайхуа об одном: больше не исчезать.

— Шимин...

Навечно заключённая в этом серебристом клинке, она боится, что Лао Тяньшу её снова оставит.

— К сожалению я не Тяньшу, — обращается к мечу Цайхуа. — Но если тебе одиноко, можешь снова прийти в мои сны.

Оружие ответило осязаемой вибрацией, заставив Цайхуа пошатнуться. Хотя девушка часто летала с учениками школы Чэнсянь по поручениям, стоять на клинке в одиночку ей нелегко. Особенно, когда приходится сдерживать его огромную силу.

— Похоже, меч впитал в себя энергию Лао Тяньшу, когда был в его теле, — предположил Мао Шуай, обеспокоенно глядя на попытки Лу Цайхуа не упасть. — Когда станешь сильнее, заберёшь её всю.

Лао Тяньшу был сильнейшим бессмертным. Вобрав в себя ци обоих родителей — лучших просветлённых школы Чуньцзе, он приумножил её и потерял. Лао Тяньшу больше нет. Но есть Цайхуа, рождённая, чтобы его превзойти.

— Совру, если скажу, что мне не нужна его сила, — неожиданно делится девушка с летящим рядом бессмертным.

Тёплая аура Мао Шуая согревает Лу Цайхуа, участливый взгляд располагает к доверию. Ей всегда хотелось иметь такого наставника: мягкого и одновременно сильного, с лёгкой печалью, что прячется в уголках тонких губ, и готового её поддержать. Когда Лунху Чжао, беззаботно смеясь, парит в облаках, а Чэньсин и Шанъяо по неизвестным причинам отстали, один Мао Шуай позаботился о Цайхуа.

— Ты можешь использовать силу Лао Тяньшу и сейчас. Главное, не впускай в себя больше, чем выдержишь, — посоветовал Мао Шуай.

Цайхуа благодарно кивнула.

Остаток пути просветлённая провела в своих мыслях.

В зеркальной глади сотен озёр отражалось спокойствие. Холодное, как будто потустороннее, оно укрывало собой долину горы Лаошань.

В тишине позднего вечера готовились ко сну облака. Их силуэты, цвета надежды на новый день, застыли в озёрной воде: такой же недвижимой, точно заледеневшей.

Кругом ни души. Над поросшими травой островками, что хаотично разбросаны по водной поверхности, начинает стелиться туман. В его сизой дымке прячутся скромные жилые постройки. Словно застрявшая между жизнью и смертью школа Чуньцзе встречает Лу

Цайхуа равнодушным молчанием.

Молодой глава, Лао Цяньсьюй, ждал их на вершине горы. Лицо его, почти такое же белое, как одеяния, носило выражение скорби. И только в глубине тёмных глаз таилась искра слабой надежды.

— Тяньшу, — коротко кивнул он Лу Цайхуа.

Едва держась на ногах, просветлённая поклонилась в ответ.

Измождённая долгим полётом она видела мир сквозь призму усталости. Быть может поэтому открывшиеся взору пейзажи вдруг вызвали у девушки панику. Конечности вмиг сковал холод, и всё внутри свернулось узлом. Не обращая больше внимания на Лао Цяньсьюя, она вглядывалась в окрестности школы Чуньцзе. Испуганно, так, словно боялась увидеть за туманной завесой нечто такое, что уже успело узнать её чуткое сердце.

— Цайхуа, — раздался над ухом успокаивающий шёпот Чэньсина. — Всё хорошо, я с тобой.

— Я... — начала была девушка и осеклась. Всё это время стоявший сзади Чэньсин не мог видеть лица Цайхуа. Разве что...

— Не надумывай лишнего.

Она не хочет открываться Чэньсину. Даже если он знал, что душа Цайхуа отзовется на знакомое место, она не желает ему это показывать.

Цайхуа улыбается. Вымученно и неестественно. Это беспокоит Чэньсина, но просветлённая, не оставив и шанса что-то сказать, уходит за Лао Цяньсьюем. Чэньсину остаётся лишь *ждать*. Как и Мао Шуаю, Шаньяо и Лунху Чжао.

— Почему им нельзя пойти вместе со мной? — интересуется девушка.

Неприметная тропка ведёт к скалистому склону. Там, среди огромных камней, растут целебные травы.

— Из-за последствий. Причём, весьма неприятных. И кое-кто уже с ними столкнулся.

— Имеете в виду учителя Чжао? — догадалась Лу Цайхуа.

Когда-то давно Шаньяо рассказывал, как Лунху Чжао стал сумасшедшим. Обнаружив на горе Лаошань что-то запретное, Чжао утратил свою прежнюю личность. Живущий в собственном мире, с серебристыми, как утренний снег, волосами, он перестал узнавать Мао Шуая и проникся тёплыми чувствами к семейству кошачьих.

Глава школы Чуньцзе промолчал. Однако просветлённая не нуждалась в ответе. Она уже знала: в недрах горы Лаошань спрятан источник тёмной энергии. Об этом поведал ей и Чэньсину старый наставник. И именно это изменило учителя Чжао.

Взволнованная внезапным открытием Лу Цайхуа не заметила, как отступила тревога. Дышать стало легче, ритм сердца замедлился, а на губах показалась улыбка. На этот раз искренняя.

— Ты уже знаешь, *что* здесь находится? — уточнил Лао Цяньсьюй, останавливаясь у каменной глыбы.

— Примерно.

— Тогда ты должна понимать, что я сотру память любому, кто войдёт сюда без дозволения. К сожалению техника не идеальна: последствия её применения предсказать невозможно.

С этими словами глава школы Чуньцзе снял печать. Дождавшись, пока проход в скале откроется полностью, он первым шагнул в сырой полумрак.

Происходящее в холодной пещере заставило Цайхуа ужаснуться. Вместо сгустка, каким

она представляла источник демонической ци, девушка увидела гроб. Окутанный чёрным туманом он источал леденящую душу тёмную ци. И если бы не сидящий напротив мужчина, что пропускал её через себя, школа Чуньцзе давно бы утонула во мраке.

Очищавший тёмную ци просветлённый был облачён в погребальный халат. Словно заранее готовился к смерти, что дышала в затылок с первого дня его пребывания здесь. Не способный поприветствовать Лао Цяньсюя, как полагается, он молча кивнул ему и продолжил нести свою непосильную ношу.

— Там тело Инь, — объяснил Лао Цяньсюй, заметив прикованный к гробу потрясённый взгляд Цайхуа. — Эта девочка пострадала от рук просветлённых из школы Ли. Полагаю, мне нужно заново тебе всё рассказать?

— Заново?

— Ты ведь не помнишь свою прошлую жизнь. Прейдём к делу. Что тебе известно о Тай Чэнсяне? Помимо того, что он бог основатель пути совершенствования.

Цайхуа, наконец, повернулась к Лао Цяньсюю.

— Я догадываюсь, почему он создал Мрачный чертог.

Просветлённая не забыла Юйчжоу — девушку-призрака, которую встретила на испытании в школе Чэнсянь. Юйчжоу показала Цайхуа своё прошлое: день, когда она отдала за наставника жизнь. В той битве с демонами у ученицы Тай Чэнсяня был шанс остаться в живых, однако судьба распорядилась иначе. Она умерла, чтобы Чэнсянь завершил свою медитацию и стал божеством.

— Тай Чэнсянь отомстил за смерть ученицы, — решила озвучить догадку Лу Цайхуа. — Он мог легко убить демонов, но вместо этого заставил их мучиться в Мрачном чертоге.

Глава школы Чуньцзе о чём-то задумался. В полумраке пещеры черты его лица сделались строгими, губы сжались в тонкую линию, и Цайхуа в какой-то момент показалось, что Лао Цяньсюй смотрит ей прямо в душу.

— Что *ещё* ты знаешь? — серьёзно спросил глава школы.

— Что Тай Чэнсяню пришлось отделить Небесное царство от мира людей, — с готовностью ответила девушка. — Ведь только противоположный по энергии мир мог уравновесить Мрачный чертог. Демоны должны были остаться там навсегда, правда в итоге всё пошло не по плану. Нечисть смогла прорваться в наш мир, пусть и в форме энергии, а Тай Чэнсянь вместе с другими богами всё ещё заперт на Небесах.

Цайхуа сделала паузу. Молчал и Лао Цяньсюй. Он ждал продолжения, будто заведомо знал, что оно непременно последует.

— Кажется, мне есть что добавить, — оправдала его ожидания Лу Цайхуа.

Прежде чем девушка сразилась за право учиться на горе Лунхушань, её затянуло в далёкое прошлое. Главной фигурой же в нём была не Юйчжоу. В новом видении Лу Цайхуа узнала о трагической участи мальчика по имени Ян.

— Тай Чэнсяню нужны были два артефакта. Одним из них стала душа сына основателя школы Чуньцзе. А для второго нужно было найти самую тёмную душу. Это всё, что я знаю, — закончила Лу Цайхуа.

В пещере повисло молчание. Стихли даже звуки воды, срывавшейся вниз с каменных сводов. Загустевшая тьма, точно в попытке скрыть страшную тайну, стала почти осязаемой. Однако Лао Цяньсюй не мог больше ждать. Ради спасения мира правда должна быть раскрыта.

— Девочку Инь до смерти замучили ученики школы Ли, — тщательно подбирая слова, начал рассказ молодой глава школы.

Тело Инь насквозь пропиталось страхом и ненавистью. Как и душа, оно стало источником тёмной энергии, и Тай Чэнсянь, не объясняя причин, оставил его в школе Чуньцзе. Спрятанное на горе Лаошань, тело замученной девочки обернулось кошмаром основателя школы, а позже — его самых сильных потомков. Отдавая все силы на очищение тёмной энергии, они смиренно хранили этот секрет. Другого решения не было.

Душа Инь, в свою очередь, была отправлена в Тихие земли.

— Немногие знают, что у Чэнсяня был ещё один ученик. Вместо того чтобы бороться со тьмой, он покинул наставника и создал свою секту, — глава школы устало потёр переносицу.

Казалось, каждое слово ему давалось с трудом. И теперь, раскрыв Цайхуа больше, чем следовало, он хотел отдохнуть.

— Ещё один ученик? Выходит, их было шесть? — нетерпеливо уточнила Лу Цайхуа.

— Верно. Тай Чэнсянь обучал его до Юйчжоу.

Увы, их пути разошлись. Пятый ученик Тай Чэнсяня основал Тихие земли — место, где вместе с сообщниками вёл спокойную жизнь. Лишь там, закрывшись от внешнего мира, он мог избежать сражений со злом и совершенствоваться в своё удовольствие. До тех пор, пока Тай Чэнсянь не нашёл способ его наказать.

— От судьбы не уйдёшь, — покачал головой Лао Цяньсуй. — Пятый ученик Тай Чэнсяня бежал от демонической ци. Мог ли он знать, что умрёт от неё же?

Создав Мрачный чертог, Тай Чэнсянь поместил душу Инь в Тихих землях. С тех пор прошло много времени. Когда ситуация в мире стала критической, просветлённые из школы Чуньцзе отправились в Тихие земли, чтобы уничтожить источник демонической ци. Ни один из них не вернулся. Там же пропал Тай Хуэй — бывший глава школы Чэнсянь, отец Тай Циньюэ.

— Мы надеялись на Лао Тяньшу. Если бы он уничтожил тёмную душу, мы бы легко обезвредили тело. К сожалению, Тяньшу не справился с миссией, — заключил Лао Цяньсуй и выжидающе посмотрел на Цайхуа.

Девушка долго не решалась ответить. Снежный ком информации, что разрастался в течение года, наконец приобрёл понятную форму. Все эпизоды сложились в логичный сюжет, в котором Лу Цайхуа невольно играла центральную роль. Почти оглушённая этой лавиной событий, чувствуя, как становятся ватными руки и ноги, девушка боялась признать: всё произошло не случайно.

Встреча с Юйчжоу на испытании, знакомство с историей двух артефактов, дружба с учителем Чжао и даже чувства к Чэнсянину — всё это она обрела благодаря Лао Тяньшу. А ещё он подарил ей возможность исполнить мечту.

— Я спасу мир вместо Лао Тяньшу, — принимает решение девушка.

Хотя Цайхуа не готова принять своё прошлое «я», она может разделить с ним ответственность.

Ей всё ещё больно. Больнее, чем прежде. Но с этим она разберётся потом.

Просветлённая кивает на ножны:

— У меня есть его сила. Я отправлюсь в Тихие земли и убью Инь.

Лао Цяньсуй не ждал другого ответа. Наблюдавший за внутренней борьбой просветлённой, глава школы знал: она исправит ошибки своей прошлой личности. Иначе для

чего Цайхуа появилась на свет.

— Можешь взять с собой, кого хочешь. Насчёт цели похода скажешь, как есть: я поручил тебе разобраться с источником демонической ци.

Когда Цайхуа добирается до гостевого дома школы Чуьнцзе, стоит глубокая ночь. Во дворе её ожидают Чэньсин и Шанъяо. Сидя друг против друга, они смотрят в разные стороны, как если бы были врагами, не сумевшими поделить территорию. Их мрачные лица, окутанные мягким сиянием алых фонариков, забавляют Лу Цайхуа. Но смеяться нет сил. По телу вдруг разливается жар, окружающий мир расплывается, как отражение в беспокойной воде, и Цайхуа спотыкается.

Парни реагируют быстро. Двигаясь со скоростью ветра, они успевают поймать Цайхуа. Пока Шанъяо проверяет пульс девушки, Чэньсин сердито вздыхает:

— Я же говорил, что твоё тело не выдержит. Ну почему ты такая упрямая? Неужели так сложно было послушаться и переодеться в сухое?

Цайхуа нехотя признаётся себе, что *такой* раздражённый Чэньсин ей очень *нравится*. Искренний в своём недовольстве он намерен о ней позаботиться. За грозной маской Чэньсина скрывается чуткость, в решительных действиях сохраняется нежность, что заставляет просветлённую сдаться. Этой ночью она совершенно не против стать *его смыслом жизни и центром вселенной*.

Парень освобождает запястье Лу Цайхуа от пальцев Шанъяо и, послав тому предупреждающий взгляд, поднимает девушку на руки.

— Будем лечить тебя. Отказ не принимается, — сообщает Чэньсин.

Отчего-то довольная Лу Цайхуа с трудом прячет улыбку.

Примечание автора:

谦虚 (Цяньсюй) — скромность.

«Подниматься на гору легко, а спускаться — трудно» (上山容易下山难) — китайская пословица, имеющая также образное значение: начать дело легче, чем довести его до конца.

阴(Инь) — энергия, противоположная энергии «Ян». Энергия «Инь» в китайской философии воспринималась как негативность (не в плохом смысле), женщина, холод, мрак, пассивность, меланхоличность, потусторонность.

Глава 35. Любовь сменяется ненавистью

В скромно обставленной комнатке холодно, одинокий бумажный фонарик отчаянно борется с тьмой. По-осеннему промозглая ночь вынуждает закутаться в тепло одеяла и, сосредоточившись на внутреннем мире, сбросить, как пожухлые листья, груз мыслей.

Цайхуа пьёт лекарство. По ложке, забавно морща лицо и отворачиваясь, когда юноша в алых одеждах пытается вытереть уголки её губ. Горечь целебного снадобья теряется в сладости смутных надежд. *Она* перед ним, как раскрытая книга. *Он*, бережно листая страницы души Цайхуа, боится утратить доверие, почти эфемерное, как пух одуванчика.

Цайхуа вспоминает недавнее: «Я хочу остаться на месте. А ты?» На деле ей пора идти дальше — вперёд по прямой. Правда чуть позже. Пока Чэньсин не примет решение, Цайхуа не рискнёт отправиться в путь, пусть он и ведёт к заветным вершинам.

Она ждёт ответ, и одновременно страшится его. Даже сейчас, молчаливо заботясь о ней, Чэньсин живёт прошлым, что нависает над Лу Цайхуа исполинской горой.

«Если ты выберешь Лао Тяньшу, мне придётся уйти», — думает девушка. — «Но разве я смогу без тебя?»

Чэньсин не единожды спасал Цайхуа. В самый последний момент вырывал из когтистых лап смерти и защищал от врагов. Ради неё он нарушил обычаи и подрался с учителем. Ради... неё?

Больше думать не хочется. Огонь иллюзорной надежды согревает Лу Цайхуа вполне настоящим теплом, что растекается в теле вместе с духовной энергией. Чэньсин снова использует технику школы Чунгао.

— Я ... — шепчет он, передавая ей свою ци.

Смутно догадываясь, *что* хочет сказать просветлённый, Цайхуа торопливо его прерывает:

— Тсс, не сегодня.

Острые углы их отношений разглаживаются в мягком, рассеянном свете фонарика. Следы старых ран исчезают, оставляя место искрящимся чувствам, которые делают девушку невероятно счастливой. Разговор о Лао Тяньшу подождёт. Ослабленная и заболевшая, она нуждается в заботе Чэньсина, в его нежной улыбке и лёгких, почти невесомых касаниях. *Цайхуа ещё не готова его отпустить.*

Растворяясь в ласке Чэньсина, она медленно погружается в сон. Парень сидит рядом с ней поверх одеяла, напевает печальную песню, гладит по голове. В его тихом голосе прячутся отзвуки едва уловимой, но внезапно знакомой печали, живущей на недоступных глубинах души Цайхуа. Прежде чем девушка попытается вспомнить причину этого чувства, тело заснёт окончательно. Только пальцы Чэньсина продолжают с любовью перебирать её волосы, и где-то вдали, на периферии сознания, мерцают золотистые искры духовной энергии.

Цайхуа догадалась, что спит, когда услышала всхлипы. Их жуткое эхо, постепенно усиливаясь, заполнило пространство беспокойного сна, и просветлённой вдруг показалось, что плачет сама эта окружившая её чернота. Сзади стояла Шимин. В ткань её синего платья следами давней трагедии вьелись кровавые пятна. Глаза, полные слёз, смотрели на Лу Цайхуа с виной и страданием.

— Наставник, я не хотела, — севшим голосом сказала Шимин. — Вы простите меня?

Она тянет дрожащие руки к Лу Цайхуа, однако та отступает. Шимин замирает, словно осмысливая возникший между ними барьер, а затем начинает рыдать ещё громче.

— Это всё я! Из-за меня вы так изменились. Вы погибли *из-за меня!*

Пока ученица Лао Тяньшу собственноручно топит себя в пучине отчаяния и сожалений, Лу Цайхуа, зацепившись за её последнюю фразу, испуганно спрашивает:

— Что ты имеешь в виду?

Шимин отвечает не сразу. Проходит целая вечность, прежде чем она, наконец, приводит в порядок дыхание и собирается с мыслями. Говорить о смерти наставника трудно. Время не излечило боль от потери, воспоминания пережитого ужаса не утратили яркости.

— В *тот* день ... — опускает подробности призрака.

Шимин не способна облечь в словесную форму реальность, где жизнь Лао Тяньшу прервалась. Сказать: «в день вашей гибели» — значит принять смерть наставника и отпустить его навсегда.

— ... я ощутила присутствие верховного демона. Он собирался убить вас при помощи техники, расщепляющей душу. Нужно было действовать первой, вот только напасть на него я не успела. Всё произошло слишком быстро: демон использовал тёмную технику, и я без раздумий отняла вашу жизнь, чтобы предотвратить самое худшее — смерть вашей души. Мне сложно в этом признаться даже себе, — Шимин совершает усилие, чтобы продолжить. — Вы были бы живы, попытайся я найти другой способ спасти вас. Но я не сделала этого, так как хотела жить в этом мече вместе с вашей душой. Я была одержима идеей избавить вас от страданий и совершила ошибку. Из-за моего эгоизма вам пришлось начать новую жизнь. Я никогда не прощу себе этого.

Она снова плачет. Вид слабой и перепуганной Лу Цайхуа ранит сильнее, чем неизвестность. Долгие годы своего пребывания в логове демонов Шимин безуспешно гадала, куда пропала душа Лао Тяньшу. Однако, навсегда заточённая в меч, она не могла даже представить, что наставник вернётся в облике девушки, забывшей о прошлом.

— Чэньсин прав, — прошептала Шимин, решительно шагая к Лу Цайхуа. — У меня нет права вас защищать. Но если вы снова погибнете, я просто не вынесу. Пускай против меня пойдёт целый мир, *я всё равно буду вас защищать*. Наставник, я жду, когда вы вернётесь.

С прилипшими к мокрым щекам волосами, в окровавленном платье и отчаянно плачущая она обнимает Лу Цайхуа.

— Я жду...

Задыхаясь от ужаса и необъяснимого жара, разлившегося вдруг по духовным каналам, Цайхуа закричала и открыла глаза.

Её встретила тьма. Бумажный фонарик погас, воздух, холодный и влажный, ещё хранил слабый запах цветов. Куда ушёл его обладатель — юноша в алых одеждах, гадать было некогда. Охваченная паникой Лу Цайхуа вскочила с кровати и побежала к двери.

Чэньсин открыл её первым. Испуганный не меньше самой Цайхуа, он кинул в сторону чашку с расплескавшимся от бега лекарством, чтобы в то же мгновение оказаться прижатым к стене.

— Приснился кошмар? — выдыхает Чэньсин, когда просветлённая утыкается лбом в его грудь.

— Кошмар — это проснуться одной.

«Без тебя», — мысленно добавляет Лу Цайхуа.

Она чувствует себя глупым ребёнком: привыкшим к заботе и ещё не познавшим

преходящую суть бытия. Обещая любовь, люди обманывают и исчезают, а потом появляются вновь. Как ни в чём не бывало, по-прежнему с тёплой улыбкой и оправданием. Но Лу Цайхуа не против стать жертвой обмана, если Чэньсин продолжит к ней возвращаться. *Именно к ней, а не к кому-то ещё.*

— Ты вся горишь, — обеспокоенно замечает Чэньсин.

Лекарство и техника школы Чунгао укрепили организм Цайхуа. Она уже не болела простудой — проблема заключалась в духовной энергии, растревоженной чередой потрясений и недавним кошмаром. Подобно гейзерным водам, ци закипала и, прорываясь наружу, обдавала девушку жаром.

— Кажется, что-то похожее со мной уже было, — прошептала Лу Цайхуа. — Это опасно?

По духовным каналам будто разливается магма. Но просветлённой не страшно. В замутнённом сознании мелькают бесстыдные мысли: «Пожалуйста, продолжай меня обнимать. Остальное не имеет значения».

— Конечно опасно. Если не успокоить энергию, можно лишиться рассудка.

Чэньсин ждёт, что она отстранится и пойдёт медитировать. Вместо этого Лу Цайхуа закрывает глаза и позволяет телу обмякнуть в руках юноши в алом.

— Цайхуа?

— ...

Решение приходит к Чэньсину мгновенно. Он берёт девушку на руки и, не теряя более времени, относит её к водоёму.

Затянутое тучами небо стекает в чёрную бездну воды. В ней, вместо звёзд, неподвижно застыли фонарики-лотосы. Их дрожащее пламя, окружённое алыми лепестками бумаги, отражается в поверхности озера россыпью искрящихся бликов. Время от времени их скрывает туман, лениво плывущий в пространстве нескончаемой ночи. Вид завораживал и обещал волшебство, которому Лу Цайхуа очень хочет и в то же время боится поддаться.

Парень ставит её у воды.

— Залезай. Только будь осторожна — здесь глубоко.

— Это озеро целебное?

— Да, как и все на этой горе.

Хотя Чэньсин отворачивается, Цайхуа не решается снять даже верхний халат. Оставив на берегу одну обувь, она заходит в прохладную воду и концентрируется на ощущениях.

Расслабиться получается сразу. Завороженная мерцанием сотен огней, Цайхуа наблюдает, как их отражение расползается по поверхности озера лавой. Отзываясь движениям девушки, бумажные лотосы плавно колеблются, приходит в движение и жидкое золото покрывшейся рябью воды.

Она медленно дышит. Остатки ночных сновидений растворяются в молочно-белом тумане. Поверхность разума становится чистой, в духовных каналах наступает покой.

От медитации её отвлекает Чэньсин:

— *Позволишь спуститься к тебе?*

Сердце сжимается. Даже на расстоянии нескольких чжанов она ощущает смущение парня. Оно передаётся и ей.

«*Это ответ?*»

Щёки краснеют, ноги подкашиваются. Сил хватает, чтобы кивнуть и зажмуриться. А впереди ждёт неизвестность, чьё имя — Чэньсин.

Юноша в алых одеждах подходит к ней со спины. По телу пробегает волна сладкой дрожи, когда его руки ложатся на плечи. Цайхуа поворачивается к Чэньсину лицом и неуверенно открывает глаза.

Парень смотрит с любовью и нежностью, однако на дне его чёрных зрачков Цайхуа замечает граничащее со страстным желанием чувство. Словно измученный жаждой Чэньсин, наконец, добрался до источника влаги. Чтобы испытать из него, ему нужно согласие. Это пугает Лу Цайхуа и разжигает в ней любопытство. Опьянённая этой опасной смесью эмоций она неосознанно подаётся вперёд.

«Да».

Тело будто касается пылающих углей. Обвив шею парня руками, просветлённая встаёт на носочки и неумело целует его. В этот робкий порыв она вкладывает все свои чувства: и страх пожалеть о содеянном, и множество оттенков *любви*, неизвестно когда поселившейся в сердце.

Вопреки опасениям, Чэньсин отвечает ей сразу. Его поцелуй, глубокий и нежный, заставляет забыть о дыхании. Не смея поверить внезапному счастью, парень обращается с Лу Цайхуа так осторожно, точно она — неуловимый мираж: не оправдаешь доверия, дав волю страсти, и он бесследно рассеется.

Хотя изнутри его сжигает желание, Чэньсин не рискует нарушить границы дозволенного. До тех пор, пока Цайхуа, чуть отстранившись, не прикрывает глаза, чтобы затем провести по нижней губе языком. Это неосторожное действие сводит парня с ума.

Чэньсин больше не сдерживается. Он давит на талию девушки, вынуждая прижаться к нему ещё крепче. Поцелуи становятся жадными и обжигающе страстными, движения рук, начавших исследовать тело, — бесстыдно настойчивыми. Цайхуа отвечает ему также пылко. Подобная искре, она разжигает в Чэньсине огонь, без которого эти несколько жизней он бесцельно брёл в темноте.

Словно парящие в звёздном пространстве они сами творят волшебство. Стираются последние рамки, державшие Лу Цайхуа и Чэньсина на расстоянии, и оба открывают друг другу самое ценное — душу.

Чэньсин обнажает плечо просветлённой. Та не успевает смутиться — в этот же миг парень касается её кожи губами. Мягко и медленно, пробуждая в девушке новые, не знакомые ей ощущения, которые становятся ярче из-за контраста горячего тела и прохладной воды.

Когда юноша в алом нежно целует Цайхуа в шею, она сдавленно стонет. Вместе со сползающей по цуню одеждой её покидают последние страхи. Слушая дыхание парня, что опалает её оголённую кожу, безропотно тая в его сильных руках, она понимает:

«Я готова отдаться ему без остатка».

Если Чэньсин оборвал все алые нити, что мешали расстаться с призраком прошлого, и *выбрал её*, она разделит с ним настоящее и смело шагнёт в туманное будущее.

Цайхуа улыбается сладким мечтам, в которых Чэньсин проводит с ней каждую ночь. Увы, им не сбыться. Волшебство исчезает мгновенно, стоит охваченному страстью Чэньсину прошептать едва различимое, почти умоляющее:

— Т...

Имя, чужое и опротивевшее, отрезвляет Лу Цайхуа. Любовь сменяется ненавистью, и просветлённая в порыве неудержимого гнева толкает Чэньсина. Ей невыносимо даже смотреть на него. Сожалеет ли он, ощущает вину или, напротив, не понимает, в чём дело —

теперь всё равно.

Она хочет звучать резко и грубо, однако сорвавшееся с губ: «Ненавижу тебя», — получается жалким. Дольше здесь оставаться нельзя. Накинув на плечи мокрую ткань, Лу Цайхуа выбегает из озера и, не разбирая дороги, несётся вперёд. Взор застилают бессильные слёзы, душу раздирает на части мучительный стыд.

«Не стоило тебе доверять».

Она знала, что пожалеет. Правда в случившемся девушка может винить только себя.

Остаток ночи Лу Цайхуа провела в компании лучшего друга. Шанъяо встретил её недалеко от построек, где жили ученики школы Чуньцзе. Она сидела на парапете моста, что дугой возвышался над мирно журчащим ручьём, и, глядя на звёзды, казалось, смотрела куда-то внутрь себя.

— Ты что здесь делаешь?

— А ты? — задала встречный вопрос Цайхуа.

Хотя в темноте парень не мог разглядеть лица девушки, по одному её голосу стало понятно, в каком она состоянии.

— Ясно, спрашивать, что случилось, не буду. Если захочешь, расскажешь сама.

Шанъяо сел рядом и тоже поднял голову к небу. На душе было скверно, однако присутствие Лу Цайхуа в последнее время придавало его серой жизни некое подобие смысла.

— Взаимно, — понимающе усмехнулась просветлённая и положила голову ему на плечо. Не спрашивая на то разрешения, вот так просто, как и всегда.

— Ты опять мокрая.

— Знаю.

Шанъяо устало вздохнул:

— И что мне с тобой делать?

Впрочем, размышлять над ответом не требовалось. Просветлённый, сняв бирюзовый халат, накинул его на подругу и отвёл её в свою комнату. Греться и пить ароматный улун с лепестками жасмина. Это было единственное, чем он мог ей помочь.

Чай закончился уже очень давно, за окном понемногу светало, а просветлённая всё сидела рядом с Шанъяо: укутанная его одеялом и потерявшая связь с внешним миром.

Она не проронила ни слова с момента, как зашла в помещение. Та Цайхуа, что смеялась и плакала, отчаянно злилась и училась любить, осталась за дверью. Здесь и сейчас существовал лишённый эмоций *другой* человек. И пусть Шанъяо не был знаком с *другой Цайхуа*, он её понимал.

Парень нарушил молчание первым:

— Ну как, тебе не лучше?

Она медленно повернулась к Шанъяо. Впившись в него немигающим взглядом, Лу Цайхуа изучала иную грань личности друга, которую ранее не замечала или попросту не умела ценить.

Переосмысленный образ Шанъяо вернул девушку в реальность. Теперь, с тоскливой болью в груди, она себя ощутила живой.

Дав волю слезам, просветлённая крепко его обняла.

— Ты рядом, даже когда тебе плохо. Кое-кто сегодня от меня отказался, а ты забыл о себе и остался со мной.

Ему самому нужна помощь. Однако, игнорируя своё состояние, он предпочитает

заботиться о Лу Цайхуа.

— Ну почему я влюблена не в тебя?

Шанъяо гладит её по спине, как ребёнка, и улыбается:

— То есть, ты признаёшь, что влюбилась в Чэньсина?

— А вот и нет! — возмущается девушка. — Я не говорила такого.

— Хорошо-хорошо, — со смехом соглашается парень. — Как скажешь.

Примечание автора:

Жасминовый улун (улун с лепестками жасмина) — чай с добавлением лепестков жасмина, которые придают ему характерный насыщенный вкус и аромат. Также обладает следующими полезными свойствами: укрепляет организм, ускоряет обмен веществ и очень бодрит. (Пить такой чай ночью — не лучшая идея, но, полагаю, другого варианта у Шанъяо и Лу Цайхуа не было. Конечно, чтобы согреться, можно было бы выпить и горячей воды. Да и китайцы часто советуют: «多喝热水», что переводится как «больше пейте горячей воды». Однако, как сказала моя хорошая подруга-китаянка: «Пить просто воду — слишком скучно». Цайхуа и Шанъяо, похоже, разделяют её точку зрения).

Фонарики-лотосы — водные фонарики, которые изготавливаются из рисовой бумаги. Бывают разных форм и размеров.

Глава 36. Настало время найти собственный путь.

Конец первого тома

Завтрак начался слишком рано, чтобы Лу Цайхуа и Шаньяо успели поспать. Есть не хотелось, однако помощники Лао Цяньсюя, не спрашивая мнения молодых просветлённых, отвели их в столовую. Там, за одним из низеньких столиков уже сидели Чэньсин, Лунху Чжао и Мао Шуай. Каждый — в собственных мыслях. Юноша в алом, с тенью отчаяния на бледном лице, прожигал невидящим взглядом свою пустую пиалу. Два бессмертных учителя без особого рвения ели варёные овощи и, поглядывая в сторону выхода, поочередно вздыхали: Чжао — от скуки, Шуай же, скорее, чтобы его поддержать.

— Утречко, — поздоровался со всеми Шаньяо.

Ученики школы Чуньцзе не удостоили парня вниманием. В белых одеждах, с одинаково пресными лицами, они продолжали безмолвно трапезничать. Отозвался один Лунху Чжао.

— Утречко! — повторил он бодрее и подозвал ребят жестом.

Поддерживать напускное спокойствие трудно. Особенно, когда перед мысленным взором проносятся ночные события. Усилием воли Лу Цайхуа улыбнулась и села рядом с Чэньсином. Да, ей неловко и стыдно, но, прежде всего, она — воин. В преддверии решающей битвы со злом Цайхуа возьмёт себя в руки и, выдержав испытание болью, бросит все силы на спасение мира.

«Надеюсь, тебе хватит ума прекратить наше общение», — думает девушка. — «Не усложняй жизнь ни себе, ни другим».

Вопреки ожиданиям, Чэньсин кладёт ей в тарелку фасоль и объясняет:

— Тебе будет полезно.

Цайхуа едва не давится воздухом. Кое-как поборов возмущение, она переложила стручки лучшему другу.

— Твоя любимая фасоль. Ешь побольше, Шаньяо.

Его имя она произнесла нарочито мягко. Так, чтобы Чэньсин испытал безысходность, с которой она столкнулась вчера.

— Вообще-то я терпеть её не могу ... — не понял намерений подруги Шаньяо.

Повисла неловкая пауза. Готовую провалиться сквозь землю Лу Цайхуа спас Мао Шуай. Способный видеть души насквозь он сразу почувствовал, что между молодыми людьми что-то произошло.

— Ну, — обратился он к Цайхуа. — О чём вы говорили с Лао Цяньсюем?

— Нам нужно в Тихие земли, — поспешно ответила девушка.

Она кратко рассказала об источнике тёмной энергии, с которым должен был разобраться Лао Тяньшу.

— А так как *он* — это *я*, — нехотя признала она. — То эта обязанность стала моей.

— Источник тёмной энергии? Ты уверена, что нам хватит сил его уничтожить? Может позовём кого-то ещё? — предложил ученик Мао Шуая. Для тишины, безнадёжно унылой и, очевидно, царящей не только в столовой, но и во всей школе Чуньцзе, его голос звучал слишком громко. Однако просветлённые в белых одеждах по-прежнему не замечали гостей.

«Как на похоронах, честное слово», — поёжилась Лу Цайхуа. — «Не удивлюсь, если услышу чей-нибудь плач».

— Исключено, — наконец, вступил в разговор Лунху Чжао.

— Если сильнейшие уйдут в Тихие земли, кто защитит священные горы от демонов?

Он нетерпеливо отложил в сторону палочки и, хлопнув в ладоши, как счастливый ребёнок в предвкушении праздника, принял решение:

— Вылетаем немедленно. Я знаю дорогу.

Чем ближе Тихие земли, тем холоднее становится воздух. Ветер гоняет по остывшей земле жёлтые листья, изредка идёт мелкий дождик, навевая тоскливые мысли. Лес, словно изъеденный ржавчиной, встретил просветлённых запахом гнили и каким-то потусторонним безмолвием, в котором ощущалось присутствие смерти.

— Дальше пешком, — сообщил Лунху Чжао, убирая меч в ножны. — Скоро будем на месте.

Жизнь покидала деревья. Не выдержав могильного холода, вызванного демонической ци, они расставались с листвой. Вскоре, когда просветлённые вышли из леса, начался снегопад.

Цайхуа с удивлением смотрела на спутников. Казалось, они ничуть не замёрзли, в то время как саму просветлённую уже давно била крупная дрожь. Сосредоточенная на попытках согреть пальцы дыханием, она не обратила внимания, как к учителю Чжао подошёл юноша в алых одеждах и что-то ему прошептал.

— Ай-я! — недовольно отозвался бессмертный. — С уровнем его совершенствования давно пора уметь это делать. Мой мальчик, иди-ка сюда.

Цайхуа не заметила, как начала откликаться на «мой мальчик» учителя Чжао. Вот и сейчас, не сомневаясь, что тот обратился именно к ней, девушка охотно к нему подбежала.

— Ты правда не умеешь поддерживать в теле тепло? — уточнил Лунху Чжао.

— А что, разве так можно? — искренне удивилась она.

— Ай-я... И это наш бессмертный Лао Тяньшу.

Мужчина сердито взмахнул рукавами и, больше не глядя на ученицу, ускорился. Обидеться Цайхуа не успела. Впереди на укрытой снегом равнине показалось озеро с кипящей водой. От неё к налитому тяжестью небу поднимался густой тёплый пар.

— Сделаем привал, — скомандовал сереброволосый мужчина и обратился к Лу Цайхуа:

— Садись, научу тебя согревающей технике.

Пока остальные располагались под заиндевевшей хайтан, протянувшей озябшие ветви к воде, Цайхуа опустилась на снег и закрыла глаза. Холод мешал поддерживать медитативную позу, но просветлённая не хотела сдаваться.

— Молодец, — оценил Лунху Чжао её готовность учиться. — А теперь постарайся представить, что ты сидишь в кипятке.

— Как-то это жестоко: мёрзнуть в снегу рядом с озером, в котором можно согреться, — хмыкнула Лу Цайхуа.

— В этом и суть. Поднимешься, как станет тепло.

Учитель Чжао ушёл. Не смея прервать медитацию и посмотреть, чем все занимаются, девушка слушала и представляла, как её лучший друг по просьбе учителя Чжао разводит костёр. Как Мао Шуай с доброй улыбкой касается мёртвого дерева, чтобы пробудить его от вечного сна. Как на почерневших ветвях вдруг распускаются алые, как капли крови, цветы. Они вмиг покрываются инеем, однако их заключённые в лёд лепестки, впитав ци бессмертного, больше никогда не погибнут: наделённая силой всемогущего света хайтан отстоит своё право на жизнь.

Лунху Чжао достал из вещевого мешка две чайные чашки и чайник. Судя по аромату, что донёсся до Цайхуа через какое-то время, он заварил красный чай.

— Шуай, не составишь компанию?

В умиротворяющем голосе Чжао слышалась особая нота спокойствия. Будто душившая его долгие годы тоска отступила, и в его жизни, похожей на бесконечную ночь, взошло солнце.

— С радостью, — откликнулся Мао Шуай.

Однако коснуться керамической чашки он не успел. С понятной только ему упрямой решимостью к мужчине подошёл ученик. Голова парня была низко опущена, за выющейся чёлкой скрывался обжигающий взгляд.

— Наставник, я вам больше не нужен?

— С чего ты это взял?

Мао Шуай по-отечески ласково коснулся макушки Шаньяо, вынуждая того поднять подбородок.

— Вы сказали, что больше меня не оставите. И не откажетесь. Но... — парень кивнул в сторону учителя Чжао, не зная, как лучше передать свои чувства, — кажется, вам теперь есть чем заняться.

Бессмертный вздохнул. Уголки его губ поднялись в грустной полуулыбке.

— Шаньяо, я тебя не бросаю: *ты — мой ученик* и всегда им останешься. Но ты уже взрослый. Настало время найти собственный путь.

Участливый тон смягчал непреклонность бессмертного. И всё же Шаньяо ощутил неизбежность. Период беззаботного следования за Мао Шуаем закончился, и парень вдруг осознал, что учитель всегда жил своей жизнью. В ней Шаньяо был эпизодом: мимолётным и незначительным, чтобы однажды стать основной частью сюжета.

В глазах блестят слёзы. Парень собирается с силами, намереваясь рассказать обо всём, что его мучает.

— Наставник, я...

— Я знаю, Шаньяо, — прерывает его Мао Шуай, — и всё понимаю.

— Наставник, можно обнять вас?

Цайхуа открыла глаза. Изнутри её согревала энергия, которой оказалось достаточно, чтобы освоить новую технику. Это получилось спонтанно. Прислушиваясь к разговору Шаньяо и Мао Шуая, она вспомнила детство. А стоило окунуться в тепло, что когда-то ей подарили Юньжи и старый наставник, как Цайхуа поняла: их любовь обернулась в её сердце огнём, помогающим выдержать даже самый свирепый мороз.

Цайхуа поспешила к лучшему другу. Отпустив Мао Шуая, тот растерянно стоял под цветущей хайтан и не знал, что делать дальше.

— Я тоже через это прошла.

Она обхватила лицо Шаньяо ладонями и смахнула с его покрасневших щёк горячие слёзы.

— Мне было страшно уходить от наставника и отправляться в школу Чэнсянь, — поделилась Лу Цайхуа. — Когда остаёшься один, приходится искать опору в себе. Да, это сложно и больно, но без этого опыта нельзя стать сильнее и вырасти. Забота, которую дал тебе учитель Шуай, будет жить здесь, — она коснулась груди юноши там, где бьётся сердце.

— И даже если когда-нибудь ты потеряешься на перепутье, она будет с тобой. И я тоже буду с тобой, Шаньяо. Ты намного сильнее меня, и, я верю, ты уже знаешь, ради чего будешь

жить дальше.

— ...

Ком в горле мешал говорить. Да и не было слов, чтобы выразить охватившие парня эмоции. Он просто обнял её. Порывисто, крепко, с отчаянием и благодарностью. Уткнувшись в плечо Цайхуа, он молча рыдал до тех пор, пока потоком исцеляющих слёз со стенок души не смыло печать безысходности. Вместо неё пришла пустота, которую парню ещё предстояло заполнить.

Незаметно к ним подошёл юноша в алом. Враждебно настроенный, точно мстительный призрак, возникший неизвестно откуда, он схватил Цайхуа за руку и потянул её на себя.

— Отпусти её.

— Может хватит лезть к ней? — раздражённо ответил Шанъяо и высвободил Лу Цайхуа из хватки Чэньсина.

Просветлённая не успела толком понять, что происходит, как лучший друг, закрывая её от ученика Лунху Чжао, немедля встал перед ней. Это вконец разозлило юношу в алом. Готовый стереть в порошок возникший на пути к Цайхуа новый барьер он достал меч. Однако серебряноволосый бессмертный не дал Чэньсину начать поединок.

— Не будь слабаком!

Лунху Чжао отвесил ученику подзатыльник.

— Помнишь, что я тебе говорил? Научись себя контролировать, если не хочешь преждевременной смерти.

— Будто он смог бы убить меня, — процедил парень, но меч в ножны всё же убрал.

— Много чести тебя убивать, — прохладно отозвался Шанъяо и, развернувшись, пошёл к Мао Шуаю: помогать мыть чашки и чайник.

Остаток пути до Тихих земель Чэньсин шёл последним. И если раньше он сам держался поодаль от спутников, то в этот раз все, кроме Мао Шуая, осознанно сторонились его. Впрочем, Чэньсину до этого не было дела. Разве что отношения Лу Цайхуа и Шанъяо выводили его из себя. Охваченный пламенем ревности он тянулся к рукояти меча каждый раз, стоило просветлённой коснуться Шанъяо или подарить ему полный нежности заботливый взгляд.

— Дай ей время, — посоветовал Мао Шуай, когда юноша в алом с трудом подавил очередное желание проткнуть Шанъяо клинком.

— Однажды она обязательно *узнает тебя*.

Чэньсин осторожно спросил:

— Вы знаете, кто я?

— Нет, но догадываюсь, — с загадочным блеском в глазах ответил Мао Шуай. И добавил, громко, для всех:

— Осторожно, лёд! Смотрите под ноги!

Чэньсин среагировал быстро. опережая Шанъяо, он подошёл к просветлённой и протянул ей ладонь, мол, хватайся, я не позволю упасть. Однако Лу Цайхуа истолковала его жест по-своему: охотно стянув с плеч мешок со своими вещами, она повесила его Чэньсину на руку и, бросив «спасибо», побежала вперёд.

— Шанъяо, догоняй!

Оба скоро упали и ледяные просторы огласились их звонким смехом. Лёжа бок о бок на замёрзшей дороге, Лу Цайхуа и Шанъяо глядели в серое небо, точно пытались в нём разглядеть своё будущее. Быть может, их ждало что-то подобное, хмурое и неприятное, но в

сердце каждого теплилась вера: «Пока мы есть друг у друга, я обязательно справлюсь».

Воздух вдруг рассекли две яркие вспышки. С угрожающим свистом на просветлённых, едва успевших занять боевые позиции, спикировала пара мечей.

Шимин было собралась самовольно покинуть ножны хозяйки, однако Лу Цайхуа вовремя схватила оружие и недовольно прикрикнула:

— Я справлюсь сама! Ты — лишь орудие в моих руках!

Излучая мощную ци, мечи носились вокруг незваных гостей с немыслимой скоростью и наносили им множество точных и сильных ударов. Не получалось взглянуть даже мельком, как обстоят дела у других: отбившись от одной металлической молнии, приходилось мгновенно сосредотачивать силы на поединке с другой.

— Что происходит? — крикнул откуда-то сзади Шанъяо.

— Это мечи Тай Хуэя! — ответил сереброволосый бессмертный, отражая очередную атаку.

— Они защищают вход в Тихие земли?

— Что-то вроде того!

Яростный звон, с которым оружие бывшего главы школы Чэнсянь бросалось на путников, не умолкало. Остановить поединок могло лишь поражение одной из сторон. И хотя просветлённые превосходили соперника численностью, мечи Тай Хуэя обладали весомым преимуществом: они не знали усталости.

Силы молодых просветлённых были почти на исходе, когда Лунху Чжао, заметив их состояние, заорал, что есть сил:

— Уважаемый глава Тай Хуэй! Это я, Лунху Чжао из Ли! Мы уже с вами встречались!

Стоило его словам прозвучать, как пространство вокруг, подобно взволнованной ветром водной поверхности, пошло мелкой рябью. Бой закончился также внезапно, как начался: два нападавших меча замерли в воздухе и, подчинившись команде, вернулись к хозяину — преклонных лет старцу с седой бородой. Вышедший из-за барьера, скрывавшего Тихие земли от глаз посторонних, он окинул гостей долгим взглядом.

— А что, так можно было?

Лу Цайхуа прошептала вопрос на ухо Шанъяо, однако услышал его и Лунху Чжао.

— В прошлый раз Тай Хуэй вышел ко мне сам. Возможно потому, что я не сдавался и сражался с мечами весь день, — пожал плечами мужчина и поклонился старому мастеру:

— Приветствую вас, глава.

Старец кивнул. В угольно-чёрных одеждах, с двумя массивными ножами по бокам крепкого, окутанного подавляющей аурой тела Тай Хуэй вызывал в сердце смесь страха и благоговейного трепета. Не подлежало сомнению: несмотря на седину и морщины, выдававшие его истинный возраст, он не утратил своей разрушительной мощи. Оставалось загадкой лишь то, почему столь опытный воин, способный уничтожить не одну сотню демонов, однажды предпочёл жить в одиночестве во всеми покинутом месте.

Взор Тай Хуэя задержался на Лу Цайхуа. Точнее — на серебристом клинке, который девушка ещё не успела убрать. В нём, излучающем ци погибшего Лао Тяньшу, просветлённый узнал свою последнюю работу.

— А ты, верно, тот самый... подобный богам Лао Тяньшу? — предположил Тай Хуэй.

Девушка вышла вперёд и бойко ответила:

— Я была им в прошлой жизни. Сейчас меня зовут Лу Цайхуа, и я пришла уничтожить источник тёмной энергии.

Тай Хуэй рассмеялся. То был смех человека, познавшего горечь невозполнимой утраты. Совершенно безрадостный, несущий в себе тяжесть трагедии, с которой Хуэй не нашёл сил смириться, он проник в душу Лу Цайхуа уже знакомой печалью.

— Уничтожить Инь невозможно. Во всяком случае, моих сил хватает, только чтобы сдерживать тёмную ци и не дать ей прорваться за пределы Тихих земель.

— Я всё равно попробую, — настояла на своём Цайхуа и указала на меч. — Сил Тяньшу должно быть достаточно, чтобы справиться с этим.

Старец задумался.

— Что ж, пусть будет по-твоему. Но имей в виду, дитя: последние жители Тихих земель создали сложную систему ловушек для защиты от демонов. Благодаря этому к Инь не сможет подобраться ни одна тварь. Но и тебе это сделать будет непросто. Иди, — он махнул в сторону бескрайнего снежного поля, — там, за барьером, начинаются Тихие земли.

На вопрос, знает ли он, где именно находится источник тёмной энергии, Тай Хуэй лишь покачал головой:

— Я знал, что мне не уничтожить его. По сему и искать не было смысла.

Лу Цайхуа отправилась к незримой границе Тихих земель вместе с Чэньсином.

— Любовь всё победит, но вернитесь живыми, пожалуйста, — сказал им вслед Лунху Чжао. Как и Мао Шуай, он решил помочь старому мастеру с нейтрализацией демонической ци. Недолго раздумывая, к наставникам присоединился и юноша в бирюзовых одеждах. Он пожелал подруге удачи и с виноватой улыбкой добавил:

— Я принесу больше пользы, если останусь со старым мастером.

Сердце, свободное от пустых страхов, стучало размеренно, разум был чист и спокоен. Разве что снег, отзывавшийся на каждый шаг просветлённых отчаянным скрипом, вызывал раздражение. Оно танцевало на кончиках пальцев лёгким покалыванием и вскоре сорвалось с языка едким:

— Может разделимся, а?!

— Одна ты никуда не пойдёшь, — спокойно возразил ей Чэньсин. И, точно в подтверждение своих твёрдых намерений, привязал к запястью Лу Цайхуа алую ленту. Второй же конец её, с вышитой надписью, Чэньсин завязал у себя на руке. Возмущённая девушка не успела и слова сказать, как юноша в алом шагнул за защитный барьер.

Последний поток чистого морозного воздуха, и лёгкие, стоит просветлённым ступить в Тихие земли, заполняются тёмной энергией. Будто живая, она со всех сторон обступает Лу Цайхуа и Чэньсина. Где-то вдали, за клубами едкого дыма, вдруг раздаётся демонический смех.

Связанные алой лентой судьбы они идут в этой тьме наугад, безуспешно пытаются понять, где находятся и что их сейчас окружает. Чем дальше они продвигаются вглубь Тихих земель, тем сильнее девушке кажется, что они затерялись в пространстве ночного кошмара. Наконец, когда становится ясно, что мрак не рассеется, Чэньсин тянет за ленту и останавливает Лу Цайхуа:

— Помнишь особую технику, которой тебя научил Лунху Чжао ещё в школе Ли?

Просветлённая сразу догадывается:

— Хочешь понять, где расставлены ловушки для демонов?

Она мысленно хвалит его за смекалку. Побороть влияние тёмной энергии почти невозможно, но Лу Цайхуа удаётся почувствовать светлую ци за пределами духовных каналов. Ещё немного усилий, и перед внутренним взором возникает целая карта. На ней,

мглисто-чёрной, тускло сияют следы светлой энергии, запечатанной в хитрых ловушках.

— Судя по тому, как они расположены, я, кажется, знаю, где искать Инь, — задумчиво произносит Чэньсин. — Попробуем их обойти.

Пусть и с трудом, но благодаря технике учителя Чжао они выходят на верный путь. И без того вязкое время тянется томительно медленно, в сплошной черноте вновь слышится смех. Девушка кожей ощущает присутствие демонов. Растворившись в питающей их тёмной энергии, они скользят вокруг Цайхуа бесплотными духами и исчезают, когда её пальцы касаются рукояти меча.

— Бесполезно, — мрачно шепчет Чэньсин. — Побереги силы. Кажется, так просто мы отсюда не выйдем.

Чэньсин бы и рад ошибиться, но просторная зала, до которой они добрались спустя вечность, подтвердила его опасения. Вернее, просветлённые поняли, что произошло что-то ужасное, когда увидели демона. Мгновением ранее он закончил поглощать из пространства холодную тьму.

В нефритовой зале, точь-в-точь такой же, как в школе Чэнсянь, где Цайхуа обнаружила источающий свет шар энергии, было подозрительно пусто. Клубы демонической ци бесследно рассеялись, открыв взору колонны и пустой постамент. Сидящий на нём вместо Инь демон расплылся в нахальной улыбке:

— С-с-спасибо.

Сердце пропускает удар.

— Спасибо за что? — дрожащим от волнения голосом спрашивает Лу Цайхуа.

— За то, что показали дорогу к источнику нашей энергии. Теперь он у нашего главного.

А это значит, что вам, просветлённым, скоро конец.

Его издевательский тон приводит и без того нестройный ряд мыслей Лу Цайхуа в неуправляемый хаос. Внутри всё холодеет, горло сжимается в болезненной спазме.

— Как...

Демон хихикает и, наигранно сжалившись над просветлёнными, посвящает их в уже свершившийся план:

— А вот так! Когда умер проклятый Лао Тяньшу, воля этого глупца, — демон ткнул уродливым пальцем в сторону побледневшего юноши, — была сильно подавлена. Наш предводитель этим воспользовался и поместил в его духовные каналы жука. С его помощью все эти годы мы и следили за вами, хе-хе.

Отказываясь верить в услышанное, юноша в алом кричит:

— Что ещё за жук?! Это какая-то тёмная техника?

— Да. И твоя светлая ци ему нипочём. Ну, я пошёл.

В мгновение ока демон становится бесформенным сгустком. От каменных стен отражается его злобный смех, и он улетает через потолочный оконный проём. Немногим позднее до слуха доносится его насмешливый визг:

— Страшной вам смерти, детишки.

Они остаются один на один с ужасающей правдой. Точно скрытые символы, что проявляются на шпионском письме под воздействием жара свечи, в сознании Лу Цайхуа постепенно всплывают смыслы случившегося.

«Всё пропало!»

Усилия по спасению мира были напрасны. Демоны захватили источник тёмной энергии и обрели безграничную мощь! И если бы не...

Она переводит взгляд на Чэньсина.

Потрясённый не меньше неё, он, подняв голову, смотрит в окно и словно разглядывает в нём события прошлого. Ранее он не придал им особого смысла, однако теперь, когда картина дополнена недостающим штрихом, он увидел нечто кошмарное.

— Вот оно что... — бесцветным голосом шепчет Чэньсин. — Теперь все умрут, да? Из-за меня?

Лу Цайхуа не ожидала увидеть Чэньсина таким. С широко распахнутыми пустыми глазами, в которых застыли бессильные слёзы, с тенью мучительной скорби на побелевшем от страха лице, он напоминал человека, принявшего самое страшное в жизни решение.

— Я заслуживаю смерти.

— Чэньсин, мы всё исправим, — убеждает его Лу Цайхуа, и сама не верит тому, что сказала.

Юноша в алом опускается на пол. Подобный приговорённому к казни преступнику, осознавшему тяжесть своих злодеяний, он хватается руками за голову и начинает беззвучно рыдать.

Отчаяние юноши в алом передаётся и ей. В груди, как при встрече с невинно осуждённым на смерть человеком, разливается боль.

«Светлая ци жуку нипочём», — вспоминает Лу Цайхуа слова демона. — «Но Чэньсина нужно спасти. Что ещё может справиться с демонической техникой?»

Поток лихорадочных мыслей озаряется внезапной догадкой.

Золотистое пламя, в котором горит тёмная ци! Если пропустить его через духовные каналы Чэньсина, наверняка оно уничтожит вредителя.

«Техника живёт в моей памяти», — писал Лао Тяньшу, заботясь о судьбе просветленных из школы Чуныцзе. — «...оружие... вместе с кровью впитает в себя мою память. Нанеси себе им порез, и всё вспомнишь».

Мог ли просветлённый догадываться, что его новая личность решится на путешествие в прошлое из страха потерять всего одного человека.

«Чэньсин, я делаю это только ради тебя».

Лу Цайхуа достаёт меч из ножен и резким движением режет ладонь.

Примечание автора:

Утречко (早啊) — сокращение от «доброе утро», которое звучит как早上好 (zǎoshang hǎo). Захотелось на этом остановиться, потому что в моей голове это прозвучало именно так: zǎo-a.

Ай-я (哎呀) — данное китайское междометие обычно переводится на русский язык как «Ай-яй!», но я не удержалась от того, чтобы написать, как оно слышится на самом деле (āi yā). Данное восклицание можно услышать в основном тогда, когда человек испытывает удивление, раздражение или даже отвращение.

Хайтан (海棠) — название вида китайской яблони.